

Георгий Баль

у
страха
рога велики

ЧИТА
2016

ББК: 84(2Рос-Рус)6-4 Б
Б-21

Баль Г.

У страха рога велики. Рассказы. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А. – 2016. – 387 с.

ISBN 978-5-91556-275-1

В жизни всегда есть место... Место для грусти и веселья, для боли и блаженства, для счастья и горя. То с печалью, то с улыбкой пишет автор (Георгий Баль) свои рассказы. О Войне (Иванкин крест), о недавнем прошлом (Срок давности. Памятный день), о нынешних днях и надеждах на будущее(Ревизор. Болото) . Без Надежды, Веры, Любви человек жить не может. А эта книга о жизни...

© Баль Г., 2016

Почему такое странное название у книги? В каждом из нас живет, гнездится страх. Тот, кто ничего не боится, не храбрец – дурак. Храбрый не даст страху вырасти, не даст ему сломать себя, свою жизнь. Бойтесь, чтобы страх не стал больше вас.

У страха рога велики

I

Жили-были дед и бабка. Жили – не тужили. Дети разлетались, но не забывали, помогали. Летом внуков присыпали. Баловала бабка внучков, баловала. Деревенская пища – не китайские разносолы из супермаркета: помидорка-ягодка, вот она на веточке краснеет, огурчик махонький с пупырышками прячется в колкой росистой ботве, хвостики молоденькой морковки в грядке, чернеет смородина, малина алеет среди зелени, ешь – не хочу, всего вдоволь. Ради молочка для внуков держала бабка козу Машку и неизвестно ради чего при козе козла Гришку. Стареют старики. Дед все сильнее прихрамывает на калеченную ногу, махнет десяток раз, другой косой, закашляется, посидит – покурит. «Эх, рудники проклятые. Не чахотка, так помёр бы давно». Сам над собой подшучивал старый. Коза – не корова, но зимой и она на подножном корму не выдюжит, хоть небольшой стожок зеленого скошенного вовремя, вовремя просушенного и вовремя убранного сена он рогатой паре обеспечивал.

Стареют старики. «Что с тебя, что с козла...». Беззлобно подтрунивала бабка над дедом из-за того, что у грядок доски, да колышки, их подпирающие, подгнили, что выдавили зимы из земли столбы забора и его теперь подпирать надо, что сам дед шканьбает с подпоркой под горку запыхавшись. Так, до ста лет осталось меньше, чем лет младшей внучке. А вот сосед и до пятидесяти не дотянул. Хилая пошла молодежь. Да, честно говоря, с чего им здоровыми быть: пьют что попало, едят что нипопадя, и вообще, живут абы как. От бестолковости жизнь у них короткая. Цель нужна, чтобы цеплялся за жизнь

человек зубами. А сосед с утра выпил – день свободен, неделя загула пролетела вольной птицей, красуясь, загулявший вольный месяц по небу прогулялся, погрозил звездам рогами и – исчез месяц, быстро мчатся похмельные разгульные годы-скороходы и быстро кончаются.

- Здоровый ты мужик, Дмитро. – Говаривал старый соседу.

На что красномордый с брюшком, нависающим над китайскими спортивными штанами от «Адидаса», гордо запинаясь, отвечал.

- А чо? Что есть, то есть. Отродясь у докторов не был.

- Да не про то, не про медицину я. Вот нет у меня такого здоровья, каждый день пить. Если, дорвусь, хоть на трудовую, хоть на дармовую – напьюсь вусмерть. А завтра мне ее никакой не надо. Силком заставляй – не буду. Не лезет. Здоровья не хватает.

- Ни хрена ты в жизни, сосед, не понимаешь. В пьянке самое страшное – перерывы. Пока пьешь, старый, ничего не болит. Трезвому же – мука. Голова трещит, в подреберье колет, сердце бухает – желудок переворачивается, во рту горечь от трезвой жизни. Похмелился, еще чуток сверху, и всё хоккей. Клин клином вышибают. Дай полтинник. У, жмот!

Видно, не хватило полтинника, а может наоборот, лишку нашел. Хватило его на днях в солнечные жары, что-то там в сосудах в голове переклинило. Два дня пролежал пластом, уставясь пустым взглядом в потолок, а на третью сложили ему руки на груди, закрыли его карие очи.

Вечерело. Бабка накрутилась, готовя с соседками для поминок, дед принял на грудь (грех большой – не помянуть соседа). Машка пинала рогами калитку и требовательно мекала во всё козье горло. Ее беспокоило, мучило переполненное, отвисшее вымя, соски которого чуть ли не купались в уличной пыли. Не объяснишь скотине, что не до нее сегодня. Костеря свою жизнь, бабка доила козу. Ругая депутатов-демократов, чиновников-казнокрадов, дед углубился в телевизионный «Обзор за неделю». Сосед в избе через улицу лежал на столе, безразличный ко всему.

- Старый, а Гришка-то нет.

С малым ведерком молока вошла в избу бабка.

- Лежишь. Телевизор смотришь. А с него, может быть, шкуру дерут. На шашлык пускают.

- Отстань, старая. Гришка, Гришка. Впервой, что ли. Я бы еще Мурзика не пас. Набегается, придет. Тута вон, как бы жиды новую мировую не развязали. На корабль мира напали, людей захватили, в тюрьме держат, а арабы в секторе Газа, как в концлагере.

- Я тебе сейчас здесь устрою войну. Давай газуй, иди ищи козла.

Вроде бы бесполезная вещь в хозяйстве – козел, и не старому деду искать его по задворкам в наступающих сумерках, но любила бабка порядок во всем и ценила его превыше всего. Всё должно быть на своем месте. Дожидаться бури дед не стал. Натянул на босу ногу кроссовки и, напевая под нос, стал завязывать шнурки.

- Жил-был у бабушки серенький козлик, – и уже в дверях, – Бабушка козлика очень любила. Жрать не давала, а только доила.

Дверь хлопнула, но из-за нее доносился хриплый тенорок.

- Вот как, вот как, старый козел.

Припевка была бабке давно знакома, и она спокойно стала процеживать молоко в чистый глиняный кувшинчик.

Вечерние, вылинявшие до тусклой желтизны лучи солнца витражами красили окна изб, перечеркнутые длинными синими, всё густеющими тенями деревьев, купались посреди улицы, которая была похожа на тихую речку, с зелеными берегами вдоль заборов. Дед, любитель поговорить с умным человеком, разговаривал сам с собой вслух. Ругал еврейских сионистов, ругал гулену козла, который был ничем не лучше евреев. Такой же хитрый и такой же злопамятный. Застигнутый в чужом огороде и получив свое по спине и ребрам тем, что попало хозяину под руку, брел домой, обиженно мекая о геноциде на козлиное племя. Спустя какое-то время, подкараулив, подкравшись сзади, приласкав обидчика рогами пониже спины, проскакав галопом по хребтине, летел по деревенской улице и оглашенно орал о торжестве справедливости, радостно тряся бородой и угрожающе рогами.

Как в старину меняла Гольдман пробовал золотой гульден на зуб, так и Гришка оценивал всю добычу на вкус. В отличие

от евреев, он не делил пищу на нечистую и кошерную. Был всеяден. Хищником, конечно, не был, но жевал с утра до вечера всё, до чего мог дотянуться, к чему протиснуться или пролезть. Особенно обожал окурки, любил желтую прессу и вообще всю печатную продукцию, за неимением оной переходил на продукцию легкой промышленности, вплоть до промасленной ветоши. Хозяйки давно научились сушить белье за колючей проволокой. К пьяным испытывал вполне объяснимую любовь. Утащить у пьяного пачку сигарет, сжевать полу пиджака вместе с документами, собрать у зазевавшихся всю закуску и успеть убежать под рев «ликующих трибун» – экстрим, от которого козлиная кровь вскипала, молнии проскакивали между рогами. Мужики давно грозились его пристрелить, и козлиная смерть уже однажды чуть не добралась до его лохматой шкуры.

Городские туристо-рыболово-охотники, короче, три в одном, втроем уместились в двухместной палатке, поставленной на краю березового колка у самой Шилки. У одного было подводное ружье, это-то в мае, когда просидеть в воде можно было максимум минут пять, выжить – десять. Второй был вооружен мелкашкой. Третий, самый серьезный, имел помповое ружье и липовую путевку на чижающих уток, охота на которых в виду свирепствовавшего птичьего гриппа была повсеместно запрещена. На троих была одна удочка. Но зато какая! На аккумуляторах. Кнопочку нажал и... Этим бы рыбакам один конец этой удочки в зубы, другой в ..., и кнопочку нажать. Умудрились горе-рыбаки на рыбалке замочить ножки до самых гландин. Развесили мокрые штанишки по березкам, мелочь, носки-трусишки на оттяжки палатки. Для сугреву у костра приняли по пол-литра, перед сном добавили еще и еще. Палатка тряслась не от храпа. Не тряслась, она ходила ходуном. Кто-то пытался ее оторвать от земли и сбросить со всем содержимым в реку. Рыболов-подводник, дрожащими руками натягивая резину своего ружья, в ужасе пинал левой ногой владельца мелкашки. Тот, в свою очередь, острым локтем тыкал в объемистое чрево выпучившего глаза утятника. Большая лохматая тень на крыше палатки пытаясь добраться до них, но палатка, трясясь от страха, еще выдерживала напор. От трех одновременных выстрелов у нее

окончательно сорвало крышу. В образовавшую дыру радостно ворвалось предобеденное весеннее солнце и просунулась ошалелая козлиная морда, зажевавшая намотанные на оттяжку безразмерные трусы, и в следующий миг солнце осталось, а козел, решительным рывком отодрав клок палатки и вырвав кольшек, уже летел с добычей в сторону села. Туристы подсчитывали убытки. Палатка в клочья, дно лодки проткнуто, напрочь искощено, закуска съедена, остатки щедро посыпаны козьим горохом. Цела только водка, и то потому что была опущена в воду для сохранения оптимальной температуры употребления. «Везет же дуракам», – истина устами Крамарова. Козья смерть ни картечью, ни пулькой, ни острым трезубцем не задела Гришку.

Исходив всё село, заглянув во все дворы, накурившись с их хозяевами до горечи, дед материли козла во всю ивановскую. Если бабка драла с Гришки зимой шерсть, то старый готов был содрать с него семь летних, ни на что не годных шкур. Идти домой и слушать ворчание бабки? Дудки. Вечер грелся алым закатом, степь отдавала свое тепло сдобренное пряным запахом трав, тепло светились в сумерках желтые огни окон. Село затихло.

За селом, на краю всё того же березового колка, только с противоположной от реки опушки – деревенский погост. Среди крестов горел видный издалека костерок. Тroe, два брата Небараки и их компаньон по беспечной жизни Сенька Пегий, копавшие для усопшего могилу, ужинали. Пегий, потому что отродясь плохо выбритый, а может, щетина на нем так росла клочьями и ножницы в доме тупые, и руки косорукие. Только щетина была всех мастей, от брюнета до шатена, а местами с сединой, подпирая снизу к кадыку, от кадыка до затылка и по загривку на спину. Нос менял окраску за день раза три, и только глаза поблескивали, позыркивали из-под пегих бровей, где, что и как...

- Чего ему не жилось? Тяжелого в руки не брал, дурного в голову. Живи – не хочу.

- Во, во. Ни забот, ни хлопот. Ни детей, ни бабы.

- Ну, ты не скажи. Нюрка Таньке из-за него все давеча волосенки повыдергивала.

- Это не то. Одинокой бабенке всегда прислониться хочется. А он хотел?

- А он сидел. Вот про ментов говорят, стоят на охране правоорядка. Дмитро то в ВОХРе, то в ЧОПе на этой самой охране, на этой самой ... всю жизнь честно просидел.

- Теперь шипишку будет охранять – не тяжкий труд. Належится, отдохнет.

- Все там будем.

- Ну, не чокаясь.

Захрустели малосольными огурцами. Есть свое очарование в ночной выпивке у костра. Когда водка наливается на слух, закуска кусками, ломтями, а пламя, таинственно создавая уют, освещает только круг сидящих. Не страшно ли ночью на кладбище? А кого бояться? Под этим крестом покоится дед Кузьма, в той могилке бабка Марфа, вокруг все свои лежат. Кого бояться? На Радунницу с утра пашут, в обед пьют, вечером пляшут. Мертвые не завидуют и не обидятся, если живым сродникам хорошо.

- А изба кому? Да и в избе добра немало.

Озадаченно спросил седой, одетый в допотопную телогрейку, сидящий на разливе Сенька. Вопрос, видно, давно его мучил, но задать всё не было повода.

- Найдутся наследники. Кому-то же платил алименты. Да и наши бабенки живого поделить не могли, а добро мертвого поделят, у нас не спросят. А Дмитрию всё равно теперь. За упокой его души.

Буль, буль, буль... По три «буля» на кружку, и пустая бутылка присоединилась к своим сестрам. Михаил Небарака вытащил из костра недогоревшее полешко, прикурил, прищурив от едкого дыма глаз.

- А ты заметил? Лежит в гробу как... Ну..., как...? Нет, лучше, чем живой. Похорошел. Выбрит, в белой рубашке, в галстуке. Хоть сейчас под венец.

- Так три дня не пьет. Ты не пей – и ты похорошеешь.

- Ну, сказанул.

- Отпил он свое, и жена у него сейчас одна – Безносая.

Ночь свое брала. От реки потянуло холодом. Между березовыми стволами, сливаясь с их белизной, крался туман. Становился гуще, тяжелее. Старый, огибая оградки могил, путаясь в густой траве, кустах черемухи, уже подходил к костру, когда земля ушла

из-под ног, и он рухнул в яму на что-то мягкое, лохматое. Оно рванулось из-под него вверх, проскребло отвесную стену и с комьями земли свалилось обратно на деда. Что-то острое прошлось по его ребрам, над ухом мекнуло, и козел, узнав хозяина, прошелся шершавым языком по его щеке, уху, шее.

- У, черт рогатый.

Узнал и хозяин безмозглую скотину, попавшую в готовую яму для могилы. Как не пытался старый, но дотянуться до края не мог. Вверху сквозь полосы тумана, подсвечиваемые неверными, играющими сполохами костра, просвечивали звезды. Со дна ямы тянуло сырьим земельным холодом.

- Помогите. Люди. Люди. Помогите. Люди.

Заблажил дед. Ведь до костра-то осталось всего ничего, какой-то пяток, другой метров.

- Люди!

Когда дед с шумом свалился в яму, ужинавшие решили, что обвалилась стенка или осыпалась земля с края могилы. Такое бывает. Окончательно подчищать и убирать могилу всегда приходилось незадолго до похорон. Мертвые уходят в землю, но земля живая и будет жива, если только мы сами не убьем ее. Земля дышит, истекает черной нефтяной кровью, а когда ей делают очень больно, она вздрогнет, зашевелится, пытаясь отшуть обидчиков, как лошадь надоедливых насекомых.

- Люди!

- Во.

Один из братьев Небараков по кличке Паленый едва не выронил стакан.

- Помогите!

Теперь все трое повернулись в сторону могилы, откуда доносились крики о помощи. Выпитое придавало им смелости. Да и кого бояться? Они не первую могилу вырыли и не один литр выпили под кладбищенскими черемухами.

Свет костра падал им со спины, но в яме царила темнота.

- Ты кто? – Запинаясь вовсе не от страха, спросил Белый.

- Сенька, да это я, дед Фёдор. Сосед твой.

- Гы. Гы-гы. – Утробно гоготнул Семён. – Ты как туда?

- Как, как. Кверху каком! Помогите выбраться.

- Жди. Щас. Веревку найдем.

Веревка лежала у костра рядом с лопатами. Но пламя так заманчиво играло на стекле бутылки, что мужики снова присели на свои, заранее облюбованные места.

- Чо, деда вытащим, али как? Во хохма будет, Дмитро присунт, а место занято.

- Люди!

- Во, неугомонный. Придется вытащить, а то из деревни кто прибежит. Вон собаки-то гвалт подняли.

Самый младший из Небарак и не очень-то верил в то, что говорил, ему просто было жалко деда.

- Давайте вытащим. Бог с ним, а то действительно душу богоу отдаст, грех на нас ляжет.

- Ну, ладно, еще по одной и вытащим.

Не закусывая, Белый взял веревку и подошел к краю могилы.

- Лови, старый, привязывайся. Можешь за шею, выдернем.

Веревка скользнула в яму. Дед поймал конец и, понимая, что за козлом всё равно придется лезть, решил освободить из плена сначала товарища по несчастью, а потом уже выбраться самому. Наматывает веревку козлу на рога и приговаривает: «Терпи казак, а то мамой будешь», не рад козел, башкой мотает, а куда денешься, не на подводной лодке. Завязав задвижной шток, дед крикнул:

- Ташите.

Сам стал подталкивать козла сзади.

- Терпи, терпи козел...

- Эх, ухнем. – Не столько упираясь, сколько командовал Семён, любитель не поработать, а покряхтеть. Веревка скользила между его ладоней. Братцы старались на славу.

Белый наклонился к могиле, чтобы подхватить деда. Но в багровых отсветах костра на него наползала черная рогатая морда с выпученными глазами.

- Меее. – Выразил свое неудовольствие происходящим козел.

- Аа. – В ответ коротко вскрикнул Сенька Пегий. Всхлипнул, пытаясь вдохнуть воздух, но попытка отозвалась острым шилом в груди. Тяжело осел, не удержался на краю и навзничь свалился в могилу. Братья увидели, как чудище из могилы, утя-

нув Семёна, скребло острыми лапами-копытами по рыхлой земле на краю могилы, добираясь до них. Бросив веревку, сшибая оградки, набивая шишки и синяки, бежали они через кладбище. Светились окна, горел фонарь у единственного магазина, который работал круглосуточно, в клубе стадом козлов орала дискотека. Изодранной одеждой, исцарапанными мордами, Небараки насмерть перепугали продавщицу, глянувшую на них сквозь маленькое окошко в двери.

- Т-т-там. – Гуля показывал оттопыренным большим пальцем сжатой в кулак руки себе за спину, за которой стоял больше похожий на варнака, чем на деревенского забулдыгу старший брат Паленый. Окошечко захлопнулось. Любопытство погубило кошку, и Танька, чуть приоткрыв его, сквозь щелку всматривалась в сумрак коридорчика.

- Т-т-там. – Продолжал заикаться Гуля, не зная, как сказать, что там и где это там. Выручили подростки, подошедшие за пивом. Какая дискотека без пива или без «Штопора», «Отвертки», «Вертолета»? Чем они отпивали Гулю с Паленым – не суть важно. Но какая может быть дискотека после ужастика, рассказанного братьями? Вооружившись, чем попало, от осинового кола до дедовской двустрелки, визжащая, хохочущая гремящая пивными банками толпа отправилась на кладбище.

В лучах мощных фонарей дед рядом с козлом казался маленьким, оба щурились от яркого света. К губе козла прилип бычок-окурок, казалось, что он не щурится, а озорно подмигивает банде подростков, веселившейся на краю могилы. В позе зародыша, зарывшись в угол ямы по самые уши, от этого и того мира спрятался Сенька.

Всё это было б так смешно, когда бы не было так грустно. Поминали Дмитрия три дня всем селом, кроме деда. Поминали как положено: с бабьим плачем, потом песнями и закончили дракой. Дед поминать зарекся на всю оставшуюся жизнь. И на кладбище – ни ногой. Зарекайся, не зарекайся, но старик с козлом надолго стали достопримечательностью села. Так сказать, былинными героями. Семёна только старые друзья по забывчивости назовут порой Пегим, ведь после этой ночи стал он Белым, что вполне соответствовало его фамилии Белецкий, той

седине, которая покрыла его от макушки до пяток. После бани, как князь Серебряный, покрытый инеем, выходит Белый на мороз, только шкура на лысине розовато просвечивает, но это мелочи, по сию пору Сеня заикается и на кладбище тоже боле по своей воле ни ногой. А история же со временем обрастала всё новыми подробностями. Брешут люди. Всё было так, как я рассказал, и если ее расскажут по-другому, то знайте, врут. Беззастенчиво брешут.

II

Стареют старики. Молодость проходит. За сорок лет мужику, а он все Гуля. С легкой руки племянницы, которая по младенчеству путала «р» и «л». Пора бы и Гурьяном Никифоровичем величаться, Митьке Гурьяновичу уже срок в армию подошел, а Гуля всё молодится.

Изба на околице, окнами на реку, дугой, огибающей село. Под окнами черемуха. Под черемухой лавочки. Одну поставил сам, две – подростки. На одной целовался-миловался когда-то с бывшей женой, на другой полсела. Миловались, женились-разводились, рожали детей – жили. А скамеек не пустовали. Посидит Гуля с молодежью вечерком на лавочке, покурит сигарет дармовых, на гармошке им сыграет и уйдет в пустую избу. От других домов гоняли хозяева, а здесь хоть до утра. А если дождь или что другое приспичит, то калитку, сени, дровяник Гуля никогда не закрывал. Одним словом – Небарака. Подростки любили Гулю, а когда становились взрослыми, начинали смотреть на него свысока. Жил он на небольшую зарплату в леспромхозе – огородом, охотой и рыбалкой. Богатства не накопил. Лишнюю (а она бывает лишняя?) копейку сыну за обучение в колледже отдавал, мясом-рыбой с женой бывшей делился, с соседями. Зла ни на кого не держал. Шел по жизни с улыбкой. Вот за эту улыбку и считали его все несерезным. Балагуром. Баламутом. Он балагурил. Любил хорошую песню, а байки рассказывал – заслушаешься. Баламутил, но не мутил. Любил пошутить не зло, но всё село от его шуток вздрогивало.

Стареют старики. Деду сто. Внучка замуж собралась. Козла давно уже нет на этом свете, и Машка уже другая. Та была бело-

снежная, а эта чернявая, с бурыми подпалинами. Да, Бог с ней, с козой. Вернемся к внучке. «Студентка, спортсменка, не комсомолка – просто красавица!». Экономику развитого капитализма сдала (как в наши годы сопромат) – можно замуж.

Свадьба. Посчитали – прослезились. Родни? А деду сто. А дом строился на семью русскую, сибирскую, когда и без Путина бабы рожали – ставни закрывай, они на свет лезут. А в-третьих – оригинально. Ресторан – кабак! Толи дело на природе, на свежем воздухе, под золотом осенних берез. Закуска? Да наша строганина в сто раз лучше японского суши. Мяса по осени в деревне за копейки можно взять у тех же соседей, еще и спасибо скажут. Овощей (без нитратов!) завались. Прочее можно и с собой привезти. Автобус нанять дешевле, чем кабак снять.

Свадьба!!!

Не буду описывать, я на ней не был, так же как и Гуля. Не пригласили его. Деда при одном имени Небарак встрихивать начинало. Давно это было, но история с козлом на кладбище не забывалась. Каждый раз ее рассказывали по-новому. То дед специально козла на кладбище привел и в могилу столкнул, то наоборот, козел деда гонял, и тот с переляку в могилу спрятался. Дед же во всем винил Небарак, костер на кладбище разложивших с выпивкой и закуской, сбивших с пути истинного деда, праведника. Не пригласили и соседку. История давняя, свидетелей не осталось. Вдовая соседка по послевоенному безмужичью обратилась за помощью к соседу. Какой настоящий мужчина откажется от работы на благо процветания и укрепления нашей Родины? Трудился дед, а тогда не дед – мужик в самом соку, на совесть, не жалея сил, да жена по молодости лет ревнивая, сама жадная до мужниных ласк, помешала производственному процессу. Было. Было, а как жить, когда на всю округу на десять баб полтора мужика, если собрать в одну кучу все их члены: руки, ноги, головы. Бабка давно простила деда, а соседке не могла позабыть истоптанный огород, по которому ее гоняла. Всё жалела вытоптанные капусту, огурцы, помидорные кусты, вырванные с корнем.

Гуляет свадьба.

Набежала тучка. Моросит мелкий, не по-осеннему теплый дождик. Чтоб не было слишком жарко, в избе настежь окна, двери. Шумно гуляет свадьба. Выпеснется во двор, но женщины жалеют прически, мужчины пиджаки от Версаче, снова под крышу.

- Горько! Горько! – Скандируют одни гости.

- Раз, два ... пять, ..., двадцать пять...! – Считают другие.

Гуляет свадьба.

Напротив, на похилившемся крылечке вдовьего дома сидит, покуривая Гуля. С утра баба Дуся попросила заколоть кабанчика, завтра уйдет свадьбе на шашлыки, бабе Дусе какая-никакая, но копейка. Мало ли дыр в хозяйстве, а на всё гроши требуются. Дело мастера боится, и вот уже разделанный кабанчик кусками весит на вешалах, обтекает, обсыхает. Перед Гулей в тарелке жареха, початая бутылка водки. А музыка и здесь хороша слышна. Да и зачем громкая музыка, когда душа поет? По железу над головой дробно стучит дождик, а за рекой в вечерних лучах солнца исходят паром багряные сопки. Напревают последние грибы. Гуляет на соседнем дворе свадьба. В тайге, за рекой, мир, покой и благодать.

У Гули жареха, а на свадьбе от закуски столы ломятся. Отвык старый от обильной пищи, обильных возлияний. Замутило в голове, закрутило в желудке. Вышел дед на холодок и чувствует, не донесет. Куда? Оглянулся, гуляет свадьба. Куда-куда? За избу, да под забор. А какие между соседями заборы? Два столба, три слеги, да куст смородины, под который и пристроился дед. Гуля покуривает, дед покряхтывает. Как козла на марюшке, скрадывал его Гуля. Подложил деду свинью, вернее, мелкие свиные кишочки, что не пошли у бабы Дуси в дело. И снова на крылечко, покуривает.

Полегчало. Встал дед, оглянулся, и внутри всё оборвалось. Вот они, родимые, на земле лежат кучкой, с кровиной, родимые, теплые еще, живые, кажется, шевелятся. А в груди, под сердцем, на сердце, на душе такая пустота, словно кто-то кровный помер. А свадьба гуляет. Сгреб дед, не застегивая, штаны в горсть, да на полусогнутых в горницу. Одной рукой штаны придерживает, другой живот.

- Ой, помираю.

Гости гурьбой за избу. Бабка приковыляла. Вот они. Оторвались у деда кишки. Закуску со стола, деда на стол. Одно остается – отпевать. Не жилец без кишок. Фельдшерица прилетела, девчушка – в этом году училище закончила. Была раньше больничка, пусть маленькая, но своя и врач был, а ныне здравпункт и фельдшерица-пигалица. Что-то слышала про выпадение кишок, но даже на картинке в учебнике не видала. Здесь, за избой – в первый раз. Прутиком перевернула. Вот они. Капли крови еще не свернулись, не застыли. И деда жалко. А в здравпункте, как в автомобильной аптечке. Чего только нет, и того нет и этого нет, а что есть, так то – как мертвому таблетки от кашля.

Бабка запричитала, дочки подхватили. Еще жив, а рев как по покойнику. Маруся-фельдшерица из избы, бегом к посовету где единственный телефон на все село. Может, из района скорая успеет или по реке на катере? Успел Гуля, перехватил.

- Ты, доча, не суетись. Стой тебе говорят. – Прикрикнул, когда она, вместо «Здрасте», кивнув на бегу и попыталась его обогнуть.

- Да не беги ты, Маша, никуда. Это я деду кишочки подкинул.
- Как?

Через пять минут, когда Гуля объяснил Маше, каким образом кишочки под дедом оказались, она уже заходилась в смехе до колик в животе. Эх, молодость. Прошла тучка, и снова солнышко. Испугалась до смерти за деда, а отпустил страх, так словно его и не было.

- Ты, доча, не суетись. Не говори пока никому ничего. Я рюкзак прихвачу и огородами, огородами... Прибьют же.

Как откажешь дяде Гуле, если сама уже не одну вечерку присидела с пареньком на его лавочке, скротала ночку на его сеновале. Наслушалась песен да побасенок. Повоют бабы, лишних полчата дед полежит, поразмыслит над жизнью прошедшую.

Когда дедова родня прибежала к домику над рекой, то на лавочке во всю веселилась молодежь, представляя в лицах свадьбу, деда, его бабку. В сничке торчал сучок от голика, значит, хозяина нет дома. Бить окна, поджигать избу гости не стали, а отправились пить дальше за здоровье молодых и новое рождение старого.

«Там вдали за рекой зажигались огни, в небе ясном заря до-горала», когда Гуля неспешной таежной дорогой поднимался в хребты. Внизу, в селе, гуляла свадьба.

Фарт – штука непредсказуемая. Когда идешь с веселой душой, то и тайга не хмурится, щедро делится своей красотой, своим богатством.

По возвращении поклонился Гуля деду сохатиной губой. Выпил мировую стопку, после третьей прибежала бабка и нарушила мужскую идиллию. Ненадолго. Вечером на лавочке к молодым голосам приплетались надтреснутый дедов тенорок, а Гуля, склонив голову, играл старые дедовы песни, которые, оказывается, прекрасно знает молодежь и поет. Не стареют песни. Не стареют.

Ревизор

И рассказать бы Гоголю
Про нашу жизнь убогую,
Ей богу, этот Гоголь бы
Нам не поверил бы.

В. Высоцкий

«К нам едет ревизор». Полторы сотни лет бросает в дрожь чиновников эта фраза.

- К нам едет ревизор! – Шепнул по секрету на ушко главный диспетчер начальнику планово-экономического отдела. Умильно так шепнул, чуть не облизав бриллиантик в золотой сережке. Бриллиантик сразу померк – под страз стал косить. Главная по финансам, ссгутив плечи, втянув свою роскошную грудь, задумчиво опустив голову, ушла длинным служебным коридором. Ушла отнюдь не гордой походкой. Спустя малое время по всем кабинетам белым шумом, не для посторонних ушей, пронеслось: «К нам едет ревизор». И хотя к ревизорам привыкли, почему-то приезд именно этого ревизора вызвал волнение в тихом омуте. Видно, нечисть (нечистая на руку) засиделась и в связи с невыполнением плана доходов и превышения расходов ждет оргвыводов и оргперемещений. Улита едет – когда будет?

Ревизор не вышел рылом в депутатские ряды, по этой причине самолетом долетел только до Читы. Дальше на колесах. Депутата на вертолете доставят до самой дальней кошары, где под единственным кустом на всю степь случайно «кадиллак» окажется. Простые же граждане Забайкалья привыкли к маршруткам, такси, автобусам. Не всегда комфортно, зато быстро, дешево и от подъезда до подъезда в любом состоянии. Москви-чи – известные экономы: такси дорого, частник не выдаст билет, который можно пристегнуть к отчету, в автобусе не позволяет столичный снобизм. И пусть на поезде дольше, купе по стоимости под авиаперевозки, но не из своего же кармана. А суточные капают, капают...

Ревизор убрал в ящик под нижней полкой пухлый портфель, надежно припечатав ее седалищем. За окном плавился ас-

фальт перрона. Красного золота вечернее солнце ярко играло в окнах вокзала, тускло плавилось в пыльной листве тополей. С шутками-прибаутками, как к себе домой, вломилась в купе веселая компания в железнодорожной форме. Эх, Забайкальское хлебосольство! Не московские гамбургеры – всё натуральное. Вагончик тронулся, дышащий жаром перрон остался. Развевал занавеску встречный ветер, за окном наперегонки с вагонами скакала по перекатам Ингода. Как ни отказывался ревизор, но голод – не тетка. И халюва! А на халюву пьют даже язвенники и трезвенники, москвичам же сам президент велел. Не нынешний, а тот, которому памятник поставили и краской зеленою облили. Сало? Огурчики? Картошечка, в пластиковой упаковке, горячая, щедро посыпанная укропчиком и зеленым лучком? Первая котлом, а там, как водится, никто их не считает.

Лето. Работают путейцы. Ингода, обгоняя поезд, вольно несет свои воды, а состав стоит на перегоне, пропуская встречный. Тронулся. Ползет, то поциальному пути, то по неправильному, пытаясь догнать самого себя по графику, и все больше отстает от расписания. За окном ночь, редкие огни бывших полустанков и снова тайга. Тусклый дежурный свет в вагонах. Тусклая проводница борется с дремотой. На последней узловой, пока меняли локомотив, немного проветрилась, но от духоты не спасает даже открытая в тамбур дверь. «Тук-перестук, тук-перестук», – гремят колеса. Качнуло вагоны на стрелках. Застучали, забрякали они железными суставами. Притормаживает машинист. Привычно глянула на расписание. Бог мой!

- Пассажир. Пассажир! – Безжалостной рукой проводница, сдернув простыню, тряслася ревизора. – Ваша станция. Быстрее, быстрее!

Полусонный, в косо застегнутой рубашке, с пузатым портфелем в руке ревизор стоял на щебенке откоса и оглядывался по сторонам. Проводница, нецензурно ворча про пьяниц, подала ему пиджак и пожелала счастливо оставаться. Свет на станции горел в режиме жесткой экономии, тусклая лампочка над входом на пост, фонарь в руках дежурной и ослепительный прожектор, бьющий с площадки поста в соседний вагон. Матерясь почище проводницы, ревизор, запинаясь на щебенке, выбрался

на перрон перед маленьким вокзальчиком. На двери висел амбарный замок поры строительства Транссиба под чутким руководством маршала Берии. Никто не встречал.

В спящем поселке даже собаки не лаяли, только из-за сопок доносился шум уходящего поезда. Погас желтый глаз фонаря в руках дежурной, прощально мигнула лампочка над дверями, и вслед за прожектором мир окунулся в темноту ночи, только в небе миллиарды звезд. Но ревизору не до красот. Ситуация напоминала известное произведение Уэллса «Россия во мгле». Куда столичным улицам разбитых фонарей до Забайкальских поселков! Здесь не то что лампочки, опоры с проводами приватизировала и утащила банда рыжих. А народ? Народ им до лампочки Ильича, обгадив которого, они его план электрификации всей России ужали до плана электрификации Московского княжества. Чубайсы знают, кому светить.

Высокие ступеньки упирались в металлическую решетку. Отражением экрана монитора, лампочек пульта станции едва-едва светились окна поста. Не дотянувшись. Ревизор тряс, стучал ногой по решетке, но пластиковые окна, надежные двери гасили все звуки, и дежурная, прогоняя сон, спокойно пила крепчайший чай, в простонародье зовущийся чифром. Прогудел сигнал оповещения. Четный. В луче фонаря мятая физиономия в расхристанной рубашке, а луч – прожектор локомотива бежит к перрону. Не до тебя, рожа пьяная. Ори на здоровье, всё заглушает грохот проходящего порожняка. Дежурная вглядывается в мелькающие в луче прожектора вагоны. Концевой с красным фонарем увозит децибелы.

- Что? Кому позвонить? Вы что, с луны свалились?

- С поезда! В комбинат позвоните. Меня встречать должны!

- Какой комбинат? Вы что, с луны? Напытятся и шарахаются по ночам.

- Какой комбинат? У вас что, их десять?

Ревизор, наконец-то, нашел гербастое удостоверение, такие десятками продают в подземных переходах столицы, и тряс им перед стоящей за решеткой проводницей.

- У нас ни одного. До ближайшего... – задумалась. – Километров двадцать. У-у-у...

Дошло до проводницы.

- Так вам на следующей станции надо было выйти. Там вас и встречают.

Через открытую дверь было слышно, как поездной диспетчер вызывал дежурную по станции, и, махнув на пьяного пассажира рукой, она поспешила исполнять свой служебный долг.

- Да, я! Да, я! Я вас... – Разорялся ревизор на крыльце.

А что он им? Дежурная по станции боялась ревизоров своих, которые по безопасности движения. А тут ревизор чужой. Да еще пьяный.

- Я вас... – Не унимался ревизор, вцепившись в решетку. Его тряслось с похмелья, тряслось от злости, казалось, что он согнет прутья, пробьет бронированную дверь людского равнодушия к нему. К Нему!

- Не слышите?

Нашаренный в темноте камень загремел, отскакивая от металлической двери.

- Да я вас!..

На беду или на счастье ревизора ночевал у начальника станции сотрудник линейного отдела. Дело житейское, оба разведенные и не нам их судить. Дежурная по станции по радио прервала их сладкую бессонницу.

Куда-то, вместе с красной корочкой неизвестного происхождения, исчезло «Да я вас!» Не годились они для милиционского протокола. Начальник станции тоже нервничала. Как ни крути, а вина проводницы. Согласно правилам, железная дорога обязана доставить пассажира до станции назначения. При задержке – кормить и возместить моральный ущерб. Худая сделка лучше драки. Ревизор поклялся мамой не писать жалобу, полицейский демонстративно порвал протокол о пьяном дебошире, дежурная по станции напоила чаем обоих. Начальник станции расстроено улыбалась. По разбитой притрассовой дороге предстояло дружку везти этого раздолбая до следующей станции. Не велико расстояние, туда-обратно сорок километров, но ночи нет. А сколько их осталось? Пролетит бабье лето – не заметишь.

Горячий чай да часок сна на тряской дороге, по которой узик ползет, перебиваясь то на первой, то на второй скорости, и у

гостиницы ревизор вылез из машины в более-менее презентабельном виде.

- Ну, счастливо оставаться. Больше в дороге не пейте. – Пожурил на прощание капитан.

Горячий чай, утюг нашлись у дежурной. В кранах на удивление была горячая и холодная вода. Готовясь к командировке, ревизор прочел все, что нашел о комбинате и поселке. Неизгладимое впечатление произвели на него дорожные записки малоизвестной путаны от литературы, которая, известным образом, затесалась к журналистам, сопровождавшим премьера в поездке по Дальнему Востоку. «Поселок задрипаный, люди зачуханные, даже кошки и те драные» – таково краткое содержание статьи. Интересно было бы посмотреть на нее, какая она: задрипанная, зачуханная, драная? Вернее всего, всё вместе!

Утро радовало прохладой. У входа в гостиницу стоял, сверкая зайчиками, «Nisan Patrol».

- Вас ждут!

Водитель услужливо стоял у открытой двери и закрыл ее с мягким щелчком, не потревожив больную голову.

- Как добрались? Я встречал ночной поезд. Пассажиров не было.

- Спасибо. Хорошо. – Буркнул ревизор, пресекая дальнейшие расспросы и не желая бередить свежую рану.

Директор вышел из-за стола, сделал шаг навстречу. Наклонился. Пожал руку, справился о здоровье, о том, как добрался, устроился. Высокий, точнее, длинный, таких в школе дылдами зовут. Стройный и гибкий, как юноша, ревизоров не то чтобы боялся, просто прекрасно понимал, что мелкая сопка может оказаться особой, приближенной или родственной к... Впрочем, без разницы к кому, ревизор – как муха, не укусит, но нагадит.

- Так значит Михаил... – Он запнулся.

- Александрович. – Подсказал ревизор.

- Ага, Александрович. Значит, по вопросу соблюдения режима экономии. Блюдем. Блюдем. Катя, – позвал он секретаршу, – пригласи Лидию Семёновну. А нам чаю. Или вам кофе? Катя, чай!

Чай внесла не Катя. В строгом светлом платье, со строгой прической «А-ля Юля» и ледяным взглядом вошедшая Лидия

Семёновна напомнила Михаилу Александровичу завуча из школьных времен. Он почувствовал себя сопливым третьеклассником Мишкой. Да, таких женщин любят отличники поэтической и боевой подготовки. Стихи Мишка не любил с первого класса, от армии Мишу, говоря современным языком, отмазала горячо любящая внука бабушка, так что из знаков отличия у него было только родимое пятно на неудобном месте – ни самому посмотреть, ни другим показать.

- Позвольте представить. – С легким поклоном директор взял поднос из дамских рук. Он умел быть галантным, хотя от женской красоты, следя последней моде, получал только эстетическое наслаждение. – Михаил... Александрович. Прошу если не любить, то жаловать обязательно. А вы, Михаил Александрович, жалуйтесь, жалуйтесь. Лидия Семёновна специалист отличный, но как у всякой прекрасной женщины у нее свои секреты.

Торопливо выпив чай, директор поспешил раскланяться.

- Извините, рабочее время надо тоже экономить. Я по производству.

Пропуская в дверях, придержал Лидию Семёновну за локоток.

- Я надеюсь на вас. – И уже секретарше. – Катерина, я на руднике.

Катерина, сделав удивленные круглые глаза, согласно промычала «угу».

Убийственно легкое платье из тонкой материи на красивой женщине. В темноте коридора Лидия Семёновна плыла бестельесным светлым призраком. Как вспышка, на фоне открытой кабинетной двери платье исчезало, без дыма сгорало, прекрасная фигура зрелой женщины ослепляла... И снова полумрак коридора с воздушным созданием, стучащим каблучками впереди, до следующей открытой двери.

Кабинет с задернутыми светлыми шторами, по ту сторону которых томится влюбленное в эту женщину солнце. Но в кабинете снова строгая училка.

- Вот документация по созданию экономических и организационных условий для эффективного использования ресурсов. Отчеты по проведенным мероприятиям и принятые меры по устранению выявленных недочетов. Если возникнут вопросы, с удовольствием отвечу.

Стопа папок с подшитыми документами одним своим видом наводила тоску.

- Извините, я пока оставлю вас.

Лидия Семёновна достала из стола пачку сигарет и вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

- Ну что? Как москвич?

Лидия Семёновна сделала неопределенный жест руками, сморщила носик.

- Не пойму. Толи бука, толи скромный, толи с похмелья. Пожуем – увидим.

- Ой, Семёновна. Да тебе любой мужик на один укус. Как твой Вася с тобой живет?

- Ну, мой-то со мной живет. – Особо выделила Лидия Семёновна «со мной» и решительно загасила сигарету о стоящее на подоконнике блюдце. – Всё, девочки, по рабочим местам и никаких хождений.

- Стерва. – Бросила Нюра, едва закрылась дверь.

- А тебя жаба давит, что ее и мужики любят, и начальство уважает, и муж на руках носит? Так родись красивой и умной.

- Ой, мамонька, роди меня обратно. – Рассмеялась молоденькая, всегда улыбчивая Лизка.

Открылась дверь.

- Всё, заканчивайте балаган. Работать, работать, умницы мои распекрасные.

- У, стерва. – Для себя, или про себя, вслед прошептала Нюра.

Работу Лидия Семёновна не запускала, приученная к аккуратности мамой, работавшей медсестрой в сельской больнице и отцом-счетоводом, позже бессменным председателем, затем главой сельсовета. Циферка к циферке, бумажка к бумажке, всё по полочкам, но работа не убывала, наоборот, с каждым днем ее становилось всё больше. Кто только не требовал от нее отчета – за день, неделю, месяц, квартал. Дойдет до того, что за каждый час будут требовать, а с учетом непрерывности производства весь отдел будет заниматься не планированием, а составлением отчетов. И главное, что их никто не изучает. Глянут на контрольные цифры и тут же забудут. В этом она убедилась по тем

вопросам, которые ей задавали сверху и ответы на которые она отправила еще неделю назад. Что звонить? Глянь у себя на столе. Вот и ревизор обложился папками. Листает. А вид – как будто пред ним ответ запорожцев китайскому императору, написанный финикской клинописью. Ну и ладно, хоть не докучает глупыми вопросами. А может, в самом деле застенчивый. А что? Москвичи тоже люди, не все же среди них хамы. Мелькают мысли в светлой головке, а глаза привычно пробегают по колонкам цифр, пальцы с неброским, ухоженным маникюром бегают по клавиатуре, и вот уже циферки в нужной графе. Компьютер сам потом сложит, умножит, разделит, сравнил, выведет в сводный лист конечный результат в тоннах, рублях, процентах. Летит время. Устают глаза, бросает в сон.

- Михаил Александрович!

Задремавший незаметно для себя ревизор вздрогнул, на миг утратив равновесие, качнулся в сторону.

- А?

- Михаил Александрович! – Едва сдерживая улыбку и стараясь не смотреть на смутившегося мужчину, Лидия Семёновна продолжила, как будто ничего не заметила. – Обедать будете здесь в столовой или поедете в гостиницу в кафе? Автобус от площади в двенадцать и двенадцать тридцать, назад без десяти час и в час двадцать.

- А вы?

- Я домой. Меня муж кормит.

- Тогда, с вашего позволения, я поработаю. Что-то аппетита нет.

- Работайте, работайте.

Лидия Семёновна поправила у зеркала идеальную, на взгляд мужчины, прическу.

- Лидия Семёновна, – замялся с вопросом ревизор, – где здесь туалет?

- Мужской – по коридору направо, еще раз направо и в холе первая дверь слева. Приятного аппетита. – И выскочила за дверь, явно торопясь на автобус. Война войной – обед по расписанию.

Вслед ей – не высказанное: «Стерва, но симпатичная и обаятельная, жаль, что муж кормит».

Аппетита действительно не было. Толи сало вчерашнее, толи огурчики с чесноком давили на печень. Подремать что ли? Но стол стал неудобным, никак ни мог приспособить руки, голову, в которую лезли всякие скабрезные мысли. Пройтись? Так направо, направо, еще налево. Щелк. Какой идиот выключил свет? Тьма кромешная. Обед, и двери кабинетов закрыты. Ни лучика. На ощупь вдоль стеночки. Стена – дверь, стена – дверь, угол – тупик, дверь – за ней голоса. Осторожно постучал.

- Кого там? Обед.

Щелкнул замок металлической двери – свет. Солнце отражается в окнах соседнего здания, а в кабинете цветник и светло от улыбок девчят, узнавших ревизора.

- Извините. Проходите.
- Проходите, пожалуйста.
- Мы думали, свои. Пообедать не дадут.
- Вам чаю налить?
- А, может быть, кофе будете?
- А вас как зовут?

Михаил застыл у порога. Если в кабинете сидит пять женщин, одесский привоз справляет тихий час, тетя Сара спит. Войти в кабинет боязно, и бродить по темному коридору не хочется.

- Чай. А вы?
- Мы бухгалтерия.
- А что вы здесь обедаете? Говорят, столовая хорошая?
- Экономим.
- Зарплата маленькая?
- Нет, время экономим. Обедаем без отрыва от производства.
- А что в коридоре света нет?
- Экономим. Зачем свет, когда все на обеде.

Девчата откровенно издевались. Они смелые – гурьбой на одного, а останься с ней один на один в темном коридоре – застинет, как мышь, почувствавшая кота. Михаилу Александровичу хотелось сказать, что-нибудь умное, веское, но в голове крутились только скабрезные мысли по поводу коротких юбочек, коленок, бедрышек и прочих симпатичных частей, которые девчата подчеркнуто демонстрировали, то наклоняясь к нему, якобы подлить чаю, то дефилируя между столами.

Загудел в углу вентилятор.

- Свет дали. Вам горячего подлить?

- Чаю? Кофе?

- Нет, нет. Вы мне лучше ответьте, большой ли перерасход по заработной плате?

Лизочка сделала большие круглые глаза и губки «ню-ню», как у обезьянки из мультика про сорок восемь попугаев.

- Зарплата... Я свою расходую за неделю, три недели сижу на перерасходе.

- Ваша меня не интересует. По комбинату.

В кабинете сразу стало серо и пыльно от вороха бумаг и папок до этого неприметно лежащих на столах, подоконнике, выстроившихся на стеллажах и шкафу. Так перед затяжным ненастяем закрываются цветы и гаснут краски. Девчата дружно выпорхнули за дверь. Осталась только Нюра.

- Конечно, Михаил Александрович, есть перерасход заработной платы, но мы-то здесь не причем. Нам подают табеля, мы обсчитываем. Спрашивать надо с тех, кто их подписывает. Да я не на зарплате, на материалах сижу, вот где, вам скажу, перерасход.

Такая уж она баба Нюра: зимой ей холодно и скользко, летом жарко и паутины донимают, весной и осенью грязь да дождь. Не лежится на складах материальным ценностям, а цены кусаются. За каждый килограмм, литр, метр надо высчитывать с зарплаты того, кто со склада получает, вот тогда перерасхода не будет, премия ИТР и ее лично не уменьшится.

- Воруют, Михаил Александрович, воруют. Все воруют. Вы лучше с моим супругом поговорите, он лучше знает.

- Что, тоже ворует?

- Ну, вы скажете. Он главным диспетчером. Он на комбинате всё знает. И про всех! Директор того не знает, что он знает. Он у меня дотошный. Он у меня...

Оседлала баба своего любимого конька, что-то базарное появилось в Нюре, так цыган расхваливает коня на продаже. Понесла «Трындычиха», останавливать ее бесполезно, и Михаил Александрович поспешил ретироваться.

Несмотря на закрытые шторы и открытую фрамугу, в кабинете стало жарко. Исчезли ледяные искры в глазах Лидии Семё-

новны, они отсвечивали теплом домашнего очага. Заманчиво так поблескивали, вот только место у очага занято.

- Лидия Семёновна, в документации у вас, без сомнения, полный ажур. Я хотел бы ознакомиться с производством, хранением, использованием материалов. Резервы на бумаге не найдешь, а свежим взглядом, возможно, и увижу что-то для вас полезное.

- Нда... – качнула Семёновна головкой, искоса, но впервые с интересом глянув на него. – Нда? С производством? Свести вас что ли с главным диспетчером?

- Это – который, все знает?

- Да? – снова быстро брошенный искоса взгляд (шустрый малый). – А впрочем, да. Не зря у нас его главным сплетником зовут. Всё знает и первым доложит. Пойдемте, я провожу вас до диспетчерской, а то еще заплутаете в наших катакомбах.

Этажом ниже, за столом в творческом беспорядке от журналов, телефонов, раций всех мастей с авторучкой в одной руке, сотовым в другой, успевающая отдавать распоряжение в микрофон, с безумным видом сидела диспетчер. Выждав минуту, Лидия Семёновна обратилась к ней.

- Танечка, куда Спиридоныча задевала?

- Семёновна, я б и вас нафиг не видела. Шляется, сплетни собирает.

- Ты что такая взъерошенная?

- Взъеришили, а вечером еще и... – глянула на присутствующего мужчину, прикусила язычок. – Просадка от нас, по 110 оба фидера посадили, а электрики на обеде. Пока нашла их, пока они причину устранили, а виноват стрелочник.

- Ясно, Танечка. Но помочь? Кто на что учился. Так все-таки, где Спиридоныч?

- А он, пока не утихнет и все оборудование не запустим, здесь не появится. Ищите или в АТЦ, или хрен его знает где, но там, где сейчас спокойно, где тенек и затишок. Десятый, десятый. Вы запускаться думаете? Машины к вам отправлены. Опять стоять будут?

- Пойдем, пойдем, а то и нам достанется.

Главный диспетчер стоял перед раскрытыми во всю ширь воротами цеха грузовых автомобилей. Черный проем высотой с

трехэтажный дом притягивал к себе темнотой, обещавшей прохладу, по сравнению с залитой солнцем площадкой перед цехом. Но оттуда пахнуло жаром, копотью. В глубине сверкала электросварка, сизый дым тянулся к раскаленной металлической крыше. Сергей Спиридовович, стоя на границе тени, о чем-то оживленно разговаривал с рабочими. В замасленных робах они держали сигареты в черных от мазута руках и посмеивались над его болтовней.

- Сергей Спиридович, вас директор ищет.

- А, я... – Сразу сник Спиридоныч. – Вот надо уточнить у начальника колоны график выхода...

Скучно оправдывался невысокий, несмотря на жару, одетый в синий, итээровский рабочий костюм с эмблемой предприятия лысеющий мужчина неопределенного возраста. Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят? Этот тип мужчин рано старится, но до самой смерти они потом не меняются. Суетятся, пыжатся, пыжатся, суетятся. Блеснет молния, гром – сожмутся в комок, прикинутся камушком. Выглядят солнышко, и опять эдакие живчики – суетятся, пыжатся.

- Я, сейчас.

- Не надо. Сейчас вы проведете Михаила Александровича по подразделениям. Ознакомите с производством, с выполнением графиков... Михаил Александрович к нам по вопросам экономии, сохранности, дисциплины: трудовой и финансовой. А то у нас на перекуры трех пачек на рабочую смену не хватит. Вредно курить, Сергей Спиридович. Минздрав предупреждает.

Ах, как идет красивая женщина. По щербатому, разбитому большегрузами асфальту на высоких тоненьких каблучках. Не идет – порхает.

- Хороша. – Проводил ее взглядом Михаил Александрович.

- Стерва. – Зло, бросив окурок под ноги, проворчал Спиридоныч.

- Ну, пойдемте. Вот с АТЦ и начнем. Ремонтируют недавно купленный подборщик. Он с трейлера скатился и до цеха не доехал, колом встал. Рухлядь крашеная. А по цене, как новый.

- Сколько, сколько? – Присвистнул от удивления Михаил Александрович, услышав сумму.

- Вот то-то и оно. А еще...

- Мать твою. – Не дослушал Михаил Александрович, со свету, как сослепу, влетевший в маслянисто блестевшую мутную лужу.

В штиблетах противно хлюпало. На светлых брюках по щиколотки черная кайма. Ощущение, как у мальца детсадовского, не сдержавшего нужду малую. Десятки глаз, из темных углов смешки, кто рядом – сочувственные вздохи.

- Мать вашу, у вас что здесь и автомойка внутри?

- Нет, ночью дождик прошел, вот, до сих пор и капает.

- Охрана труда куда смотрит? У вас тут сварка, электрооборудование!

- Так это же у нас. В кабинете ТБ сухо. А крыша течет? Так она не только здесь. Она повыше худая.

- Спиридоныч, шел бы ты. У тебя, кстати, тоже не капает. – Вмешался дородный, похожий на Микулу Селянина мухомор.

- Иванов. Механик автоколонны. – Представился он Михаилу Александровичу. И снова к диспетчеру. – Ты же директору подпевал, что крышу надо своими силами, материалы за счет сданного металлолома. Языком ты мастак. Повел человека, так не будь Ванькой Сусаниным. У меня жена в отделе охраны труда. Пишут, пишут, а толку шиш. А в своей одежде у нас не ходят. У них в отделе есть комплекты х/б, специально для командировочных. Пойдемте, а брюки в стирку сдадите, завтра получите чистые.

К концу рабочего дня Михаила Александровича экипировали в форму работника комбината с обязательной надписью на спине «ГлавМеталлЗапас», и он уже ничем не отличался от десятка итэровцев, стоявших перед зданием в ожидании служебного транспорта. Правда, его, в отличие от прочих, до гостиницы довезли в дежурной «Ниве», которую специально для него вызвала диспетчер АТЦ.

Ужин в кафе разморил ревизора окончательно. Сил едва хватило умыться, и, рухнув на кровать, он провалился в блаженство сна. Блаженства хватило до полуночи. Во сне шарил огромным глазом прожектор. Нашел, с пронзительным ревом паровоз бросился на него, промазав, проскочил мимо и снова ша-

рил глазом, выискивая Михаила. Он пытался убежать, но ноги вязли в куче бумаг, испещренных цифрами. Рев сменился бравурной музыкой, под которую, переваливаясь с боку на бок, как грузовик на колдобинах, паровоз торжествующе надвигался на него, припирая к глухой стене из собранных в кипы бумаг.

Номер был освещен фарами машин, стоящими на площадке перед гостиницей. Орала музыка, несколько человек отплясывали в свете фар, кто-то угощался закуской, разложенной на капоте. Молодежь веселилась. Натянув трико, он вышел к дежурной, попенял на шум. Та посочувствовала ему, при нем позвонила в отделение, выслушала ответ, сердито бросила трубку.

- Он, видите ли, один и уйти с поста не имеет права. Никого не убивают? Вот когда убьют – вызовите. Полиция..., чтобы они так Медведева охраняли, как нас!

За вышедшей на улицу дежурной тяжело громыхнула дверь. Сквозь стекло было видно, как, перекрикивая рев музыки, она что-то кричит веселящейся молодежи, потом, махнув рукой, вернулась обратно. Придержав дверь, притянула ее к себе и закрыла на мощный засов. Обратившись к Михаилу, произнесла только безнадежно протяжное «А-а...» и еще раз махнула рукой.

Сидели, пили чай. Говорили обо всем и ни о чем, как принято в России на кухне. О политике, о воспитании, о ценах и экологии. Минут через сорок, взревев моторами, машины сорвались с места. В номере царила темнота и тишина. Засыпая, он услышал, как на недалекой станции просигналил поезд, но шум проходящего состава едва угадывался. И снова тишина.

Утро началось с веселья. Веселилась этой ночью не только одна молодежь. Непорядок ревизор заметил еще на проходной. Один охранник подпирал будку, чтобы она не упала, второй, открывая шлагбаум, повис на нем и едва успевал перебирать ногами, не отводя шлагбаум, а убегая от него. Только собачонка, с задранным носом, словно получила лопатой, но до боксера не дотянула, добросовестно обляяла нового человека. На всякий случай держась рядом, но в зоне недосягаемости. Что получишь – неизвестно, толи подачку, толи пинок. Охранники тоже держались поодаль, едва держались на ногах, но держались. Пни – упадут. А народ валил на смену, откровенно похояхтывая, тыкая

на них пальцем, как на что-то смешное и в то же время бого-мерзкое. Раздвигая толпу, протиснулся к проходной уазик, из него выскочили братья-близнецы в камуфляже. Лысо стриженные, тупо накачанные, они затолкали бедолаг в машину, а сами заняли их места.

И снова тупо:

- Пропуск.
- Проходи.
- Проходи.
- Пропуск.

Комбинат веселился. Все дружно писали объяснительные. С прической «под Котовского» и уморительной кличкой «Перхоть» начальник охраны обвинил весь комбинат огулом в спаивании его доблестных бойцов. И теперь все отвечали на поставленный директором вопрос «Откуда взялась брага?» Откуда, было ясно из объяснительной охранников: «Совершая в 22-00 обход помещения ОБК, обнаружили в одном из пустующих помещений две двадцатилитровых бутыли с бражкой (еще бы не обнаружить, бродит брага тихо, но пахуче). Выставили скрытый пост, чтобы утром поймать с поличным нарушителей дисциплины. В 24-00 перерыв для приема пищи – мы решили проверить качество содержимого бутылей. А вдруг там квас? Продукт действительно или еще не добродил, или был заранее приготовлен для утоления жажды. А так как ночью было душно, то мы и употребили квас по назначению. Как наквасились, не заметили. Неизвестные злоумышленники, подсунувшие нам вместо кваса недобродившую брагу, не установлены». Вот установлением этих злоумышленников и были озабочены директор с Перхотью.

Единственное, чем был примечателен директор, так это своим ростом. Исполняющим обязанности его назначили «за неимением лучшего». Но ему понравилось, и он честно отсиживал рабочие часы в кабинете, проводил планерки, принимал посетителей, заявления, подписывал документы и обещал. Обещал подчиненным: увеличение зарплаты, нормальное поступление запчастей и материалов: обещал центру: выполнение и перевыполнение плана при снижении расходов. Справедливости ради надо отметить, что и подчиненным достаточно было ему дать

обещание выполнить, исправить, сделать, а что ему пообещали, директор забывал через полчаса за компьютером, одержав сокрушительную победу над танковой армадой противника. Перехоть – стандартная личность из пенсионеров МВД в звании, позволяющем ему руководить одним из подразделений ЧОПа. Их дружба, родившаяся на виртуальных полях сражений, закрепленная не одним литром коньяка, проходила проверку на выдержку. И она бы выдержала, но кто-то уже успел накапать и в Москву, и в Читу. Москва еще спала. Из Читы – короткий приказ: «Разобраться! Наказать». Теперь каждый за себя. Каждый писал свою объяснительную. Каждый, кроме ревизора.

По сравнению с прошлым утром он чувствовал себя прекрасно, откровенно любовался Лидией Семёновной, пил горячий кофе и смеялся над тем, как она возмущается непроходимой тупости руководителей.

- Вам смешно? А меня оскорбляет подозрение, что планово-экономический отдел занимается самогоноварением. Да я вообще не пью.

- А кофе? С коньяком, с ликером?
  - В рабочее время только чай.
  - Да ребята-демократы только чай. – Напел ревизор.
  - Михаил Александрович, не издевайтесь. Отрабатывайте кофе с сахаром, помогите написать объяснительную.
  - Лидия Семёновна, а почему вы обязаны ее писать? Вы в чем-то виноваты?
  - Директор приказал.
  - Пусть сам и пишет.
  - Вам легко говорить.
  - Тогда изобразите трех обезьянок. – Михаил поочередно закрыл глаза, уши, рот, изобразил из себя обезьянку: язык под нижнюю губу, глаза выпучить, оттянуть уши. – Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. Эдита Пьеха когда-то пела.
- Ему удалось вызвать улыбку.
- Опять шутите.
  - Нет, вполне серьезно. Пишите: «К появлению спиртосодержащих продуктов на территории предприятия отношения не

имею. Точка. Ничего дополнительного по данному вопросу сообщить не могу. Точка. Дата. Подпись».

- Вы – умочка!

С легкого языка Михаила Александровича свыше сотни объяснительных, написанных как под копирку, легли на стол директора. Пачки дефицитной бумаги как не бывало. Руководство чесало головы, лысую и лохматую. Комбинат веселился.

- Лидия Семёновна, и часто у вас реки бражные – берега кисельные?

- Пьют. Пьют, Михаил Александрович. А Москву что, городом трезвости объявили? Бывали, видели. У нас хоть пьяные на улицах не валяются. Зимой замерзнешь, летом лес рядом или на речку. Всё пристойно.

- Да-да, мне сегодня пристойно до полуночи серенады под окном крутили. А серьезно, откуда брага?

- Честно. У нас только два коллектива в здании способны на такую авантюру. Или ремонтно-строительный участок: водяные, деревянные и мастера художественно-малярных работ. Или вольтантутые, электрики, если по-вашему. И те и те на любые художества способны и свободны в своих перемещениях по предприятию. Кстати, Михаил Александрович, познакомлю я вас с начальником участка электросетей. Он по всем объектам ездит, знаком и с руководителями, и с рабочими, вот кто вас познакомит с предприятием. Машина у них есть. Объедете, посмотрите. Только меня не забывайте. Расскажете, что увидите.

...

- Алексей Сергеевич.

- Михаил Александрович.

- Ну, Лидочка, сосватала. Так, по всем объектам не повезу. Поедем на подстанцию, по пути заскочим на рудный склад, посмотрим сверху на рудник, заедем к пятому экскаватору, на ЗБШ. Этого достаточно. Везде одно и то же. А бензина дают на дно бака.

Уазик катил по широкой, в выбоинах и колдобинах, усыпанной кусками породы дороге между высокими отвалами. Водитель материлил всё и всех, держа скорость тридцать километров в час. Уазик грелся, водитель ворчал. Новые знакомые вели разговор, присматриваясь, прислушиваясь, друг к другу.

- Алексей Сергеевич, а ваше мнение по поводу ЧП с охраной?

- По данному вопросу ничего сообщить не могу.

- А что сообщать. – Вмешался водитель. – Сами поставили, сами сожрали, а на честных людей валят. Сами охраняют, сами воруют. Хорошо устроились.

- Солидарен. Они полгода у нас работают. Поначалу поездом приезжали из Читы на вахту, а сейчас через одного на крутой иномарке.

Уазик прижался к обочине. У обгонявшего Белаза на заднем колесе болтался готовый оторваться кусок покрышки размером с футбольный мяч. Он и оторвался. Описал высокую дугу, упал левее поравнявшегося с ним уазика и весело поскакал по дороге.

- А ежели бы в глаз? – Пробурчал Валерианыч.

- И часто? – Михаил Александрович кивнул головой в сторону отставшего мячика.

Алексей Сергеевич хохотнул.

- Хавалом не щелкай. Тут или резина в лоб, или негабарит на голову. Экономия. Грузят, пока из кузова не посыпется. А дороги? Нечем грейдировать и некому. Техника поломана, специалисты разбегаются. Приходят бульдозеристы. Спецы – навоз от кошары отгребать! Им копейки платят – они и рады, в деревне даже таких денег не видят. А качество соответственно оплате. Руководство делает вид, что платит заработную плату, люди делают вид, что работают. По справедливости.

На подстанции Михаил Александрович попытался вникнуть в спор энергетика рудника с начальником участка, но так и не понял ни сути земляной защиты, ни токовой отсечки. За бруствер в окопы что ли прячутся от поражения током или лишнее отсекают – ампутируют. Ходить по территории, увешанной плакатами со стрелками, угрозами и предупреждениями, где гудели трансформаторы, гудели провода и весь воздух был наэлектризован, он опасался. Спрятался в прохладу вагончика дежурной по подстанции. Уютно, пристойно. Стол с рацией, стопка документации, в углу чернел экраном отключенный телевизор. В противоположном – полочка с книгами, справочниками, над ней две иконки: Божьей матери и Спасителя. На стене напротив единственного окна схема с объединенными ломаными линия-

ми, кружками, треугольниками и еще непонятно какими фигурами. Дежурная, не обращая на него внимания, разгадывала кроссворд. От нечего делать и он взял лежащую на диване газету, стал читать не интересующие его новости недельной давности чужого города. По крыше застучали капли дождя. Когда дождь стучит по крыше, это как засуха в марсианских каналах, далеко и не волнует.

- Поехали. – Заглянул в вагончик Алексей Сергеевич.

Какой поехали? Сказал бы сразу: «Поплыли». По дорогам текли мутные ручьи, местами образуя заливы и озера. Белазы гнали волну на откосы, к откосам прижимался уазик. За одним из отворотов на площадке стоял экскаватор.

- Вот из-за этой уродины и сыр-бор с энергетиком. За полушку купили в Приморье, сэкономили и на перевозке. Запустили кое-как. В Приморье соль да влага, железо в труху, что уж про проводку говорить.

- Про водку ни слова, – вмешался водитель.

- Да ну тебя! Так я о чем. Запустили, а защиты никакой. Пуск тяжелый, за день раз пять масляники вышибает. Загрубили защиту, вообще на ввод прилетело. Экономия? Мать ее в елочку. Голову пригни и посмотри на провода. Видишь, воробыи?

- Где?

- Да везде. Ни одного пролета целого, все на скрутках. Неаккуратные скрутки – воробыми зовем. А где специалистов найдешь. Линейщиков не хватает. Положено перед взрывом демонтировать линию, после взрыва восстановить или хотя бы обход сделать. Некому. Сверху в бинокль глянут: стоят опоры, и ладно. Включай. А куда прилетит? Всё ждем, когда у нас Саяно-Шушенская бабахнет. Экономия!

- Чо, сразу на обед? Не будем лишнее крутить?

- На обед, на обед. Михаила Александровича у гостиницы высадишь. В час заберешь.

- Понял, не дурак.

Хорошо, шаг от машины, и ты под козырьком гостиницы. В кафе пусто, ненавязчивая мелодия, непрятязательный неторопливый обед. Сигарета в пустом номере у открытого окна и под

козырек. Шаг из-под козырька, и ты в машине. Даже штиблеты не замочил. А дождь прошел. Выглянуло солнце, асфальт запарил под яростным солнцем. Забайкалье. Здесь всё непредсказуемо: и природа и люди.

- Хорошо промочило. Сейчас бы на соли посидеть. Ты как Сергеич?

- Так завтра на работу?

- Если работа мешает, бросай работу. От зорьки до зорьки. Я молодым по три ночи не спал и работал.

- Так ты Валерианыч сейчас другой раз целый день в кабине спиши, наверстываешь.

- Не сплю, а уплотняю рабочее время. Так как?

- Погоди. Приедем, посмотрим. А собраться не долго.

А Валерианыч разжигал аппетит. В машине и в кабинете у начальника участка травил охотничьи байки. Михаил Александрович услышал много новых слов, смысл некоторых до него дошел, некоторые отложил в память, чтобы спросить при случае и не выглядеть при этом дураком. Гуран на ургуле, козы на море (водоплавающие что ли?), сохатый в сивере («Мишка на севере» ел, про сохатого не слышал, и вообще в Москве панты распускают, а не добывают). Никто не вешал ему лапшу на уши, мужики говорили про свое, родное. Говорили с таким азартом, что и ему захотелось попробовать козьей печеньки. А они уже твердо решили ехать.

- Алексей Сергеевич, возьмите меня.

- Михаил Александрович, вы хоть ружье видели или только в армии по мицени?

- Почему же? Видел. На кабана охотился.

Охотился громко сказано. Как-то был корпоративчик для руководства в охотничьем хозяйстве, но до него очередь выстрелил не дошла. Прикормленных кабанчиков на всех не хватило. Вернее, егеря больше не разрешил. Но печеная свинина под коньяк ему понравилась. Сейчас уточнять подробности не стал, да никто и не спрашивал. Сами врать умеем.

- Так возьмете?

- Возьмем. Возьмем. – Валерьяныч уже прибросил выгоду от такого варианта. – Но под вашу ответственность. Выезжаем сейчас. На объекты.

- Идет.

- Тогда по коням.

Высадили Михаила Александровича у гостиницы, наказав, что прикупить из закуски.

- Ну и чо, Валерьяныч, ты его с собой на соль берешь? Мне он даром не нужен. От него, как от бабы, одеколоном на версту несет. Все козлы от хохота об... оборутся.

- А я чо?

- Чо, чо? Возьмем, возьмем. Взяли. – Сергеич поскреб затылок. – А вообще-то есть идея. Твоя двустволка у тебя, или опять сын уволок?

- У меня.

- Тогда слушай сюды...

Через минуту Валерьяныч, которого обычно было трудно заставить даже улыбнуться, хохотал, заглушая шум двигателя.

- Ну, голова. И думаешь, пройдет?

- Так проверим москвича на вшивость. На кабана он охотился. На Арбате или в Измайловском парке? Проверим. На вшивость.

Самое трудное было у тещи выдурить пачку соли. Сейчас разве соль? Порошок в дырчатом пластике, сыпется, можно с содой перепутать. Было, посолил борщ, а он пеной поднялся. А у тещи соль из советских времен, в бумажной упаковке, с синими буквами «СОЛЬ экстра». Действительно экстра, ею наши деды патроны снаряжали, малолеток по садам отстреливать. Еле уговорил, пообещал козью печеньку. Она хоть и хохлуша, но, прислушиваясь к мнению заслуженных врачей НТВ, РТС и ТВЦ, ела сало только в приглядку, а про целебную силу сырой козьей печени московские медики не слышали. Пообещал, теперь хоть свою, но придется отдавать. Ладно, Лариска не обидится, а мать с дочкой поделится.

Зеленая «Нива» потрепана и обшарпана, словно камуфляжная сетка царапин наброшена на машину. Но движок работает ровно, тянет, как табун лошадей. Скрипит «Нива» всеми железками по таежной дорожке, проложенной неизвестно кем, ведущей по марям, увалам через броды и перевалы неизвестно куда, потому что нет у нее конца. Крутится, петляет, раздувается,

сливается и оказывается у своего же начала. Исколесишь всю тайгу и приедешь, какое счастье, к порогу, откуда тронулся в дорогу. Главное, чтобы тебя там ждали. Скрипнули тормоза.

- Ну вот, Михаил Александрович, приехали. Вот на этой валежине под олеиной устраивайтесь. Пень видите? Да, метров пятнадцать. Вот на него и ставим пачку соли. Звери травки наелись, она после дождя сочная, водички в ключе попили, побегали по жаре, пропотели, соль из них выходит, вот их, как баб беременных, на солененько тянет. Они нюхом ее за версту чуют. Вот внизу марюшка, а по ней ключик бежит. Тропу видишь, по ней зверь к соли и притопает. Чо, соль не пахнет? Это тебе не пахнет, у зверя нюх другой и слух тоже. Так что не кури и лишнего не шебурши. Ну, мы поехали на свои места. На зорьке жди.

- Ни пуха.

Валерьянъч так и не вылез из машины. Сидя на заднем сидении, он давился смехом, не выпуская его на волю. Поэтому и его «ни пуха» прозвучало сухо. Мягко заурчал движок и скоро стих за деревьями.

Михаилу Александровичу отчаянно захотелось курить. Так всегда. Скажут нельзя. Хочется – хоть умри. Махнув рукой на запрет, достал сигарету, чиркнул зажигалкой и присел на ствол. Тишина. Небо синее-синее, словно вымытое прошедшим дождем. Изумрудная зелень в белых росчерках березовой рощи переливается в разнотравье усыпанной желтыми и красными цветами мари. Купы ивняка по извилиам ключа и тишина. Но слух привыкает. Едва стрекочет кузнечик, «фр-р-р» – пролетела мелкая пичуга, пискнула над головой и затихла. Улетела, затаилась? Кто еще прячется в чаще не видно. Слышно. Тайга живет своей жизнью. Загасив аккуратно сигарету, Михаил Александрович присел на землю за стволом. Сыро и не видно пень. Сел на ствол, спрятавшись среди ветвей ольхового куста. Время застыло. Медленно скатывается солнце, медленно удлиняются тени, нудно, бесконечно нудно зудит комар. Убьешь, другой на его месте поет ту же песню. Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. А когда неизвестно, сколько ждать и кого? Мары укрывается синими сумерками, от ключа, цепляясь за заросли ивняка, тягнется к березовой роще туман. Вдалеке раздался выстрел, через

мгновение эхом другой. А может быть, в самом деле эхо? На какое-то время Михаил Александрович приободрился, стал внимательнее взглядывать в туман. Вот сейчас выйдет, покачивая рогами, красавец олень или огромный сохатый. Подойдет к соли, а уж с двадцати метров он не промажет. Туман клубится, и кажется, кто-то в самом деле в нем шевелится. Темнеет. Звезды высипали на небо, пачка соли едва угадывается, свои руки и то он различает с трудом.

Россыпи звезд в небе. Он не помнит такого неба. Такого бездонного и яркого он никогда не видел. А тайга живет своей жизнью, только шорохи, потрескивания, далекий крик птицы стали еще загадочнее. Холодок пробирается под хэбешную куртку. То было в ней жарко, а сейчас и от полушубка овчинного не отказался бы. Прохладно, а веки сами опускаются на глаза. Пробирает. Передернулся, сгоняя сон, прогоняя противную стылость со спины. Сзади треснула ветка, и могучий рык в самое ухо. Руки сами вскинули ружье, занемевшие пальцы нажали курки. Оглушил грохот, яркая вспышка ударила по глазам, отдачей перевернуло через ствол. Ошалев, на ощупь выбрался из куста. Под руки кроме веток, камней ничего не попадалось. А зверь притаился. Сейчас бросится. Медведь-подранок страшен в своем гневе. Человек в своем страхе глуп. Медведь тоже. Ночью глаза не смотрят – ноги несут. Не дай Бог побежать ночью по тайге. Ветки цепляют за одежду, бьют по лицу, норовя в глаза, путают ноги. Знающий тропу событается, потеряет, а если новичок в тайге – беда. Под гору ноги несут сами, не упасть бы.

Кончились деревья, кочка под ногами и небо в звездах. Бежать уже сил нет. И куда бежать? Вспомнил про зажигалку с фонариком в нагрудном кармане. Посветил по сторонам. В синем призрачном свете ни пути, ни дороги. Закурил, успокаиваясь. Припомнил, что железную дорогу не переезжали, а она от поселка на севере. Это мы в школе проходили: Большая, Малая, Полярная звезда. Ой, как высоко она над головой, но приблизительно север там. Подсвечивая под ноги синим лучиком, побрел Михаил Александрович за Полярной звездой.

Долго ли, коротко... Время в тайге ночью – штука относительная, расстояние тоже. Вышел. Сначала услышал гудки ло-

комотива, а потом увидел, как скользнул по вершинам луч прожектора. Когда вышел на пути, хотелось в пляс пуститься по шпалам. Так и шел по ним – приплясывая. Во-первых: ноги никак в шаг не попадали, то шпала отставала, то вперед высакивала, во-вторых: тянул вдоль путей сквознячок. Прижмутся пути к скалам – теплом веет, высокочат на продув – как из преисподней холодом обдаст. А холод – не тетка. Составы мимо летят, машинист даст сигнал, увидев в луче человеческую фигуру на откосе. Пролетит мимо, оглушит, а все веселее. Вон уже замаячили белые, синие станционные огни. Если везет, то везет во всем. Та самая станция, та же дежурная. Узнала, впустила, чаем напоила.

- А я думала, опять от поезда отстали. Но хорошо хоть так. Ноне то нет, а в том году Приамурье горело, так медведей страсть было. По помойкам шарились, как бичи. Собак воровали. Две бабенки пошли за ягодами, так одной косы-то повыдергивала медведица, вместе со шкурой. Да нет, жива. Только дома в платке, на работе в парике и в тайгу боле не шагу. А неча к медвежатам ластиться. Заболтала я вас. Вы в комнате механиков ложитесь на диванчике. А я вас разбужу, учеником доедете. Да не за что. Ложитесь, намаялись.

«Утро туманное, утро седое. Нивы печальные...», – напевал Алексей под шум двигателя, под ровное гудение печки. По машине разливалось приятное тепло. Боковые стекла запотели, машина словно плыла в тумане.

- Здесь?
- Да вроде здесь.
- Михаил? Михаил Александрыч. Проснись, замерзнешь.
- Блин.

Вылезать из тепла в туманную сырость не хотелось.

- Михаил.
- Чо орешь? Завалился под лесину – из пушки не разбудишь.

Вылезь.

Но ни за лесиной, ни рядом Михаила Александровича не было. В ольховом кусте, зацепившись за сук косо, стволами в небо, висело ружье. От пачки соли только клочья бумажной обертки за пнем.

- Михаил. Михаил! – На два голоса орали охотники.

Зарядив ружье, Валерьянч выстрелил в воздух, прислушался с минуту и добавил из другого ствола. Походили вокруг. Но по ком стрелял Михаил Александрович и куда он делся, понять не смогли. Охотники они опытные, но далеко им до Дерсу, который мог по помету проследить полет глухаря.

- Ни хрена себе поохотились. И где его искать?

- Михаил. – Неслось над марью.

- Ил, Ил... – металось эхом.

Алексей сел в машину и стал сигнализировать, в надежде, что хоть на сигнал машины отзовется, выйдет горе-охотник.

Подождали с полчаса. Поорали, постреляли.

- Ну, и что будем делать?

- Чо, чо. Едем в поселок, отметимся на работе. Возьмем мушкетиков и будем искать. Сидел бы на месте, так нет. А, поехали.

...

Облегчение, испытанное Алексеем, увидевшим Михаила, спокойно курившего у входа в контору комбината, схоже с чувствами подсудимого, получившего вместо срока – освобождение в зале суда.

- Ты куда делся? У нас там крыша чуть не поехала. Козлами скакали по округе, а тебя как корова языком слизнула.

- Корова? Медведь! Что не сказали, что медведи на соль ходят?

- Зайцы тоже на соль ходят. До соли все лакомы. Это вы, москвичи, чай с сахаром и вареньем, а гураны с молоком, салом и солью. Так ты по нему попал?

- Кого попал? Я к нему чуть не попал! Придремал, а тут как что-то толкнуло меня. Чую, сзади кто-то есть. Я повернулся хотел, а ружье за ветку куста зацепилось, а он уже в ухо дышит. Я как бабахнул из двух стволов. Слышу, трещит, улепетывает. А я не вижу ничего. Никогда не думал, что вспышка из стволов такая яркая. И сейчас в глазах – как песка насыпали. И чем только заряжаете?

- Барсом, Барсом. Дальше то что? За медведем побежал?

- Кого? Отдачей как швырнуло, я через ствол. В глазах темно. Где ружье, не знаю. Шарил, шарил, нет его. Ну, я на дорогу и пошел домой. Поедем, поищем его.

- Ружье или медведя?

- Да, ну твоего медведя. Он так рванул, что не остановишь.
  - Не переживай, ружье нашли. А медведь сейчас тощий, шкура летняя. Пусть гуляет.
  - А вы как?
  - Нормально. По козлу добыли. Шашлык ел с козлятины?
  - Откуда.
  - Ладно, потом переговорим. Народ ждет. Уже без двадцати.
- ...

Привлекательная и обаятельная Лидия Семёновна щелкала изящным пальчиком по левой клавише мышки, выбирая необходимую ей программу.

- Доброе утро!
- Доброе. В пятницу оно всегда доброе.
- Она оторвалась от компьютера. Ласково улыбнулась.
- Чай? Кофе? Не пила – ждала вас. Что с вашими глазами, Михаил Александрович? Сварки нахватались?

Эмоции переполняли Михаила Александровича, и он второй раз за утро стал рассказывать про события на охоте. Дополняя их новыми, только что вспомненными подробностями. Лидия Семёновна только ахала.

Пока закончился рассказ, выпили по две чашечки кофе, и даже в нарушение инструкций и правил, стоя у открытого окна, выкурили по сигарете. Дымок от сигареты смешивался с приятным запахом косметики.

- А вы чем вчера вечером занимались?
- Трудилась в поте хребта своего на благо желудка. Батрачила на даче у мамы. Картошку тяпала, а муж ограбил.

Михаил Александрович не мог представить эту изящную женщину с мотыгой в руках. Представление, что такое тяпать, ограбить, имел он весьма смутное. В школе, в девятом классе, один раз возили на уборку картошки в колхоз. Он тогда впервые выпил водки и сохранил о той поездке весьма неприятные воспоминания. Вспомнит – вздрогнет. На следующий день болела голова и неделю задница, по которой прогулялся отцовский ремень. А Лидия Семёновна уже деловито щелкала клавиатурой.

- Лидия Семёновна. Мне бы материалы по закупке оборудования, техники. По поставкам. Кто закупает. Проводятся ли конкурсы на поставку. Хотя бы за последние полгода.

- Хорошо. Я скажу, в материальном всё подберут. Но у нас система заявок. Оформляем. Отправляем в Москву, там смотрят. Потом или отправляют, или наши едут и получают. А что конкретно вас интересует?

- Последний ЭКГ. Бульдозер. Автотранспорт.

- Проплата точно шла через Москву. На доставку и монтаж экскаватора заключали договор. Работы оплачены согласно акту приемки. За бульдозером ездил главный инженер. Вам срочно?

- Командировка на неделю, но желательно быстрее.

- Тогда пойдем... те ворошить.

Хорошо, когда знаешь, что и где искать. Документы были найдены быстро, но работать с ними приходилось на месте. Выносить их никто не разрешил, все-таки за каждой бумажкой, подписью не одна тысяча. До обеда Михаил Александрович переписал и занес в ноутбук всю интересующую его информацию, снял ксерокопии и угорел от адской смеси запаха духов. Почему женщины не могут договориться между собой и пользоваться в рабочее время одинаковыми духами, как спецодеждой. Нет же, как кошки, метят каждая свою территорию своим запахом, а в результате парфюм – хуже, чем в подъезде. Какое там воняет? – глаза ест. А глаза у Михаила Александровича к обеду стали как у упыря – красными-красными.

С обеда его перехватил Алексей.

- Какие планы на выходные?

- Какие планы у командировочного? Буду в бумагах копаться.

- Не жалеешь ты себя. В ударники капиталистического труда рвешься. Я тебе обещал шашлык. Так, завтра прошу на дачу. Будет шашлык, банька. Это тебе не шаурма в Сандунах.

- Согласен. Шаурму я не ем. Сандуны далеко от меня, через весь город переться. Моюсь дома в ванной. Я и не помню, когда парился.

- Вспомнишь, и обещаю – запомнишь.

- А что брать?

- Как водится: детям мороженое, женщинам цветы.

- И много?

- Кого?

- Детей. Конечно, женщин!

- Сын, жена моя Лариса, теща и Ларкина сестричка. Я утром за тобой заеду в гостиницу. До завтра.

До вечера Михаил Александрович просмотрел отчеты о командировках руководителей. Выписал цели командировок, сроки, суммы затрат на проживание, на транспорт, представительские и прочие нужды. Снял ксерокопии. В гостинице, подключившись к интернету, до полуночи производил проверку собранных материалов. Оказывается, при желании можно обнаружить мошенничество и через месяцы, и необязательно для этого мотаться из конца в конец страны. Счет за проживание в гостинице впору президенту, занимавшему номер «Люкс», причем с включенными в счет услугами профессионалов тайского массажа, напитками от мадам Клико, суши и роллами, доставленными из Японии. Итак, это командировки главного инженера. Механик – скромно по сумме, но все командировки с остановкой – задержкой в Иркутске. Этак на день, на два. Командировки по краю невелики по затратам и времени. Так, следующий вопрос. Аукционы, конкурсы, предложения о купле-продаже, цены, условия. В глазах песок, в голове расплывчатая картинка воровства. Хронического. Покрываемого из центра. С чувством выполненного долга улегся и провалился в сон.

Небольшие поселки хороши своей компактностью. Предупредив дежурную, Михаил Александрович пробежался по магазинам. Закупил пива, по совету продавщицы взял литровую бутылку бурятской водки и за неимением цветов бутылку шампанского для Алексеевой тещи. Старенькая «Нива» неприметно вписалась в кусты акаций под тополями. Открыв дверь, Алексей курил, радуясь начинаяющемуся погожему деньку и тени, в которой стояла машина.

- Затарился? Я же говорил тебе, что ничего не надо.

- Водки много не бывает.

- Ого. Голос мужа, а не мальчика. Поехали.

По разбитому асфальту, подскакивая козлом на выбоинах, машина скрипела всеми своими суставами. Ее лихо обошла иномарка, из опущенного стекла показался традиционный американский знак из одного пальца. Михаила бы давно уже разобрал бы азарт, и он на своей авдошке показал бы класс. Но Алексей обогнавшую машину проигнорировал.

- Сколько лет твоей старушке?
- Да поболе двадцати. Отцовская.
- А что не сменишь?
- Зачем? Есть «колдина», на ней в основном Лариска. А я «Ниву» не променяю.

За подъемом асфальтовая дорога свернула в сторону, и машина обрадованно выкатилась с нее на родную проселочную дорогу. Здесь не было выбоин, неровности были покатыми, колея наезжена, и на шестидесяти километрах машина словно плыла по волнам.

- По нашим дорогам ходовая иномарок не выдерживает. Дури, что в движке, что в голове у пацанов, полно, за сотню по ухабам. Понаберут блядовозок и выпендриваются. А «Нива» – это хозяйка. Смотри, смотри – коза!

Алексей притормозил. Справа от дороги вдоль чахлого Березника, не торопясь, словно давая полнобоваться собой, шла косуля. Уловив изменение в работе двигателя, оглянулась, и едва только машина остановилась, двумя прыжками скрылась за деревьями, мелькнув на прощание белым задом.

- Зверь тоже учится. Машина едет – ноль эмоций. Хлопни дверцей, останови машину, только ты их и видел.

- Какая же это коза? Это косуля. Я думал коза как коза.
- Знамо дело, косуля. Но так повелось: без рог – коза, с рогами гуран. И сами мы гураны, только без рог.
- А не обидно, что козлами зовут?
- А за козла ответишь. Сам же видишь, что козел и гуран – разные звери.

Машина взлетела на пригорок. За лиственницами блеснула поверхность озера в окружении темно-зеленых сопок. Алексей притормозил.

- Благодать. Ты в Европах такое небо синее видел? То-то. Свернули на узкую дорогу, которая, поплутав среди густых зарослей молодых лиственниц и берез, вынырнула из них к дачному поселку. С одной стороны вдоль дороги хилые заборчики показывали границы участков, с другой ивняк купал свои ветви в воде. Алексеева дача была в конце поселка. За ней дорога кончалась, упираясь в крутой косогор. Когда-то кто-то пытался

пробить дорогу выше, но колею размыло, превратило в маленькие овраги, заросшие шиповником.

- Приехали. Станция Березай, кому надо – вылезай.

На крыльце вышла женщина в спортивном костюме, посмотрела, прикрыв глаза ладошкой от солнца, на приехавших.

- Алёша, как раз к чаю.

- Знакомьтесь, мама, Михаил Александрович.

- Можно просто Миша.

- Татьяна Сергеевна. Проходите, Михаил, в беседку.

Ненавязчиво из старенького приемника звучали «Подмосковные вечера». От музыки, от отцветающей черемухи, запоршившей белыми, мелкими лепестками, как снегом, двор, от грядок с зелеными ростками, веяло покоем.

- Проходи, проходи. Садись. Я хозяйкам помогу.

В беседке, укрытой со всех сторон противомоскитной сеткой, посреди обеденного круглого стола стоял самовар. Не электрический, а старинный, с медалями. Из трубы вился слабенький дымок. Он уже не кипел, довольно урчал в ожидании хозяев. За столом сидел карапуз.

- Ты кто?

- А ты? – Вопросом на вопрос ответил Михаил Александрович.

- Я Мися.

- И я Миша.

- Нет, это я Мися, а ты дядя Мися. – Поправил его ребенок.

Протянул ладошку. – Здорово!

- Ну, здорово!

- А ты на Лизе женишься?

- Что? – Опешил Михаил Александрович.

- Папа сказал, что надоела она им и он ее замуж продаст, а калым пропьет. И правильно, она вредная.

Лариса принесла тарелку с высокой стопкой блинов.

- Здравствуйте.

- Здрасте.

«Здрасте», – поставив чашку с сметанной, сказала уже знакомая ему девушка из бухгалтерии.

Три женщины. Если бы он не знал, то подумал бы, что это три сестры. Татьяна Сергеевна – старшая, с добрым, ласковым

взглядом в легких лучиках морщинок глаз. Лариса – молодая мама, которая только расцвела женской зрелой красотой. И Елизавета – бесенок в узких джинсах, обещающий ни в чем не уступить старшей сестре и матери.

- Знакомься с нашей женской половиной. Лариса, Лиза. Тесть на вахте.

Алексей водрузил на стол чашку с салатом из свежей зелени. Редиска, зеленый лук, пряная трава со вкусом толи хрена, толи горчицы. Копченая курица, порезанная ломтями, пышный хлеб с хрустящей под ножом корочкой. Вид, запахи будили аппетит.

- Говорили – чай?

- Мы еще не завтракали. А вы уж за компанию.

- За компанию и... – Михаил Александрович извлек на свет божий пакет, который, войдя в беседку, поставил под стол.

- Не торопись, Михаил Александрыч. До баньки далеко. Дрова не колоты, печь не топлена. Делов, во! – Алексей провел ребром ладони по горлу.

- Михаил Александрович, вы думаете, он вас просто так привез. Они с мамой нас в батраков превратили и вас запрягут. Вон за избой целик, пока не вспашете, не вырветесь.

- Лиза, – одернула ее мать, – не пугай человека. А вы, Михаил, ешьте, не слушайте ее. Ей бы все хаханьки.

Вскоре на столе осталось только блюдо с куриными косточками и несколько блинов, на которые уже сил не хватило. Женщины живо прибрали посуду, а мужчины, закурив, отправились осматривать «фазенду». В начале лета судить о будущем урожае – пустое дело, но всходы были дружными, грядки ухоженными. Стоило шевельнуть кусты, как неповторимый запах смородины окружил их. Вместо забора с соседями стеной стояла малина. От леса отделяли теплицы и деревья с узкими, длинными листьями.

- А это что?

- Это? Молодильная ягода. Облепиха. Но до нее, как до первого снега. А у вас что, в Москве не садят?

- Нет. Да и вообще я житель городской.

- Вот и приобщишься к труду крестьянскому. Хочешь, листовку дам, покосишь?

- Не знаю. В кино видел, как косят, а саму косу в руках не держал.

Из дома вышли женщины. Они уже переоделись и отправились в конец огорода.

- Чо, попотеем?

Михаил вопросительно посмотрел на Алексея.

- Поможем женщинам. Тут протяпать осталось пять рядков. Каждому по рядку.

- Давай.

- Тогда пошли переодеваться. А то в твоих светлых штанах только на даче и отдыхать.

Алексей в предбаннике выдал ему шорты, стоптанные кроссовки, снял с веревки чистую футболку и напоследок протянул матерчатую шляпу.

- Держи, а то солнышко лысинку напечет.

Тяпать. Слово-то какое. Тяп-ляп. Но оказалось, что не так уж это и легко. Рядки были длиной метров двадцать. Вначале шло легко, подрубай остро оточенной тяпкой редкую лебеду, стараясь не подрубить прячущуюся в ней картофельную ботву. Но в конце рядки сливались в одну зеленую массу.

- Мокрец задавил, едрит его в корень. Весной дождей много было. Надо поднимать землю. Низинка, он и прет, как на дрожжах.

С непривычки Михаил взмок, на животе майка потемнела от пота. С половины ряда трава ковром. Приходилось, взрыхлив тяпкой землю, вручную вытряхивать ее из корней мокреца, как паутиной схвативших земляную корку. Женщины споро убежали вперед, и вот уже Лиза, закончив свой ряд, пошла ему навстречу. Сразу дело заспорилось и у Михаила. Он думал, что до конца рядка он возненавидит картошку на всю жизнь, запишется в китайцы и будет питаться только рисом. Заканчивали рядок втроем, Лариса помогала Алексею.

- Ну вот, ведро картошки заработал. Осеню заберешь.

Лиза, откинув мокрую прядь со лба, указала пальцем на Алексея.

- И после этого будешь утверждать, что ты не хохол?

- Хохол, хохол. С гуранским прищуром. Всё, купаться.

- А где мой тезка? – Заинтересовался Михаил.

- У соседей. Дочка у них из Читы приехала с внучкой, вот он у них и пропадает. Кавалер.

- Пошли, девчата догонят. Они пока сберутся...

- Я плавки не взял.

- Слушай, ты, что в Сочах на пляже. Какие в деревне плавки? Пошли.

- Миша. – Позвал Алексей сына у соседней калитки. – Куда пошли. Здравствуйте, Татьяна, берите Светланку и на озеро. Девчата? Купальники штопают.

Мишке убежал вперед. Алексей с Михаилом закурили и не торопясь спускались к озеру.

- Молодец Татьяна, – нахваливал Алексей соседку, – на последнем курсе вышла замуж. Родила и пока с дочкой сидела, закончила аспирантуру, кандидатскую защитила. Шутит, второго ребенка рожу, докторскую напишу. Она педиатр, причем прекрасный.

- Мишка, не лезь один в воду, получишь. Ни хрена не боится сорванец.

Нотки гордости звучали в отцовском голосе. А Мишка, несмотря на окрик отца, уже ползал на брюхе по песчаной отмели.

- Сколько ему?

- Четыре будет. Завтра. Ну что, полезли?

Уговаривать Михаила не надо было. Воду он любил, имел кандидата в мастера по плаванию.

- Эх! – С разгона ушел с дощатого трамплина в воду. Обожгла водичка. Когда на солнце тридцать, то двадцать – это холодно, и чем ближе ко дну, тем холоднее. Наверх, и вот уже теплая поверхность. Солнце. Рядом вынырнул, отфыркиваясь, Алексей.

- Благодать!

- Хорошо. Вон и девчата идут. Поплыли подальше. Не люблю с ними, перебаламутят всю воду у берега, лягухи.

- Поплыли.

Где же русским саженкам до классического кроля. Михаил сразу вырвался вперед. Бывает легкая вода, бывает тяжелая. Кажется, тело едва касается ее, скользит по самой поверхности. Вдох под правую руку – синее небо, выдох – светлая зелень во-

ды. Оглянулся, Алексей отстал и не пытается догнать. Плынет вольно, наслаждаясь прохладой воды.

- Ну, ты, молоток. Рванул, как моторка!

- Я в ватерпол играл. Почти всё детство в бассейне.

- Поплыли обратно. Делов еще полно.

Действительно, в делах незаметно пролетел день. Спала жара, когда они у протопленной бани вязали свежие веники. Мангал был набит ольховыми и черемуховыми чурками, ждал, когда поднесут спичку.

- Ну, с богом! Пока угли нагорят, мы напаримся. Пока девчата перемоются, и шашлыки будут готовы. Алексей поцеловал крестик, подержал во рту и прилепил к груди.

- А то обожжет.

Из двери полыхнуло жаром. Банка с квасом запотела на полу у двери. Вечернее солнце светило ярким лучом в маленькое окошко бани. Ползала по стеклу сомлевшая от жары оса.

- Сейчас ты мне за козла и ответишь. Залазь на полок.

Алексей налил в тазик кипятка, плеснул из банки кваса. Открыл дверь каменки и, отойдя в сторону, плеснул ковшиком на камни. «Пш-шшш», – раздалось из зева. Пара не было видно, только стекла в оконце затуманились, запотели. Оса упала на спину и, шевельнув лапками, затихла. Не от печки, отражаясь сверху, сбоку от стенки, наплыval жар, тонко запахло печеным хлебом. Алексей залез на полок и застыл с веником на коленях.

- Привыкай. Пока три капли с носа не упадет, париться рано.

- А мы веники запаривали и настой с веников на камни лили. Тоже хорошо получается.

- Это осенью или зимой, когда веники сухие. А свежий веник запарь, потом прутьями будешь хлестаться. Листья сразу в кисель. Ну, вот, шкура взмокла. Добавим.

Полковша взорвались в каменке. Алексей, устроившись на полке, как веером, стал обмахиваться веником. Струи горячего воздуха закружили по бане, обжигая тело.

- Эх, хорошо.

И пошел веничек гулять по плечам, опускаясь ниже, по вытянутой руке, перебросился веник в другую руку – и опять по плечам, по руке, по спине, по груди. Обжигает парок, горит

кисть, поменял руки. Свежий веник впитывает в себя пот, и вот недавно мокрое тело, покраснев, стало сухим. Пот щиплет глаза. Ладошкой студеной воды из шайки умыть лицо. Еще полковшика в каменку, и Михаил сполз с полка на лавку. А Алексей издается, не хлестнул веником, помахал им над его спиной.

- Не надо!

- Надо, Федя, надо! И за козла, и за прочее, на будущее.

Михаил сполз на пол и присел на порожек у двери. А Алексей наяривал себя веником, не легкими, гладящими движениями, как в начале, а от души. Хлестко прилипал веник к разгоряченному телу.

- Протопи ты мне баньку по-белому, я от белого света отвык, угорю я, и мне, угорелому, пар горячий развязает язык. – Блажил Алексей, отбивая такт веником по плечам, по груди, бедрам.

- Ох, благодать!

Выскочили в предбанник.

- Хлебни. – Протянул Михаилу банку с квасом. Затем отхлебнул сам.

- О-о! Как боженька босыми ногами по душе.

- Одевай плавки.

- Зачем?

- Так, воду дали. Выходи строиться. Форма ноль – трусы в скатку.

За избой, поставив Михаила к кусту сирени, он открыл кран и под напором стал окатывать его секущими струями воды. Михаил только прикрывал руками лицо и другие нежные части тела.

- Теперь ты.

Второй раз легче. Тело остыло и само просилюсь в жар бани. Руки пообыклись, веник ласкал и хлестал, сек и гладил.

- Добавь еще, – просил уже Михаил.

- Эх, протопи ты мне баньку, хозяюшка. – Помогал он вдруг севшим, охрипшим голосом Алексею.

- Всё, оставим немного пару девкам. Моемся, а то мангал прогорит.

Действительно, в мангале в последних языках пламени бордово шаяли угли, по краям подергиваясь черной патиной.

Уложив шампуры из свежего ивняка с мясом на мангал, Алексей принес из холодильника две запотевшие бутылки «Старого мельника».

- Бархатное. После баньки то, что надо.

- Рыбки бы. – Сделав добрый глоток, пожелал – попросил Михаил.

- Без проблем. На чердаке карась вяленый висит. Не лещ, но с пивом пойдет.

Поскрипывает старенькая приставная лестница. Дверца чердака норовит сама захлопнуться, не держится открытой. На проволоке под самой крышей висит, матово поблескивая чешуей, рыба. Дверца закрылась, в полуумраке на ощупь Михаил открутил три штуки. Хватит. На стропиле, недалеко от металлической трубы печки, висел мяч. Ну вот, а мы думали днем, во что поиграть. Прижал рыбу к груди, он хотел снять мяч. На удивление легкий он не хотел отрываться и, когда Михаил стукнул по нему, с треском упал на шлак, которым был засыпан потолок. Недовольно зашумел.

- Ай! Ой! О-о-о!

Жалили, гудели со всех сторон осы.

- Ой! О-о-о!

Михаил бросился к выходу. Полетели вниз караси, вслед за ними один тапочек, на следующей ступеньке другой.

- Беги. – Неизвестно кому, неизвестно зачем кричал Михаил, скатываясь по лестнице.

- Ой, ой! О-о-о! – Танцующей походкой в пляске святого Вита крутился он по двору в окружении облака из ос. – Ой, ой! Шлепал он себя руками. Глаза искали, куда унести, спрятать многострадальное тело. В машину – открыты окна. Дверь в избу захлопнулась, пока он летел с чердака. В баню. Вслед за ним, на нем в предбанник успело заскочить с десяток полосатых тварей. – Ой, – и он проскочил в баню.

- Ой! – Испуганный девичий вскрик сменился возмущенным «А-ах ты!» и оборвался. – Ай, ай!

Забыв про девичий стыд, Лиза отмахивалась от жалящих ос. Михаил схватил влажный веник и стал сбивать их на пол. С себя, с девичьего тела. Последнюю осу сбил на лету. Огромные

испуганные глаза смотрели на него, в него. Опомнившись, Лиза прикрываясь, обхватила себя руками. Краснее, чем после парилки, выскочил Михаил с веником в руках из предбанника.

- Ой! – Оса, спрятавшаяся под рубашкой, напоследок бжикнула его в живот.

- Ой!

Во дворе царила мертвая тишина, только над лестницей, у закрытой дверцы на чердак злобно гудели осы, потерявшие вра- га. Полыхнуло пламя над мангалом. Растипленный жир поджег угли.

- Ой, ох!

Покряхтывая, Михаил побрызгал на угли из пластиковой бутылки.

- Живой.

Донеслось из-за забора.

- У-уу, не знаю! – Простонал Михаил.

- А, осы.

- У-уу, не знаю: толи всех убил, толи улетели. – Показал он жестом на валяющийся у крыльца веник.

Губы, вкус которых попробовала не одна, а как минимум две, три осы, начали неметь. Слова смазывались.

- Ого. – Только и смог сказать Алексей. – Красавец!

- Тебе, шмешно.

Из дому вышла Татьяна Сергеевна.

- Мишенька. – Жалостливо оглядела Михаила. Нежно тро- нула багровеющее место укуса у виска.

- У вас аллергии нет? А то...

- Не знаю. – Пожал плечами Михаил.

- Может в скорую. Раньше кусали?

- Пчелы кусали. Осы – не помню.

- И как?

- Никак. Укусит одна, и ладно. Пчелы – не звери, стаей не нападают.

- Дядя Мися, какой ты смесной! Ты на слоника похож из мультика.

- Грех шмелятча над больными людьми. Это вам ш папой шмешно, а дяде Мише больно.

- Миша, всё, не приставай, пошли быстро мыться, а то шашлыки без нас съедят.

Шашлык от налета ос не пострадал. Хотя эти твари и всеядные. С одинаковым успехом едят они и варенье, и сало, и тварей, себе подобных. Видимо, дым от углей отпугнул их от лакомства, а так как по времени осинный налет уложился в гораздо меньшее время, чем вы про него читали, то и сгореть оно не успело. На запах шашлыка подошли и соседи, приглашенные в баню. В беседке за круглым обеденным столом, ровесником хрущевской семилетки, было тесно, уютно и весело.

- Слышиу, орет: «Беги! Беги!». Куда? Зачем? Я к дому, а он в облаке из слез, тьфу, ос. Я сразу понял: надо бежать, пока не догнали. Маме крикнул: прячьтесь, а сам на улицу, до озера, как на олимпиаде.

В свою очередь Михаил, перебивая Алексея, рассказывал, как в полутигровом чердаке толпой набросилась на него полосатая банда и вон что с мордой натворила.

- Зато Лизке силикон не потребуется. – Она на Распутину стала похожа.

Лариса надула, выпятила губы вперед, потянулась к Алексею. Причмокнула, изображая звук поцелуя.

- Тебе надо срочно к Михееву. Попросить, чтобы боль убрал, а опухоль оставил.

- Ты свои эротические мечты на меня не перепихивай. Не надо мне ни боли, ни опухоли.

- Девочки. – С укором посмотрела на них мать. – Прекратите. Но Лариска не унималась.

- Интересно, и где тебя осы покусали? Ты что, тоже на чердаке была?

- Так я в предбанник заскакивал. – Пришел на помощь Михаил.

Лиза покраснела и как за спасательный круг уцепилась за подсказку.

- Я из бани вышла, а она в полотенце сидела. Стала вытираясь, вот и укусила.

- Ага, и так несколько раз подряд.

- Ладно, сестрички, хватит собачиться. Тебя, Лизка, надо замуж выдать, и Лариска успокоится. Это она тебе завидует или ты ей?

Алексей налил матери и Татьяне шампанское, остальным по полрюмки водки.

- С легким паром! А что осы покусали, так это хорошо: ревматизмом болеть не будете. За здоровье!

- А мне. – Мишка протянул бабушке стакан, на дне которого желтели остатки обледеневшего сока. – Мы Лизку на дяде Миссе зеним? Он хороший.

Некуда вроде дальше краснеть, а запылала девушка от ушей до кончиков пальцев с красным педикюром.

- Да ну вас. Рано мне еще! Мы сначала Мисю на Светлане женим. Девочек, Миша, замуж выдают, а женят мальчиков.

За шутками, за разговорами освобождались ивняковые шампуры. Наплывал вечер. Зажгли плафон в беседке, которую сразу окружил таинственный полумрак, только на севере алой кромкой на хребтах лежало покрывало заката. На востоке в фиолетовом небе зажглась первая звезда. За озером раздался рев. Бя-я-у, гортанно полетело над водой, дачами, загуляло эхом по склонам сопок. Бя-я-ув.

- Медведь.

Остановился в танце Михаил. Лиза, на миг потеряв равновесие, прижалась к нему. Прыснула смехом.

- Козел. Он по вечерам часто орет. Не нравится, что громко музыка играет.

- А он что, так орет? А я думал медведь.

- Медведь не орет. Он тихоня, шуму боится, потихоньку скрадет и ням-ням.

- А ты специалист, однако!

- Так папа охотник! Это Лешка не берет меня на охоту, а с отцом ходила – и загоны гоняла, и на соли сидела.

Улыбку Лиза спрятала в тени, а когда в танце развернулась лицом к свету, оно было серьезным и только в глазах прятались бесенята. Не удержался вчера Алексей, пока мариновал мясо, рассказал про последнюю охоту. Взошла луна. Огромная, огромная. В ложбине между сопок, как дите на материнской груди. Татьяна Сергеевна увела зевающего Мишку спать. Сделали тише музыку.

- Ну что? Купаться? Вода сейчас, как парное молоко.

- Идем. По рюмочке и идем.
- Тебе хватит. – Пыталась притормозить соседка благоверного. Как обычно, это вызвало обратную реакцию. Кто откажется от предложения «Еще по рюмочке», когда счет потерян?

Татьяна унесла спать Светлану, остальные веселой гурьбой отправились к озеру. От берега до берега переливалась светлым золотом зыбкая дорожка. Таинственные тени притаились в прибрежном ивняке вокруг каменистого пляжа. Ласковая вода приняла, как родная, в свои объятия. Идиллию нарушил визг Ларисы, которая пробовала ладошками воду, а Алексей придал ей необходимое ускорение, чтобы она не загораживала ему дорогу. Хорошо играть в воде в чехарду, не ушибешься. Плеск воды, вскрики и визг разогнали тишину. На скрещенные крепкие мужские руки ступает девичья нога. Ее ладошки опираются на затылки, на счете два рука скользнула, судорожно уцепилась за что попало в попытке удержать равновесие, и на счете три ныряльщица кувырком летит к звездам. Кто пищит сильнее – не понять, толи она от страха и восторга, толи тот чье ухо она чуть не подарила Большой медведице. От смеха лунная дорожка рассыпалась в дрожащих волнах по всему озеру. Один Володя стоит на берегу. Перестоял. Ночная прохлада остудила пыл, и у него нет никакого желания лезть в мокрую воду.

- Что стоишь? – Повесив полотенце на куст, Татьяна сбросила халатик. – Пошли.

Сердито ударив стопой по воде, она направила брызги на мужа.

- Дура. – Сделав красноречивый жест у виска, Володя отскочил подальше от воды. – Бешеная.

- Да пошел ты...

И плюнув на боязливо стоявшего, слегка покачивавшегося мужа, она присоединилась к резвящейся компании.

- О, еще одна русалка. Залазь!

Ребята услужливо подставили руки. Короткий полет, краткие мгновения свободы, и тело вошло в воду, не теряя, обретая новую свободу. Легкое движение ладоней, чуть изменился извив стройного тела, и уже скользит ундина над самым дном в обратную сторону. Поймать кого-то за ногу, ущипнуть и, оттолкнув-

вшись от дна, стремительно унестись в сторону. Вынырнула, а над водой испуганный визг. Если в круг резвящейся молодежи попадет русалка или водяной, то молодежь этого и не заметит. Защекочут водяного, русалку зацелуют до икоты и с собой за стол уволокут. А вылезать из воды не хочется. Вода в озере теплая, мягкая. Забайкальская ночь – мачеха. Студит хиусом с хребтов, холодит из распадков туманом вечной мерзлоты. В воде тепло, да всю ночь не просидишь. Сушит полотенце тело, растирает мышцы, разгоняет кровь. Оделись и уже собирались уходить, но на берегу трико и тапочки. Шутки шутками, а кто-то из воды не вышел. Так, одного Володи нет.

- Володя. Вовка!

Только эхо с той стороны передразнивает

- Выходи. Замерзли. Пошли по рюмочке!

Тишина в ответ. Уж если даже на такую провокацию не поддается мужик, то дело табак. Михаил с ходу нырнул, прошелся над дном. Да что толку. Тьма кромешная и вода уже неласковая – черная, пугающая. Вынырнул.

- Володя!

Продолжает звать на берегу Татьяна. Если ночью присесть в воде, так, чтобы глаза были на уровне поверхности, то каждая травинка, каждый камень, выступающие из воды, становятся видны отчетливо, резко, как на гравюре. Но нет, ничего похожего на кочку, на прячущегося человека не видно. Михаил вылез на берег. Свежо.

- Может, он домой ушел?

- Ага. А его вообще кто-нибудь в воде видел?

- Загонишь его в воду, он плавает, как утюг.

- Так что мерзнем? Пошли в избе посмотрим.

Татьяна пошла, посмотреть мужа в доме. Остальные, укутавшись в одеяла, куртки, собрались в беседке у стола. Настроение было неопределенное. Слишком резкий переход от веселья к тревоге. Пришла расстроенная Татьяна.

- Ну что?

- Нет его дома.

- Тогда по рюмочке, для согрева, и пойдем искать.

Предложил Алексей.

- Где искать? Пока не рассветет – без толку.

- Татьяна, тебе шампанского?

- Не хочу. Плесни, Михаил, водки. Надоело, всё надоело и алкаш этот надоел. Все люди как люди, а он только праздники портить.

Выпив, закусив кусочком остывшего мяса, Татьяна посидела с минуту.

- Пойду к дочке. Утром пойду его искать. Пойдете? Вас звать?

- Конечно. Да и какой тут сон? Еще час, и рассвет. Посидим. Посиди с нами, что будешь одна тревожиться.

- Ладно. Только в бане соберу белье да на Светлану гляну. Нет, нет. Мне хватит.

- Мы тоже пас.

Мужики налили еще по одной. Чокнулись. Закусить не успели. В маленьком оконце бани метались тени, из предбанника доносились крики, разгневанные женские и жалостливые, почти скулящие мужские.

- Ой, ай! – Вывалился из дверей Володя, за ним Татьяна с веником в руках. С высохшего в жарко натопленной бане веника при первых же ударах облетела листва, и жесткие прутья секли голое тело.

- Ай, ай! – Володя отскочил, спрятался за вставшую из-за стола Ларису. – Больно же, дура! Ты чо, крыша поехала?

- Я тебе дам – дура. Это у меня крыша поехала? Это ты, урод, меня в гроб вгонишь. Людей всех переполошил.

На крик из дома выглянула Татьяна Сергеевна.

- Что у вас тут? Детей разбудите, весь поселок переполошите.

- Ничего, мама, всё нормально. Татьяна Володю воспитывает.

Татьяна постепенно остывала. Отлегла тревога. Володя, забравшись в угол беседки, подальше от супруги почесывал наливающиеся кровью рубцы. И что-то неразборчивое, не дай бог долетит слово до Татьяны, бурчал себе под нос. Всех начинал разбирать смех. Так всегда, после пролетевшей мимо грозы на душе становится яснее, легче.

- Таня, Таня. Все нормально. Не утонул же. Вот если бы утонул, тогда бы и колотила сколько влезет. А разве можно так живого человека? Да еще отца твоей дочки?

- Да его убить мало!

- А я, чо? Вы купаетесь, а я замерз. Танька меня водой облила. Замерз и залез в баню на полок погреться. Заснул, а тут эта влетела...

- Я тебе дам – эта...

- Э-э, хорош веником махать, еще нам достанется. – Алексей отобрал веник, усадил Татьяну рядом с собой. Сейчас чайку попьем, согреемся.

- Лиза, возьми гитару. Спой что-нибудь. Так, чтобы душа развернулась и не сворачивалась.

Гитара – не рояль в кустах. Нежно тронули девичьи пальцы струны, как ветерком. Медленно, полушепотом музыка, нежный девичий голос:

Сегодня томная луна,
Как пленная царевна,
Грустна, задумчива, бледна
И безнадежна влюблена.
Сегодня музыка больна,
Едва звучит напевно.
Она капризна и нежна,
И холодна, и гневна.

Коротка летняя ночь. Светлеет небо, луна бледнеет, выключили фонарь, царит в беседке полумрак. Окреп голос девушки и звучит живей.

Благодарю вас, милый друг,
За тайные свиданья.
За незабвенные слова
И пылкие признания.
Они, как яркие огни,
Горят в моем ненастье,
За эти золотые дни
Украденного счастья.
Благодарю вас за любовь.

Зашевелился Алексей, заскрипел скамейкой, брякнул стеклом, спугнул тишину. Сердито зарокотала гитара, и Лиза шепотом кричала.

Я поднимаю свой бокал,

За неизменность смены,
За наши новые пути
И новые изменения...
Я знаю, Вы совсем не тот,
Кто мне для счастья нужен.
А он ... иной. Но пусть он ждет,
Пока мы кончим ужин.

Сменив гнев на милость, вновь нежно струны зазвучали.
Подбирав аккорды, Лиза склонила голову, прислушиваясь к гитаре и, словно отвечая ей, запела только для нее.

В этой комнате проснемся мы с тобой.
В этой комнате – от солнца молодой.
Половицы в этой комнате скрипят.
Окна низкие выходят прямо в сад.
А в буфете есть вчерашнее вино,
Под часами, замолчавшими давно.
Подняла голову и уже всем – веселее, но с грустинкою.
Слышишь – травами пахнуло и росой?
Побеги скорее по саду босой.
В эту яблоню все сердце окуни...
Осыпаются под ветром наши дни,
Облетает захмелевшая душа,
А сама-то ты, как яблонь, хороша.

Смолкла гитара. В наступившей тишине пенье птиц приветствовало приближающееся утро. Полыхнуло небо алым на востоке, словно заря застеснялась песен в ее честь. Татьяна похлопала в ладошки.

- Золото ты, Лизочка. Тебе бы на сцену.
- В самом деле. На Алкиной фабрике вообще такие канарейки чирикают. А в вас душа, Лиза, а это ваши песни.

- Нет, наши. Это Александр Вертинский. Первый российский бард. А в Москве его что, не слушают?

- Ну...

Замялся Михаил, ему было неловко, он даже имени такого не слышал, не то что песен. «Вертинский?», «Вертинский?» – вертелось в голове. Высоцкий, Окуджава, Ким, но Вертинского среди бардов вспомнить так и не смог.

- А она и на свои стихи поет. – Лариса откровенно зевнула.
– Лизочка, душечка, спой из своих. Ну хотя бы «Шаловливый ветерок».

- А «Спокойной ночи, малыши» – не хочешь? Алексей нас накормил, в баньке попарил, Павел насмешил, я повеселила, а банинки сами укладывайтесь. Я спать пошла.

Наигрывая на гитаре и тихонько напевая: «Спи моя радость усни, в окнах погасли огни», она вышла из беседки и, перекинув гитару в одну руку, сладко-сладко потянулась. Первые лучи солнца от окошка домика зайчиками по деке гитары, ореолом вокруг головы Лизы. Миг, и девушка улетит, но она шагнула на крыльцо, и, закрывшись за ней, тихо скрипнула дверь.

- Павлуша, пойдем и мы.

- На посошок. – Предложил Алексей.

Уже выходящий Павел повернулся. Взял стопку, но Татьяна мягко забрала ее и одним глотком, не морщась, выпила. Взяла кусочек мяса и перед тем, как вбросить его в рот, сделала книксен.

- Спасибо всем. На обед к нам. Обещаю холодник. – Обняла за талию супруга. – Пойдем, Павлуша, я вместо посошка.

Встала и Лариса.

- ЧАО, мальчики. Я без посошка, сама, сама.

Проводив Ларису взглядом, Алексей тяжело вздохнул, посмотрел на остатки пиршества. Поднял едва початую бутылку.

- На посошок? Или?

- А что, или?

- Берем удочки, закуску и на бережок.

- Берем.

Михаил был согласен на всё. Сколько было выпито, да и выпитое о себе не сильно напоминало. Хорошая закуска, ночное купание, утренняя прохлада и вместо пьяни – легкий хмель.

Спустились к озеру. Алексей тропинкой в густом мелком березняке вывел на поляну, оканчивавшуюся берегом озера. В воде торчали роготульки.

- Садись слева, я справа. Место прикормленное.

Распуская удочку, Алексей показал Михаилу, какое дно ставить. И вот, свистнув в воздухе, леса унесла наживку в воду. Вода парила от утренней прохлады. Дачный поселок купался в

солнце, а озеро пряталось в тени сопки. Прохладно. Алексей постелил прихваченный кусок пленки, выложил мясо, хлеб, налил на палец в стаканы.

- Давай, Михаил. За клев.

- Клюет.

Поплавок на Алексеевой удочке ушел под воду, леска вытянулась, заиграл, задергался конец удилища.

- А, мать!

Алексей, поставив стакан, бросился к удочке. Подхватил, удилище согнулось дугой.

- Зацеп. В траву уволовок.

Алексей ослабил натяг, поводил удилищем влево, вправо. Удилище гнулось, леска резала воду, в которую лезть не было никакой охоты. Отойдя от берега, Алексей стал тянуть в нахалку за леску, намотав ее на руку прямо у катушки. Щелк, из воды вылетела снасть с травяной зеленкой на конце. Выдержала, не оборвась, и крючок на месте. Насадив перловку, Алексей опять забросил в то же место. Михаил решил забросить ближе к его поплавку. Потянул и неожиданно почувствовал, что на конце удочки сопротивляется живая тяжесть, от неожиданности резко, через себя выбросил на берег карася с ладошку.

- С почином!

- А я и не заметил, как клонулся.

- Так он и не клевал. Взял червя в рот и жевал его стоя на месте. Ну, давай, за почин!

Михаилу не хотелось отрываться. Азарт постукивал кровью в пальцах, пока он вытаскивал крючок, заглоchenный карасем по самые жабры.

- Ну, давай. За клев.

Вода, как зеркало. Шевельнулся поплавок. Рыба рядом проплыла или уже пробует губами насадку? Пробует, тихонько покачивается поплавок, шевельнулся и пошел в сторону, медленно погружаясь под воду. Кистью подсечка. Есть. Осторожно к берегу. Выглянула карась из воды, хлебнул воздуха и лопатой на бок. Ошалел. Пока не опомнился – волоком на берег. Этот по-приличнее. За полкило будет. Забыли и про закуску, и про бутылку, которую грело солнышко, добравшееся до озера. За час поймали по десятку карасей.

- Хватит.
- Алексей?
- Хватит. Их еще чистить. Ты вчераших не съел, вяленных.
- Спасибо, напомнил.
- Серьезно, я не ловлю больше, чем съедим. Карась вкусен свежий. Когда его на сковородку, а он подпрыгивает.

Караси карасями, а чайки обиделись, что рыбаки не наловили гольянов, по обычанию разбрасываемых им на поживу по берегу. На пленке от закуски осталась только возмущенная птичья благодарность. Как еще бутылку не утащили? Пленку, скрутив, засунули под корягу, мараться, отмывать ее желания не было никакого.

Татьяна Сергеевна, пока не наступила жара, возилась в теплице. Выглянула на скрип калитки.

- Рыбачки. – С укором посмотрела на полупустую бутылку.
– Ох, Алексей, ну не ждала от тебя.

- Татьяна Сергеевна. Да мы всего по рюмочке и выпили на берегу. Некогда было. Во, сколько наловили!

Поднял Михаил садок, в котором трепыхались караси. Улыбнулась.

- Защитник. Наловили, вам и чистить. А я, так уж и быть, пожарю.

Устроились с тазиками под черемухой.

- Хорошая у тебя теща. Моя мама пилила бы до вечера.

- Хорошая. А вместо пилы у меня Лариска, китайская, деревянная. Ты над рыбой не издевайся. Смотри. Перевернул, рукойкой по голове, и когда затихнет, тогда чисти. А ты живьем. Живодер.

Михаил смотрел, как ловко получается у Алексея. И чешуя не летит по сторонам, и нож вспарывает брюхо, а не рвет его вместе с кишками.

- Главное – желчь не раздавить. А то тебя же съесть и заставят.

На крыльце выскочил Мишка и побежал босиком за избу. Вернулся, уже не торопясь, одергивая трусики, с мокрыми от росы ногами.

- Это караси. Папа их много ловит. Дядя Мися, а ты с папой тозе ловил?

- Ловил. Вот этого я поймал.

Узнал он одноглазого карася. Пират, а не карась.

- А у меня тозе удоцка есть. Папа, пойдем есе ловить.

- Позже, Миша. Сейчас клевать перестало и ветер волну по озеру гонит, поклевку плохо видно. Беги. Умывайся, одевайся. Этих съедим – новых наловим.

Разговаривал Алексей с сыном серьезно. Ребенок, который мог капризничать, крутиться и вертеться в материнских объятиях, чувствуя мужскую руку, держал марку.

- Мужик.

- Будет. До пяти лет – дите. С ним няньки. После пяти – дядьки. Так всегда на Руси было. Это сейчас, черт те что с воспитанием! Не тронь, не обидь. В угол нельзя, что уж про ремешок говорить. Амбуцменов, или как их там, всяких менов развелось, как блох на собаке. Уважайте в ребенке личность. Так если он личность, то, имея право на поступок, должен и отвечать за свои поступки, за последствия поступков по всей строгости закона. А так как уголовная ответственность с 14 лет, а до этого ответственность несут родители, поэтому для него закон это Я, и Я определяю строгость и меру наказания.

- Круто.

- Зато справедливо. У нас как сейчас: закон один, а отвечают по-разному, а у кого вообще неприкосновенность. С детства привыкают к безнаказанности. Всё, последний.

Алексей бросил карася в тазик с вычищенной рыбой.

- Мой руки. Чайку попьем, да отдохнем часок.

В обширном предбаннике стояла прадедова кровать, с блестящими металлическими шарами. Царили в нем полумрак и прохлада. Глаза закрылись прежде, чем голова коснулась подушки. Во сне поплавок нырял под воду, снова появлялся, прятался в солнечных бликах. Из волн в радуге брызг вышла Лиза. Нежная, прекрасная – какой он увидел ее в бане. Капельки воды на обнаженной коже сверкали бриллиантами. Осторожно ступая, словно пробуя воду на ощупь стройной лодыжкой, девушка вышла на берег. Не смущаясь своей наготы, словно богиня, гордясь своей красотой, пошла по тропинке сквозь прибрежные заросли. Он бросился за ней, но зеленые ветки удерживали, хле-

стали и царапали кожу. Исчезла девушка, пропала тропинка, сумрак в переплетенном ивняке.

- Ты что пинаешься?
- Да снится всякое.
- Чтобы всякие не снились, жениться надо.
- Спасибо, я тебе что плохого сделал?
- Сделаешь, вся жизнь впереди. Пойдем, искупнемся, а то до вечера провалляемся.

Действительно, купание взбодрило. Холодник, блюдо похожее на окрошку, но на свекольном отваре утолил жажду и голод. От водки оба отказались. Начинать пьянку по новой не хотелось. День выдался прекрасный. Накупались, порыбачили с Мишкой, которому отец позволил вытащить удочку, на которой бойко сопротивлялся небольшой карасик. Всё в мире относительно. И когда мы про пойманную рыбу говорим «с ладошку», то для ребенка – три ее, а восторг у него не в три раза, а несравненно больше. Погуляв по округе, нарубили веников и, сидя в тени беседки, неторопливо беседовали, укладывая веточку к веточке. Если березовый веник глаз радует, то и в бане он будет ласковым.

- Почему у нас варягов не любят? А как любить, если разница в зарплате кратная? Кого принимают на работу по договору через центральный офис, у тех зарплата с пятью нолями. Да и не только в этом дело. Наши бы тоже работали. Но делают что. Как работа денежная, они ее подрядчикам. Заключи договор со своими работягами, они день и ночь будут работать. Честно. Честно – не выгодно. Подрядчик сразу откатит процент и в конце поделится. Потому что подрядчику тоже выгодны приписки. Свои не пойдут на это. Им же потом работать на этой технике, оборудовании. Недоделал по наряду, будешь без зарплаты на ремонте сидеть.

- Так чего молчите?
- Толку орать? Ты думаешь, они не знают с кем делиться? А самое страшное, что работаем на рухляди. Всё сыпется. Самосвалы в отвалы улетают, выпускают белазы, если хотя бы на одном колесе тормоз работает. Для этих специалистов кинематика – нечто матерное, а гидравлика – из греческой мифологии. Если менеджеры? Не лезьте в технические вопросы. Ну вот. Ви-

дишь, как мы с тобой славно поработали. Еще десяток связали. До следующего сезона хватит. На чердак ты полезешь?

- Спасибо. Я вчера слазил. Чешется.

- Не у тебя одного. С чего бы это Лизка исчесалась, ее что, одна оса во все места укусила?

- Это ты у нее спроси. А мне зубы не заговаривай. Твой чердак, ты и лезь.

Чесалась не только Лиза. Павел тоже почесывал под футболькой рубцы. День жаркий, соль пота бередила раны. Одно спасение – озеро, пусть временное облегчение, но облегчение от зноя. Михаил заглядывался на Лизу, на ее стройную фигурку, вслушивался в ее веселый смех. Ему казалось, незаметно для окружающих. Но даже Лиза ощущала женским, не знаю, каким по счету, чувством, тепло его взгляда. Оторвалась от Мишки, с которым возилась на отмели, оглянулась и, озорно подмигнув, показала Михаилу Александровичу язык. Это вышло у нее настолько непосредственно, по-ребяччи, что он опешил, захлопал глазами. А когда вокруг рассмеялись, он отчаянно покраснел. Зачесались, все сразу, осинные укусы и, как утопающий ищет спасения там, где тонет, он бросился в воду. Ушел под воду, плыл у самого дна в холодных ключевых струях, пока не заболело в груди. Со стуком в висках вынырнул, перевернулся на спину, раскинув руки, стал любоваться полетом чаек. Успокаивалось сердце, стук в висках сменился тихим шумом в ушах, плеском волн, которые гнал легкий ветерок. Слышал, как на берегу звали его. Но он радовался покою, чистому небу, прохладной воде и яркому солнцу, которое слепило глаза.

Лиза сидела на валуне у среза воды, обхватив колени руками. Если картина Васнецова навевала печаль, то яркая зелень юного лета, юная девушка, сверкающая солнечными бликами вода наполняли светом, радостью. Радостью бытия и радостью, которая будет. Тихо, без всплеска Михаил ушел под воду. Ушел в сторону и метров через пятнадцать, глотнув свежего воздуха, изменил направление в сторону девушки. Немного левее отмели вынырнул так, чтобы только носом можно было дышать. Лиза уже не сидела. Стоя на камне, прикрыв ладошкой глаза от солнца, она вглядывалась в солнечные блики на воде, ища Михаила.

- Га-ав. – Вскочил Михаил на ноги и пригоршнями стал плескать воду на опеившую девушку. Лиза отступилась и упала бы, не подхвати он ее на руки.

- Дурак. Дурак! – Колотила она его кулачками по плечам, по голове.

А он, выйдя из воды, кружил ее по поляне. Задохнулся от смеха и, не отпуская ее, сел на траву.

- Дурак. – Только исчез оттенок возмущения. – Дурак. – Повторила Лиза почти весело, с ноткой нежности. – Дураак.

Михаил разжал объятия, откинулся на спину. У Лизы кружилась голова, потеряв опору, качнулась, оперлась рукой о его грудь, оттолкнулась и вскочила на ноги. Оттолкнулась, попав ладошкой на солнечное сплетение, так удачно, что из него вышибло воздух, слезы выбило из глаз.

- О! – Подавился он вздохом, закашлялся. Перевалившись на бок, едва отышался. Лиза испугано смотрела на него. Присела, ее теплая ладошка легла ему на плечо.

- Миша, Миш, ты чего?

- А вот чего.

Поймав ладошку, он притянул девушку к себе и, прежде чем она успела понять, как оказалась у него на груди, подарил ей жадный, торопливый поцелуй. Вихрем кутерьма мыслей, желаний: «Нахал! Ударить, Убежать». А целоваться так сладко, и не оттолкнуться, одна рука в его руке, вторая почему-то запуталась в его влажных волосах.

– Дурак. – Теперь ей не хватило воздуха. Положив голову на его плечо, она тихо шептала: «Дурак. Дурак», а рука перебирала влажные прядки у виска. – Дурак.

- Лиза.

- Миша.

Звали их с дороги. Когда они поднялись по тропинке, Лариска, глянув сердито на сестричку, спросила с ехидцей.

- Вы что решили здесь ночевать? Завтра на работу пешком пойдете. Мы собираемся.

- Ну и ехали бы. Что не найдем на чем добраться? С Татьяной уедем.

- Татьяна с Павлом уже уехали. Что, счастливые часов не наблюдают?

- Тебе-то дело?

Михаил в разговор сестер не втревал. На губах еще горели неумелые девичьи поцелуи, казалось, что слова спугнут их, сотрут даже память о них, и всё окажется продолжением сна. На даче курил в беседке, глядя, как хозяева укладывают в машину канистры для питьевой воды, пакеты со свежей зеленью, всякую прочую мелочь. Уловив минуту между сборами, он подошел к Лизе, взял ее за руку, остановил. И в ответ на ее пытливый взгляд спросил.

- Лиза, вы... ты вечером что делаешь?

- Ничего. А что?

- Приходи.

- Куда? В гостиницу? Да завтра весь поселок будет на меня пальцем показывать, а мама последние волосенки повыдергивает.

- Зачем в гостиницу? По поселку погуляем. А то я его так и не видел. В кафе сходим. На танцы.

- С танцами пролетели, дискотека у нас вчера была. В кафе? Не знаю. А поселок показать? Почему бы и нет. Встретимся на пятаке. Знаете где?

- Знаю. Лавочки с бабусями.

- Бабуси днем. Вечером молодежь.

- Хорошо, Лиза. Я буду ждать. Очень.

Забайкальские вечера длинные. Солнце скрылось за ближними хребтами, поселок спрятался в тень, а сопки вокруг купаются в лучах невидимого в долине солнца. По лесной дороге поднялись на самую вершину. Догнали солнце. Внизу, как на ладони, лежал поселок. В домах зажигались окна. Вечерние сумерки разгоняют фары автомобилей. Доносится музыка. Одурияющий запах от теплого ствола сосны, за которым прячется Лиза. Прячется, убегает, стараясь, чтобы он догнал, обнял, поцеловал. Ответив на поцелуй, уловив момент, выскользывает из объятий, убегает. Солнце, пройдясь по верхушкам, словно ласково пожав им на прощание лапы, ушло на покой. Но до темноты еще далеко, тень земли не упала на небо. Сумерки. На пятаке молодняк. На лавочках пиво, пачки чипсов, музыка, смех.

- Пойдем в кафе? Я действительно проголодался.

- Пойдем. Пойдем. А то похудеешь. – Смеется Лиза.

Кафе – не пятак, публика посолиднее. Вечер воскресенья не пятницы – со свободными столиками проблемы нет. Усадив Лизу, Михаил сделал заказ и вернулся за столик. Важны произносимые слова? Взгляд, улыбка. Мимолетное касание, пожатие руки в медленном танце. Едва пригубленное рубиновое вино в бокале, едва тронутый салат и снова музыка. «Ах, какая женщина, какая женщина». Кружит музыка, кружится голова, кружится полупустой зал, до которого им нет дела.

Им нет дела, но есть к ним. В противоположном углу зала сидели «варяги». Не «декабристки» у них жены, чтобы ехать в Сибирь, вот мужики и дичают в одиночку. Всё правильно. Декабристов ссылали, а эти за длинным рублем в каторжный край сами подались. Здесь, правда, тоже за всё платить надо, только «варяги» по меркам княжества московского привыкли всё в баксах считать, и в переводе на «рваные» считай задарма все удовольствия получали. После трудов каторжных любили они в кафе оттянуться, нет-нет, и бабочка какая-никакая на баксы прилетит. Вальсы они с ними не крутили, не для этого поили и кормили. А тут на тебе и фокстрот, и танго, ну прямо как звезды. И кто?

- Ты директор или кто? Не знаешь где у тебя такая конфетка в кабинете ошивается. Разберись и доложи коллективу. А мы пока с ревизоришкой потолкуем. Есть о чём.

Фужеры – не хрусталь, но «Кахетинское» на удивление оказалось не самопалом. Под настроение рубиновый оттенок, приятный терпкий привкус. Тонкий звон стекла.

- За тебя.

- За нас.

Бесенята в ласковых глазах, на губах легкая улыбка.

- Извините. Михаил, как по батюшке? Выдем, покурим.

Михаил удивленно посмотрел на двух прилично одетых мужчин, на десяток лет старше его, на Лизу. Разборки, так вроде не пацаны. Да и Лиза сделала бровки домиком. Дескать, ничего не понимаю.

- Спасибо. Не хочется.

- Пойдем, пойдем. Потолковать надо. По работе. Я главный механик, Мархотин. Да не бойся, никто вино твое не выпьет. Поговорим, глядишь, сами простишись.

- А я не боюсь. Извини, Лиза. Пойдем.

В холле тон Мархотина изменился. Стало заметно, что он и его товарищ уже прилично пьяны.

- Ты, – обняв Михаила за плечи, Мархотин повис на нем всей тушей, – сынок, ты куда лезешь? Проверяй, как электричество экономят, и не лезь не в свои дела.

- Я вам не сынок.

Михаил резко сбросил руку. Теряя опору, Мархотин запутался в двух дверях, причем крепость одной проверил лбом. Заматерившись, отстал.

Не оборачиваясь, словно самому себе Михаил продолжал.

- Это мое дело, чем мне заниматься. Не перед вами отчитываться.

- Не горячитесь, молодой человек. Дриньков. Слышали о таком?

- Наслышен.

- Так вот, молодой человек, отчитываться вам не перед нами, но как примут ваш отчет там, зависит от нас.

- Ого. Круто.

- И вас, и нас один хозяин послал. Нам дружить надо, а не копать друг под друга. Проверяйте то, что в компетенции комбината, в то, что проходит через Москву, лезть не надо!

Закурили, каждый свои. Михаил с интересом поглядывал на Дринькова, так он стал называть про себя этого нагловатого нового знакомого. Мархотин участия в разговоре не принимал. Протерев платком лоб и убедившись, что крови нет, он приложил к шишке связку ключей. Стоял в нахмуренном молчании, ожидая развития событий.

- Там, извини, не дураки сидят, и они тоже кушать хотят. А ты кусок у них изо рта выдергиваешь.

- Так это не их кусок, и не ваш. Вы его у работяг урвали.

- Какая разница, урвали – не урвали. Аборигенам от большого пирога всё равно одни крошки достанутся. Не важно, чей был кусок, важно, что он уже в наших руках, поделен и съеден.

- Придется посидеть на диете. Полезно.

- Не боишься? Смотри, отошашь, когда от кормушки отлучат.

- Я с вами с одного корыта и так не ел. Постник хрякам не товарищ.

Чем бы закончился разговор, неизвестно. Прервал его шум драки, крики, доносящиеся из кафе. Михаил вбежал в зал первым. Перевернутые столики, несколько человек махаются посреди зала. Отыскал глазами Лизу. Она стояла у стены, в кровавых пятнах белая футболка, светлые джинсы. Он бросился к ней.

- Ты как? Кто тебя?

- Нормально. – Видя испуг в его глазах, ощущая осторожные прикосновения его рук к кровавым пятнам, поспешила успокоить. – Нормально. Это вино. Директор – скотина.

Этого было достаточно. Объект указан, а верному псу для защиты хозяйки не надо команды: «Фас!» Добраться до директора ему не удалось. На пути встал Мархотин, от его размашистого удара Михаил легко ушел в сторону и с правой, открытой ладонью врезал со всей силы в набухшую на лбу противника шишку. Кафельный пол – штука скользкая. Перепрыгнув через упавшего Мархотина, Михаил успел увидеть только спину директора, который скрылся в проходе, ведущем на кухню. В это мгновение сам получил чувствительный удар по лицу, ответил тем же, чем-то огрели по хребтине. Драка выкатилась в холл, оттуда на улицу. Было не понять: кто кого бьет. Михаилу доставалось с двух сторон. Выбежала на улицу Лиза. Встала перед ним лицом к противникам, закрыла своей нежной девичьей грудью. Этого оказалось достаточно. Кого бить, Алексей не знал, а противники просто забыли про него.

Директор закрылся в кабинете и называнивал диспетчеру, вызывая охрану к кафе. Из отделения милиции выехали на вызов ответили отказом. Дежурный сослался на то, что он в данный момент один и покинуть отделение не имеет право. Только справился: нет ли убитых и тяжело пострадавших. Как будто можно легко пострадать? У директора лицо и грудь были перемазаны в крови из разбитого носа, под обоями глазами наливались синяки. Кто-то удачно попал по переносице, она опухла и болела. Черт дернул подойти к этой кукле. Бешеная. Он всего-то и хотел с ней потанцевать, познакомиться, пригласить за столик, мужиков потешить. Ну, занесло немного, хотел помочь ей выйти из-за столика, а что не хотела, так это ее проблемы.

Драка начала утихать. Куда там системе оповещения МЧС со всеми нанотехнологиями, до русского народного «Наших

быют». У кафе уже толпилось, галдело десятка два подростков, малочисленные сторонники директора ретировались в холл и посматривали сквозь стекло, ломая голову, как выбраться из этой ситуации, добраться домой целыми и здоровыми. Подъехал уазик. За рулем сидел Перхоть. Сколько человек находилось в салоне, было не понять, но выходить они не рискнули.

Лиза промокнула платочком кровь с подбородка Михаила, тронула губами уголок рта с припухшей разбитой губой.

- Пойдем в гостиницу.

- Ага. Только колготки подтяну. Смотри.

Лиза давно заметила, что Перхоть, разговаривая по телефону, показывает кому-то в глубине салона на них пальцем.

- Не стоит. Гостиница – территория комбината. Они здесь хозяева. Хотели было весь поселок подмять, да у гуранов рога не гнутся. Пойдем.

И уже всем, взяв Михаила под руку:

- Ребята, пошли на пятак. Сеанс окончен. Цирк уезжает, а клоуны пусть остаются.

На скамейках с удовольствием вспоминали проишествие, разогнавшее скуку. Не так уж часто бьют морду директорам, а свои раны, синяки и ссадины – это свидетельство доблести и чести.

Дома Татьяна Сергеевна только ахала над живописным рассказом дочери и сердито поглядывала на «Дон Жуана», словно он уже совершил свое черное дело: соблазнил и покинул ее крошку.

- Что вы потеряли в этом кафе? Там всегда драки. И сама знаешь, кто ходит туда.

- Кто, мама? Твой юбилей тоже там отмечали. Так кто мы?

- Мы коллективом. Ты как работать теперь будешь? Михаил Александрович завтра уедет, а тебя съедят.

- Подавятся. Я год работаю и уже третий – директор. Их меняют, как прокладки, едва замараются.

- Фу!

- Что «Фу»? Свои, может, и глупее, но честнее. А скажи, кто из «варягов» не замарался? Потому что едут не работать, а заработать, и не важно, на чем и каким способом. А спеси? Это, не про тебя Михаил.

- А почему не про меня? Я тоже считаю, что пьют здесь по-черному.

- Ой, не надо. Москва – город трезвости.

- Так, всё, хватит. Завтра на работу. Я постелю Вам, Михаил Александрович, на диване. Ты тоже – помыла посуду и быстро спать.

Утром, умываясь, Михаил рассматривал свое лицо в зеркало. Губа кривила рот, не добавляли шарма и следы осиных укусов на лице и шее. Побравшись одноразовым станком, лежавшим на полочке, он, не дождавшись выхода Лизы, поблагодарил Татьяну Сергеевну за завтрак и ушел в гостиницу.

- До свидания. – Холодно прозвучало ему вслед. Железом щелкнул язычок замка закрывшейся двери.

...

- Красавец. – С ударением на последнем слоге произнесла Елена Семёновна.

- Осы покусали.

- Проходите, садитесь. Что стоите в дверях? Вы, должно быть, убедились. Я не кусаюсь. А осы у нас злые. Кофе?

- Да я позавтракал.

- Это ясно. Татьяна Сергеевна – хозяйка хлебосольная.

- У-у.

Семёновна рассмеялась над его изумленным лицом.

- Без «У-у-у». Поселок стеклянный, все всё видят, всё знают. А осы злые не только вас покусали. Планерка сегодня отменяется и не известно, будет ли завтра.

- Лидия Семёновна, но в самом деле осы покусали. Чешусь, как пес шелудивый.

Оправдания прервал стук в двери. Вместо них пришлось давать показания.

- Лейтенант, когда вы были вчера нужны, вас не отыскать, а сегодня с утра пораньше прилетели.

- Не уводите разговор в сторону. Вот заявление от пострадавшего Мархотина, что вы первым ударили его. Вот справка о телесных повреждениях. Рассечен лоб. Тупая травма головы, контузия.

- Так это он пьяный, головой дверь таранил. Вы следственный эксперимент проведите, его еще раз припечатайте и увиди-

те, я его ударил или он сам рога сшибал. А тупая травма головы у него от рождения.

- Не острите. Вот еще свидетельские показания Дринькова, подтверждающие слова пострадавшего. И то, что зачинщиком драки были вы. А если не вы, то кто? Ведь вы же видели участников драки? Можете опознать.

- Я в поселке-то никого не знаю. А кроме Дрянькова никто показаний не давал? Интересно было бы с ними ознакомиться. А я вам всё рассказал. Не видел, не знаю, не участвовал. Претензий ни к кому не имею.

- То, что участвовали, на лице у вас написано.

- Это осы покусали. Есть свидетели. Кстати, можно их привлечь к ответственности? Не свидетелей, ос.

- Издеваетесь?

- А почему бы и нет, лейтенант? Я видел мельком, у вас в папке заявление от директора. Понимаю. Меры принимать надо. Но, пожалуйста, без меня. Не видел, не знаю, не участвовал. О чем искренне сожалею.

Сердито захлопнув папку, следователь выскочил из кабинета. Заливистый смех Лидии Семёновны провожал его и за дверями.

- А вы молодец. Я думала, московский хлыщ. Особа приближенная. А вы нормальный мужик. И даже Лизе сумели понравиться.

- А что, она какая-то особая?

- Вы не заметили? Не особая, особа особо неординарная. Еще в девятом классе создала рок-группу. Окончила школу с медалью, правда серебряной, поступила на бюджетный. На областном конкурсе заняла первое место, получила приглашение в академию предпринимательства. Экономист грамотный, но от должности главбуха отказалась. Ей, видите ли, жить хочется. Сейчас учится на факультете журналистики, была редактором многотиражки, но неправильно освещала деятельность компаний в строительстве светлого капиталистического будущего. Отказалась пиарить руководство. Итог: сидит в бухгалтерии. Пока. А что будет – неизвестно. Издала две книжечки стихов. И не дай Бог вам ее обидеть, Вам за нее... Мало не покажется. Любят ее здесь.

- Уговорили, не обижу. Как бы она меня не обидела? Не будем про нее. Что скажете про Дрянькова и Мархотина?

- Что скажу. Общалась с ними только на планерках. Они из тех господ, которые всегда найдут виноватых. Чей зад подставить. Как специалисты? Людям с ними тяжело работать, особенно с Дриньковым. Впрочем, у хорошего человека не может быть такой фамилии.

Лейтенант крутился, как попугай в клетке, которую кот проверяет на крепость. Начальник райотдела орет, директор в унисон сопит разбитым носом: разыскать, возбудить. Кого искать? Пострадавшие не знают, не помнят. Кто бил, за что били? Ответа нет. Обслуживающий персонал молчит. «Варягов» не любят. Своих не выдадут, с ними жить. Директор с компанией валят на ревизора. Но если бы ревизор начал драку, то пострадавшим оказался бы он. Не тянет ревизор на Шварценеггера. У девицы этой, Котковой, еще надо взять показания. Если бы лейтенант Иващенко знал, на что отважился, он бы вызвал девушку повесткой. Серпентарий красивых, но от этого еще более опасных созданий божьих. Оплели, опутали. Вместо показаний он приобрел еще одно заявление если не о попытке изнасилования, то об оскорблении девичьей чести и насильственных действиях в отношении заявительницы. Но причина драки обрела обоснование. Разбираться в этом деле у следователя совсем пропало настроение. Кроме неприятностей ничего не приобретешь. Угодишь начальству и «варягам», опустишься в глазах жителей ниже плинтуса. Начальство назавтра забудет об указанной услуге. «Варяги» на то и «варяги» – нынче здесь, завтра там. Подполковник, когда он доложил ему о ходе расследования, полчаса орал в трубку, потом посочувствовал ему, его молодости и неопытности, и пообещал после обеда приехать лично.

До обеда Михаил Александрович в основном составил отчет о командировке, в которой отразил слабые места и упущения в мерах и способах экономии материалов, энергоресурсов, выдал свои рекомендации для руководства комбината. Остались вопросы, решаемые уровнем выше. В отделе кадров личных дел ни директора, ни присных с ним не было. Принимались они на работу в головном офисе, вся информация об их образовании и

предыдущей деятельности хранилась там. Даже зарплата их была для работников комбината тайной за семью печатями. Чем бы не был занят Михаил Александрович, он все время подсознательно ждал. Ждал – откроется дверь, и она войдет в кабинет, ждал, что за этим поворотом полутемного коридора встретит ее. Ждал ее звонка. Зайти к ней в бухгалтерию он боялся. Боялся слов, которые хотел, но не мог ей сказать. Боялся не ее, боялся себя.

Перед обедом его нашел Алексей. Весь комбинат весело обсуждал вчерашнюю потасовку. Кто-то успел выкинуть в интернет фотографии. Вот: Мархотин на полу, испуганное лицо удирающего директора, Лиза в залитой красным футболке рядом с опрокинутым столиком, она же и Михаил, заботливо осматривающий ее, Михаил с рассеченной губой, искаженным от гнева лицом в сутолоке драки, лица, кулаки.

- Ну, ты герой. Покажись. У-у-у! А наговорили!
- Да мне по морде всего один раз прилетело, и то вначале.
- Зато ты, говорят, Мархотину башку проломил.

- Еще один. Мне тут лейтенант мокруху шил, теперь ты. Мархотин сам, еще до драки, дверь лбом проторанил, а я только погладил.

Вернувшись к фотографии, где Мархотин растянулся на полу, а Михаил застыл в прыжке над ним, Алексей рассмеялся.

- Хорошо погладил. Жаль, меня не было. Я бы еще добавил. Поехали обедать. Карета подана.

Машина стояла за КПП. Ожидали Ларису с Лизой.

- Но мужики тебя зауважали. Так что можешь по поселку ночью ходить свободно.

За обедом, перебивая друг друга, Лиза с Михаилом рассказывали перипетии вчерашней драки. Все согласились с мнением Ларисы, что директор козел. Поддержали совет Лизы, что Михаилу надо писать встречное заявление о том, что Мархотин и Дриньков вызвали его на улицу специально, чтобы освободить поле действия для приставаний директора к Лизе. На улице они, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, спровоцировали драку. Тут же на кухонном столе под диктовку Лизы заявление было написано.

Поселок гудел. Полиция научилась пользоваться интернетом. На рабочем столе компьютера папку с фотографиями сле-

дователь поместил в самый центр. Подполковник приехал не один. Пес не кусает руку, его кормящую. Прикормить полицию, сидящую на бобах, всегда есть чем, даже не нарушая закон. Эдакая спонсорская помощь: от запчастей и топлива для автотранспорта до оргтехники и премий за расследование хищений имущества, превышающих стоимость этого же имущества.

Установить участников драки по фотографиям не составило труда. Но фотографии показали и обратную сторону. Подтверждением заявления Котковой стала фотография директора, тянувшего за руку упирающуюся девушку из-за стола. Она же в кровавых пятнах у опрокинутого стола. Директор, с оскалом злобы на лице, склонившийся над ней с непонятной целью. Арестованные участники в один голос пели, что, вступившись за честь девушки, пытались уладить конфликт мирным путем. Драку начал директор, которого поддержали сидящие в зале его пристебаи. По приказу подполковника четверо участников драки, в том числе и Михаил Александрович, были задержаны до выяснения обстоятельств.

Поселок гудел. Общежитие, в котором проживали «варяги», напоминало осажденную крепость, патрулируемую добровольцами из отряда «Красные дьяволята». «Тишина. А вокруг мертвые с косами стоят». У отделения полиции филиал пятака. Шумно. Дежурный по отделению устал отбиваться от посетителей, желающих проведать арестованных, несущих страдальцам передачи и скандирующих на улице здравицы в их честь. К полуночи успокоились. Задремал, уронив голову на журнал проишествий, сержант, задремали на жестких деревянных нарах задержанные. Сладок сон не в пуховой постели, сладки выкроенные у измученных суток минуты, мгновения. Сон милиционера – сон факира на гвоздях. Следователь еще не успел прилечь, как по звонку дежурного пришлось тащиться в гостиницу, в квартиру директора. Но и дело такое, что до утра не отложишь. Директора била истерика. Бледное лицо, лиловые синяки под глазами. Сипящий голос прерывался хрюканьем разбитого носа.

- Меня убить хотели. В меня стреляли. Вот, вот!

Тыкал он рукой то в окно, то в стену. В стеклопакете два аккуратных отверстия друг против друга играли короткими луничками трещин. На стене барометр с пробитым стеклом, отло-

манной стрелкой и отверстием почти в центре циферблата. Следователь, сняв барометр со стены, выковырнул ножом из штука-турки бесформенный комок свинца. Прикинул на глаз прямую от щербины в стене до отверстия в стеклах. Подошел к окну, приник глазом к отверстию, всматриваясь в ночь, которую не могли разогнать редкие фонари.

- Задерните шторы. Меня убить хотят. В меня стреляли.
- Стреляли не в вас. Куда стреляли, туда и попали. Это вам от них последнее китайское предупреждение.
- Я требую охраны, защиты свидетелей.
- У вас есть охрана, своя комбинатовская или ЧОПовская.
- Бездельники. Пьянь, только брагу воровать. Уволю. Всех уволю.

- Всех не уволите. Успокойтесь. И давайте поговорим без протокола. Не знаю, что вам наобещал подполковник, но в этом деле вы получите большие неприятности. Я хотел поговорить с вами завтра, так оно два часа как наступило. Вот встречные заявления о вашем неподобающем поведении, о физическом насилии и оскорблении гражданки Котковой. От ревизора, утверждающего, что драку начали ваши собутыльники, десяток свидетельских показаний, подтверждающих их слова, фотографии в интернете отнюдь не в вашу пользу. Да, мы задержали участников драки, кроме вас. Возбудим, расследуем, передадим в суд, и всё выплеснется на вашу голову. Они не малолетки, не бомжи обкуренные. И адвокатов найдут грамотных и сами не дураки. По поводу покушения. Пуля 5.6 безоболочечная, в таком состоянии, что найти оружие по ней вряд ли получится, даже у телевизионной ФЭС, это я вам как профессионал говорю. Так что самый лучший вариант для Вас – забрать заявление и пойти на мировую.

- Я? На мировую? С этими подонками?
- Вам с этими, как вы выразились, подонками здесь жить или мотать отсюда, пока не рассвело. Голова не стенка – дырку не зашпаклюешь. Подумайте, пока есть чем. Спокойной ночи.
- Вы что, уходите?
- А вы что думали, я с вами буду всю ночь чай пить? Это вы на больничном, мне с утра на службу. Жду вас утром к себе.

Оформим всё документально. Что прикажете: или прекращение предыдущего дела за примирением сторон, или возбуждение нового, о покушении на вас. Подумайте. До утра время есть.

Утро вечера мудренее. Вторник – не понедельник: больные головы переболели, буйные успокоились. До обеда вяло возмущались произволом власти по кухням, кабинетам, курилкам, но идти штурмом на отделение милиции, освобождать братьев по крови желающих не было. После обеда задержанные оказались на свободе. Михаилу Александровичу следователь на прощание, пожав руку, посоветовал быстрее заканчивать дела и уезжать туда, откуда прибыл. Михаил попросил его об одном одолжении.

- Литер, не в службу, а в дружбу. У вас свой допуск к архивам. Поищи, что есть на Мархотина, на Дринькова. Где учились, когда женились, где трудились, когда судились, стаж и сроки.

- А ты злопамятный.

- Нет, я просто злой и ничего не забываю.

- Я тоже. И меня они..., из-за них – достали. – Лейтенант со злостью сжал свое горло, как щипцами пальцами. Когда убрал, белые пятна налились краснотой. – Сделаю, что смогу. А ты не тяни. Уедешь, им не на кого будет валить. А попадешь к подполковнику, подпишешь, что он напишет. Большой умелец по «чистосердечным». Так что собирайся в дорогу.

Нищему собраться – только подпоясаться. Отметить командировку и заказать по электронке билет на завтрашний рейс – нехитрое дело. В гостиницу Алексей его не отпустил. Договорившись на работе, он пообещал лично отвезти Михаила в Читу. Ужин получился по-домашнему теплым. Обменялись электронными адресами, договорились почаше «контачить». Заглянул на проводины лейтенант. Вручил пакет, пожелал счастливого пути.

- Материал убойный. Твое руководство получит массу удовольствия. Но! Я тут не причем. Лады. Ну, бывай. Сочтемся.

Стемнело, когда Михаил пошел провожать Лизу. За несколько дней поселок стал родным. Их узнавали, здоровались, мужики считали за честь пожать его руку. На пятаке молодежь предложила посидеть с ними, попить пивка, но и Михаил и Лиза отклонили все предложения. А когда остались одни, растерялись в молчании. О происшедших событиях уже всё было пере-

говорено. О том, что будет. О чем-то важном для двоих каждый еще не решил сам для себя. Взявшись за руки, подошли к ее подъезду.

- Зайдешь?

- Нет.

Она коснулась пальцами его губы.

- Болит?

- Нет.

Она легко поцеловала его в уголок рта. А когда он попытался обнять ее, мягко отвела его руки.

- Не надо. Спасибо, что ты есть. Но не надо. Не забывай.

И, коснувшись на прощание губами его щеки, ушла в темноту подъезда.

...

Выехали на рассвете. Перед Читой перекусили в заежке, заправили машину и в аэропорт приехали за три часа до рейса. С билетом на руках они сидели в кафетерии. Перед каждым стояло по чашечке кофе. Алексей не спешил, ему еще ждать открытия магазинов, мотаться по Чите, выполнять дамские заказы. Рядом с портфелем на мраморной плитке белели ажуром обмотанные бинтом оленьи рога.

- Ну, спасибо. Удружили.

- А то! Будешь рассказывать москалям, как ходил на охоту.

- Ага, как козла с медведем перепутал и задал ночного стрекача.

- Не ты первый. И бывалые с сидьбы падают. Медведь сам с перепугу животом хворает, может и помереть. Но ты молоток, что разобрался, вырастешь, кувалдой будешь.

- Молодец ты, что не растрепал, на какую соль вы меня посадили, а то подставили бы вы меня всей деревне на смех.

- Извини. А ведь прошло. Мы с Валерьянчичем отъехали тогда от тебя, я дороги из-за слез не видел. «Нива» и та кобылой ржалла. Ну прости ты, ради Бога.

- Всё, проехали. Я сам, когда мужиков послушал про соль, про загоны, хохотал не меньше вас. И зло брало. Думал, ославите. А вы молодцы.

Объявили регистрацию. Прощаться жаль, и жаль, что не умеем мы прощаться. Обняться, расцеловаться, слезу уронить.

Да как-то не по-мужски. Пожали друг другу руки, хлопнул на прощание Михаил друга по плечу и ушел к машине. По магазинам надо крутнуться. Женские капризы в голове; слава Богу, аленъского цветочка и чудища не требуют. Михаил, учитывая разницу в шесть часов, добрался домой на родную Фрунзенку в тот же день. Засветло.

Утро в офисе началось с сюрпризов. Оставив папку с результатами поездки у секретаря генерального, Михаил спустился к себе в отдел. Начальник отдела встретил хмуро, взяв акт ревизии, не открывая, бросил в конец большого стола, заваленного бумагами.

- Опаздываешь? Зайди в отдел кадров, у них совместно со службой безопасности к тебе воз вопросов. Отличился, дебошир.

- Зайду. Там кто, Инга Владимировна по-прежнему?

Начальник хмуро кивнул. Разговаривать с проштрафившимся подчиненным ему не хотелось. Немилость начальства – штука заразная.

- Ну и хорошо. У меня тоже пару вопросов есть к ней. И не переживай, дебошир – не маньяк, плотью прямых начальников не питается. А вот начальник, который питается сплетнями, может умереть от несварения и заворота кишок. Пожелай мне... Впрочем, не надо, а то вдруг сбудется.

Легко взбежал обратно на головной этаж. Без стука вошел в кабинет начальника отдела кадров.

- Приглашали?

- Приглашают на свидание. Я вас вызывала. Как вы это объясните?

Инга Владимировна, бесцветная блондинка, тощая, с выпирающими из ворота белоснежной блузки ключицами, держала в тонкой, похожей на птичью лапу, с накрашенными коготками руке пачку бумаг.

- Почитайте, просмотрите фотографии и пишите объяснительную. Кстати, у начальника службы безопасности к вам тоже вопросы.

Было бы что смотреть. Докладная от директора комбината, выборка фотографий, пасквили от своры директора.

Приглашенный по телефону, зашел в кабинет начальник безопасности.

- Здравствуйте, Михаил Александрович. Что скажете?

- Зачем говорить, я вам лучше покажу. Материала у меня побольше и поинтереснее. Не возражаете, Инга Владимировна?

Сдвинув бумаги в сторону, он подключил свой ноутбук.

- Пройдите сюда, там свет от окна падает. Да не держитесь за свое кресло. Ни мне, ни Викентию Викентьевичу оно не надобно.

Когда все расселись, он открыл папку «Заб. Комб».

- С чего начнем, коллеги? С фотосессии? Или ознакомимся с моими объяснительными. Пока не устали, почитаем. Сладкое на десерт. Вот ксерокопии заявлений в отделение милиции от меня и других работников комбината. Вот выписка о прекращении дела по примирению сторон.

Минут пять были слышны только стук клавиш и «далее», «далее».

- Интересно? А вот действующие лица и исполнители. Фотографии можете сами найти в интернете. Снимал не я, сами видите, я тоже в кадре. Ну что, мне еще объяснительные писать?

- Пожалуй, не надо. – Викентий Викентьевич сложил очки в футляр.

- Теперь, Инга Владимировна, понятно, почему директор комбината написал заявление по собственному желанию. Вы свободны, Михаил Александрович.

- Нет, мы еще не всё посмотрели.

Щелкнула мышь.

- Узнаете, Инга Владимировна? Правильно, Дряньков. Образование среднее. Судим. Два года за мошенничество. Предыдущее место работы – экспедитор ОРСа якутгеологии в... как там? О, Чулыме. Последнее (помогли, видно, тюремные университеты) – ведущий специалист комбината. Интересно?

- Откуда у вас эти данные, Михаил Александрович?

- Инга Владимировна, странно, что их не было у вас. Или были? Я свободен. Чao!

Спустя полминуты он снова открыл дверь, изобразил улыбку Карандаша при виде шипящих друг на друга руководителей служб.

- Викентий Викентьевич, загляните к генеральному, не зная, чем закончится наша беседа, я передал материалы секретарю.

Там еще кое-что есть, по экономической безопасности, так что у генерального к вам вопросы будут.

Закрывая дверь, уловил краем уха матерную тираду в свой адрес, произнесенную бывшим сотрудником комитета глубокого бурения. Весь день у Михаила горели уши. Согласно приметам, его склоняли, поминали недобрый словом, вспоминали с любовью, одним словом, не забывали, но и не трогали. Он пил кофе, лазил в сети, флиртовал с девчатами из отдела, строил рожи начальнику. Имел право. Человеку после дальней командировки давался один день, чтобы войти в рабочий ритм, в курс задач, стоящих перед отделом, и ознакомиться со своими заданиями.

С утра пораньше, в отместку Михаилу, рожи корчил начальник. Со скорбной миной вернул ему отчет, указав на якобы существующие недостатки и упущения. Спустя малое время с восторженным лицом верноподданного чинопочитания успел два раза ответить по телефону: «Да, да. Сию минуту». И с ехидной улыбкой сообщил Михаилу, что того вызывает Генеральный.

- Допрыгался, голубчик.

Что он еще мог подумать, пользуясь просочившимся слушком о дебоше подчиненного в командировке. Оказать помощь молодому, грамотному, инициативному конкуренту – такое могло прийти в голову только полному идиоту.

- Иди, иди, голубчик!

- Да, разворошил ты осиное гнездо, Михаил Александрович.

- Про ос-то откуда...

- Садись, – перебил его Генеральный. – Садись. Задал ты работы Викентию Викентьевичу. Кого-то уже уволили, кого-то еще уволим. Но всех не уволишь. У уволившихся здесь останутся друзья, родственники: явные и тайные. Сложно тебе будет работать в коллективе. А вопросы ты поднял правильные. На предприятиях у нас главбухи блюдут за законом, у экономистов свои задачи, технический директор, главный инженер отвечают за план, и все забыли Маркса. Товар – деньги – товар. Деньги должны работать. Мы решили расширить совет директоров. Вводим должность финансовых директоров. Государственный закон – это одно, для них должна стать высшим законом целесообразность. Предлагаем тебе должность финансового директора

в Забайкалье. Предприятие тебе знакомо, люди о тебе там отзываются хорошо, те, кто отзывались плохо, уже не работают. Не думай, что будет легко. Тебе известно, сколько мы вложили в новые объекты, а прибыль они начнут приносить только через год. Но тебе ясна и социальная составляющая этих проектов. Так что крутись-вертись, но при минимуме затрат максимум дохода. Каждый потраченный рубль должен быть обоснован и приносить два. Продержитесь год, потом будет легче. Подумайте, Михаил Александрович.

- Думаю, Олег Геннадьевич. Экономика должна быть в первую очередь разумной, а не экономной. Экономить на средствах производства – глупо и преступно. На зарплате глупо. Рабочие не видят связи между качественной работой и зарплатой. Повышаем зарплату руководителям, а работяг гнобим. Причем повышаем даже при провальной работе. Если участок, цех работает рентабельно, то повышать надо снизу, тем, кто этот план выполняет, а руководителю – после того, когда добавка в зарплате дойдет до последней уборщицы.

- Вот вы и будете решать, кому, сколько добавить. На что потратить. Но бюджет утвержден, и не рубля свыше вы не получите.

- А если план выпуска перевыполним? Расценки вырастут. Кризис не будет же вечным.

- Михаил Александрович, я вас понял. Рад, что вы уже сейчас болеете за предприятие. Но каждый рубль будете обосновывать и обосновывать. А пока подумайте. Посоветуйтесь с родными. Вы, по-моему, с матерью живете. В три часа жду вашего ответа.

- Хорошо. Только разрешите, Олег Геннадьевич, сейчас съездить домой.

- Да. Езжайте. И еще, приятное для вас. Благодаря вам компании удалось вернуть похищенное. Ваша премия – двадцать пять процентов. Бухгалтерия рассчитает. Я жду в три часа.

...

За час выкурив пять сигарет, мать не смогла уговорить сына не уезжать. А под конец разговора она даже согласилась с доводами сына.

- Мама, ну пойми, кто я в Москве – мелкий клерк. Подняться трудно. Пережить свое начальство вряд ли получится. Стари-

ки – они крепкие. После пенсии еще лет двадцать вкалывают. И у каждого дети, племянники. Они свое место в завещание впишут. А там я буду Директором! Зарплата – согласно штатному расписанию. Во-вторых, уйду я даже из компании, в послужном списке – «Директор»! С такой должности работа будет тебя искать, а не ты ее. Что все боятся Сибири, как немцы в сорок пятом. Мне там, кстати, понравилось. Горы, тайга, воздух и вода чистые. Куда там Альпам. Понравилось мне Забайкалье и люди тоже.

– Миша, так может быть в том все и дело, что кто-то понравился.

– Может быть, мама, может быть. Еще сам не знаю. Но ты у меня тоже молодая. Уеду, сама как бы замуж не выскочила.

– Ой, баламут. – Мать встрепала Михаилу голову. – Езжай уж, пока генеральный не передумал.

...

Через декаду Михаил Александрович стоял у открытого окна, любуясь, как утреннее солнце прорывается сквозь щетину на вершинах сопок. В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в кабинет прошел Алексей.

– Разрешите войти, Михаил Александрович. Или к Вам только по вызову.

– Заходи. Я думаю, тебе не надо ничего подписать.

– Мои заявки ты видишь в виде графы в сводной ведомости, подписанной всеми главными. Я к тебе покурить да узнать, как устроился.

– Нормально. В субботу прошу ко мне на новоселье.

– В субботу? Может, в субботу на дачу? Баньку затопим.

– А осы?

– Ос я на следующую ночь по темноте дихлофосом. А гнездо могу тебе подарить. Так что? В субботу на дачу?

– Хорошо. Но в пятницу ко мне, и своих предупреди.

– Сам предупредишь и пригласишь, а то дамы обижаются.

Лизка все глаза проглядела.

– Как она, как настроение?

– Как, как? Что в голове у самой светлой блондинки – дело темное. А у жгучей брюнетки...? – Алексей безнадежно махнул рукой. – Сам спросишь.

- Спрошу.
- Ну ладно, я пошел. А ты трудись, – кивнул Алексей на стол, заваленный бумагами. – финик.
- Кто?
- Финик. Это кличка тебе в подарок от любящих тебя тру-дящихся. Финик Забайкальский – звучит!

...

- Викентий Викентьевич, «Вика» по-домашнему, пенял свояку.
- Коньяк у тебя как всегда отменный. Но почему ты этого склочника с ходу в директора? Он так далеко пошагает. По чужим головам. Большого ума не надо – накопать компромат и пустить в дело.
  - Ты-то не накопал. А это твоя прямая обязанность. Не так ли?
  - Так, так. Инге спасибо. Наградил бог родственницей. По молодости блядью была и сейчас не уймется.

- Ты тоже родственничек – не подарок. Что поделаешь? Племянники, племянницы, двоюродные и седьмая вода, но все кушать хотят. А случись что? Ты к их папкам, мамкам троюродным на поклон пойдешь. Кто тебе сказал, что я ему подарок сделал? Вопрос с комбинатом решен. Закрыть мы его не сможем. Не то время, и президент другой. По закону нам одна рекультивация земель в копеечку влетит. А копеечек-то и нет. Куда девались? Сам знаешь. Ты на Кипре сколько потерял? Что мычишь? А с Сочи тоже авантюра. Кто знал про кризис, когда вкладывались. Вот и выжимали, где можно. И еще капельку выжать надо. Так что не завидуй ему.

- А я не завидую. Просто ткнул он меня, Олег, мордой в мое же дермо, а ты на совете директоров добавил. А я не люблю этого.

- Не ткнул бы, если бы твоя сестричка ушла по-тихому, по собственному, а не затеяла свару.

- Сестричка? Жена брата, сестричка, и обе друг друга стоят. И на хрена родня такая? Был бы лучше сиротой. Но и прощать я не привык.

- Стерпишь. Думаешь, ему легко будет держаться на предприятии, которое в коматозном состоянии? И план дай, и персоналу объясни, что работать надо за двоих, а получать в три раза

меньше, и каждая деталь, каждый механизм должен три срока отработать и еще пахать. Он из героя там быстро в лучшего врача народа превратится. Когда уволим как не справившегося с обязанностями, народ в ладоши хлопать будет и нас благодарить. Из него надо не героя, а дурака и сволочь сделать. Так что давай: за здоровье козла отпущения. Пока молодой, пусть прыгает!

P.S. Предсказание Викентия Викентевича сбылось. Комбинат не закрыли. Так в коматозе и законсервировали. Была бы у владельцев возможность, они законсервировали бы его вместе с работниками. Но рабочие впадать в кому отказались.

Возвращаться в Москву не солоно хлебавши Михаил Александрович не стал. Это только первый раз тяжело и страшно вставать на крыло, отрываться от гнезда. Пол-России живёт вахтами, сезонами. Раньше на Колыму ссылали. Сейчас «едут не по этапу», едут сами. Вернее, летят. Счастливого пути, Финик!

Две встречи

У ранней седины есть свои преимущества. Засеребрился иней на висках, и к тебе уже относятся с почтением, словно ты умудренный жизнью обладатель бесценного опыта. Как часто в художественных произведениях и просто в жизни встречается выражение «благородная седина», ни разу не довелось мне слышать «благородная плешь». Кличка «Седой» так излюблена угловыми элементами, наверное, им хочется казаться благородными. Благородный урка? Нонсенс, бессмыслица, нелепость. Скорее наоборот, обладатель блестящей лысины может оказаться Человеком голубых кровей, рыцарем всегда и во всем. Впрочем, простите меня за это нелирическое отступление, и перейдем к истории, которую хочу вам поведать. Ныне, убеленному сединами, она кажется мне смешной и поучительной.

- До отправленья поезда осталось пять минут. – Стандартным женским голосом прогремели на весь вокзал скрытые динамики.

«Вечная песня железных дорог. Кажется, будто вся жизнь впереди, не ошибись, выбирая пути». Вечная молодость осталась позади, путь впереди один – в командировку. Сутки туда, сутки там, сутки обратно. Три рубля шестьдесят копеек командировочных.

- До отправленья поезда осталось пять минут. – Голосили динамики.

- Граждане провожающие, прошу покинуть вагон! – Вторила динамикам проводница, шествующая из конца вагона, перекрывающая бедрами и бюстом весь коридор и заглядывающая в каждое купе. Заглянула к нам.

- Граждане провожающие, прошу покинуть вагон!

Убедившись, что из троих мужчин в нашем купе ни один не похож на провожающего она, подгоняя сама себя, проследовала дальше.

Поезд покачивался на стрелках, за окном еще мелькали домишкы пригорода, а мы уже успели познакомиться, обменявшись короткими рукопожатиями.

- Алексей.

- Виктор.
- Егор, – в свою очередь представился я.

Дождались, пока вторая проводница собрала билеты, выдавала постельное белье, строя глазки Алексею и Виктору, назвала свое имя-отчество. Милая, симпатичная дивчина, еще не заезженная, не замытаренная поездками от станции отправления до станции назначения и обратно.

Время отправления (в любое время) на Руси – время обедненное. На столе появляется домашняя снедь. Традиционные курица, яйца вороньи, сало с чесноком в черных перцовых крапинках, маринованные огурчики, квашеная капуста, у кого что есть. И у каждого припасена бутылка водки. Нельзя в дорогу брать что-то другое, а то такой «ерш» получится. За трапезой продолжается знакомство. Кто кем работает. Куда, откуда и по какой нужде едет. Насытились быстро. Собственно говоря, не ели, а так, закусывали.

Убрана закуска, протерты столик. Расчерчен лист на три графы: А, В, Е. Из колоды выпал туз.

- Твой золотой.

«Тысяча» – традиционная дорожная игра. Она сама по себе интересна множеством раскладов, и поэтому в нее можно играть без ставок, «ни на что». «Золотой» никто не взял, обнулились и начали снова. Игра может стать бесконечной. Поэтому через десяток конов приняли еще по пятьдесят грамм на грудь и вышли в тамбур перекурить. Поезд выписывал по отрогам Станового хребта замыловатые кривые, напоминая змею, пытающуюся ухватить себя за хвост. За окном по белому снегу пьяно разбрелись черные лиственницы, худосочные, вкривь и вкось перекрученные морозами и ветрами. Безрадостная картина.

- Мальчики, прикурить не найдется?

Из соседнего вагона, впустив клубы морозного воздуха, к нам в тамбур зашла девушка. Стойная фигурка, смазливая мордашка, прическа в три цвета. Не понять – брюнетка, шатенка, блондинка? Глазки блядские. Прикурила, зачирикала. Я только недавно отошел от развода. В очередной раз влюбился в прекрасную женщину, и до остальных мне не было дела. Поэтому дивчина, курящая «беломорину» (сигареты были по тало-

нам), напоминала мне курицу-пеструшку, дразнившую, заманивающую петуха. А тут целых три. Два клюнули и, распустив перья, наперебой стали приглашать ее в наше купе.

Остановка. Пока пропускали встречный, что поделаешь – однопутка. Успев попрыгать и замерзнуть на узеньком перроне, в купе сидел четвертый. Со смехом рассказал, как отстал от поезда. Опоздал на минуту, и пришлось догонять поезд на частнике. Человек перенервничал, устал, оголодал и снова снедь на столе и короткие тосты. За окном быстро темнеет, еще быстрее пустеет тара. В перекурах Алексей с Виктором определились, кто будет ухаживать за Лили, как она милостиво позволила себя называть, представившись полностью Лилианой Аристарховой. Сочетание – нарочно не придумаешь. Впрочем, придумать можно что угодно. Выпивка кончилась? Лили раскрутила молодежь на ресторан. Русский мужик свою норму знает. С утра мне необходимо быть, как огурчик. Подсевший позже Анатолий не достиг еще той кондиции, когда море по колено и ресторан по карману. Посидев, поговорив за чаем «за жизнь», мы забрались на верхние полки, и скорый поезд, плавно укачивая, увез нас каждого в свое царство Морфея.

Открывалась со щелчком и дребезгом, впуская тусклый свет из коридора, дверь купе, мелькали за окном фонари, переговаривались с рельсами на стыках и стрелках вагонные тележки. На привычный шум не реагируешь. Долго-долго стоит поезд. Узловая. Дернулся состав – отцепка вагонов, идущих на восток. Дернулся – прицепка. Открылась дверь, кто-то из ребят в свете фонарей с перрона собирает вещи.

- Приехал?

- Угу. Извини. Спи, спи.

Голова с хвостом поезда поменялись местами, и оттого такое впечатление, что едем в обратную сторону. Вагон просыпается. Чья-то растрепанная голова выглянула из купе, посмотрела налево, направо и, увидев, что в одном из концов вагона туалет свободен, с пакетом под мышкой поспешила к нему. Проснулись и мы.

- А ты куда Виктора ночью дел?

- Сам делся. С Лили в мягкий перебрался.

- Оуув!

- Ууу, – в один голос промычали мы с Анатолием. В этом «Оуу, уу» было всё: немного зависти, немного сочувствия, а в общем, чувство какого-то непонятного удовлетворения, что два человека нашли друг друга в этом перекрученном мире. Мой отец всегда говорил: «Нашел – не радуйся, потерял – не плачь».

В вагоне-ресторане троица сидела до самого закрытия. Алексея штормило, бросало от стенки к стенке, как на терпящем бедствие судне. Пришлось Виктору и Лили чуть ли не волоком тащить его до купе. Уложили на полку и вышли в тамбур. Покурить.

Огоньки сигарет отражались в черном зеркале стекла вагонной двери. Шутки, смешки остались с Алексеем в купе, поэтому курили молча. Оба знали, чего они хотели, и каждый ждал от другого жеста, поступка. Качнуло вагон на стрелке, соприкоснулись руки. Кто кого обнял? Уже неважно. Губы нашли друг друга. Тела прижались, словно хотели слиться в единое целое. Его жадные руки гладили, ласкали, изучали изгибы ее тела. Ладонь скользнула под футбольку, выудила из тугой чашечки лифчика грудь с острым соском. Она вся спряталась в ладони, он нежно мял ее, под его чуткими пальцами сосок становился всё тверже.

За его спиной заскрипела дверь, рука испугано дернулась, опуская задранную футбольку вниз. Губы разорвали поцелуй. Пунцовые, возбужденные они отольнули друг от друга. Проводница Светлана, бросая лукавые взгляды на них, молча, деловито высипала окурки из пепельниц и вышла.

Глаза встретились с глазами. Лили прыснула смешком в сжатый кулачок. Виктор отвел его в сторону и снова жадно припал к ее губам. Его рука смело нырнула туда, откуда недавно с испугом бежала. Целовались смелее, но по-прежнему жадно. И все же исчез трепет первого поцелуя, так неожиданно прерванного проводницей. Он всё плотнее прижимал ее к себе. Язык прикосновений более красноречив, чем слова, не совершил и не обманешься. Его рука попыталась скользнуть под резинку спортивных штанов, но Лили перехватила, ее пальцы сплелись с его. Голову туманило. Виктор прижал ее ладонь к своему достоинству

- Не здесь. Не так.

Шептала она ему на ухо, когда его ладонь пыталась проникнуть между плотно сжатыми телами.

- Не здесь. Не так.

Лили, не отпуская объятий, развернулась, прижалась бедрами к стенке вагона.

- Не здесь.

Виктор, отпустив Лили, открыл дверь. Заглянул в коридор вагона. Светлана мыла туалет. Подняла голову, понимающе подмигнула ему. Тяжело дыша, он сердито закрыл дверь. Достал, закурил сигарету. Лили, отвернувшись, водила пальцем по стеклу, выписывая только ей видимые вензеля. Мелькнула мысль: «Обиделась?» Поймал в отражении ее взгляд. Лили показала ему язык, в глазах ее метались чертики. Сломанная сигарета дымя упала на дно пепельницы, и снова, затаив дыхание, губы жадно ищут губы. И снова.

- Не здесь. Не так.

Качает состав на стрелках. Мелькают фонари складов, огни пригорода. Качает, качает. Ярко освещенный перрон, большой вокзал, ларьки, ларьки. Не здесь, не так? Но если женщина хочет, придумать может что угодно.

- Не здесь.

- А где?

- Узловая. Стоянка сорок минут.

- Ну и что? В гостиницу?

- Глупый, в кассу. Возьмем билет в двухместный. В мягкий всегда билеты свободно. Ну?

- Идем.

Гудок. Маневровый тепловоз подкатил к составу вагоны, замер в двух метрах от него. Гудок. Толчок. Брякнули железные суставы, звук перекатом покатился в голову состава, возвратился назад. Прицепка. Еще до отправления поезда в двухместном купе в неверном свете перронных фонарей они торопливо сбрасывали одежду, раздевая друг друга. Застенчивая скромница осталась там, в тамбуре. В перерывах между ласками они утоляли жажду красным вином прямо из бутылки, которую им продали в вагоне-ресторане по ночной таксе. На два пальца осталось на донышке, когда утомленный Виктор блаженно уснул. Сквозь сон ему казалось, что куда-то выходила, поцеловав его в щеку, Лили. Как вернулась, он уже не слышал.

Рука, на которой лежала растрепанная девичья головка, затекла. Когда он высвободил ее, по ней обжигающе побежали мурashки. Судорогой свело пальцы. Морщась, неловко, одной рукой натянув штаны, Виктор выскочил в коридор. В динамике, скрытом под потолком, играла музыка. За окном мелькал бледный утрене-зимний пейзаж.

В сумеречном свете, пробивающемся сквозь задернутые шторы, обнаженное тело казалось еще прекрасней. Легкими поцелуями Виктор будил Лили, не пропуская ни единой складочки, ни единого бугорка. Ее пальцы вплелись в его волосы, тело чутко отзывалось на прикосновение его губ. Исчезла ночная таинственность, пришло утреннее время открытий. Сладостных, терпких. Словно последний глоток вина из бутылки. Жажда. От любви. От выпитого вчера в ресторане. Последний глоток не смог ее заглушить. Утоленная любовь отступила на второй или даже на третий, четвертый план. Одевшись, Виктор прихватил пояс с деньгами, документами и, выходя, спросил Лили:

- Тебе чай или кофе?

- В постель? А может ну его... Минералочки или пива?

Виктор пожал плечами.

- Если будет, возьму.

У проводницы было все. Расстегнув молнию кошелька, Виктор растерянно перебирал документы, толстой пачки денег не было. Стыдливо краснел одинокий червонец, спрятавшийся в паспорте, и даже лысый гений, изображенный на нем, не мог подсказать, куда делись остальные деньги. Взяв два чая, две бутылки пива, Виктор заспешил в купе. Лили, уже одетая, сидела на застланной полке. Выхватив одну бутылку, умело откупорила ее открывалкой под столиком. Жадно приникла к горлышку бутылки. Сделав по-мужицки несколько больших глотков, с облегчением, с удовольствием в голосе выдохнула.

- Ухх! Хорошо.

Виктор ворошил верхнюю одежду, осмотрел пол, закутки купе. Остатки надежды таяли, как пивная пена за стеклом бутылки.

- Потерял что-то.

Обратила на его суету внимание Лили.

- Деньги.

- Так они у тебя в кошельке на брюхе были.
- Были – нет! Ни … нет. Ты не видела?
- Что?
- Деньги, говорю, не видела?

Виктор снова переворошил одежду. Схватил, открыл Лили-ну сумочку.

Косметика. Расческа. Маникюрный набор. В отдельном кармашке паспорт. В другом пузатенький, самодовольно надувшийся кошелек. Лили выхватила из его рук сумочку.

- Отдай. Идиот!

Виктор успел взять кошелек. Расстегнул, вывалил содержимое на столик. Синие, желтые, зеленые – рубли, трешки, пятерки. У него таких купюр не было. В артели выдали двадцать пятками и десятками.

- Ты что? Совсем? – Покрутила пальцем у виска Лили. – Козел!

Сгребла деньги сто стола, комком попыталась впихнуть в кошелек. Не вместились, и она, не застегивая кошелек, бросила всё в сумочку.

- Козел?

- Ты, сука, взяла, больше некому!

- Взяла, в трусы спрятала. Снимал, не видел? Сам потерял. И не вали на здоровую.

- Где потерял? Вчера вечером были.

- Были. Видела, у кассы за билет расплачивался. Может, там обронил? Или у ресторана, когда за вино расплачивался. На перроне темно было.

Виктор и сам пытался вспомнить, когда последний раз доставал, видел деньги. По всему выходит, у ресторана, но не мог он там обронить. Просто не мог. Он ясно помнит, как застегивал кошелек. Или нет, это он застегивал его у билетной кассы. У ресторана? Так всё равно, кошелек-то был застегнут. А в кошельке без малого пять тысяч, весь заработок за сезон. Как Таньке в глаза смотреть? Обещал свадьбу, квартиру кооперативную. Накрылось медным тазиком, или эта стервоза своим тазом накрыла.

Лили стояла уже одетая, прихорашиваясь перед зеркалом. Схватив ее за грудки, Виктор, согнув в три погибели, притянул ее к себе.

- Колись, сука. Ты взяла. Зарою.

- Отпусти, – просипела Лили. – Кричать буду. Спасите, люди, спасите! – задавленно, но достаточно громко, чтобы ее было слышно в коридоре, в соседнем купе. И еще громче: Спасите! – и, выбрав момент, ткнула пальцем не в бровь, а в глаз.

От боли, неожиданности Виктор отпустил ее куртку, зажал рукой глаз, из которого посыпались искры. Лили, расправляя складки на скомканной на груди куртке, выскользнула из купе, бросив на прощание.

- Козел.

Мы завтракали остатками вчерашней роскоши, когда в купе вошел Виктор. Бросил шапочку на полку и, не снимая куртку, сел рядом. Вид у него был пришибленный. Слезился покрасневший глаз.

- Что не весел Казанова, не грызешь своих удил, не пасешь своих кобыл? – некстати пошутил Анатолий.

- Да пошли вы! Выйдем? Поговорить надо.

Алексей согласно кивнул головой и, дожевывая на ходу бутерброд, вышел за Виктором.

- Чего это он взбеленился?

- А хрен его знает, – пожал я плечами. – Дело темное. Не сговорились. Может, цена не устроила? Три рубля в наше время – разве деньги?

- А может, они по любви?

- И я говорю, что он хотел «по любви», три рубля – не деньги.

Алексей с Виктором, перетерев событие в тамбуре, отправились искать Лили по составу. В каком вагоне, в каком купе она ехала, не знали. Лили не докладывалась, да они и не спрашивали. Стучать в каждую дверь не будешь. Заглядывали в открытые купе, спрашивали у проводников. А что спрашивается спрашивать? Имя – Лили? А вы проводникам представляетесь уменьшительно-ласкательным? Описание: молоденькая, смазливая, трехцветная, в красном айдасовском спортивном костюме. Так могла переодеться. Молодые – все смазливые. Трехцветная – так такая прическа только в моду входила – половина женщин пернатая. Менялись вагоны, не менялись люди. Пассажиры, как братья с сестрами, были похожи друг на друга. И все же Лили нашлась. Как ни в чем не бывало она сидела в ресторане. Двое мужчин наперебой

ухаживали за ней. Она строила им глазки, склоняясь головой к плечу того, у которого был более интеллигентный вид. Благо, он сидел рядом с ней, придвигнув стул так, что их локти касались друг друга, придвигнул бы ближе, да некуда.

На предложение Алексея выйти поговорить Лили с возмущенным видом решительно отказалась и послала его вместе с Виктором ко всем известной матери. Мужчины, выяснив, что пацаны девушке никто и звать их никак, отправили в противоположную сторону. Пообещав Лили всё, что они могли пообещать, пацаны, по-другому их не назовешь, отправились почти по указанным им адресам.

С нами они не разговаривали, да и почти не находились в купе. Беспрестанно курили в тамбуре, вынашивая бесплодные планы мести и возвращения денег. Оба сошлись на том, что кроме Лили взять их было некому.

Скоро выходить. Сдал белье проводнице, забрал квитанцию и билет, для отчета. Сложил так и не раскрытою книгу и прочую разную мелочь в дипломат. Обменялись с Анатолием адресами и вышли покурить. Успели к финалу драмы. Мужики наезжали на наших пацанов. Пока еще была прелюдия, но до кулаков оставалась пара матерных слов. Подзуживала с подлой улыбочкой разъяренная Лили. Зачем ей был этот скандал и что она напела мужикам в ресторане, непонятно мне и до сих пор. Только мы вовремя вклинились. Оттерев петушившихся Алексея с Виктором в сторону, влезли в разборку.

- Э, мужики. Хорош, хорош!

- В самом деле, вы что пацанов наших обижаете?

- Завязывайте.

Бессвязные слова, сказанные спокойным тоном, несколько охладили тамбур. Да и четверо – это не двое молодых петушков. Только курице это невдомек. Лили уже завелась.

- А вы что лезете? Без вас разберутся. Эти козлы...

- Заткнись.

- Мужики, она жена кого-то из вас? Невеста? Сестра?

Переглянувшись, пожав плечами, оба глянули на нее. Злоба никого не красит, а женщину тем паче.

- Да, нет.

- В ресторане познакомились.
- Ну-у, с нами она вчера познакомилась. С Виктором целую ночь прокузыркалась. Кто кому больший родственник?
- А вы? Из-за ресторанной шалавы друг другу морды бить.
- Я...

Не курицей, кошкой рванулась из своего угла Лили. Но только шестеро мужчин не позволили ей вклинииться, протиснуться между ними, а спины царапать бесполезно, неинтересно и небезопасно.

- Вот пусть они по-родственному и разберутся.
- Остается только удивляться, в какую щель можно прошмыгнуть с перепугу. Дверь тамбура чуть шевельнулась, и Лили исчезла.

- Знает кошка, чье сало съела.
- Не сало, пять кусков почти.
- И не подавилась?!

Здесь и поведал Виктор, как «поутру они проснулись». Как обнаружилась пропажа и прочее, прочее. «Сука» – самое мягкое определение, которое она заслужила у нас. Расстались с мужиками по-дружески. Пожали друг другу руки, и получили «спасибо» от них, что предупредили.

Выразили Виктору соболезнование и посоветовали обратиться в милицию, на что он махнул рукой: «Толку-то».

А зря.

Через сутки, успешно закончив с делами, возвращался из командировки этим же поездом, только поменявшим четный номер на нечетный. Тот же вагон, те же проводницы. В том же купе со мной пожилая супружеская пара, и я наконец-то взялся за взятую с собой в дорогу книгу. В командировку собирала любящая жена, из командировки прихватил в буфете булочку, краjkовской колбасы, пару вареных яиц. Оставил это на завтрак, ужинать пошел в ресторан. Допивал пиво, когда ввалилась веселая компания, вернее, компания навеселе. В центре внимания была давешняя Лили, только обращались к ней почему-то Мадлен. Компания вела себя шумно. Мадлен-Лили прикинулась на этот раз переводчицей с китайского: сюсюкала, рисовала на салфетках иероглифы, напоминающие шумерскую клинопись, переводила на китайский реплики веселых друзей, которые сна-

чала надо было перевести на русский. Когда я, расплатившись, встал и направился к выходу, она заметила, сконфузилась, но не подала вида, что мы знакомы. Навязываться и объяснять пьяной компании, с кем они веселятся, – себе дороже.

Наутро по составу сарафанное радио передало новость, что некая девица умудрилась очистить полностью купе мужиков и исчезнуть в неизвестном направлении незнамо на какой станции. Горько улыбнувшись самому себе, я понадеялся, что никогда больше ее не встречу.

А зря.

Прошло меньше года. Бывают в северном лете дни, когда сосны чахнут от жары, а сохатые забиваются в таежные озера, как бегемоты, выставив наружу только ноздри, уши и рога. Зато какая благодать утром! Воздух сух и в то же время свеж. Дышится легко. Радует слух пение птиц. Ласкают взор нежные краски. И вся эта благодать щедро вливается в открытое окно. Вскрепел чайник, радиоточка напевает «С добрым утром, с добрым и веселым днем». Воскресенье. Диссонансом в открытое окно, сквозь стену стандартной пятиэтажки из соседней квартиры слышится перебранка. Что за новости! Неужели Светлана вчера не улетела и с утра проедает плешь Игорю? На правах доброго соседа решил заглянуть. Где вчера на проводинах ужинал, туда и лечиться. На звонок открыл сосед, вернее, приоткрыл дверь. Увидев меня, открыл шире, поддернув резинку на семейных трусах, сказал.

- Проходи.

- Привет, Светлана, – заблажил я с порога. – Что, опять не летная погода, опять обледенела полоса. Войти-то можно? Или ты, как и супруг, в трусах щеголяешь?

И не останавливалась, прошел в комнату. Если и щеголяет, пусть на себя пеняет, а мне интересно посмотреть. Не щеголяла. В постели, натянув простыню по самое горло, сидела с заплаканными глазами, кто бы вы думали? Правильно, Лили-Мадлен. Растрепанные белокурые кудряшки, губки бантиком, заплаканные глазки со смазанными тенями – обиженная невинность. Меня она по причине отсутствия в летнее время бороды не узнала. Я поспешил на кухню, где нервно курил Игорь, стряхивая пепел в полную окурков пепельницу.

- Колись, друже, где снял?

- Лучше бы снял. Светку с Аньюткой вчера на посадку проводил и пошел на площадь. У машины стоит эта. До старого города просится. А мне что? Не на себе везти. Зовут Анжелой. С мужем развелась, приехала к сестре. Всю дорогу жаловалась, какой у нее муж хреновый был. Гулены, пьяница, ее ревностью задолбал, и в основном по морде. Детей нет, вот развелась и рванула от него подальше к сестре. Приехали. В седьмом микрорайоне днем заблудишься. Высадил. Пока разворачивался по колдобинам да снова колею искал, она обратно вышла. Сестра с мужем в Новом квартиру получили, соседи адрес не помнят, не знают. Жалко женщину, предложил у себя переночевать, а на следующий день пусть ищет свою сестру. Поверь, мыслей никаких грязных не было.

- Ну, мне-то лапшу на уши вешать не надо.

- Ну – так. «Даст – не даст?» – голову не ломал. А дома стол накрыт, выпивка оставалась. Да сам знаешь, вчера с нами сидел. Светка не пила в дорогу, я тоже – за рулем. Короче, пока она мылась, я прибрал, поставил чистые тарелки, рюмки. Выпили, закусили. Выпили на брудершафт. Скромно так, губки не разожмет. Еще выпили, еще. Разогрелась, да я и сам уже горел. Сам знаешь, как на мужика скромность девичья действует. Нес на руках в спальню, обнимала, целовала, сама меня раздевала. А там – толи в самом деле она вырубилась или прикинулась. Пару раз на поцелуй ответила, и бревно бревном. Никакого удовольствия – кукла резиновая. А с утра вой, дескать, я ее пьяную изнасиловал. В милицию собирается.

- Так в чем дело? Пусть идет. Флаг ей в руки и впереди трамвая.

- Ага. Ну не докажут, что насиловал, всё равно скандал. Отмойся попробуй, если обгадит. До Светки дойдет – убьет, уйдет к едреной Фене, меня еще дальше пошлет. А я без Светы?.. Сам знаешь.

- Дурак. Обойдемся без скандала. С тебя бутылка коньяка. Светке расскажу – она три поставит.

- Да не до шуток мне. Слушай, у тебя деньги есть. Я перед твоим приходом почти уговорил ее, что заплачу, сколько скажет.

- Вчера вечером с этого надо было начинать. Сейчас она тебя раскрутит на пару кусков.

- Да я отдаю тебе. Но мне сейчас надо.

Лили-Мадлен-Анжела вошла на кухню как раз в тот момент, когда речь шла о двух тысячах. В заляпанных подтеками туши глазах сверкнули хищные огоньки, но она тут же потупила взор. Ой, мама, ну чисто школьница, изнасилованная извращенцем-учителем на выпускном балу, измятого белого передничка не хватает.

- Ладно, я пошел деньги сниму, жди, – сказал я Игорю и, пока Анжела, или как там ее, меня не узнала, вышел из квартиры. Идиоты, хотя бы немного мозгами пораскинули, в какой сберкассе я в воскресенье деньги сниму. До ОВД было около километра. За стеклом дежурки сидел капитан Карпенко. Дюжий бравый хохол. Головная боль начальника. Он умудрялся под форменную одежду обуть лапти на босу ногу или еще лучше – «вьетнамки». Счастье, что уставной галстук был на резинке, а то ему легче было успокоитель – дубинку милицейскую завязать бабьим узлом, чем простой узел на галстуке. Но при всем этом он был действительно профессиональным следаком. Не дослушав рассказ до половины, он достал ориентировку. Выложил пару фотографий, несколько фотороботов.

- Она?

- Она.

- Ну-аля, – широко развел руки капитан и, радостно хлопнув, потер ладони. – Поехали.

Игорь, открыв мне дверь, сначала недоуменно посмотрел на Карпенко, потом возмущенно на меня.

- Тсс, – я прижал пальцы к губам, спросил шепотом. – Где?

Выпучив глаза, Игорь кивком показал на дверь в зал.

Женщина, поставив зеркальце на стол, деловито подводила брови. Она уже не напоминала школьницу, скорее, молоденькую учительницу. Вопросительно подняла на меня глаза, словно спрашивая, выполнил ли я домашнее задание. Выполнил. И... перевыполнил.

- Здравствуйте, Лили. Или Мадлен? О, простите, сегодня вы Анжела.

Это был праздник. Надо было видеть, как менялись ее глаза. От взгляда к прошлому – узнаванию, возвращению в настоящее – осознанию «Влипла!» Сколько мыслей, эмоций! И как исказилось ее лицо, когда зашел капитан Карпенко. С какой

скоростью она рванулась к открытому окну, благо, первый этаж. Говорят, медведь догоняет лошадь, ловит бурундука. После Карпенко верю. Она верещала, пыталась царапаться. Карпенко, обхватив сзади большим и указательным пальцем нежную девицию шейку, держал разъяненную Лили подальше от своих глаз. Приподнял, как кошку, и когда она, вытянувшись в струнку, едва касаясь носками пола, обвисла в его руке, спросил:

- Хорольская Нина Семёновна? – и кивнув утвердительно сам себе, добавил. – Вы арестованы.

И так же держа ее подальше перед собой, повел на цыпочках в «воронок». Игорь таращил на всё это действие глаза. Когда они стали приобретать более или менее осмыщенное выражение, я пресек его вопрос.

- Сначала коньяк.

Простите мне мою меркантильность, но дело того стоило.

Слишком много в нем было персонажей, не желавших огласки, и оно слушалось в Иркутске в закрытом режиме. Я на нем не присутствовал, и какой срок дали гражданке Хорольской, не знаю. Больше я ее не встречал и, надеюсь, не встречу.

Седина уже не только пропала на висках. Совсем белой стала голова, ударила седина и в бороду, но и в этом свои преимущества. Одно из них – право порассуждать на досуге. Как часто мужчины винят во всех своих бедах женщин, награждая их самыми нелестными эпитетами. А не мы ли сами их выбираем? И если выбранная тобой женщина заявляет, что ей кроме твоей любви от тебя ничего не надо – чеши потылицу. Дороже всего нам обходятся бесплатные женщины – они забирают всё: аванс, зарплату и даже выходной день. Стоит ли она этого? Решать каждому самостоятельно. Если же выбрал не то, не Ту, то никто кроме тебя в этом не виноват, вини свою, без разницы – кучерявую, лысую или седую, голову.

Памятный день

Необъятна матушка Россия. Только у нас на вопрос: «Ты кто?», отвечая «Русский», надо дополнять, какой русский. Вот этот рыжий увалень с рязанскими веснушками – потомок Чингис Хана, этот «шпрехающий на дойче» на уровне общеобразовательной школы – немец с Поволжья, этот уплетающий мацу салом – еврей, и все они русские, не по паспорту, а по духу. А ведь дух какой? В каждом селе свой говор, свой норов и всё замешано на русском характере. Сколько кровей перемешено в Сибири? Вряд ли кто сумеет вам ответить. Сначала орда за свежей кровью катилась на запад к последнему морю, откатилась мутной волной, утратив свой напор. Вслед за ней Ермак «со товарищи». На край света двинулись первопроходцы и первопроходимцы. Всякой твари по паре. Охотники и лихие люди, казаки-разбойники и крестьяне. Кто воли искал, кто прибытку. Заселялись, роднились, по-родственному дрались, потом замирялись. БАМ увлек веселый народ в тайгу от Байкала до Тихого океана, еще раз круто замесив русское тесто из народа страны.

Откуда взялась синеокая светловолосая девчина в Таврических степях – одному Богу известно, но из этих благодатных краев виноградных занесло ее в страну вечно зеленых помидоров. Там повстречала суженого. Глядя на него, вспоминались сказки «Тысяча и одной ночи». Высокий, стройный, с тонкими чертами лица, с черными, как смоль, длинными по тогдашней моде, выюющимися волосами он напоминал принца Гаруна иль Рашида. Изнеженный на вид он прекрасно играл в футбол, увлекался шахматами, учился на заочном в институте. Она – натуральная блондинка. Натуральная до глупости. Связывала их дочурка. Дивное, прелестное создание. Зуфар не чаял в ней души и сквозь пальцы смотрел на капризы молодой, взбалмошной мамы, которая не раз заводила речь о свадьбе, на что он обычно отвечал, придуриваясь, с хохлятским акцентом: «Некали. Трохи почакай». Дождались. Надо отправлять ребенка в ясли, а у него оказывается и метрик – свидетельства о рождении нет. Пошли в ЗАГС оформлять, а там заявляют: «Пишите заявление об усыновлении».

- Как это? Своего собственного ребенка усыновлять? – возмутился Зуфар.

На что непробиваемая, как гражданский кодекс, заведующая ЗАГСом его же в этом и обвинила.

- Вы с гражданкой не зарегистрированы. Ребенок рожден вне брака, и вы должны подтвердить, что признаете себя отцом.

- Так в чем дело? Зарегистрируйте нас, и дело с концом.

- Не спешите, молодой человек. Сегодня примем от вас заявление, через месяц, согласно правилам, зарегистрируем.

- А раньше?

- Я сказала, месяц.

Спорить с буквоядами себе дороже. Зуфар поступил проще. Поехал в ближайший посовет, где договорился с секретарем за взятку в виде шоколадки на ближайший выходной.

В Советском Союзе была славная традиция отмечать юбилейные даты, дни революционных торжеств – трудовыми подвигами. Газеты пестрели от передовиц: «К юбилею Великого Октября наши славные строители построили и возвели». «К Первому мая наши сталевары выполнили годовой план» – интересно, что они будут делать еще восемь месяцев. Ударно трудилась и бригада, в которой работал Зуфар. Без выходных и праздников. Впрочем, почему без праздников. Дружно, интернациональной бригадой отмечали Восьмое марта и субботник в день рождения Ильича. На пасху катали яйца, на уразу байрам ели шашлык с пловом. Отмечали без фанатизма, для души, в остальное время строили светлое коммунистическое будущее.

Предприятие готовилось к пуску, а трубе требовалось подрасти еще на добрый десяток метров. Думаете, труба – шутка, тяп-ляп и готово? Даже если в избе так сделать – угоришь, не заметишь. Труба ГРЭС издали не отличается от трубы котельной, но чем ближе подходишь, тем более она поражает своими размерами. Нет такого подъемного крана, чтобы доставить стройматериалы и людей наверх. Поэтому внутри трубы ставился шахтовый подъемник. По нему наверх поднимались люди, на него грузили бетон и арматуру. По мере надобности его наращивали, он рос вместе с трубой. И хотя работы было невпроворот (начальство требовало наращивать скорость подъема), бри-

гадир, ради такого дня, как торжественное бракосочетание, предоставил Зуфару отгул, пообещав вечером зайти поздравить молодых всей бригадой.

Комсомольско-молодежная свадьба – это не тогда, когда на брак молодых благословляет с партийным билетом в руке вместо кадила секретарь райкома, это когда посаженный отец может жениха на пару лет, свидетельница – соседка по коммунальной квартире, стол ломится от принесенных друзьями закусок. Это когда пляшут под испытанный магнитофон «Романтик» и от души поют под гитару бамовские песни: «Как молоды мы были» и «Эта свадьба пела и гуляла». Гуляли от души. Каравай показал, кто будет в доме хозяином. Невеста танцевала босиком – утащили туфельки, и в качестве выкупа жениху пришлось пить из них шампанское. Хорошо, лето на дворе, а сели бы зима – и из сапога. В меру сил принимала участие в свадебном торжестве и Светлана Зуфаровна, она еще не умела кричать «Горько», но регулярно напоминала о себе звонким младенческим криком, требуя свою долю внимания и материнскую грудь. Лена кормила ребенка, когда постучали в дверь. Стук в дверь на праздник – всегда не к добру. Желанный гость заходит по-свойски, дверь не запирается. Цветы, поцелуй невесте, подарок жениху. Подарка нет? Всё равно садись.

Не добро в дверь постучалось, весть печальная.

Поутру, когда невеста прихорашивалась, подружки поставили овощи для винегрета, жених блаженствовал, радуясь возможности поспать лишний час, его бригада собиралась на работу. Автобусы на ГРЭС приходили переполненные. Распаренные, немного очумелые от тряской дороги рабочие выходили из них, радуясь утренней прохладе, легкому ветерку и еще нежному солнышку. С шутками и прибаутками спешили по рабочим местам. Сергей, самый молодой в бригаде и самый шустрый, первым пришел к трубе и, прихватив инструмент, поспешил подняться наверх. Знал, останься внизу, бригадир заставит делать работу подсобника, а он плотник-бетонщик. Прошелся по площадке, проверил опалубку. С высоты вся стройка как на ладони. Кое-где сверкает сварка, там люди приступили к работе, а бригада только подтянулась. В трубе царили сумерки, его не разго-

няли и две лампочки-сороковки. Как из колодца, высоко в небе тускло проглядывали звездочки.

Грузились в клеть торопливо, бригадир приказал захватить арматуру, вчера не доварили, закинули кувалду и пару ломов. Повизгивая, поскрипывая, клеть поползла вверх. Бригадир ушел к столу, стал копаться в бумагах. Наряды, заявки, накладные. Пятница. К планерке надо подготовить отчет. Скрип перешел в скрежет, в грохот, поворачиваясь, он успел увидеть, как от бетонного пола со звоном отскочил лом... и темнота. У Сергея, любующегося сизой, дрожащей утренней дымкой над безбрежной тайгой, из-под ног ушел настил. Он успел ухватиться за опалубку. Повис, чувствуя под собой гремящую пустоту. По трубе шла дрожь, больно отдаваясь в намертво вцепившихся в доски руках. Сергей подтянулся, перевалился через край на железный каркас арматуры. Пересиливая себя, свой ужас, заглянул за край, но бездонная чернота клубилась, поднималась вверх. Что творилось внизу, на дне? А над миром светило яркое солнышко. Со стороны казалось, что ГРЭС заработала. Из трубы ветерок тянул сизый шлейф. Не сразу поняли на стройке, что произошла беда. Первым поднял тревогу водитель самосвала, привезшего бетон. Вход в трубу был завален обломками металлических конструкций. На крик, на зов никто не отвечал. Тишина прерывалась только потрескиванием оседающего завала. Росла бестолковая толпа у трубы, сквозь которую едва пробился директор стройки. Вслед за ним молчаливая толпа пропустила главного инженера.

- Расходитесь, расходитесь, - сутилась за спинами инженер по технике безопасности, на которую по привычке никто не обращал внимания. Что есть она, что нет. Штатная единица для перекладывания бумажек и отписок.

Директор стоял перед завалом, ветерок трепал его седые волосы. Толпа затихла, угрожающее мрачно слышался треск металлических конструкций.

- Aaa! – разорвал тишину женский крик. Жена одного из работников бросилась к входу в трубу. Вцепилась в скрученное железо, словно своими слабыми руками могла разорвать, распустить многотонное сплетение рельс, уголка, профиля.

Зачем-то подъехала пожарная машина, сигналя, примчалась скорая помощь. Фельдшер оказала помощь женщине, бившейся в истерике, и сидела рядом с ней в салоне машины.

Кто-то первым обратил внимание на слабо долетавший сверху крик. Задрав головы, люди пытались рассмотреть, что творится наверху трубы. В синем небе знаменем на ветру реяла рубашка, которую Сергей снял с себя и, пытаясь привлечь внимание, боясь встать, боясь перевеситься через край, перекинув за доски опалубки одну руку, слабо помахивал ей.

Живы. Люди живы. Гулом пронеслось по толпе. Словно ожив, директор стал отдавать распоряжения. Через полчаса застарахтел двигатель передвижного сварочного аппарата. Из ближайшего аэропорта был вызван спасательный вертолет.

К обеду Сергея сняли с трубы. Усталого, скованного ужасом происшедшего. Психиатров, специалистов по аварийным ситуациям в молодом городе еще не было. Фельдшер сделала укол успокоительного и после короткого разговора с директором увезла его в больницу.

Директору представили список бригады, и тогда кто-то вспомнил о Зуфаре. О том, что он в отгуле, что у него свадьба.

Свадьба. За что пить, не знали. За молодых? За жениха. За случай, оставивший его в живых. За погибших товарищей. В истерике билась молодая, кричавшая, что не отпустит его на трубу. Требующая со слезами, с гневом, чтобы он менял работу. Раскапризничалась Светланка. Гости расходились понурые, с опущенными головами. Без обычных свадебных шуток и пожеланий молодым.

Завал в трубе разбирали несколько суток. Прилетела по вызову мать молодого парнишки, а до него еще не добрались. Первого в самом низу, в тяжелом состоянии, но живого достали бригадира. Спасло его только то, что он стоял у основания трубы, и когда после удара обломком упал, его не расплющило, не перемолото железом. Он не приходил в себя, и медики не могли поручиться за его жизнь.

Зуфар вместе со всеми разбирал завал. Вся сложность была в том, что вырезали по метру, по полметру конструкции и выносили наружу, а сверху давила, оседала многотонная масса ме-

талла, и прежде чем вырезать, приходилось крепить, приваривать оседающие части.

Трубу так и не возвели до проектной высоты. Замазали, сравняли вершину, и всё. Штырь молниеотвода украсили железной звездой.

На пуске, не желая омрачать торжество, ни директор, ни партторг с профкомом ни словом не помянули об аварии, о погибших рабочих. Зуфару слово не дали.

На трубе нет таблички с именами рабочих, возводивших ее. И всё равно, со звездочкой наверху, стоит она, как памятник погибшим.

Жены часто обижаются, что мужья не помнят день их бракосочетания. Зуфару этот день никогда не забыть. Не забыть, как второй день своего рождения. Не забыть, как день памяти своих товарищих. Строители не сидят на месте. Он закончил институт. Менялись адреса строек. Но всегда на стене висят фотографии: труба со звездочкой наверху, рядом фотография бригады на маевке. Молодые, веселые, радующиеся весне, жизни. Подросшая Светлана, не видевшая их, хорошо знает всех по именам и помнит день свадьбы родителей – это не только праздник. Это день поминовения друзей.

Срок давности

Какой они прекрасной были парой. Такой прекрасной, что завидовать им было стыдно и бесполезно. Она русоволосая, стройная с точеным лицом русской княжны, с веселыми, счастливыми, широко распахнутыми на мир синими глазами. Он высокий, статный, с лицом чеканки греческой монеты. От него веяло добротой и мужеством, от нее нежностью и счастьем. Две дочурки-щебетуньи то чинно шли, держась за руки родителей, то весело бежали аллеей парка. Парк был комсомольской стройкой. В выходное время, в субботники и воскресники, молодежь среди тайги проложила асфальтовые дорожки, поставили лавочки, соорудили детский городок, напоминающий сказочный терем. Вокруг поднимались этажи юного города. Вечерами на танцплощадке звучала музыка. Танцевали не в сапогах, да и вальс звучал редко. Шейк. Танцевали до упада. От зари и до зари. Благо, ночи в июне короче воробышного клюва. Как они танцевали! Вальс, шейк, танго.

Северные ночи. Зимнее северное сияние. Кто назвал летние ночи белыми? В них столько красок, что не хватит палитры Күинджи. Северное лето. Короткое, яркое. С обжигающей жарой, словно оно отдает долг за длинную зиму и пытается обогреть вас в запас, на будущую. И щедро дарит грибами, ягодами, рыбалкой. Тайга, вот она – перевалил за сопку, и словно нет никакой в мире цивилизации. Хоть направо до самого Охотского моря, хоть налево до Байкала – хребты, реки, тайга.

Любил Иван рыбалку. Василиса напротив, терпеть ее не могла, вернее, не любила расставаться с Иваном. Милее всего ее сердцу было, когда Ваня играл с дочками, занимался домашними делами. Если проще, любила, чтобы всегда он был у нее на глазах, рядом. Словно чувствовала, что короток век бабьего счастья, как северное лето. Вот и в этот раз сколько работы она ему нашла, сколько всяких условий поставила, а он, как и положено Ваньке из сказки, не слезая с печки, все одним махом сделал и убежал на рыбалку. Да чай, не первый раз. В воскресенье Василиса наварила, настрияла и стала у окна белье гладить да мужа высматривать. Белье переглажено, сложено в шкаф, и девочки, напившись чаю с пирожками, спать улеглись. А Ивана всё нет.

Утром отвела девочек в детский садик, с работы отпросилась и бросилась по друзьям его, товарищам – узнать, с кем на рыбалку и куда он уходил. Все руками разводят. Никто с ним не был. Сам ушел. Толи вверх по реке, толи за перевал, на притоки другой.

- Вроде, что-то говорил про заказник. Выше его по реке подняться – Эльдорадо рыбное. Вот только шагать туда да шагать. Так у твоего Ивана ноги, что у журавля.

К вечеру совсем покой потеряла Василиса. Никогда в жизни у нее еще не было такой длинной ночи.

В милиции дежурный капитан успокаивал ее, но, зная Ивана, и сам обеспокоился. Только где искать? Сообщили в пожарную авиацию, в лесничество. Друзья с работы отпросились, побежали по речкам, по ключам, да через несколько дней ни с чем вернулись.

Посерела, с лица упала Василиса. И девочки притихли. Раньше бы радовалась, что такие послушные стали, а сейчас все мысли о нем. Закаменела.

Коротко северное лето. Когда березы уронили свой лист, посыпались желтой мелкой хвоей лиственницы, пригласили на опознание. Предъявили разодранный рюкзак, котелок, ложку. Его? Так какая женщина разбирается в охотничьем скарбе мужа? Только собственоручно вязаную шапочку и опознала. Дома дала волю слезам. Выла по-бабы. Билась головой, рвала волосы. Соседки-подружки забрали девочек из садика, отпили, откапали валерьянкой Василису. Помогли справить поминки. Выдали ей справку о смерти, детям дали пенсию по потере кормильца, и зажила она вдовьей жизнью. Отплакала, отрыдала. Один свет в окошке – Олечка да Ксюшенька.

Холодна вдовья постель. Сватались к ней. И так, клинья подбивали, дескать, надо вдову пожалеть. Да одарит она их ледяным взглядом, словно крещенской водой окатит. Нет, не сравниться им с Иваном. Возьмет альбом с фотографиями. Вспоминает, дочкам рассказывает: вот они в стройотряде, где и познакомились, вот на море в первом отпуске, а это он близняшек из роддома забирает. В этом пакете Оля, в этом Ксюша, а может наоборот.

- Папа вас до двух лет путал. Любил, а путал.

- А нас, мама, и сейчас путают.

...

Летит время. Нет уже той страны, в которой родилась, и город, и великая стройка, ради которой она приехала в комариный край, оказались никому не нужными. Дочки разлетелись. Оксана замуж выходит. В Москве. Хорошо, хоть жених с квартирой, бабушкина на Стромынке – Ольге останется. Сборы недолгие. Деньги, документы в сумочку, ключи соседям. Какие подарки повезешь из глухомани в Москву, разве что шишки кедровые, так и те в столице дешевле стоят, разницу Лужков из кармана россиян доплачивает. Велика Москва, а Россия больше: Сибирь, Дальний Восток, Камчатка и Колыма, и в каждом краю своя столица, пусть маленькая, но своя. И в каждой столице друзья, знакомые, с которыми чаще всего встречаешься в дороге: на вокзалах, в аэропортах.

- Василиса? Василиса! Привет, подружка. Сколько лет?

- Людка? Маленькая?

На их курсе в университете было три Людмилы: Людмила Большая, Люда Средняя и Людка Маленькая, так их звали, чтобы не путать. Потом имена сами собой для краткости отпали и остались они на всю жизнь для однокурсников Большой, Средней и Маленькой.

- К дочке? На свадьбу? А я уже два года как бабушка. Младшая школу закончила и замуж. А твои? Ой, умнички.

И огорошила и без того не успевавшую отвечать на Людмилину скороговорку Василису.

- А ты чего с Иваном развелась? Такая были пара. Мы все на него заглядывались.

Опешила Василиса, отчего-то сконфузилась.

- Мы не разводились. Он погиб.

- Погиб? Да я его вот, перед отлетом видела. Со своей шалавой бутылки собирали.

Свадьба – всегда праздник! Как богато украшен холл, что там дальше за большими дверями неизвестно, а здесь играют лучи света с хрусталем, в огромных множась зеркалах, все люди празднично одеты, улыбаются, желают счастья, делают подарки. Своя свадьба – счастье. Свадьбы детей – счастье вдвойне. Веришь, надеешься, что их судьба будет счастливее твоей.

Мама. Теща! Погостила, и хватит. Самая лучшая родня – это та, которая живет в соседней деревне, эдак за шесть тысяч километров приблизительно.

По приезде отправила запрос в Магадан. Ответ, на удивление, не заставил ждать. «Иван Такович Такой-то, образца такого-то года, уроженец г. Балашиха, проживает в г. Магадане по адресу такому-то».

Ошибка? Однофамилец? И отнесла исковое заявление в прокуратуру. Долго объясняла молодому следователю, не жалавшего возбуждать дело, в чем суть всего происшедшего. Следователь – ровесник ее девочек, происшедшее двадцать лет назад ему казалось таким же далеким, как и Русско-Японская война. Но дело пошло в производство. На опознание она не ездила. Приехала сразу на суд.

Ярко освещенный зал. Только ни хрустала, ни зеркал. Ряды стульев. Не узнала.

Не поверила, что это ее Иван. Сутулая фигура, давно вышедший из моды финский шерстяной костюм, мятый галстук с эмблемой московской олимпиады. Совсем чужое лицо, греческий профиль обрюзг, глубокие, плохо выбритые морщины, и только глаза на мгновение, при взгляде на Василису, загорелись и сразу угасли, натолкнувшись на алмазной твердости лед.

Нет, это не ее Иван. Ее умер. Умер двадцать лет назад.

Встать. Суд идет.

Свидетели стороны защиты. Как не прихорашивайся, но следы многодневного запоя не спрятать под слоем косметики, самый хороший парик – парик, который женщина надевает на голову не от хороших волос.

Обвинения. Людка Маленькая. Маленькая, кудрявенькая, но если бы дорвалась до обвиняемого, то порвала бы его в клочья.

Короткие вопросы стороны обвинения, короткие ответы подсудимого. «Да. Да. Да». «Да. Признаю себя виновным».

Приговор.

По ст. 157 Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей.

Признать виновным.

По ст. 327 Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов.

п. 1 Подделка удостоверения или иного официального документа.

п. 2 Использование заведомо подложного документа.

Признать виновным.

Судья, сурового вида женщина, слова «Признать виновным» говорила веско, уважительно, с видимым удовольствием. «По совокупности преступлений назначить лишение свободы на 5 лет». И с сожалением, выполняя дух и букву закона, закончила.

- Учитывая, что преступления, совершенные осужденным, относятся к средней тяжести и с истечением срока давности по данному виду преступлений, Такого-то Ивана Такойтовича освободить от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

- Вот деръмо – не тонет. Деръмо. В Амуре утонул, на Колыме всплыл и здесь не тонет, – тараторила подскочившая к Василисе Людка Маленькая.

Василиса не испытывала ни гнева, ни радости. Поспешила покинуть здание суда. Весь вечер нянькалась с Людкиным внуком и на следующий день улетела домой.

Дома собрала в один пакет фотографии, свидетельство о браке, свидетельство о смерти и убрала подальше в комод. Девочкам решила ничего не сообщать. Их отец, ее муж, ее Иван умер, умер двадцать лет назад. Вчера умерла ее любовь, но пусть живет любовь Олечки, Оксаночки. Любовь не имеет срока давности. Пусть у них любовь будет светлая и счастливая.

По телевизору шел концерт, посвященный восьмидесятым, и молодая, красивая Валентина Толкунова пела: «Какой бы мы красивой были парой, мой милый, мой милый, если б...».

Иван. Василиса. Какой бы вы красивой были парой, если б...

Чемпион

Серёжка до ужаса боялся зеленой глубокой воды. Он смотрел с борта теплохода на горбатую, словно застывшую, волну. Оторвешь от нее взгляд и видишь, что за кормой она бежит, ее догоняет другая, на отмели вершины волн загибаются, закипают белой пеной, накатывают на прибрежный песок или бьются грудью о кручу. Там вода белым кружевом в сверкающем июльском солнце. В тени борта она вздымается темным, манящим в себя зеленым валом. Так бывает в жизни: можно любить и бояться. Серёжка любил воду и готов был днями не вылезать из речки, но после того случая никакая сила не могла заставить его зайти в воду по горлышко.

Они не ходили купаться на городской пляж, где в основном собирались вольная, не обзаведшаяся семейством братия. Отец подгонял «конька-горбунка» – видавший виды «Урал», мать с младшим братом садилась в коляску, а Серёжка уютно устраивался на заднем сиденье за широкой отцовской спиной. Десять минут, и мотоцикл выскакивал на проселочную дорогу за городом. Вольный луговой воздух, напитанный разнотравьем, норовил выдавить слезу. Но это были слезы радости. Под старой ракитой давно насиженное место. Костище в ложбинке на белом мелком песке. В тени дерева жерди, на которые легко набросить в случае дождя пленку. На той стороне старицы густой, пахнущий прелью лес. На этой – от устья и до едва виднеющихся в жарком мареве башен элеватора заливной луг. Весной на этом месте плещется студеное море, по краю которого бредет по пояс в воде дубовая роща. Море скатывается в реку, оставляя на лугу мелкие озера. Озерца застают, кишат мальками рыбы, головастиками. С одной такой лужи поднялся аист. С шумом затормозил в воздухе крыльями, опустился на лохматое гнездо на дубе за старицей. Навстречу ему тянутся клювы аистят. Аист с высоты посмотрел на приезжих, узнав старых знакомых, задрав в небо, приветственно защелкал длинным клювом. Убедившись, что птенцам ничего не грозит, полетел за добычей. Весь день так и будут с супругой сновать на луг, обратно, снова на луг.

Отец не разрешал Серёжке купаться в мелких луговых озерах. Кроме аистов на лугу водилось много змей, тоже охочих до лягушатинки. И Серёга бултыхался в старице, в давно облюбованной ямке с песчаным дном. Отец, собрав удочки, ушел на гать, на большую реку. Плетенные из ивняка маты укладывались на берег и приваливались камнями, чтобы волной не разбивало. Из таких же матов делали волноломы, выдающиеся клиньями метра на три вглубь реки. На них и сидел отец, ловил гусятну, попадались и добрые леши, тогда восторгу отца не было предела. А в старице водились раки. На той стороне, где обрывистый берег был опутан корнями деревьев, они жили в норах. Серёжке было жутковато лазить среди водной растительности, шарить руками под берегом, получать укусы. Причем маленький рак кусался больнее старого. Старый сильно сжимал палец, его можно было так и вытащить из норки, а мелкий своими острыми клешнями порой прокусывал до крови. Измазанный илом, зеленкой водорослей он с сумкой, в которой шуршили панцирями раки, бежал к матери. Доставал самого большого и, взяв его за спину, хвастливо пугал ее и маленького братишку. Мать делала испуганный вид, а Алёшка тянул к раку пухлые, словно перевязанные местами тонкими ниточками, руки и заливался счастливым смехом, гоняя прутиком рака по покрывалу. А Серёжка с чувством исполненного долга шел купаться в облюбованную ямку. Плескался, кувыркался, изображая из себя крокодила, пахал брюхом дно, высунув из воды глаза, уши и нос, как хвостом, бил ногами, поднимая столб брызг, баламутя воду.

- Ну чистый крокодил, — смеялся стоя на берегу отец. — В таких же разводах и ил коркой. Только обсохнуть надо немножко, чтобы закорела. Быстро мыться и за стол!

- Я сейчас. Быстро.

- Да не здесь! Намутил тут как лягуха зеленая. Ниже в речке помойся. Бегом!

Бегом, так бегом. Серёжка, поднимая брызги, рысью поскакал по отмели к реке. Туда, где ее холодные воды, не смешиваясь, оттесняли старицу к песчаной косе. Зашел по грудь и стал себя шоркать песочком, который мутной струйкой уносился

вниз по течению. Течение подмывало песок под пятками, ноги проваливались. Шаг за шагом сносило Серёжку все ниже и ниже. Он не заметил, как окунулся с головой, выскочил на поверхность. Забил руками по воде, хотел встать, но его отнесло еще дальше. Теперь он едва достал до дна. Оттолкнулся и, выскочив на поверхность, бестолково застучал по воде руками. Высоко в небо понесся крик: «Папа! Папа!» А вода втягивает в себя. Кончились песчаная коса. Темная вода, выющиеся, холодно-колючие водоросли, черное, липко-холодное илистое дно. Оттолкнулся – туда, где над головой светлее, где вода живительно тепла. Глоток воздуха. А дно не отпускает, тянет к себе. Водоросли опутывают, жадно липнут к телу, еще чернее обволакивающая тьма. Страх сковывает, лишает сил. В последний раз оттолкнулся от мерзкого дна, еще глоточек воздуха. Солнце и родное усатое лицо. Не разжать детские руки, обхватившие отцовскую шею. Укутанный отцовской рубашкой Серёжка выбивал под ракитой зубами дробь. Родители молчали, только мать бросала на отца сердитые взгляды. Даже Алешка притих, сидел с надкусенной грушей в руках. На четвереньках дополз до брата, протянул ему вываленную в песке грушу.

- На!

Как плотину прорвало. Улыбнулся отец. Потеплел материнский взгляд в сторону отца.

- Испугался?

Отец сел рядом с Сергеем, обнял за плечи.

- Угу.

Сквозь мокрую рубашку чувствовалось тепло большого отцовского тела. Серёжка стал согреваться. Надкусил грушу, на зубах заскрипел песок. Тыфу. Он стал тыльной стороной ладони очищать язык.

- На, прополосни, – мать протянула ему бутылку лимонада.

– Горе луковое!

Прошло достаточно времени. Серёжа за эти года вытянулся, старица обмелела, и в самом глубоком месте ему было едва по пояс. Мельче стали раки, редко когда удавалось поймать больше ладошки. Да и раками теперь занимался Алёшка. Сергей, сидя на гати рядом с отцом, таскал густеру, окуней и мечтал о боль-

шом леще. Но купался рядом с Алёшкой в старице, зеленая, темная вода большой реки пугала его. Его ровесники хвастались тем, что переплывали ее туда и обратно без отдыха, а он, забредя по пояс, в размашку плыл в сторону берега и не вставал на ноги до тех пор, пока коленки не начинали скрести по дну. Серёжка не был трусом. Он залазил на самую вершину любого дерева, по водосточной трубе забирался на балкон третьего этажа, выручая соседку, которая постоянно забывала дома ключи. Он не боялся высоты, он боялся темной илистой, опутанной плетью травы глубины.

Теплоход обогнал байдарку. Она же, оседлав волну, не отставая, птицей летела вслед за кораблем. Слаженные взмахи вёсел, мускулистые тела, блестевшие от пота и воды мокрой бронзой. Не только Серёжка завидовал им. С теплохода неслись приветственные крики, махали руками. И словно услышав их, пока теплоход описывал в фарватере широкую дугу, байдарка, срезая угол, вырвалась вперед, по мелководью вдоль берега пришла к пристани первой. Гудок теплохода предупреждающе поплыл над рекой. Гремели в репродукторе команды капитана. Корабль мягко ткнулся в резиновые покрышки вдоль борта дебаркадера. Ловко намотав концы, матросы подкатили сходни. Подростки высыпали на высокий берег, где их пытались разобрать по отрядам и построить воспитатели. Но идти по дороге было невозможно. Ноги вязли в песке выше щиколоток, он набивался в кроссовки, и все шли гуськом по двое, по трое по протоптанной под строевыми соснами тропинке. Пахло разогретой смолой, волей.

Мальчишки бросали в девчонок шишки, лежавшие под деревьями. Прошлогодние, почерневшие, расшипевшие чешуйки они были легкими, летели с шумом и совсем не туда, куда целился. Описав в воздухе замысловатую кривую, шишка впилась всеми своими коготками, крючочками в пышные волнистые волосы Валентины Сергеевны. Оглянувшись, она встретилась взглядом с Серёжей. Улыбнулась, погрозила ему пальцем. И хотя это не он бросил шишку, мальчишка покраснел до корней волос, ему казалось, что пылает его макушка, и пламя вот-вот пробьется сквозь коротко остриженные светлые волосы. Валентина Сергеевна покрутила головой, пытаясь отшвырнуть шиш-

ку, но та еще глубже зарылась в черных густых волосах. Она остановилась, закинула руку за голову, но извлечь зловредную шишку оказалось не так легко. Она наклонила голову ниже и сказала поравнявшемуся с ней Серёже.

- Выпугивай!

Серёжка покраснел еще больше. Под взглядами проходящих ребят он стал скручивать волосок за волоском с шишкой. Боясь порвать, причинить боль. К сосновому запаху примешивался легкий пряный аромат, исходящий от прически, ниже уха маленькая родинка, у которой билась жилка, еще ниже в вырезе блузки два незагорелых полушария, которые нагло лезли в глаза. От этого пальцы не слушались и еще больше запутывали шишку. В конце концов, он выпутал ее и, протягивая на ладони, сказал некстати:

- Это не я.

- Знаю.

Большие серые глаза ласково смотрели на него. Со всех ног Серёжка бросился догонять свой отряд. День пролетел в суматохе. Получали постельное белье, учились правильно застилать кровати, раскладывали по тумбочкам вещи. Знакомились с воожатыми, друг с другом. Те, кто были не первый раз, сбивались в кучки с прошлогодними друзьями, остальные присматривались друг к другу. Горнист протрубил «Отбой». В сумерках звук трубы уносился высоко-высоко и терялся среди звезд. Свежая постель приятно холодила тело. В палате бродили тени от фонаря, горящего на улице. Схлынула дневная суeta, и Серёга отчетливо увидел ласковые глаза, белые полушария, ощутил прикосновение руки к ежику волос на затылке. И даже нежный пряный аромат ушел с ним в сон.

Валентина Сергеевна преподавала в их школе географию. Она была из тех учительниц, которых дети не боятся. Никогда нельзя было предсказать, каким будет ее урок. Открыв учебник на параграфе «Степная зона», она могла перейти к роману Майн Рида и пол-урока рассказывать детям о прериях, ковбоях и мустангах. Звонок, конец урока, но никто не вскакивал, не стучал стульями. Она продолжала рассказ с условием, что к следующему уроку все будут знать флору и фауну степей, пампасов и

прерий. Обмануть ее было нельзя. С чьей-то легкой ее все стали звать Квартеронкой – не обидно, а наоборот, с гордостью и любовью. Ведь только у них в школе есть смуглая красавица, которая больше похожа на свободолюбивую дочь Апачей, чем на замученную семью и школой зануду-училку. Директор спортивного лагеря о лучшем заместителе по воспитательной части даже не мечтал. Самых отчаянных сорванцов она могла втянуть в общественную жизнь. Не спортом единым жив человек, и наряду с тренировками и соревнованиями в лагере процветал КВН, проходил смотр самодеятельности и обязательный заключительный концерт у ночного пионерского костра. Вот это и было основной заботой Валентины Сергеевны. Чтобы не только телом окрепли ребята за летние дни, но и в душе осталась теплота, светлый лучик детства, которые будут согревать их потом всю жизнь.

В Серёжкином сне черная пантера ловко пробиралась между ветвями, подкрадываясь к затаившемуся на самой вершине дерева мальчишке. Ее спугнул звук горна. Завертелся калейдоскоп дней. С утра очередь в умывальник. Туалет. Зарядка. Общее построение с подъемом флага. Тренировки, репетиции. Установилась ровная жаркая погода, и каждый день ходили на реку. Вернее, река убегала вправо, а в сторону лагеря вдавался длинный залив, на берегу которого была расположена лодочная станция, на той стороне из понтонов, обшитых щитами, был сделан бассейн, в котором проходили тренировки пловцов. Сергей держался в стороне от всех. Лежал на песке или сидел на прогретых досках понтона. Признаваться в том, что не умеет плавать, было стыдно, хотя все уже давно знали об этом и не обращали на него внимания. А он сидел, свесив ноги в бассейн, наблюдал за тренирующимися пловцами. Один плавает от стенки до стенки с зажатой в руках пенопластовой пластиной, работая только ногами, другой наоборот, такую же пластину зажал ногами и гребет руками. Кто-то, нырнув с тумбочки, штурмует дорожку, красиво сделав переворот, оттолкнувшись ногами от стенки, выкладывается изо всех сил под пристальным взглядом тренера с секундомером в руках.

- Ногами, ногами больше работай! Ноги должны работать в три-четыре раза быстрее, чем руки!

Серёжка внимательно слушал советы тренера спортсменам и, уйдя за понтоны, на отмели по пояс, пробовал плыть, как настоящие пловцы. И сам чувствовал, что брасс – это не собачий стиль, а кролем он упирается в понтоны, успев едва-едва разогнаться. Отойти дальше мешала яма с зеленой, темной водой, сквозь которую просвечивали буро-зеленые водоросли.

В соревнованиях по легкой атлетике он занял второе место, удачно прыгнув в длину и прибежав первым стометровку. Когда прыгал в высоту, на третьей попытке нога попала в едва заметную выбоину, и на маты он упал вместе с планкой. Но и в первой попытке результат был вполне удовлетворительный. Почетные грамоты заняли почетное место на стенде отряда. А по ногам Серёжке снилось, как он отталкивается от тумбочки и долго планирует над водой, темная она проносится под ним и, когда становится светлой с золотыми искорками на дне, он входит в нее и парит над самым дном. Этот сон преследовал его каждую ночь. И вот однажды, подговорив Витьку, своего нового друга, ночью вылезли через окно на улицу. За кустами, вдоль аллей, освещенных фонарями, они выбрались из лагеря, обогнули залив и пробрались к тускло освещенному дежурным фонарем бассейну. Таинственно поблескивали звезды на черном зеркале воды. У ближних к берегу понтонов глубина была едва по грудь. Один бы Серёжка ни за какие коврижки не полез бы в воду, но на понтоне стоял верный друг. И уж если пришли, то надо плыть. Кто захочет дружить с трусом?

В первый раз Сергей, прижимаясь, едва не царапаясь о щиты, ограждающие понтоны, проплыл без отдыха двадцать пять метров. Для него это был рекорд. Он знал, что может остановиться, встать на ноги, но он плыл и плыл. Саженками, молотя руками воду, по-морскому, как лягушка, пуская в воду носом пузыри. Опустить голову и плыть не знамо куда, было страшно, а вдруг заплынет на середину. Витьке надоело ходить посуху, он нырнул и теперь бултыхался рядом, страховав друга с глубокой стороны. Почему днем вода холодная, а ночью – как парное молоко? Вылезать из нее не хочется.

Каждую ночь, дождавшись, пока угомонятся соседи по палате, а в комнате воспитателя погаснет свет, они выбирались через окно и крадучись пробирались к бассейну. С каждым разом всё свободнее, смелее чувствовал себя в воде Серёжа. Витька выступал в роли тренера. Не имея секундомера, он шепотом отсчитывал время. «И раз, и два, и три, и четыре...» – «и» перед цифрой добавлялось, чтобы счет совпадал с секундами. Когда ему надоело считать, он прыгал в воду и начинал Серёжку учить нырять, кувыркаться в воде. Наступил момент, когда, преодолевая страх, Серёжка нырнул с бортика понтонса. Шлепнулся животом так, что только брызги полетели во все стороны.

- Ты щучкой ныряй. Не прыгай высоко, всё равно не взлетишь, а наклонись вперед, когда начнешь падать, оттолкнись, выпрями ноги, сам вытянись в струнку и войдешь воду нормально. А в воде только ладошки загни чуть верх, тебя самого вынесет.

Наставлял самоявленный тренер и тут же показывал Серёжке, как надо нырять. Дело пошло. Сильно оттолкнувшись, Серёжка в следующий раз ушел слишком глубоко и поцарапал брюхо об дно. А нырять там, где было глубже, он всё равно еще боялся. Любым стилем, но чтобы воды было по колено.

Командиром отряда выбрали Димку с десятой спецшколы. Школа была с уклоном на иностранные языки. Учились в основном там дети высокопоставленных или высокооплачиваемых родителей. Их дети, почему-то, считались особыми. Их и их детей любили учителя, воспитатели постоянно ставили в пример разгильдяям и хулиганам. Димка занимался ватерполо, считался в отряде лучшим пловцом и посматривал на Серёгу свысока. Мальчишки есть мальчишки, на второй или третий день приезда в лагерь в отряде была битва на морковках. Это когда середина мокрого полотенца зажимается в зубах, а стороны туго скручиваются. Получается гибкая, с тонким жестким кончиком морковка. Кожу она не рассечет, но красные полосы от ударов, как боевые шрамы, украшали бойцов. Получил от Серёжки и Димка ей поносу. Это была единственная пролитая в бою кровь. Больше Димка в драку не лез, не заедался, только всем своим видом выказывал презрение к двум не разлей вода друзьям.

Вожатая отряда Лидочка была в интересном положении. Ей было не уgnаться за подростками, и наблюдение за купанием она полностью передоверила командиру отряда. Выйдя на берег залива, обходить который по берегу у нее не было ни желания, ни сил, она располагалась на одеяле в тени старого дуба и наблюдала оттуда. Да ни за чем она не наблюдала! Против солнца, игравшего в волнах, кого увидишь? Дремала, как сытая кошка, сопровождая мурлыканьем музыку из плеера. Димка со своими верными вассалами уплыл на ту сторону залива, чтобы поиграть в пятнашки между понтонами бассейна. Серёжка, поплюхавшись на мели, улегся на горячий песок и стал себя закапывать. Нагреб такую кучу, что торчала только белобрысая голова с облупившимся от солнца носом. Сквозь закрытые веки он почувствовал, что на лицо упала тень. Тучка? Нет. Над ним стояла Валентина Сергеевна. В одной руке она держала босоножки, в другой платье, выбирая место, где их положить.

- Здрасте!

Серёжка сел, облепленный прилипшим к мокрому телу песком. И покраснел от собственного взгляда, который не мог оторвать от самой прекрасной женщины, которую он видел за свои недолгие тринадцать лет.

- Здравствуй, Серёжа. А ты что один?

- Так ребята уплыли на бассейн.

- А ты?

- Не захотел, – буркнул Серёжа.

- Поплыли со мной. Как вода? Теплая?

- Угу, – только и смог произнести Серёжа, отвечая сразу и на предложение, и на вопрос. Признаться в том, что он не умеет плавать, а тем более, что боится, было выше его сил. Да ради нее! Для нее! Рядом с ней! С ней он готов был переплыть океан, полный акул.

Валентина Сергеевна шла рядом, чуть впереди, Серёжка, не отрываясь, смотрел на родинку, боясь, что если будет смотреть не туда, то она всё прочтет по его глазам.

Если смотреть с берега, то залив кажется узким, вот он бассейн – рядом, рукой подать. В воде цель отодвигается, кажется недосягаемой. Валентина Сергеевна плыла свободно, высоко

держа голову, чтобы не замочить прическу. Они о чем-то говорили. Она спрашивала о делах отрядных. Еще раз поздравила со вторым местом в соревнованиях. Он плыл рядом, что-то отвечал. Несколько раз их руки под водой соприкоснулись, и вода стала горячая. Он не заметил, как доплыли до понтонов. Подтянувшись, он ловко забросил тело на настил. Подал руку Валентине Сергеевне и помог забраться на понтон ей. Они сидели на нагретых досках настила. Болтали в воде ногами. Смотрели, как одинокая чайка носится над заливом, бросается в его воды и взмывает вверх с трепещущейся в клюве рыбкой. Кто-то окликнул Валентину Сергеевну, и она, опервшись о его плечо, легко встала, пошла к позвавшим ее воспитателям. Серёжка один наблюдал за чайкой. Его душа также парила, а на плече он чувствовал ее прохладную ладонь.

- Чего сидишь? Обед скоро. Беги! Мы домой поплыли, – прервал его мысли Димка. Бежать вокруг залива было намного дольше, чем переплыть его

- Поплыли!

Серёга встал. Разминаясь, переступил с ноги на ногу.

Не глядя на него, нырнул Димка, вслед за ним попрыгали ребята. Серёжа оттолкнулся, и ему показалось, что он сейчас, как во сне, будет парить над водой. Короткий, но такой восхитительный полет. Ласковая вода, насквозь пронизанная лучами солнца. Он легко догнал ребят и плыл рядом с ними. Ему казалось, что Валентина Сергеевна наблюдает с понтонов за ним, и он старался плыть красиво. Гребок, руки под себя, ноги согнуты в коленях, и в следующее мгновение тело вытягивается, ноги дают толчок, а выпрямленные руки рассекают воду. Гребок, вдох и снова на выдохе толчок. То кромка неба над волной, то солнечный янтарь воды. Кто-то из мальчишек, пенящий воду саженками, отстал, кто-то плывет впереди, а берег – вот он, и уже камешки дна перед глазами. Воды по пояс. Легкая дрожь усталости. Одежды Валентины Сергеевны рядом с его одеждой нет. А он и не заметил, когда она уплыла.

- Ты уже здесь? – удивился Димка, увидев его прыгающим на одной ноге, а второй пытавшимся попасть в шорты. – Хорошо бегаешь, легкоатлет, – добавил он с чувством превосходства, вложив в слово «легкоатлет» всю свою иронию.

Серёжка промолчал. Он переплыл. Переплыл!!! Кричало, бушевало в нем всё его естество. Зачем доказывать кому-то, когда он сам себе доказал, что он не хуже их. Только с Витькой, который сегодня дежурил по отряду, Серёга поделился своей радостью. Той же ночью в доказательство нырнул в самом глубоком месте бассейна. И уже не Витька, а он его учил делать кувырок через руку у стенки.

Каждую ночь ребята плавали, ныряли до красноты в глазах. За три недели Серёжка вытянулся, похудел и как-то спал с лица. Когда, постирав шорты, надел джинсы, они оказались ему коротки. Коротки стали и брюки, а на танцы в шортах не пускали. В коротких, по щиколотку, штанах Серёжка был похож на молодого, задиристого петушка, со стоящим дыбом хохолком отросших светлых волос. А в шортах – «Низя!!!» Моральный облик воспитанников блюла Лидочки Альбертовна. Глядя на брейк, или как оно называется, что вытворяли ребяташки на сцене, она от зависти зеленела. К ней подкатывала тошнота. Впрочем, в этом, возможно, была виновата ее беременность, но детишкам от этого жизнь слаще не казалась. После тренировок и вечерних плясок отряд засыпал мертвым сном, только Серёжка с Витькой не могли дождаться того часа, когда погаснет свет в комнате Лидочки. Летели за окно кроссовки, вслед за ними бесшумно выскальзывали две тени. Не спалось в эту ночь Димке. Он встал, посмотрел в окно вслед исчезающим теням. Почесал затылок и пошел будить Лидочку.

Просыпаться Лидочке не хотелось, но Дмитрий настойчиво барабанил в дверь костяшками согнутых пальцев. Накинув халат, вожатая выглянула в щель приоткрытой двери.

- Ну, чего тебе?

- Лидия Альбертовна, Смирнов с Петровым самовольно покинули территорию лагеря.

- Што? – спросонья во рту у Лидочки было сухо. Хотелось пить, а не разговаривать.

- Может, они в туалет пошли?

- Туалет в другой стороне, – настаивал Дмитрий. – Я видел, они не туда пошли.

- Куда?

- Не знаю. Но...
- Подожди, я сейчас. Оденусь.

Лидия Альбертовна лично убедилась, что постели друзей пусты. Вышли на территорию, спугнули целующихся на лавочке под акацией вожатых из соседних отрядов. Они, конечно, никого не видели и ничего не слышали. Прошлись аллейками до девичьих корпусов. Там царила сонная тишина. Зато свой сон окончательно разогнали. Разозленная Лидия Альбертовна подняла и построила отряд. Пересчитала по головам и отправила всех искать Виктора с Сергеем. А что их искать? Увидев лучи фонариков, шарящие по берегу, по лодочной станции они сами поспешили обратно. Как проскочили мимо своих товарищей и бдительного ока Лидочки, известно только Богу. В отряде горел свет, пустые кровати со скомканными одеялами, и тишина. Ребята вышли на крыльцо, где столкнулись с изумленной Лидией Альбертовной. Весь отряд не спит, ищет их. А они, видите ли, прохладжаются в палате. Собрать и уложить отряд оказалось тяжелее, чем поднять.

Утром перед строем, а потом на совете отряда их стыдили и корили. Не прошло незамеченным происшествие и для руководства лагеря. С Лидии Альбертовны потребовали отчет, почему ночью отряд вместо сна разгуливал по территории и светил в окна девичьих палат. Она во всех грехах обвинила Сергея и Виктора.

- Да не светили мы в окна, Виктор Борисович.
- Тогда где же вы изволили быть, молодые люди?

Директор тоже сердился не на шутку. До конца сезона оставалось несколько дней, и он так надеялся, что обойдется без ЧП.

- Мы на речку ходили.
- Что там делать ночью-то?
- Не врите.

Добавляла пошедшая пятнами Лидочка. Она надеялась немного заработать и отдохнуть перед родами. Укрепила здоровье? Больше никогда, ни в какой лагерь она не поедет. Гори они пропадом эти подростки!

- Так, где вы были? Почему нарушаете режим? – продолжал настаивать директор лагеря.

Ребята насупленно молчали.

- Всё, я устал!

И как приговор:

- Так, звоните родителям! И пусть они вас сегодня же забирают!

- Виктор Борисович, не спешите, давайте попробуем разобраться. Я ребят знаю, они не хулиганы, – вмешалась молчавшая до этого Валентина Сергеевна. – Серёжа, где вы были?

- Так я и говорю: на бассейне мы были.

- А зачем?

- Я плавать учился. А Виктор меня учил.

- Так ты же умеешь? Сама видела.

- Так я там и научился. Хотелось еще лучше научиться.

- А ночью-то почему?

- Днем ребята смеются, что я плавать не умею.

- Сейчас, говоришь, научился? – в глазах директора загорелась искорка интереса.

- Научился.

- Хорошо. Проверим. Завтра соревнования. Вот на них и поплыешь. Не докажешь, что научился, будешь заклеймен позором на линейке перед всем лагерем. Ты и твой тренер. Свободны.

- Спасибо, – сказали они почти в один голос директору, но Серёжкины посветлевшие глаза с благодарностью смотрели на Валентину Сергеевну. Едва слышно он еще раз произнес «спасибо» – на этот раз только для нее. Ожидать Лидочку они не стали, а бегом рванули в отряд. Директор сказал: «Свободны». Свободны!!!

В отряде Димка веселил своих верных вассалов.

- Наш утюг завтра в соревнованиях по плаванию будет участвовать. Все будут плыть, а он по понтону бегать туда-сюда, кто быстрей.

- Не-е, – поддакивал кто-то из-за Димкиной спины. – Он с тумбочки топориком – и по дну, по дну.

Несколько человек, с кем Серёжка успел подружиться, искренне радовались за друзей, что тех не выгнали из лагеря. А завтра – так на то оно и завтра. В детстве кажется, что завтра не наступит никогда.

Оно наступило. Сергей попал в один заплыв с Димкой. Когда объявили его фамилию «Петров», встал на тумбочку и картишно, в приветствии помахал рукой Виктору. Димка, попавший на первую дорожку, скрчил ему рожу. Сделал рукой движение, показывавшее, что уйдет Серёжа на дно, и добавил: «Буль-буль».

- На старт!

Одновременно с командой «марш» Серёжа оказался в воздухе. В нырке он даже смог на полметра опередить Димку. На вдохе из-под руки он видел, что тот сокращает это мизерное расстояние, и к противоположной стенке они подошли одновременно. Сергей не зря тренировал переворот и кульбитом снова сумел вернуть выигрышные полметра. И снова Димке приходилось их наверстывать. Димку это злило. Ему плыть вровень с тем, кого он считал попрыгунчиком, легкоатлетом. С настила скандировали: «Серёга! Серёга!», и только изредка пробивалось: «Дима!» Стучакей-ябед нигде не любят, а уже весь лагерь знал, что переполох устроил Димка, наябедничав вожатой на ребят.

Пловцы почти не слышали криков, только шум, неразборчивый гул. Вдох под руку на замахе, выдох в воду, снова вдох, а сзади, поднимая бурун, секут воду ноги. Летят секунды, десятки, но с каждым гребком ближе стенка. Кувырок, и снова Серёжка выиграл полметра. Поторопился Димка, открыл рот для вдоха раньше, чем вынырнул. Поперхнулся водой, зашелся в кашле. Уже не плыл, а просто шевелил руками, чтобы не пойти ко дну, Откашлялся и, глянув на удалившихся соперников, поплыл к ближайшей стенке. Но темп он задал хороший, и Сергей не сбавлял его, наоборот, оттолкнувшись в последний раз от противоположной стенки, он, казалось, приобрел второе дыхание. «Работай ногами», всплыл в голове совет тренера, и он стал еще чаще буровить воду.

В своем заплыве он первым коснулся стенки под тумбочкой. Подтянулся, хотел вылезти, но ноги не слушались его. Жесткая боль скрючила сначала одну, потом другую. Икры закаменели, и он едва не свалился обратно в воду. Его подхватили под руку подбежавшие вместе с Виктором друзья. Усадили на горячий настил, стали растирать ноги, приговаривая: «Ну ты молоток, самого Димку надрал!» Хлопали по спине: «Молоток!». А

Витька добавлял: «Вырастешь – кувалдой будешь!» Еще оставались заплывы девчат. К окончанию соревнований Серёга расходился. Хотя икры немного ныли, в лагерь он бежал чуть ли не в припрыжку. На стенде у столовой судебная комиссия вывесила результаты соревнований.

- Серёга, ты первый! Ура! – обрадовано толкал, мутузил, обнимал его Витька. Откровенно радовался весь отряд. Они натянули нос первому отряду, а там были подростки на год-два старше. Так повелось, что нечетные отряды были мальчишеские, четные – девчат. И на линейке отряды так и стояли по периметру квадрата: мальчики, девочки, мальчики, девочки. Первый, второй, третий, четвертый. Когда директор объявил его фамилию, Серёга ничуть не жалел, что он не в первом отряде, где до флагштока два шага. Идти под рокот барабанов и восхищенными девичьими взглядами второго отряда было приятно. Приятно стоять рядом с незнакомой девушкой в ожидании остальных призеров, приятно получать кубок и грамоту. Приятно было крепкое рукопожатие директора и его короткое: «Молодец!» Приятен был и разговор с ним после линейки.

- Так говоришь, плавать учился?

- Да.

- Что, действительно, совсем плавать не умел?

- Немного. На мели.

- Тогда у тебя талант. Бросай легкую атлетику и переходи ко мне в секцию плаванья.

- Я не легкой атлетикой. Я лыжами занимаюсь. Зимой.

- Оно заметно. Дыхание хорошо поставлено и сила есть в руках и ногах. Подумай и приходи в «Дельфин». Лучше летом, понравится, останешься на зиму.

Виктор Борисович улыбался, словно Сергей уже был его учеником и не опозорил его седин.

- Хорошо. Приду.

В день отъезда погода испортилась. Небо нахмурилось, ветер лохматил волну. Все забились в каюты теплохода, только Сергей стоял на верхней палубе, смотрел на проплывающие мимо берега и высматривал, за каким поворотом покажется город. Ему не терпелось домой. Поделиться, рассказать, показать ку-

бок, грамоты. Мамка покачает своей головой, погладит по голове и как всегда скажет: «Хвастун». Отец, скупой на ласку, наоборот, его голову взлохматит: «Молодчина», что из его уст дорогое стоит для Серёжки. Теплоход, грудью пробивая встречную волну, вздрагивал, брызги залетали на палубу.

- Не застынешь? – вышла на палубу Валентина Сергеевна. Встала рядом, ежась под ветром.

- Нет. Я в куртке.

Горбились внизу тяжелые волны. Порывы ветра трепали прическу Валентины Сергеевны, она убирала их с глаз, но ветер, снова и снова играя, укрывал ее лицо. Серёжка искоса поглядывал на учительницу. Ему стало жарко. Урони она сейчас колечко, он, не задумываясь, бросился бы в бушующую реку, отыскал бы, вернул бы.

- Иди, Серёжа. Простынешь.

- А вы?

- Постою немного. Душно внизу. А ты иди, собирайся. Вон и город показался. Скоро причалим.

Впереди, в разрыве туч, проглянуло солнце, заиграло золотом на куполе собора Петра и Павла, который, как маяк, возвышался на высоком правом берегу, окруженный зеленью старого парка. Отраженный яркий луч понесся по белым барашкам волн, зовя, маня, указывая путь.

Самосуд

Задачка для второклассника: Из пункта А в пункт Б выехал мотоциклист, ему навстречу часом ранее на автомобиле УАЗ-469 зам районного прокурора.

Работа с утра кипела. Бревнышко на бревнышко ложились ровненько, лишнего не конопатили, так что мозг еще должен был в запасе остаться. А вот водки? Сколько ее не бери, всё равно будет мало. Времена ныне не советские, когда работному люду даже по талонам водку было не достать. В любом комке ряды паленки глаз радуют. Оседлал Филинов, хозяин строящейся баньки, конька-горбунка и за добавкой.

Настроение у зампрокурора Варушева тоже было праздничное. В трудном деле удалось добиться обвинительного приговора, и вполне приличный коньёк закрепил подпись судьи в комнате для совещаний. В прокуратуре простоялся следователь. Пятница – святое дело!

Весело вилась ухабистая проселочная дорога. Весело лилась из динамиков разухабистая музыка. Веселым смехом заливалась фигуристая молоденькая практикантка в туго натянутых джинсах. Весело было на душе у прокурора от предвкушения. Горячая банька, знайная девушка, ласковым озорным взглядом обещавшая всё-всё, и даже немного больше. Весело побрякивали бутылки в коробке, и только шашлык, купленный в магазине, замороженно молчал. Вписавшись в поворот, уазик бодро вскочил на пригорок. Пуповина на дороге – как фурункул на неудобном месте. Слева канава, справа обрыв, впереди никакой видимости. Филинов попытался уйти вправо, но не хватило у «Минска» ревности. Удар бампера отбросил его в сторону. Козлом перескочил уазик мотоцикл и плавно затормозил метрах в двадцати. Прижимаясь к обочине, Вахрушев сдал машину назад. Медицинская помощь мотоциклиstu уже не требовалась.

Сотовая связь – великое дело, еще больше усилившее телефонное право. К приезду ГАИ мотоцикл был сдвинут на полметра, дорога подметена. Прибывший старлей, покачал головой и без вскрытия определил.

- Нализался. Допрыгался. Залют зенки и гоняют. Козлы.

Относилось это к мотоциклиstu, зампрокурора обозвать вслух козлом он не осмелился бы. Да и какие могут быть к нему претензии, если сам обещал еще два месяца назад права сделать. Придется задним числом. А впрочем, какая разница? Кто-нибудь, когда-нибудь видел, как у милиции или прокуратуры права проверяли? Права? С ними, без них они всегда правы.

В виду гибели виновника аварии уголовное дело было прекращено. Документы: протокол осмотра места аварии, акт судебно-медицинской экспертизы затерялись среди других в пыли архива. А на людской роток не набросишь платок. Поговорили, посудачили. Живым – живое. Вдова вышла замуж, и только мать каждый вечер поминает сына в молитве.

...

Земля круглая. Много на ней людей, но неисповедимы пути Господни. Где и как они пересекутся?

Тайга не меряна, кладовые ее богаты, если черпать из них с умом. Зарплата у тех, кто на нее живет, сами знаете какая. Летом огород выручает, а зимой тайга. Семь потов сольешь, пока вырастишь урожай, десять – чтобы убить зверя и принести его домой. Фарт – великое дело. Бывает, пот прольешь, а нести нечего. Урожай то градом побило, то морозом стукнуло, то на корню засушило. Охота – вообще дело непредсказуемое.

Варушев с охотоведом близко знакомы не были, но общие друзья, общая компания. Все люди нужные. Гаишник всем: и прокурору, и егерю, и мэру, и его зятю Кузе, и Кузькиной матери лучший друг. Прокурор – также всем выше перечисленным, начальник же милиции – брат троюродный, родного ближе. Впрочем, все мы братья во Христе, все под Богом ходим, и закон по конституции для всех один. А по жизни?

Доброй, споено-спаянной компанией выехали в объезд охотничьих угодий. Уазик-таблетка под прикрытием «Урала»-вахтовки катились заснеженной тайгой. «Урал» шел марью. Нужно ревя мотором, преодолевая заносы. Выше, лесовозной дорогой, которая вилась чащей вдоль подножия увалов, под шумок неспешно ехал уазик. Зверю с увала хорошо было видно оранжевую вахтовку. Далеко, и он спокойно стал обламывать вершинку приглянувшейся осинки. Боль ощущил раньше, чем до

него докатился звук выстрела. Ноги сами бросили его вверх, в спасительную чащу. Выстрелы подстегивали, срезая ветки, взбивая снег. Шмелями рикошетили пули. В отчаянном прыжке бык перевалил хребтину. Ноги подломились. Он сунулся мордой в снег, под уклон, обломав один рог, тяжело перевалился через голову. С потревоженных кустов олешника белым саваномсыпался куржак.

Отстрелялись все. Только два сержанта с сожалением смотрели на свои АКМ. Для укороченных стволов расстояние было явно великовато. Метров на триста поближе, вот тогда они показали бы класс. С десяти метров в глаз – на это они мастера. Стрелки спорили, гадали: попали или нет? Тащиться в гору, посмотреть, есть ли кровь, никому не хотелось. Тем более, что Семёныч уже поставил на капот очередную бутылку. Налили всем, даже зрителям-сержантам.

- Ну, за охоту! – пробасил Семёныч.
- За охоту! – чокаясь, поддержали остальные.
- Чтоб всегда было охота! – добавил мэр.

Стреляют. По выстрелам можно многое определить. Звук от удачного выстрела, попавшего в цель, совсем другой, чем по молоку. Если почти сразу за первым звучит другой – добивает. Спустя какое-то время два сдвоенных, убил кто-то большого и своих созывает. Если канонада, если лупят, как по террористам, то это развлекается законодательно-судебно-исполнительная власть под егерской крышей. Улетай с дороги птица, уходи с дороги зверь. А охотники, от греха подальше, забиваются в такую крепь, куда и росомаха не полезет. Не зверя скрадывая, звёрем прячась, то в ернике, то за густыми лиственниками уходил распадком прочь от дороги Шурик. Пусть в рюкзаке один косой, на которых путевка оформлена, но от пьяных да дурных и Бог с дороги сворачивает.

Когда взберешься на хребтину увалов, прислонишься устало к черноногой сосне, вздохнешь полной грудью звонкого морозного воздуха, напитанного синевой неба, оглянешься назад. Петь, птицей взлететь хочется. Бедны, бледны зимние краски. Прозрачны звонкие березовые рощи, кружевным контрастом чернеют лиственники, далекие хребты окончом опрокинутой чаше неба.

Пустые бутылки – в снег на обочину.

- По коням! – скомандовал Семёныч.

- А у меня кобыла.

- Всё равно команда была.

- По морям, морям, морям – нынче здесь, а завтра там.

Уазик, как катер, гнал колесами волну по обочинам, как на волну, взбирался на пригород, как с волны, скатывался вниз. На поворотах – юзом. Но водитель легко устранил занос.

- Ты, моряк, красавец сам собою – тебе от роду двадцать лет.

Нестройно, но дружно звучало в табачном дыму салона.

Коптили всё, а открывать форточки – себе дороже. Чай, не май.

Шурик проводил взглядом скрывашийся за поворотом уазик. Смахнул с валежины снег. Сел, подложив под седалище шубенки. Легок дым от сигареты. Столбик пепла упал на белый наст. Ветерок покатил, покатил и уронил в след от ичига.

Вы, господа хорошие, туда поехали, а ему сам Бог велел в другую. Напетляли, играясь, зайцы, ископытили снег козы, на припеке чернеют ямки – лежки. Пара ворон каркнула над головой. На махах летел зверь. С каждым выдохом выбрасывало из зверя кровь. Брусликой слева и справа по ходу. А ходу ему оставалось двадцать метров. Фарт! Вот он рогач. Черным пятном на взбитом снегу обломанный ерник. Ворон орет на лесине: «Украли. Отобрали». Картечью его, картечью!

- Витька. Мясо надо?

- Заводи. Поехали.

Шальной заяц выскочил на дорогу. Какое-то время очумело бежал впереди машины, на повороте вырвался из света фар, исчез. Пофартило с охотой и рейдовой бригаде. Лучильщики, заметив свет фар «Урала», умело загоняемые, бежали от рева мощного дизеля прямо на уазик. Под стволами АК-Сов, СКСов добровольно подписывали протоколы, сами перетаскивали добычу в будку подъехавшей вахтовки. План по поимке браконьеров был выполнен. По заготовке мяса с лихвой. Лихва делилась между участниками рейда. Вахтовка отправилась в райцентр. Бригада? Ну, не везти же водку с охоты домой? Загнав уазик кормой в карьер, все включились в борьбу с зеленым змием.

В свете фар пьяный сержант, справляющий нужду посреди дороги, выглядел комично, но кургузый АКМ, направленный в их сторону, выглядел вполне серьезно.

- Тормози!

Юзом машину развернуло поперек дороги. Побледневший сержант в двух метрах от борта дрожащими руками никак не мог застегнуть комбинезон. Через пару минут (этих минут хватило Виктору выбросить незарегистрированный карабин за обочину) вокруг ЗИЛа подпрыгивала, пьяно отплясывала ватага в камуфляже.

- Что в кузове?

- Сохатый.

- Где убили?

- Чем? Нашли.

- Издеваешься? – хлесь, хорошо поставленным ударом приложился начальник РОВД. Когда Виктор поднялся, ласково спросил:

- Добавить?

- А ты, Филинов, что молчишь? Может, и ты скажешь, что бык на дороге валялся?

- Зачем? В тайге подстреленный лежал. Мы лесосеку выбирали, на него и наткнулись.

Обломилось бы и ему, только Филинов предусмотрительно держался на недосягаемом для тучного полковника расстоянии. Сержанты производили досмотр машины. Самое страшное оружие – монтировка – входила в комплектацию и изъятию не подлежала. Егерь пытался заполнить протокол, но дрожь в руках, неверный свет, замерзшая авторучка не позволили этого сделать. Шурик с Виктором были милостиво отпущены с приказом в понедельник прибыть для составления протокола в район.

Понедельник – день тяжелый, и контора была закрыта. Поплавали замок, постояли у дверей, прошлись по магазинам и домой. Филинов с Бондарем – люди работящие, им каждый потерянный день не миллионы стоил, дороже. Прогулял день, завтра дети без куска хлеба. Без которого кусок мяса, особенно если с жиринкой, поперек горла встанет. Полетели дни, недели в трудах и заботах. Быка с помощью родни съели. Вкус забываться стал. На тебе – повестка в суд.

Судья – миловидная, молодящаяся женщина солидного возраста, вегетарианка в пятом поколении, за убийство невинных животных давала бы сроки в два раза больше, чем за преступления против человечества. Однако во всей своей деятельности руководствовалась в первую очередь буквой закона. Дух – субстанция неустойчивая.

Протокол составлен был небрежно, обвиняемые от подпись своих отказались. Судья без экспертизы видела липу. Свидетели – лица заинтересованные. Обвинитель, он же свидетель – парадокс. Обвиняемый Бондарь, этот хитрый хохол, подал встречный иск на нанесенные побои и представил справку о повреждениях средней тяжести без ущерба для здоровья. Отсутствовал протокол осмотра места происшествия. Не было в наличии орудия убийства бедного животного. За недостатком, за недоказанностью дело было возвращено на доследование.

Каким-то образом, спустя какое-то время, получили два друга квитанции на уплату штрафа и уведомление, что за отсутствием обвиняемых состоявшийся там-то и тогда-то суд осудил их на два года (по году каждому) с отсрочкой исполнения приговора на 12 месяцев. Махать крыльями, когда об землю шмякнулся, – дело бесполезное. Последние кости отобьешь. Штраф выплатили. Ружья? До конца испытательного срока попрятали. Недалеко. За околицей.

Весна. Куры закудахтали. Гуси-утки полетели. Отогрелась под вешним солнышком река, взломала ледяной панцирь и унесла к Тихому океану. Просветлели воды, заиграла в рыбах холодная кровь, пошла она косяками искать светлые воды. Не всегда рыба ищет, где глубже. Человека не переделать, ищет, где ее больше. И даже где нет ее вовсе, всё равно ищет.

Военные мосты несколько жестковато несут узик через хляби таежные. На березовом закрайке, у длинной косы выгрузил из своей утробы палатку, резиновую лодку, китайские сети, китайскую удочку, ящик водки, коробку закуски и троих личностей в камуфляжных костюмах.

Рыба, ау! Ау! Рыба, ты где? Туго ей приходится в пять последних засушливых лет. Воды мало – спрятаться негде. И ловят ее, и колют ее, и в сети путают и травят. А тут еще бедную рыбу

электрошокерами бить надоумили китайцы. У себя они всех лягушек съели, за наших принялись. Нет бы Ване русскому шугануть браконьеров от своих угодий, а он им подражает. Бьет всю живность в реке электроудочкой, последние микробы убивая. Но сначала в себе. Пока один костер разводит, другой лодку накачивает, третий уже разливает – для дезинфекции, для профилактики, короче – здоровья для. Если не кровь кипит в венах, а булькает спиртосодержащая стерильная смесь, ничего не страшно, ничего не жалко. Кто виноват? Кто на веслах сидит, кто правит, на того все маты и складываются. Он виноват. Табанят весла:

- Левым, левым! Стой! – запутались грузила, течение несет лодку, вытягивая сеть, скручивая ее в веревку, отрывая палец, на котором она собрана.

- Стой! Подгребай, подгребай! Да мать твою по перекатам! Удило, а не рыбак!

Тетива китайки режет руки, рвутся ячейки из тонкой лески. Фу, расцепились грузила. Встала сеть изогнутой стенкой, сдерживающая якорями.

- За рыбалку!

- За клев!

- За клево!

Хороши под водочку маринованные огурчики, грудинка копченая, курочка «Братская» заботливой женой в духовке за жаренная. Под водочку на свежем воздухе всё хорошо.

Спросите у дегустатора, целый день снимающего пробы с изысканных блюд на международном конкурсе кулинаров, хочет ли он кушать. Спросите у путаны после трудовой ночи, хочется ли ей любви и ласки. Спросите у рыбака, вернувшегося с пущины, пойдет ли он завтра с вами на рыбалку. Превратите любое хобби в профессию, самую светлую любовь в трудовую повинность от зари до зари, и тогда вы узнаете их истинную цену.

Вначале плеса, в устье ключа Безымянного, скрытый от реки густыми зарослями тальника, бездымно горит костер из плавника. В котелке уха с редкими блестками жира. Шурик уже отложил ложку, сыт. Потянулся за тлеющим сучком, выпавшим из костра.

- Менты прикатили.
- Да хрен с ними. Водки попьют, поорут и уедут.
- Эти уедут. Отрыбачили мы с тобой. Сети ставят.
- Ума нет, пусть ставят. Дура рыба – по косе хвосты ломать?

Ключ словно разрезал высокий правый берег, шумит, ярится весенняя вода через узкую горловину по перекату. Река с поворота бьет в противоположную сторону, то намывая, то слизывая в большую воду намытую косу, ломая прибрежный ивняк, наваливая на него груды мусора. А здесь тиши да благодать. Рыба не глупа. За Белым камнем намытый ключом порожек резко обрывается в глубь. Темная гладь старого венецианского стекла зеркала, вода кажется неподвижный. Отстаиваются, набираются сил табунки ленка, хариуса. Многочисленной рядовой чернью окружает благородное сословие чебаки, кони, остробрюшки с чернобрюшками, прячутся между камнями ночные разбойники налимы, шныряет отовсюду гонимая вездесущая вороватая шпана – голыни. Князьями заплынут таймени взять свою долю рыбьими хвостами. Редко, как президент по окраинам, по высокой воде зайдет царь-рыба. Дуром проломит по реке, порвёт сети, снасти. Оставит о себе долгую память: «А это когда калуга заходила?»

По добру бы – сети каждые два-три часа проверять надо. Теперь проверишь. Вон на той стороне – «закон» палатку поставил. Нельзя в нерест ловить. Нельзя, нельзя, а кушать хочется.

- Ничо, утром по туманчику проверим. Они же наклюются и до обеда спать будут.

- Ага, проснутся, похмельнутся, про сети забудут, и домой.

- Ну, и хрен с ними. Пойду по ключу, уток посмотрю, а то неделю уже на рыбе сидим. Скоро чешуей вместо волос покроюсь. Да и Люська запилила: «Рыба, рыба!»

- Иди. Да стреляй за второй сопкой. А то услышат. Я табор за рощу перетащу. От греха подальше.

На той стороне уазик надрывался в тяжелом роке. Ни слов, ни мотива разобрать нельзя, только: «Бум, бум», и как железом по стеклу, над багровой в свете заката рекой. Вдоль косы стелется дым с запахом шашлыка. Старлей пытается изобразить танец с шампурями.

Хорошая лодка «Нырок». Два отсека, плюс надувное дно, но три человека, не считая аккумулятора, – для нее многовато. Пока отчаливали, хлебанули воды через борта, и она противно хлюпала на дне. Течение подхватило лодку. В свете фароискателя галечное дно сливалось в радужное полотно.

- Эй, на веслах. Греби под тот берег.

Куражился Варушев. Хмельной адреналин играл в крови зампрокурора.

- Эге-ге-й! – блажил он во всё горло.

Луч, указывая направление, запрыгал по скалам, уткнулся, зашарил по кустам.

- Эге-ге-й!

Течение стремительно несло лодку. Старлея укачало. Он жалел, что не остался на берегу, но и одному оставаться – жутковато, как на ночном шоссе, на которое без напарника он никогда не высовывался. Мэр пыхтел, левое весло крутилось в руке, выскакивая из воды, поднимало брызги. «Мудак. Сидел бы у костра, жевал бы шашлык. Пусть сами бы плавали, … жизнерадостные. Нет, старому дураку интересно стало: что за удочка китайская? как ей ловить?» У жаркого костра, с кружкой в одной руке, шампуром в другой, мысли другие – романтика. С веслами в руках, когда отнесет тебя метров на двести в темноту, когда сыр и зябко, понимаешь: «Надо грести, грести. Туда – вперед, в темноту. Но придется еще выгребать обратно, к гребаной матери, такую романтику».

- Эге-ге-й! – жизнерадостно надрывался будущий прокурор.

- Орут.

Шурик палил над костром общипанных уток. Отложив последнюю, он потянулся за ружьем.

- Оставь.

- Да я от табора унесу. Припрячу.

Ни щелчка. Ничего. Но рыбы конвульсивно задергались. Одни опускались на дно, другие всплывали на поверхность. Варушев высвечивал, не выпуская из другой руки щуп. Старлей собирал сачком.

- Вон еще одна, – в мэре тоже проснулся азарт.

В свете фары замелькала на глубине поплавками сеть. Потревоженная рыба таскала ее из стороны в сторону.

- Табань, табань.

С трудом, но удалось зацепить щупом и подтянуть к лодке сеть. Азарт. Одна, вот сразу три. Собрали сеть в клубок. Сеть не своя, не жалко. Трещит леска, рвутся ячейки.

- Суки, китайкой рыбу бьют, а с нас за сети три шкуры дерут.

- Так им закон не писан. Они этих удочек, знаешь, сколько конфисковали? Каждому менту вместо шокера.

- Шурик. Они уже за наши сети принялись. Мало им, гадам?

Тащи ружье. Утоплю сук.

- Да ты чо, охренел?

- Да, пугану только.

- Ага, пуганешь! Завтра ОМОН прилетит с террористами бороться.

- Тащи, я сказал. Совсем оборзели.

Государство живет законом, его исполнением, а народ обычаем. Нельзя в тайге даже трогать чужие снасти, ловушки, а за кражу добычи из них и сто лет назад и двести убивали.

Брал ниже, правее людских силуэтов. Картечь хлестанула по воде. Рикошетом вспорола корму, продырявила надувное дно. Лодка встала на дыбы. Варушев, как в спасательный круг, вцепился в сеть, течением лодку выдернуло из-под него. Если бы не аккумулятор. Нос задрался еще выше и, перевернувшись, накрыл старлея и мэра. Резиновые болотники в воде не снять, они сдавливают ноги, тяжелыми гилями тянут на дно. Несколько рыбин рванулись в разные стороны, снулью течение несло вниз, догоняя дырявую лодку.

Всех троих вытащили из связки сетей, в которых они запутались. Уголовное дело не возбуждали. Прижизненных повреждений не обнаружено. В желудках утопленников водки оказалось больше, чем воды в легких. Фароискатель, электроудочка в протоколе не фигурировали. И вообще, произшедшее постарались замять. Несчастный случай на воде. Бывает.

Виктор с Шуриком? Чистосердечное признание облегчает душу, но увеличивает срок. Вначале утопленников было жаль. Теперь больше жалеют о напрасно погубленной рыбе. Она-то не причем.

Стервы

«Городок» – это только маленькая часть большого города, отделенная от него лесным массивом и водохранилищем. Раньше, во времена советские, теперь почти былинные, носил он гордое имя м.р. «Красный текстильщик». А теперь просто «Городок». А дальше – всё как в песне: «Городок наш ничего, Населенье таково: Незамужние ткачики составляют большинство». Правда, ткачики уже нет, но незамужних женщин стало еще больше. Как встал комбинат в конце прошлого века, так ткачики перевелись, а мужики разбежались. Мужики по «вахтам» – это когда жену оставляешь дяде, а сам едешь к тете. Ткачики переквалифицировались. Бабенкам, что помоложе, тем легче, в путаны подались. Сказать, это куда, по-русски – так цензура не пропустит. Дело прибыльное даже в областном центре. Но ближе к делу.

Было это всё в «Городке».

Укатила Ксюха из колхоза «Светлый путь» в штопаных колготках на попутках. Расплатилась не скучая с шоферской братией неразменной монетой. Те по доброте душевной помогли ей в городе пристроиться. Нашли угол у бабуси, подкинули деньжат на мелкие расходы. В кафе она уже сама устроилась. Поначалу плошки-чашки, вилки-ложки мыла, потом научилась столы сервировать, салаты-гарниры подавать с улыбкой, улыбку в счет включать и от чаевых не отказываться. Не отказывалась Ксюша и от приглашений поужинать. Только не в своем кафе и уже не Ксюша, а Екатерина Прекрасная. Узнала себе цену. С шоферской братией больше не якшалась. Узнала, что лучше всего с кем ужинала, с тем и кофе утром пить. Плата за ночь – это не почасовая зарплата в кафе. Бабкин угол сменила съемная квартира на проспекте Ленина. Приобрела со временем собственную. Пусть не в центре, пусть в «Городке», но просторную, новой планировки. Это когда дошло до народа, что лучше жить в Москве, чем в России, и повалил он толпой в первопрестольную и ее окрестности. Цены на квартиры в краешибко упали. Осела Екатерина на окопице областного центра. «Городок наш ничего». Есть, конечно, деревни и побольше, Москва, например, или тот же Задрипеженск, только в родном болоте и комары слаще. Да и «Светлый путь» – малая родина, вот она день езды

по трассе. Нет, теперь она не на попутках, на своей собственной иномарке, нет-нет да пропылит родимым переулком. Бизнес-леди. А то, что иногда соседи «леди» со звуком «я» произносят, так «на чужой роток не накинешь платок». Завидуют. А что не завидовать? Живет в свое удовольствие, не тужит. Как говорится: сыта, пьяна и нос в табаке.

Покурить, нюхнуть табачку забегает к ней подружка соседка. Немолоденькая, подающая надежды журналистка. Дома муж – не одобряющий курение, но считающий, что если супруга хочет задержаться у подруги, то пусть это будет дверь в дверь на одной лестничной клетке. О чем они болтают, это бабье дело. А вот проконтролировать, только ли они болтают – дело мужское.

Маринка застала Катю за генеральной приборкой, которая в кои века добралась до ящиков, чемоданов и коробок. Складывалось в них годами все, что в данный момент не надо, а выбросить жалко. Вдруг, когда-нибудь, для чего-нибудь? Катя сидела на ковре посреди зала, обложившись бумагами, папками и фотоальбомами.

- Проходи, проходи. Я сейчас.

Маринка по-свойски включила чайник. Открыла вовсю ширь форточку и закурила тонкую длинную сигаретку.

- «Помню, я еще молодушкой была...»

Катя положила на стол альбом с фотографиями.

- Перебрать да выкинуть то, что самой вспоминать не хочется и дочке видеть не след. Я при Ленке курить уже стесняюсь. А она фотографии увидела: «Это кто? А это кто? А фотография отца есть?» А их вон сколько. Отцов-то.

- Ну-ка, покажи, покажи.

Со смехом потянула к себе альбом Марина.

- Смотри.

Зашумел и, щелкнув, выключился чайник. Места на столе для кружек не было. Фотографии, которые не уместились на страницах и были просто вложены между ними, сейчас выпали, веером рассыпались по столешнице.

- Это я первый год как сюда приехала. Дура дурой. Ноги от ушей, юбка до пупа. А это свадьба. Вот и муженек мой, будь он неладен. Без фаты? Какая фата? Ленке то уже три года было.

- А чо, парень симпатичный? Я его смутно помню.

- Вот одно-то в нем и было. Симпатичный да веселый. Веселье от пива с травкой. А симпатичный? Так заботами не обремененный. На два года меня хватило и, ну его, на бок, этот замуж! – махнула она рукой. – Муж – объелся груш. Месяц работает, два гуляет, два работает, полгода гуляет. Домой спать да жрать приходил. Это Ленке пять.

Маринка закурила вторую сигарету.

Альбомы с фотографиями ныне всё больше пылятся в ящиках комодов, в тумбочках. Достаются редко. Гораздо проще, щелкнув мышкой, включить слайд-шоу и, поглядывая на монитор, попивать чаёк. А вот так, когда держишь фотографию в руках, поворачиваешь, рассматривая, словно пытаешься заглянуть по ту сторону, вернуться в то время – редкость.

- А это на Байкале. Оттуда Ленку и привезла.

- Интересно. И кто из троих? Ленке на кого показываешь, дескать, папа?

- Дура!

Маринка внимательно рассматривала фотографию. Мужчины в среднем возрасте за десяток лет мало меняются и легко узнаваемы, тем более, если люди они общественные и всегда на виду.

- Ба, знакомые все лица. Ишь, с кем хороводилась.

- Да, они тогда не «ишь» еще были. Вот только сынок губернатора на «ишь» замахивался, да так сыном и остался. Правда, уже бывшего. А эти двое в шишкы выросли.

- Так это они помогли тебе «Чайку» открыть?

- Да-а, помогут! – вздохнула Катерина. – В городе поначалу встретят, морды воротят – дескать, не знакомы. А сейчас смотрят – не узнают. Сынок через Анжелу нас снял. Цена устроила, расплатился честно.

- Ни хрена себе честно! Вон, твоя честность уже в пятый класс ходит!

- Дура ты, Маринка, и не лечишься. Ответь на вопрос. Беременность проститутки – это производственная травма или профессиональное заболевание? И где ты видела, чтобы клиент больничный оплачивал?

- Нет. Всё равно, должна быть какая-то же справедливость? – продолжала настаивать на своем Марина.

- Слушай, дай мне фотографию.
В ее светлой, крашеной под блондинку головке уже зрел план.
- Зачем?
- Сама еще не знаю. Но что-нибудь точно придумаю.
- Я тебе придумаю. Не пойдет, Марина, не пойдет. Я никого не собираюсь шантажировать. Было – было. Что прошлое ворошить? Не бедствую. А с шантажистами сама знаешь, как поступают.
- Причем тут шантаж? Самой разве не интересно, от кого у тебя дочь?
- Мне – нет.
- А Ленке?
- Что Ленке? Я ей еще маленькой сказала, что у нее нет отца. Объяснила, как могла, что поматросил и бросил. «По волнам, волнам, волнам – нынче здесь, а завтра там»

- Ну, смотри. Тебе виднее. Расскажи-ка лучше, подружка, как отдыхалось там?
- А что рассказывать? Завидуешь что ли? Хорошо отдохнули, без обид. Бывало и хуже. Не хочу я вспоминать. А жизни той никому не пожелаю.

Весь вечер не давала фотография Маринке покоя. Материал – пальчики оближешь. Сколько можно быть «подающей надежды». А тут целое журналистское расследование. По уму, так можно на несколько номеров растянуть. Можно рубрику завести: «Судьбы детей». Не хочет Катька вспоминать, так и не надо. Сюжет есть, действующие лица есть. Фотография – вот она. Ну, упала со стола. А я, по девичьей забывчивости, в карман халатика положила.

Название газеты с претензией: «Вне закона». Не в том смысле что против, а в том, что вроде как сторонний наблюдатель. И лозунг был вполне подходящий: «Закон, что дышло...» Был. В конце прошлого века. А когда одни из тех, кто вкладывал деньги в открытие газеты сгинули, а другие сели на срока огромные, стала газета сотрудничать с «законом» и от лозунгов вообще отказалась. Не верят люди в лозунги. И в закон не верят, но против него не попрешь. Законники тоже не верят, но материал, если с ними ладно жить, они подкидывают. Не без греха,

другой раз приходится против совести идти, печатать то, что они велят. Но как говорится: кто платит, тот и музыку заказывает. А тут такой материалчик. Коррупция в зубах у всех навязла. По телевизору ее с легкой руки президента, или с его нелегкого языка, только что в «Спокойной ночи малыши» Хрюша с Каркушей не обсуждают. Здесь же обычная житейская история и судьба ребенка. А у нас детей все жалеют. Тема благородная и благодарная. А изюминка – действующие лица. Скандал в благородном семействе.

...

Статья о злостных неплатильщиках алиментов была написана на одном дыхании. Получить от прокуратуры факты и комментарий от заместителя прокурора вместе с его благодарностью за столь своевременное и нужное дело оказалось плевым делом. Спасибо сказал и редактор газеты, поставив статью в ближайший номер.

Свое расследование Маринка начала со звонка Вике. Забила стрелку в кафе недалеко от центрального рынка. Одноклассница стремительно делала карьеру. Защитив кандидатскую, она вся ушла с головой в написание докторской, но даже при хроническом дефиците времени своим никогда не отказывала в помощи. Вот и сейчас она внимательно выслушала слезоточивую историю о судьбе несчастной девочки, ее матери, брошенных на произвол судьбы, в объятия беспросветной нужды.

- Трое. Представляешь, трое мужиков полмесяца изгалялись над ней.

- Так что она в милицию не пошла?

- Ты что? Какая милиция в то время! Закопали бы в березках. Да и молодая тогда была. Глупая. Сразу не хватилась. А когда поняла, что влетела, доказывать поздно было.

- Так что ты от меня хочешь?

- Викуля, ты же в Институте Крови работаешь. Помоги отцовство установить.

- Ну, так пусть официально, через суд.

- Вика, ты что? Это ей официально признаться, что она проституткой была, она отправится, только чтобы дочка об этом не узнала. Викуля, я тебе скажу, кто кандидаты в отцы, ты ахнешь.

Сергей Алексеевич. Да, да. Второй – Бударин Виктор Михайлович. Угу, подружка, не делай круглые глаза. Он самый. И третий сынок бывшего.

- Ну, сынок бывшего – та еще цаца. А первые двое каким боком?

- А вот этим?

Вытащила козырем фотографию из сумочки Маринка. Что ты думаешь, они просто так взлетели? Вначале папаша друга помог. А далее, конечно, сами по головам пошагали.

- Так как я это сделаю?

- На девочку я всё для экспертизы достану. И не поверю, что у вас в институте нет никаких исследований по крови слуг народа. Они же два раза в год проходят профосмотры, после каждого банкета – профилактику.

- Ты что, думаешь, мы проводим экспертизу ДНК?

- Не проводите, но можете. Можете же?

- И как ты всё это представляешь?

- Откуда ты взяла, что я представляю? У меня по биологии тройка была. Да мне не надо сами анализы. Как ты там проведешь, как ты всё это сделаешь – это на твоей совести. По группе крови, по ДНК, по чему там еще можно определить – определи. А мне только скажи, кто отец. Там уже будем официально. По закону: установление отцовства в судебном порядке или по соглашению. Викулечка, не мне это надо, но с меня – всё, что попросишь.

- Ну, хорошо, хорошо. Пользуйся моей слабостью. Что смо-гу, то сделаю.

Вторая статья называлась: «Девочка ищет отца». Название Марина взяла из детства, была дома такая книжка про войну. Сюжет она не помнила, но название врезалось в память. От названия Марина и пошла плясать, как от печки. Отсканировала фотографию и в несколько абзацев изложила историю, полную романтики: о красоте Байкала, о первой любви и о судьбе-злодейке, разлучившей любящие сердца. Никого не обвиняла, ни на кого не жаловалась. Жизнь сложилась, как сложилось. Но живёт, растёт девочка, которая ищет отца!

Редактор посмотрел на Марину с удивлением.

- Ты бы эту статью отдала в «Восточный меридиан» или «Макси-экспресс», они всякое мыло печатают. У нас криминальное направление. А здесь что? Розовые слюни.

- Леонид Гаврилович, это еще не слюни. Слюни с соплями потом полетят. Газета без скандала – не газета. А скандал будет. Я вам обещаю. Вы посмотрите, кто на фотографии. И вопрос в том, как эти господа дальше себя поведут? А мы осветим их поведение с юридической точки зрения и общечеловеческой. Мы же печатаем фотографии тех, кто объявлен в розыск полицией, тех, кто ушел и не вернулся, потерялся, заблудился, кого ищут родные? Голову отдаю на отсечение, что эффект будет. Это материал замедленного действия.

- Хорошо, хорошо. Уговорила. Будет место в номере, напечатаем.

Напечатали. На бумаге, но забыли про овраги. Газета печаталась в транспортной типографии. По финансам и типография. Естественно качество печати желало лучшего. На фотографии в номере мама родного отпрыска не узнала бы, где уж постороннему человеку. Реакцию на статью Марина получила совсем не с той стороны, откуда ожидала.

- Ты что же творишь? – с порога встретила ее разъяренная Катерина. – Стерва ты, а не подруга. Как прикажешь теперь людям в глаза глядеть? Я что тебе – побиушка? У меня дочка что, плохо одета, голодная, в школу ей идти не в чем, во двор выйти?

- А этого и не пишу. Я написала, что девочка ищет отца.

- Да на хрена, он ей нужен был бы, если бы не ты? Что ты думаешь, это я вашу газетенку покупаю. Извини, но в магазине туалетной бумаги – на любой вкус, а ваша – слишком маркая. Заподмываешься. Ленка где-то увидела газету, узнала фотографию, давай допытываться, куда дела ее из альбома? Правда ли, что на фотографии ее отец? Ага, все трое. Отдай фотографию, воровка, и чтобы твоей ноги на пороге моем не было.

- Да забери, забери. Дура. Я хочу, как лучше ей.

- Стерва ты. Тебе-то откуда знать, что лучше? Свое дитя роди и делай для него, как лучше. А моего не трожь!

Ударила Катерина по больному. Добавила, закрывая дверь:

- Пошла ... вон!

Марина заперлась в спальне. Сначала плакала в подушку. Потом сидела у зеркала и пыталась привести себя в порядок. Бесполезно. Она знала о себе, что ей далеко до красавицы. Когда кто-то хотел сделать ей комплимент, то говорил, что она похожа на Ахеджакову. Невысокого роста, чернявая, худая, с выдающимся не носиком, а носом, сама себе удивлялась, как умудрилась выскочить замуж и как муж ее терпит. Изводила его хронической ревностью, сама страдая от этого. Но самое страшное, что за шесть лет супружеской жизни она ни разу не понесла. По молодости лет хочется пожить для себя, но после тридцати человек начинает задумываться не над общим смыслом человеческой жизни, а конкретно своей. Не для чего, а ради кого он живет. Высокие идеалы хороши в молодости. Жизнь колотит, разбивает их вдребезги о суровую, неприглядную действительность. Для кого копить богатство, для кого хранить честь и верность? Кому все это передать. Ау? Молчит женщина в зеркале, так похожая на Ахеджакову. Но Ахеджакова талант, а таланту многое прощается. Кто простит серость серой мышке? Но почему-то ее боятся. Маленькая, серенькая, а сколько ужаса в глазах избалованной красавицы, какой вопль-визг! Не любите и не надо. Будете бояться. Такие мысли мелькали в чернявой, кудрявой головке. Обида, злость могут тоже толкнуть человека на преодоление невероятных трудностей. И это даже не месть. Желание! Желание доказать, что я умнее, хитрее, пусть даже в подлости, но я талантливее вас!

Статья прошла не замеченной большим городом. Никакой реакции. Ни одобряющих звонков в редакцию, ни возмущенного старушечьего шушуканья на скамейках. Безразличное равнодушие. Если бы не оно, разве бы были бы переполнены детские дома? Разве отдавали бы мы российских детей за границу? Безразличие. Было ясно, что узнать людей на фотографии невозможно, что обезличенная информация прошла, как реклама прокладок в форме петли Мебиуса. Ее одно поверхностное преимущество в трехмерном пространстве перед остальными прокладками для женщин необъяснимо, а следовательно: «Собака лает – реклама идет – Галкин поет». Для того чтобы был общественный резонанс, нужен толчок. Большевики, верно, подметили, что «из ис-

кры возгорится пламя». Княгиня Ольга использовала птиц. Марина тоже запустила «утку». Благо, пространство интернета обширно и общедоступно. В одном из интернет-кафе она выбросила в социальные сети отсканированную фотографию с комментарием от вымыщенного лица. Вон их сколько сидит, уткнувшись в мониторы. «Смотрю газету «Вне закона». Ба, знакомые все лица. Девочки, я с этими ловеласами отдыхала в Турции. Оттянулись по полной. Кто отдыхал с ними – ставьте «Класс!» У кого от них дети – два». Утка получилась классной. Каким-то образом всплыло еще несколько подобных фотографий. Менялся фон, менялись персонажи. Парни и девушки на отдыхе. Какие-то фотографии не открывались, напрочь закрытые цензурой. Пожара не было, но дымком (едким, вонючим) потянуло.

...

Ирине газету подсунули под дверь кабинета. Она сама, круг ее общения до подобного вида прессы не опускался. Она удивилась, перелистала и бросила в урну под столом. На «рабочем столе» мигали звездочки: «Вам сообщение». Почта касалась в основном работы. Неожиданным было письмо от подруги. Светлана никогда не выходила на ее служебный электронный адрес. Что-то срочное или ахисекретное? Сообщение было кратким. «Загляни на «Одноклассниках» в обсуждения». Заглянула. Эмоции после прочтения комментариев спрятала глубоко, глубоко в себе. Достала из урны и прочла статью в газете. Стало ясно, почему она оказалась под дверью. Кто? Так у симпатичной, успешной, молодой – ой как много закоядлых подруг. И что? Радовать их? Фигвам, а не индейский шалаш!

Ирина сделала вид, что кроме деловых бумаг её сегодня ничего не интересует. Благо, шеф провел планерку на повышенных тонах, выдал всем сестрам по серьгам. Щедро поделившись ими с подчиненными, Ирина дала всем понять, что ждет от сотрудников отдела трудовых подвигов, а не бесконечных перекупов и многократного чаепития в перерывах между оными. У себя в кабинете обложилась документацией, которую необходимо было сдать еще вчера. Выпеснула злость в работу – и она пошла. Те вопросы, что вчера ставили в тупик, решались удиви-

тельно быстро. Под конец рабочего дня появилась даже какая-то легкость, вера в свои силы. Давно такого не было. По всей видимости, ей и нужен был стресс, толчок, сбросившие накопившуюся зимнюю усталость.

С работы поспешила не домой, а к брату. Он жил в квартире, оставшейся от родителей. После того как отца не переизбрали на новый срок, жить в родном городе родители не захотели, а поспешили переехать в построенный в Подмосковье коттедж. До замужества Ирина тоже жила в этой квартире и до сих пор считала ее своим домом, от которого у нее по праву были свои ключи. На меняющихся периодически невест брата внимания обращала не больше, чем на живущих в подъезде кошек. У кошек есть хозяева, пусть они за ними и прибирают. Но, наведываясь в квартиру, заставляла очередную пассию навести в квартире порядок, устраивала выволочку брату и исчезала до очередного приступа ностальгии.

Брат, будучи тремя годами старше, терпел. Терпел и подчинялся с неподдельным удовольствием. Так уж был он выращен заботливой мамой и бесконечно любящей тетушкой, маминой сестрой. Получать от жизни удовольствие, предоставляя другим право принимать судьбоносные для него решения. Сказала мама «в институт!» – в институт, сказала мама «не ходи в армию!» – и не пойду. Сказала тетушка «рано не женись!» – до седины по плеши жениться не буду. Сказал папа «заведи свое дело!» – завел. Пока папа был у власти, дело катилось по наезженной колее, но сменилась власть, и те, кто раньше чистил колею, убирали из нее камни и засыпалирытвины, растворились, а колдобины да ухабы растрясили налаженный механизм, и тот уже не катился, а судорожно дергался в предсмертных конвульсиях.

Смерти предприятия Лёвчик ждал и хотел, его мечтой было покончить с делами и укатить к маме. Он знал, что никуда отец не денется и поможет развернуться в первопрестольной. Благо, у Старого, как он называл отца, здоровье есть, деньги тоже, не перевелись и старые связи. Лёвка – не дурак, умеет и может работать, когда его пинают, но быть хозяином ему не дано. Если стоит выбор: работать или гулять, и ничего тебе не будет, выбирает последнее. Откладывал дела на потом, они

копились, пластивались, уплотнялись – разгребать эти Авдие-вы конюшни уже нужен был Геракл, на которого Лёвчик никоим образом не походил.

Сестричку встретил с радостной улыбкой. В квартире на этот раз никого и ничего компрометирующего его не было. На столе лежали деловые бумаги, лежали они, правда, уже третий день, но...

- Привет, Иришка! Проходи, сестричка. Тружусь, как вол. Оголодал и отощал. Состряпай что нибудь на скорую руку.

- Щас!!! Погоди, я состряпаю. Мало не покажется. Где альбомы с фотографиями?

- Где были, там и лежит. Кому они нужны?

- Мне. И еще многим.

Фотографии юности Ирина обдуманно не несла в новый дом. Зачем создавать проблемы мужу? Чтобы не ломал голову: «А это кто, а это с кем?» – и не задавал глупых вопросов. Альбомы лежали в комоде, ждали того времени, когда прошлое станет далеким и безопасным. Когда персонажи на снимках станут неузнаваемы, станут седыми и умными.

Ирина торопливо перелистывала страницы Лёвкиного альбома. Вот она! Точно такая, как и в «Одноклассниках», напечатанная с одного негатива. Сколько еще таких фотографий? Три, четыре, пять? Выросшая в семье политика, она не верила в случайные совпадения. Если появился компромат, значит, информационная бомба подкладывается под кого-то конкретно. Под Левку? Кому он нужен – неудачник? Лет пять назад, конечно, всё это сыграло бы против отца, но сейчас он не при должности, во-вторых, далеко. А в Москве своих скандалов хватает. Остаются двое: муж и Виктор. Только Виктору на все скандалы – с высокой колокольни. Да, на виду, да, богат. Но его корпорация – это Его корпорация, и никакой скандал не лишит Его права собственности. Чиновник даже самого крупного ранга имеет над собой длань. Сегодня она ласковая, добро поглаживающая, завтра же в ней может оказаться меч праведного гнева для успокоения толпы. А из всех троих чиновник – только Сергей. Копать под него вроде и не время – выборы только осенью. Но кто их знает, этих правых, левых.

Сергей пользуется авторитетом заслуженно. Не без того: отец взял его в аппарат, продвинул на выборах районного уровня. Немало сил приложила сама Ирина, чтобы пробудить в муже самолюбие, жажду карьерного роста. Сергей от родителей получил воспитание, более подходящее для учителя младших классов, чем для политика. Нет, родители очень хорошие: мать учительница, отец инженер с завода, Ирина прекрасно ладила с ними. Но – «совки», как любили выражаться ее подруги. Повторить это Серёжиным родителям Ирина не то что не осмелилась бы, а просто язык у нее не повернулся бы, обидеть этих золотых людей. Оборвать подруг или поругаться с ними? Нет, просто живут в одном городе, на одной планете люди разного времени. Живут в разных измерениях. В ее измерении Берлускони и Олланд со своими женщинами, наш президент со своим разводом, так что амурные дела Сергея никого не возмутили бы в их кругу. Ее подружки сами ему давно глазки строят. Ирине приходится быть очень бдительной, иначе уведут. Родители, люди их поколения? Пусть приходится чаще всего пересекаться с ними только на выборах, результаты этих выборов во многом зависят от них. А они его грехи молодости вряд ли одобрят.

- Лёва. Иди сюда, пожалуйста.

- Ну что тебе? Я занят.

Выходить из танковой атаки ему никак не хотелось. Тем более, что вот она победа, рядом.

- Оторвись от компа. Если я подойду, будет хуже.

- Иду, иду. Ну что тебе?

- Что, что? Ты помнишь эту фотографию?

- Помню. Мы с Серёгой и Витькой на Байкале.

- Что с Виктором и Сергеем я без тебя вижу. Что за девушки с вами?

- Скажешь мне – девушки. Блядушки. Заказал по телефону.

- Так вы поэтому нас никогда не брали с собой? Нам про высокую и чистую любовь к рыбалке, а сами по блядям.

- Ну-у, когда это было. Мало ли чего по молодости, да по пьяни не натворишь.

- Вот-вот. Когда это было. У-у, до свадьбы два месяца, а у вас мальчишник-поблядушник! Как их зовут?

- Кого?

- Ваших дам, сударь-барь.

- А я что, помню? Я к ним и тогда в метрики не заглядывал.

Знал одну, часто с ней пересекался, а подружку она сама с собой прихватила, чтобы полегче было. Нас всё-таки трое.

- Козел!

Ирина не выдержала и залепила братцу затрещину.

- Пошли к компьютеру.

- Смотри.

Выйдя в интернет, она показала Лёве давешнюю фотографию, дала почитать ему комментарии. После этого подсунула ему газетенку.

- Молись, чтобы дитятко твое было. Не дай бог Сергеево, и тебе и ему мало не покажется. И кто из этих двоих мамаша?

- Я откуда знаю?

- Так узнай. Это дело надо миром уладить, милый братец. Мне скандалы ни к чему.

- Так как я узнаю? Я их сто лет не видел.

- Твои проблемы. Но я тебе не папа с мамой. И сроку тебе – никакого! Знала бы я всё раньше...

...

Раньше всех «Кто отец ребёнка» узнала Виктория Владимиrowна. В тот же вечер она сообщила об этом Марине, добавив той не седых волос в голове, а морщин на лице. Сначала от довольноой улыбки тоненькие лучики у прищуренных глаз – я так и знала. Вечером складки на лбу, что с этим знанием делать. Не пойдешь же ни с того ни с сего шантажировать? Да и не ради денег всё это затевала Марина. К Катерине? Так она баба – дура, может и по лестнице спустить. И в газете не напечатаешь просто так. Дескать, у нашего мэра ребенок на стороне. Придется предъявлять доказательства, а это значит, подставить Вику. Незаконное вмешательство в частную жизнь. Так можно из борцов за правое дело и под уголовное попасть. Решив, что утром вечера мудренее, Марина, сидя перед зеркалом, при помощи скрэба, как смогла, соскребла морщинки. Потом вышла в зал и, убедившись, что мужа не оторвешь от танков, пожелала ему: «Спокойной ночи». Приняв снотворное, уснула. До утра. Без снов, как в омут.

За что любила Марина свою работу, так это за то, что не надо вскакивать каждое утро по звонку будильника, с недокрашенным лицом втискиваться в промерзшую маршрутку, а потом целый день сидеть в офисе в ожидании долгожданного окончания рабочего времени. Вольный график для ее творческой, свободолюбивой натуры был, как небо для птицы, море для акулы – акулы пера, которой она мечтала стать. Дети уже возвращались из школы, когда у Марины начался рабочий день. Стоя у форточки, она нервно курила. Материал, подсунутый редактором, не клеился. Голова была занята другим. Во дворе каруселилась детвора. Детскую площадку сделали нынешним летом. Карусель, качели, пара беседок, песочница, заметенная снегом. Двор, залитый солнцем, закрытый от ветра домами, согревал даже в сильные морозы. На улице хиус вышибает слезу, мороз пробирает сквозь шубку, зябнут пальцы в меховых варежках – хочется бросить сумку из рук, а войдешь во двор, и словно теплой волной обдаст. Девчата, как вольные голубки, перепархивали с одного края детской площадки на другой. Беззаботное детство, когда даже безделица кажется важной и веселой. Смеялась чему-то известному только им и Ленка – дочка соседки. Позавидовав им, и Марина решила пройтись, проветриться.

- Леночка, здравствуй!

- Здрасте! – приветливо улыбаясь, ответила Лена и продолжила чирикать с подружками.

- Лена. Мама на работе?

- Да, тетя Марина.

Стайка детворы сорвалась и улетела подальше от взрослой тети. Есть и у птиц шестое чувство: толи крошечка бросит щедрая рука, толи громко крикнет – кыш!

Посмотрев вслед детворе, Марина отправилась в магазин. Благо, сейчас их на каждом углу по два, а то и все четыре, на той, этой и противоположной стороне. Купив хлеб, молоко, Марина, подумав, взяла торт. Себя она в калориях ограничивала, но вариантность комбинаций возникала помимо ее воли, и тортик здесь мог оказаться совсем не лишним.

Стайка девчат на площадке стала меньше. Кто-то, проголодавшись, сам убежал, кого-то загнали домой родители. Остав-

шиеся притихли. Школьные новости были рассказаны, мальчишес обсудили, осудили и обсмеяли. Больше делать нечего. Гонять подобно мальчишкам пустую консервную банку – над чем смеялись? Лазить по детским горкам не позволяла девичья гордость, чай взрослые.

- Лена, пойдем к нам в гости. Я торт купила, чай попьем.

Предложение было принято с удовольствием. Лена, неся торт, делилась девичьими секретами. Это страшная тайна, что Настя любит Кольку из соседнего дома, еще более ужасный секрет – они целовались. Говорила она таким тихим шепотом, что эхо гуляло от первого до пятого этажа. За столом Лена держала себя по-взрослому. Ведь тетя Марина работает в такой газете, знает весь преступный мир города и тех, кто с ним борется. Так интересно рассказывает ужасные истории, а вот мы живем и не знаем, что нас окружают маньяки, насильники, убийцы. Чего у нее только в компьютере нет. Вот с виду приличный человек на деле – страшный преступник. Вот этот на снимке – вылитый ДиКаприо, а он инкассатора убил, а вот эта молоденькая девчушка, такая милашка, как Барби, выбросила полугодовалого ребенка в окно пятого этажа. Ужасты!

- Ой, тетя Марина, а у нас тоже такая фотография есть. Они что, тоже преступники? И мама с ними.

- Нет, Лена, это не преступники. Вот этот в середине сын бывшего губернатора, справа нынешний мэр, слева крупный бизнесмен. Угадай с трех раз, кто твой отец? – ляпнула Маринка и сама испугалась. Всё Катерина убьет. Лена смотрела нее большими, ничего непонимающими, таящими тысячи вопросов глазами.

- А ты посмотри на дату на снимке, отними девять месяцев и получишь свой день рождения. Да, да. Ты уже большая. Я еще всё уточню и через несколько дней скажу точно, кто твой отец. Только ты матери ничего не рассказывай. Пусть это будет нашей тайной. Ты же хочешь, чтобы у тебя был отец? Тебе еще чаю налить?

Какой чай, когда в детской голове сумбур и сумятица. Какой подросток-сирота не мечтает об отце. Рисует его в своих мечтах и боится, что вдруг отец окажется не таким, что его при-

дется стыдиться. И вот уже над тайной приоткрыта завеса, еще немного и... А что «и»? Ребенок еще не осмыслил всего происходящего. Отец? Какой он, если еще не ясно, кто из этих троих молодых, веселых ребят Он. Какой Он? Ведь даже мама – и та на этой фотографии совсем другая, не такая, как сейчас. Совсем-совсем чужая. Дома Лена разыскала в альбоме фотографию, долго разглядывала. Поставила перед собой зеркало и сравнивала свое лицо с теми, кто на снимке. На кого она похожа? На этого в центре точно нет, справа – возможно и слева – красивый. Хоть этот, хоть тот, но только не в центре. Кто бы ни был из этих двоих, она всё равно будет его любить, так решила она для себя. Чем бы ни занималась в этот день Лена, мыслями она вновь и вновь возвращалась к фотографии, к отцу. К вопросу: «Кто?» Когда пришла мама, она с трудом удержалась от того, чтобы не задать его ей. Тайна согревала ее надеждой и жгла. Жгла тем, что для нее ее же тайна оставалась тайной: «Кто?»

...

Лёва не стал откладывать выполнение просьбы Ирины в долгий ящик. И дело не в том, что его испугали ее угрозы. Их с сестричкой с детства мир не брал. Доставалось ей от него и ему из-за нее. Поэтому угрозы имели нежный оттенок. Лёве самому было интересно, чей же это ребенок. Своих у него не было. Несколько раз его чуть было не довели до дверей ЗАГСа, но вид ворот в райскую жизнь приводил в ужас, и он успевал ретироваться с бешеною скоростью и минимальными потерями. Теперь узнать, что у тебя есть взрослая дочь, за которой не надо стирать пеленки, не досыпать ночами – это даже интересно. Узнать, конечно, интересно, но не так-то легко. Смена поколений на панели происходит быстро. Вчерашние девочки исчезли. Одни – благоразумные – вышли замуж и, оборвав все связи со своим прошлым, стали добропорядочными женами и примерными мамашами. Другие – умные – стали внешне благопристойными «мамочками», поставщицами товара для сексуальных утех, в виде девочек, годящихся им в дочери. Трети – бесталанные, бестолковые – выпади в осадок, и благо, если живы, то опустились на дно. А со дна выдачи нет.

Непросто у женщины выпытать что-то про другую женщину. Нет, какая она растакая – пожалуйста, в красках, лицах,

такими эпитетами, что краска в лицо бросается. А где она да как найти – партизанка на допросе. И сто вопросов на твой один. «Зачем? Почему? Где? А ты кто? А она тебе кто? Что было? Что будет?» В результате: «Не знаю». Не в лоб, не напрямую, чудом нашел фамилию и адрес Анжелики, которая на самом деле оказалась Анастасией. Красивое русское имя, ничем не хуже Анжели. Впрочем, Анастасия – не совсем подходящее имя для проститутки. Как-то не вяжется. Не вяжется и не вяжется, слава Богу, хватило ума не переться к ней домой.

Анастасия Аркадьевна, оказывается, «в те времена далекие, теперь почти забытые» просто-напросто подрабатывала, успешно заканчивая курс за курсом в педуниверситете. Когда он остановил ее на улице, она узнала его. Призрак из прошлого, не страшный – неприятный. Зайти в ресторанчик на углу отказалась, но ответила на интересующие его вопросы. В «Одноклассники» она заглядывала регулярно не из праздного любопытства, а чтобы знать, чем живут ее ученики, и была в курсе последних событий. Свою копию фотографии она вместе с другими компрометирующими ее уничтожила, едва стала встречаться с будущим супругом. У самой у нее сын только в этом году пошел в школу и в силу малых лет не может быть ребенком, зачатым в те времена. И вообще, он настолько похож на своего отца, что никакой экспертизы не надо.

- А Катерина? Да, кажется, родила. Она в то время и исчезла из нашего круга. Ну, сам понимаешь – беременная по вызову. Ей самой вот-вот вызывать скорую. Встречала. Город-то один. Правильно, дочка у нее. Где живет? Не скажу. Мы со старыми подругами не общаемся из гуманных побуждений. Кафе держит в районе комбината. Кажется, «Чайка» называется. Нет, не была, и так чудо, что вспомнила. Ну, бывай. Успехов!

Пожелание оказалось добрым. Удалось Лёве найти кафе, увидеть владелицу, с трудом, но узнать в ней девицу, «отдыхавшую» с ними на Байкале. Видел он и ее дочь, проводив незримо Катерину до дома. Подойти не решился. Да и что он мог им сказать: «Здравствуйте, я ваша папа»? А что услышать в ответ? К этому Лёва был совсем не готов.

Пока Лёва искал Катерину, Марина тем временем «нашла» Елене папу. Была бы девочка постарше, она, возможно, и потреб-

бовала бы какие-то документы, подтверждающие это. Подросток, еще ни разу в жизни не столкнувшийся с ложью и предательством, привык верить взрослым на слово.

- Твой отец – наш мэр! Сергей Алексеевич Бударин. Поздравляю, Леночка, от такого отца и я бы не отказалась. Не пьяничка под забором, на бутылку собирающий. Мужчина состоятельный, с положением. Теперь и вам с мамой будет легче.

- Мама? Тетя Марина, ты же сказала, что для нее это будет тайной.

- Леночка, любая тайна становится явной. Ты же видишь, как мама бьется. Тебя надо учить, одевать. А с помощью Бударина ты и в Англии сможешь учиться.

- Нужна мне она, эта Англия. Я и здесь отличница и одеваюсь не хуже прочих.

Девичья гордость, обида за маму, бес противоречия не позволяли Лене согласиться с тетей Мариной. Они с мамой не нি�щие. Не было папы, и не надо. Без него обойдемся. Где-то в дальнем уголке души ей хотелось, чтобы он узнал, что у него есть дочка. Хотелось сделать что-то такое, стать такой, чтобы Он, Отец, позавидовал самому себе, что у него такая дочка, о которой он не знал, не догадывался. А может, знал? Ну и что, ну и пусть. Я буду. Я стану...

- Хорошо, хорошо. Тайна – так тайна. Я тебе добра желаю. Но ты – девочка взрослая. Тебе самой решать.

В тринадцать лет, дай Бог, если умеет девочка решать хорошо задачи по физике и геометрии. В жизни сложнее. В условия задачи входят эмоции, а это уже не две-три неизвестных величины и не во второй, третей степени – это уравнение, решение которого уходит в бесконечность с неопределенностью во времени.

...

- Привет, сестричка. Миледи, ваше задание выполнено. С вас литр бургундского.

- Ты не балабонь. Конкретно, что узнал?

- Конкретно? Нашел ту шалашовку байкальскую. Кафе держит. Вся из себя такая благородная, и не скажешь, что за сто баксов – в любой позе.

- Не хами, братец. Конкретнее и без эпитетов.

- Так я и говорю конкретно: дочка у неё, школьница, по возрасту подходит.

- Дочка, дочка! Это я без тебя знаю. На кого хоть похожа?

- На ребенка. На меня точно не похожа. Я что – рыжий?

- А она что? Рыжая?

- Была блондинкой, сейчас брюнетка. У вас же три раза в день сезонная линька.

- Дурак. Я не про мамашу, про девчонку.

- Рыжая.

- И кто у нас из троих – рыжий? Так что и экспертизы не надо. Спасибо, братец! Вечно ты какую-нибудь подлянку мне устроишь. Встречу – убью!

- Ты не меня, ты рыжего своего убивай. А я? Я ему со свечкой не стоял, бабу за ноги не держал, и пофиг мне его проблемы.

- Тебе все проблемы по боку, привык что за тебя их решают. А вот это теперь и моя проблема. Вы потешились, а мне чесаться.

...

Лучший способ нападения – психическая атака. Этому искусству девочки учатся в возрасте бантиков в жиденьких косичках и ко времени сложных конструкций, называемых прической, достигают на этом поприще небывалых высот. Станиславский плачет, не верит, но плачет. Самый лучший экспромт – это тот, который подготовлен заранее и хорошо отрепетирован.

- Милый. Иди сюда. Посмотри, какие вы смешные. Узнаю братца. Это он вам фотосессию устроил?

Ирина не так часто сидела в социальных сетях, чтобы у супруга были к ней по поводу этого какие-то претензии. Тем более, что у каждого был свой компьютер, свой угол и своя жизнь. Лазить в чужой компьютер так же неприлично, как шарить у мужа по карманам или рыться в дамской сумочке. Человек имеет право на свободу, и лучший способ сохранить семью – это разумное доверие. Тупая ревность страшней оружия массового поражения. Бьет по всем и всех.

- А? Это мы еще студентами на Байкале.

- Я-то думала: «Во французской стороне, на чужой планете». А вы на Байкале. А что за девицы с вами? Однокурсницы?

- Даже не помню. Лёвкины подруги, он их приглашал. Может, и однокурсницы его.

- Что же так слабо? Отдыхали, фотографировались, а ты даже не удосужился узнать, кто такие.

- А мне было без разницы. Я сейчас даже не помню, как их звать.

- Ты – блудун. Тебе без разницы, с кем спать, кого драть. Так ты дальше почитай, что пишут про ваш отдых и его последствия. Читай.

И с разгневанным видом Ирина ушла на кухню, где, спокойно изломав две сигареты, нервно прикурила третью. Она не курила. Практически не курила и сигареты держала для гостей и для мужа. Нет, Сергей никогда не курил. В крайнем случае, она этого не видела. По его рассказам, отучил внука от этой дурной привычки раз и навсегда дед, поймавший с сигаретами на сеновале. Благодаря доброй порке: и сеновал не сгорел, и внуки узнали о вреде курения своевременно. Нет на свете двух одинаковых женщин. Одна при домашнем скандале бьет на кухне тарелки, вторая, уткнувшись лицом в подол, хлюпает носом, при этом задирает подол повыше, третья хватается левой рукой за сердце, правой за склянку с корвалолом, четвертая, хлопнув дверью, уходит окончательно, на три дня, к маме. Ирина предпочитала хорошие ароматизированные сигареты. После них не надо было подметать осколки ссоры и аромат был намного приятнее, чем от кошачьего пойла. А мама сразу после замужества отучила ее жаловаться на мужа, сказав на суржике: «Бачили, доня, очи, што куповали – иште хоть повылазте». И жила теща с зятем душа в душу.

- Почитал?

- Почитал. Ну и что? Мало ли что в инете напишут. Это даже не собаки лают – просто сквозняк.

- Как бы тебя этим сквознячком не сдуло. Вот тебе еще газетка. Посмотри. Тебе не кажется, что кто-то готовит плацдарм или роет яму? Вы же готовитесь к предвыборной кампании. В Думу захотели? Так обгадят – с этого кресла слетишь.

- Ну, до кампании еще полгода. Утрясется и забудется.

- Хорошо бы, но напомнят и еще нароют. Так что рассказывай, дорогой, что я про тебя еще не знаю.

- Что ты ко мне пристала? Пишут? Кто тебе сказал, что девочка моя? Может, твоего братца или Виктора.

- Всё может быть, но вот рыжая она, как огонек. А кто у нас рыжий? Я что, думаешь, сцены ревности закатывать буду? Не дождешься. Но милый, ты мальчик взрослый, думай головой, а не тем, чем в двадцать думал.

- А что тут думать? Решать проблемы будем по мере их поступления.

- Нет. По мере поступления это... Не знаю, что это, но чувствую одним местом, на опережение надо. Ты бы выяснил вопрос с газетенкой. Я понимаю, в нашем кругу ее не читают, но обыватели маxом разнесут всё дерьмо. Не замарают, но вони не оберешься. В интернете всё, что хочешь, могут написать, а вот печатному слову по старинке привыкли верить. Твои отец с матерью чему верят? Правильно – газете и телевизору.

Ужин прошел в молчании. Ирина ушла в свою комнату. Легла в холодную постель. Книжка открылась на сто шестнадцатой странице. «Гэаутонтиморенос». Она специально взяла Бодлера, чтобы ее настроение соответствовало ситуации. Слишком хорошо – это тоже не ладно. Более десяти лет в любви и согласии? Они с Сергеем не ругались, некогда было. Повода для ревности ни он, ни она не подавали. Ирине в самом деле кроме него никого другого не надо было. А ему? Ей хотелось верить, тоже. «Без гнева я тебя ударю, без ненависти – как мясник...». Тыфу. Ударить без ненависти, обнять без любви. Право, как-то не по-русски. И когда Сергей подошел к двери, она поспешила выключить ночник. Притихла, как мышка. Войдет – не войдет?

Уткнувшись ему в плечо, она сначала тихонько всхлипывала. Потом села и стала колотить его кулачками по гулкой груди.

- Ты мой! Мой. И никому не отдам. Я тебе дам бля%ей! Отправлю. Ночью зарежу!

- Ириша, ну что ты! Какие еще бля%и! Уймись ты, глупая. Одна ты у меня.

Он смеялся. Смеялся, словно это была игра. Он схватил ее за кисти, развел руки в стороны, и она упала ему на грудь. Куда денешься? Смеясь, шепча ласковые слова, он стал целовать ее.

- Глупая, милая, любимая.

И снова она всхлипывала, уткнувшись ему в подмышку.

- Я глупая. Я дура. Я уже старая. Ты заведешь себе моло-денькую. Она тебе нарожает детей.

- Ты сама, глупая, родишь. И никаких больше отговорок. Потом? Поживем для себя? Пожили, хватит. А то точно, к пенсии папашей стану. С сегодняшнего дня, вернее, сегодняшней ночи и приступаем. А лучше прямо сейчас.

- Дурак.

- Сама дура. Но это ерунда. Лишь бы детишки были умные и красивые. Начали.

- Дурак. Дурак.

И столько нежности было в этом «дурак», что впору поза-видовать тем, кто в спешке, обыденно бросит на ветер слово «люблю».

...

Женщина меняется, хотел сказать: «на глазах». Нет, чужих глаз она в это время не переносит. Даже мужа выставит из ком-натки, где свет зеркальце стоит, у которого она не просто пе-рышки чистит, а меняется – изменяется, не по воле Господа, а собственному желанию и согласно велению моды. Мужчины изменяются реже, тяжелее. Каким он был в 25, таким же будет и в 35, разве немного обрюзгнет, если ведет не совсем здоровый образ жизни. Узнать в нем прежнего молодого и красивого тру-да не составит. Бывшего соседа Марина признала сразу, он ее нет. Окликнула. Эмансипация. Раньше женщина, малознакомого мужчину, на улице – Боже упаси! Сейчас запросто.

Сидели в кафе. Не в «Чайке». Também без изысков, но вполне приличном.

- Что, Костя, ушел от Катьки? А жил бы с ней, сидел бы за столиком «за так» и пивко попивал.

- Ага. Я с ней жил – в «Чайку» ни ногой. Мне там не то что «за так» и за деньги не наливали. Она, стерва, своим приказала, чтобы мне ни грамма. На халяву: хлеба и котлету.

- Ага, за то без тебя живет припеваючи. Ты хоть знаешь от кого у нее доченька?

- А мне по барабану. Мне и тогда она капризами да соплями надоела. Не она бы, может, и жили бы мы с Катькой.

- Нужен ты был Катьке. У нее знаешь, кто был в кавалерах?

Зачем она это всё рассказывала Константину? С обиды, со зла. На соседку, на редактора, на жизнь? Соседка после того, как выставила ее за порог, здороваться стала легким кивком головы. Вроде снисхождения: я тебя заметила. Редактор устроил выволочку за статью и сказал, что никакого продолжения не будет, потому что продолжением будет редакция без офиса, они на улице и последняя типография заломит такую цену, что дешевле окажется нанять писцов и выпускать каждый номер, как стенгазету, от руки. Супруг стал задерживаться с работы, какие-то командировки по району и вообще стал змеюка змеюкой, скользко холодный. Смотреть стал удавом, толи проглотит, толи удавит. За что это ей? Неужели общение с дном, с криминалом заразно? Неужели ничего светлого не осталось? Нет, осталось. Немного светлого в бутылке. Как раз по стакану. Пока допили, поведала Марина Константину, кто отец его падчерицы и какие дивиденды ждут Катерину. На прощание Костя совсем уже по-дружески попросил стольник на пиво. Угу, нашел дурочку. Угостила и ладно. А поважать нечего. Стоит один раз одолжить. И не заастет народная тропа, пока не оскудеет, или не отсохнет рука дающего.

Для Катерины началась пора встреч негаданных. Ирина – натура деятельная и не привыкла пускать жизнь на самотек. Сказывался отцовский характер, привыкшего сразу брать быка за рога и гнуть их в бараний рог. Доченька вся в него, коня она, конечно, на скаку не остановит, конституция не та, но в любую избу войдет, перед этим цепного кобеля запугав до смерти. Нет, на встречу с Катериной она шла не пугать, не угрожать. Несколько дней и ночей они с Сергеем бурно выясняли взаимоотношения. Причем виноватой и находившейся в глухой защите стороной был супруг. На правах сильного он стойко переносил ее атаки и нападки. Отразив их, успокаивал Ирину и залечивал душевные раны, которые она в пылу борьбы наносила себе. Его «бесчувственного и толстокожего» ее ревность, ее упреки, беспочвенность которых она сама прекрасно понимала, делали только нежнее. Так больного успокаивают и лечат лаской.

Ирина сама решила узнать, что за таинственная дама претендует на роль матери ребенка от ее мужа. Кто она? Зачем ей

это надо? Деньги или что-то другое? Найти кафе труда не составило. Как и узнать, что владелица должна подойти в ближайшее время. А вот узнать саму Катерину она не смогла. И когда та прошла мимо столика, обратила на нее внимания не больше чем на других посетителей кафе. Она ожидала встретить созданный ею образ и уже заранее чувствовала себя великолепной и доброй, проявившей сострадание к падшей женщине. Слишком велика была разница между девушкой на фотографии и молодой женщиной, которая могла быть кем угодно. Учительницей, служащей банка или какой-то конторы госструктур, от налогового до пенсионного фонда, но никоим образом не напоминала женщину легкого поведения. Элегантный, шитый на заказ (редкость в наше время) деловой костюм, аккуратная прическа, никакого излишка в золоте. Всё предельно просто и в то же время за этой простотой чувствовался хороший вкус и неплохой достаток. И только когда та прошла по коридору и, позывая ключами, открыла дверь кабинета, Ирина поняла, что пришла его хозяйка.

За столом сидела ровесница Ирины. Вопросительно посмотрела на открывшуюся дверь. Спокойно, уверенно. Как хозяйка в своем доме смотрит на незнакомого человека.

- Здравствуйте, Екатерина Александровна. Я Ирина. Будурина. Не уделите мне немного времени?

Как меняется взгляд человека! Обычно если говорят «мудрый» взгляд, то по традиции добавляют «добрый». Прозвучавшая фамилия всколыхнула, заставила взор сверкнуть вороненой сталью. Какая уж тут доброта? Не порезаться бы.

- Да. Садитесь, – стальные нотки звучали и в ее голосе. Фамилия Екатерине явно была знакома. Во всем облике появилась настороженность. Ирина замялась, не зная с чего начать разговор.

- Катерина Александровна. Скажите, пожалуйста, как отчество вашей дочери?

- Александровна. А вам, собственно говоря, какое до этого дело?

- Катерина Александровна, вы, наверное, в курсе, какие слухи пошли гулять по интернету.? Я не ругаться пришла с вами.

- У меня нет времени сидеть в «Одноклассниках», нет времени слушать городские сплетни, – перебила ее Катерина. – Люди добрые просветили, но это мое личное дело.

- Ваше. Но в какой-то степени касается и нас.

- Вас? Извините, но это я ее родила, а не вы. Так что вы здесь не причем. Это моя дочь, и кто ее отец, чье отчество она носит, – никого не касается.

- Катерина Александровна, я действительно не ругаться пришла к вам. И не собираюсь вмешиваться в вашу жизнь. Я пришла к вам с помощью, – поправилась. – За помощью. Чтобы вместе разобраться в создавшейся ситуации.

- Ирина, извините, не знаю вашего отчества?

- Юрьевна.

- Ирина Юрьевна. Я тоже не намерена ни с кем ругаться. Ни к кому у меня нет никаких претензий, никому я не собираюсь выставлять никаких счетов. Я хочу, чтобы меня с дочерью оставили в покое.

- Нам тоже ни к чему публичные скандалы. Но ведь кто-то мутит воду, чтобы поймать рыбку.

- Ну, с этой рыбачкой я сама разберусь, по-соседски. У вас всё? Мне надо срочно подготовить документы для налоговой.

- До свидания. И всё же? Вдруг понадобится... Я буду рада.

Ирина положила на стол визитку и уже в дверях еще раз попрощалась

- До свидания!

Что дал этот визит? Обе женщины не могли разобраться в себе, в своих чувствах. Однако безрезультатный на первый взгляд разговор протянул между ними незримую нить. Она не ощущалась ни шестым, ни седьмым и даже не десятым чувством. Но теперь не отмахнешься при встрече: знать не знаю и знать не хочу. Притягивает к себе человек. Надо определиться со своим отношением к нему, к тому, что ожидать от этого человека. Добра или зла? И не враг, и не друг, а кто?

Какая тут работа? Катерина, сложив все бумаги в сейф, отдала распоряжения на остаток дня и ушла домой. Машину в гаражный кооператив, в тесной маршрутке домой. Привычный вечерний маршрут днем показался длиннее, время бесцельно потерянным. А дома никакое дело не шло на ум, всё валилось из рук. Прибежала из музыкальки Лена. Похвасталась, что ее похвалила учительница, и ушла в свою комнату. Катерина давно не

контролировала выполнение ею уроков. Слава Богу, справляется девочка сама, а на многие вопросы, честно говоря, Катерина и ответить бы не смогла. Программа школьная меняется или «старость не радость – склероз проклятый», но не помнит, чтобы они в школе учили всё то, что сейчас задают дочери.

Завтрак двух женщин – утро в скворечнике. Не столько клюют, сколько перышки чистят. В обед встречались редко. Ужин – это святое. Только за ужином находилось время для за-душевного разговора. До сих пор секретов у них друг от друга не было. Когда появилась тайна, она повисла в квартире, как запах табачного дыма – курили давно, комнату проветрили, а горьковатый аромат остался. Тарелки убраны, на столе остались только чайные кружки. Чай они пили, не торопясь: с молоком, с крендельком, с разговорами. Телевизор тоже советовал: «Пусть говорят». Под бабы пересуды, под умелым управлением ведущего когда-то знаменитая артистка, артистично заламывая руки, жаловалась на бездушных дочерей. Одна чуть не убила и теперь сидит, другая судится с матерью из-за квартиры, гонит ее прочь. Ах, какие они бездушные!

- Так, Леночка, где им душу взять? Она от Бога в младенце с рождения. Родилось дитя, мать в него свою душу вкладывает, отец. А если не вложили, значит, нечего им было вкладывать. А на нет и суда нет.

- Мам, а когда мы к бабушке поедем?

- Как всегда. На каникулы отвезу тебя.

- У-у. Мам, только не на все. Там скучно зимой. Пусть лучше бабушка к нам приезжает.

- Правильно, доченька, бабушка к нам, а ты в деревню. Коровку доить, птичек кормить. Бросит тебе бабушка хозяйство и поедет в город? Тебе в деревне скучно, а она в городе через три дня от тоски умирает. У нее там вся жизнь прошла. Там и подруги соседки. А здесь: ты убежишь, я на работе. Ей даже перемолвиться не с кем.

- У тебя тоже подруг не много. И с соседями ты не общаешься. Вон, даже тетя Марина и та перестала заходить. Вы что, поругались?

- Да.

- А из-за чего?

- Нельзя, Леночка, лезть в чужую жизнь. Вон они, артисты, привыкли всю жизнь жить в дерьме, гадить друг другу и на страсти не стесняются свое грязное белье при всех трясти. Для них это способ жить, выжить. «Пиар» называется. Вся жизнь, как писсуар...

Закончить мысль она не успела. Это называется – накликали. Завели речь о гостях, да гостеваньи, вот и они, непрошеные, на пороге. И со стола вроде ничего не падало, так время еще не позднее.

Раньше у каждой двери были кнопки звонков, люди соревновались, у кого звонок заковыристей, мелодичней, заливистей. Лихие девяностые, подрастающая шантрапа довели подъезды до разрухи. Со временем забелили надписи, кое-где подштукатурили, но звонки стали редкостью. Кому надо – постучит, а свой, еще и условным стуком, да по сотовому предупредит: «Пришел. Открывай».

В дверь стучали уверено, как к себе домой. Открыв дверь, Екатерина осталась одна. Вот уж кого не ждала. На пороге стоял ее бывший супруг. Ох, эта неистребимая привычка русских женщин неприятности и беды встречать руки в боки.

- Что надо?

- Ты хотя бы поздоровалась. Сколько не виделись.

Настроение у Кости было благодушное. День прошел удачно. С Маринкой посидел в кафе. Потом встретил кореша, приехавшего с вахты и до прихода с работы его жены оттянулись по полной. У доброго друга, а у выпивших у всех душа широкая, удалось перехватить пятачок. Так что жизнь прекрасна.

- Я бы еще тебя столько же не видела. Что надо?

- Катя, ты хотя бы в дом впустила. На улице что ли говорить будем?

- А о чем? Мне с тобой говорить не о чем.

- Я шампанского взял. Дочке конфет. Посидим, поговорим.

- Я тебе все сто лет назад сказала, и повторять не собираюсь.

Оттолкнув опешившего от ее наглости мужика, Катерина захлопнула дверь. Звонко щелкнул замок, и тут же дверь задрожала под ударами. Стучали не костяшками пальцев, стучали по-мужицки кулаком. Требовательно, так ломится в свой дом пьяный супруг, имеющий на то полное право. Хозяин!

Открывать Катерина не стала. Переругивалась через закрытую дверь. Пообещала вызвать милицию. Константин за дверью не унимался, и только вышедшие из соседних квартир соседи всем скопом выпроводили его из подъезда.

- Мама, кто там?

- А это, доченька, по поводу тех, кто не спросясь лезет в твою жизнь. Костя.

- А... – и тут же с удивлением переспросила. – А что ему надо?

- Так, хотел тебя дочкой назвать. Поговорить.

- Спасибо. Не надо.

- Вот и я то же самое ему сказала.

- Мама...

- Ой, Леночка, давай без «мамочка». Устала я что-то сегодня. Пойду. Прилягу. Завтра поговорим, хорошо милая?

Щемило сердце. Не болело, не кололо, а как-то захолонуло оно в груди, не билось, а тяжело ворочалось. Словно кровь стала густой, и сердце с трудом, с натугой проталкивало ее по сосудам. Катерина слышала, как Лена мыла посуду. Брякали ложки, позвякивали стаканы, тихо шумела вода. Катерина опускалась, вода утягивала ее в сонное забытье без снов.

Зазвеневший будильник заблудился в темноте. Катерина едва нашла его, чтобы успокоить, но он уже успел разбудить кота и Лену, которая вставала на полчаса позже. Готовить завтрак – материнская обязанность. Проводив ее в школу, Катерина тщательно стала наносить боевую раскраску. Почему-то именно сегодня ей хотелось быть особенно красивой. Почему? Она сама себе улыбнулась в зеркало. А вот хочу и буду. Как это там: посмотрела на себя в зеркало – красавица, подошла, присмотрелась, нет – богиня!

Не так страшен черт, как его малютят. Месячный баланс был с хорошим плюсом. Можно к празднику выделить немного на премии, порадовать работников. Порой не важна сумма, важно, чтобы человек чувствовал, что его работу ценят, что его замечают. У безделья время тянется, за работу летит. Вот и кафе открылось. Однинадцать. Людские голоса едва пробиваются, но Катерина легко угадывает, что, как всегда, первыми пришли ча-

стники с расположенного рядом крытого рынка. У них день и обед ненормированный. Закрыл ларек – «Ушёл. Скоро буду». С офисов и контор пойдут с двенадцати. Контингент почти постоянный. Плюс фирмы, которые заказывают обеды с доставкой.

Дверь открылась без стука. Костя? Не было печали.

- Тебе что?

По лицу Константина плавала недобрая улыбка. Именно плавала. Обрюзгшее лицо хранило следы вчерашнего веселья и несло отпечаток нынешней скорби. Он весь скорбел о выпитом вчера шампанском, усугубленном водочкой. Надежда умирает последней. Сегодня Костя надеялся на более теплый прием. Столько лет не виделись? Надеялся, что за задушевным разговором Катерина расщедрится. А себя он считал непревзойденным мастером насчет «поговорить».

- Катерина, ну что ты, моя девочка. Давно не виделись. Поговорить с тобой хочу.

- Говори.

Катерина даже не сделала попытки встать из-за стола. Наоборот, открыла ежедневник и стала просматривать.

- Говори.

- Катерина. Так как-то не по-людски. Пойдем за столик. Посидим.

- Мне сидеть как-то некогда. Да и до обеда еще два часа. Говори, что тебе надо.

- Да? – замялся Константин. Говорить стоя, изливать душу перед куклой, сидящей в кресле? Единственный стул был занят коробкой с документацией. – Да... Да я с добром к тебе. Тяжело же одной. И я один. Так и не встретил лучше тебя. У нас же семья была. Ты, я, дочка. Она же уже взрослая, ей мужская рука нужна. А то от рук отобьется.

Катерина, может быть, и выслушала бы излияния Константина, но слова о дочери... Она только представила, как тот протянет к ней свои руки. Ну уж нет!

- Дочка. Это с каких пор она тебе дочка? Ты хоть помнишь, как ее зовут? Ты вспомни, как называл ее, когда требовал, чтобы я ее к бабушке отправила. Семья была? Это сейчас у меня семья. Я, дочь и кот. С него толка нет, так и вреда меньше, чем от тебя.

Иди, Костя, иди. Может, и встретишь кого. Но судя по твоему виду, кому ты ... нужен?

Ой, не надо убивать надежду! Расплылась улыбка гримасой.

- Ты, сука! Что папочку для доченьки богатого нашла? А я думаю, почему ты меня тогда, как пса, на улицу выкинула? Так я тебе не дам спокойно жить. Я с тобой судиться буду. Выгнать ты меня выгнала, а в квартире я прописан. И жить я там буду на законных основаниях. И по паспорту ты еще моя жена.

- Во! – чисто русский жест, чисто русская комбинация из трех пальцев окончательно вывели Константина из себя. Катерине деваться некуда. За спиной окно с решеткой, впереди стол – ненадежная преграда от разъяренного, с поехавшей крышей мужика. Он ударил ее по лицу, схватив за волосы, выволок из-за стола, свалил на пол. Пнул несколько раз ногой и, утолив злость, с плавающей улыбкой отправился к дверям.

- Так ты, Катюха, подумай. А то буду приходить и каждый день учить тебя уму-разуму. А станем жить вместе – буду холить и лелеять.

Катерина не слышала его слов. Она даже не чувствовала боли, когда он пинал ее ногами. Что-то щелкнуло, лопнуло там, в голове, когда он ударил ее еще за столом. Официантка, зашедшая узнать, будет ли Катерина Александровна обедать, так и застала ее лежащей на полу. «Скорая» увезла Катерину в больницу. Приехавшие полицейские беспрок思索ко потолкались на месте происшествия. Провели опрос. Но никто ничего не мог сказать. Кто заходил? Что пропало? Никто ничего видел, ничего не слышал. Время обеденное, люди заходили, выходили. За всеми не уследишь.

Лене позвонили девчата из кафе. Она сначала подумала – это мама, но чужой голос сообщил, что Екатерину Александровну увезли в больницу.

К матери ее не пустили. Пожилой дяденька хирург успокаивал.

- Мама в реанимации, состояние стабильно тяжелое, в сознание не приходит. Но сделаем всё возможное, и всё будет хорошо. Надо надеяться. Надо подождать.

- Ты иди, девочка, домой. Здесь в коридоре только сама себя изведешь. Оставь свой телефон и, как только мать придет в

себя, мы тебе сразу сообщим! Кто еще есть из родственников? Возможно, потребуются лекарства, которых нет в больнице.

Дома Лена собрала для матери белье. Вспомнив, позвонила бабушке. Та с охами и вздохами задавала бестолковые вопросы, на которые у Лены не было ответов. Приехала бабушка заполночь. Привез сосед, который выпил стакан чая и засобирался обратно – ему утром на работу. Лена при бабушке позвонила в больницу, долго слушали гудки и, решив, что утро вечера мудренее, легли спать.

Пересмена – время везде суматошное. Кто отработал смену в ночь, борясь со сном, был уже душою дома, пришедшие на работу еще не в курсе дел текущих, просыпаясь на ходу, вникают в ждущие дела, и все дружно отмахиваются от вопросов. Елена с бабушкой сидели в холе больницы и ждали. Ждали, пока появится кто-нибудь из медработников приемного покоя. В девятом часу пожилая медсестра, которую они несколько раз за утро просили узнать о состоянии Катерины, забрала у них пакет с бельем и попросила подождать. Скоро выйдет врач и все им расскажет. Больная пришла в себя, а больше ничего она не знает. Но и эта весть вызвала слезы облегчения у бабушки. Лена только сейчас заметила, какая та маленькая. Ей всегда казалась бабушка большой и грозной, способной справиться и со скотиной во дворе, и с дедом-соседом, большим любителем выпить. А сейчас она даже меньше, чем Лена, и не бабушка внучку, а внучка успокаивает, убаюкивает бабушку. Впрочем, не зря в народе говорят: «Что старый, что малый...».

К Катерине их пустили перед обедом, после обхода. Перевели ее в общую палату, где были еще четыре женщины. Молоденькая девчушка, чуть старше Лены, кровать которой стояла рядом с кроватью Екатерины, поправив свою постель, предложила бабушке присесть и сразу убежала в коридор. Две другие: седенькая, пухленькая, похожая на недельной выпечки булочку бабулька и неопределенного возраста, блеклого вида женщина навострили уши. Лене с бабушкой было не до них. Сложив в тумбочку коробки с соком, апельсины, они наперебой спрашивали Екатерину, как она себя чувствует, что ей принести, что еще ей надо, и опять, как она себя чувствует.

- Хорошо, мама. Всё хорошо. Голова немного кружится. Но доктор сказал, что скоро это пройдет. А сигареты почему не принесли?

- Ну всё, доченька, вижу, что ты выздоравливаешь. Сигареты ни я, ни Лена тебе приносить не будем. Курить вредно.

- Ну мама!

Как хорошо иногда оказаться больным. Лежать в постели, видеть, как близкие, любящие люди суетятся, беспокоятся о тебе. А ты имеешь полное право быть слабой, капризной. Болезнь всё спишет. Ведь счастье еще и в том, что ты знаешь, болезнь не сегодня-завтра пройдет, и жизнь потребует от тебя быть сильной, мудрой, не искать, а самой быть опорой и защитой

После ухода бабушки пришел участковый. К органам у Екатерины отношение сложилось еще во время оно, когда была она бесправная и вокруг виноватая. Со временем ее статус поднялся, но и по сию пору она считает, что кривая вокруг гаишного поста короче, а главное, дешевле прямой около него. И вообще, иметь дело с ментами – себя не уважать. А если не будешь себя сама уважать, то в поселке, где половина безработных, где считают, что воровать прибыльнее, чем за копейки вкалывать, не выживешь. Превратишься в жертву, которую все жалеют и никто не уважает, «терпилу» по-уличному. По этой самой причине заявление писать Катерина отказалась. Сказала, что дела семейные, и она сама разберется со своим бывшим. Молоденький следователь лепетал про неотвратимость справедливого наказания, о положительном примере и устрашающем действии и что-то еще, от чего у Екатерины окончательно разболелась голова. Слишком явно было, что молоденький участковый хочет записать себе в актив расследование по горячим следам. А без заявления пострадавшей уголовное дело не возбудишь. Но хоть выяснил, кто ее избил, и то ладно!

Неудовлетворенный беседой лейтенант потащился в кафе. Зачем? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос. В кафе он уже был. Уютное, с маринами (копиями Айвазовского, Боголюбова, Бегверова) по стенам, с морской атрибутикой над баром, удаленное от ближайшего морского берега на тысячи миль оно на удивление неказалось скоморошной подделкой. И цены бы-

ли вполне приемлемы, за исключением спиртного. Впрочем, и бутылки, выставленные в баре, не были родней «песцу», «белошке» и настойкам на березовых опилках в соседнем супермаркете. Публика здесь собиралась определенного сорта. Днем преобладали те, кто любит вкусно поесть, вечером те, кто посидеть в спокойной уютной обстановке и не пожалеет на это денег. Те, у кого лишнего «куска» не было, в кафе не заходили. Пик миновал. Следователь обедал в одиночестве, если не считать барменши и официантки. Девушки, устроившись за стойкой бара, пили кофе и обсуждали свои девичьи проблемы. Изредка бросали заинтересованные взгляды на молодого, симпатичного мужчину, который, казалось, весь сосредоточился над азу по-татарски. Волка ноги кормят, а полицейского еще и уши. Имеющий уши, да услышит.

- Лидок, а чо, твой на обед не заходил?
- Позвонил. Сказал, чтошибко однако занят.
- То-то я смотрю, ты уже на молоденького глаз положила.
- Ой. Нужен он мне. Возьми себе. Молодой человек, вам кофе нести?
- Если не трудно...

- Вот, теперь ты подавай. Ты у нас одинокая-одинокая. Кофе был одной из марок кафе. Заваривали его на глазах клиента, в турке, на противне с раскаленным песком. Дело это неспешное, и девушки продолжали беседу.

- Я как своему про Костю вечером рассказала, так он сказал, что не успокоится, пока его не уроют. Он с фирмы всех ребят поднял. Так что никуда этот козел не денется.

- А что за Костя? Со вчерашнего все Костя да Костя, а я никак не врублюсь, что за Костя?

- Я и забыла, что ты у нас недавно. Костя – это ее бывший хахаль, ну муж. Он еще в то время, когда они жили, и налево, и направо. А пил – как свинья помои. Вот она его и турнула. И правильно сделала. Он и ко мне клинья подбивал, да ума хватило не связываться с дермом.

- Так это когда было? Сейчас-то чего приперся?
- Так, ты, того, уже слышала, что у Катериной дочки отец нашелся?

- Ну, нашелся так нашелся. Я что-то слышала, так мне по барабану.

- Тебе да. А этот баран решил Катерину подоить. Вдруг обломится. Ну, ему не сегодня-завтра обломится. Дай Бог, если в областной клинической соберут.

- Ваш кофе.

Светлана улыбнулась, как учила хозяйка. Этую улыбку она репетировала вечерами перед зеркалом. Улыбаться так, чтобы молодой человек испытал светлое чувство надежды, но глянув в глаза, терял. Снова тонул в ласковой улыбке и деревенел под ледяным взором. Называется это – из огня да в полымя. Участковый тоже человек, к тому же по молодости лет еще не связанный брачными узами. Но долг превыше всего.

- Это вы кому там членовредительством угрожаете?

- Мы??? – расцвела Светлана. – Как вы сказали? Члену на-вредить? Да вы что? Мы девушки благопристойные и такими вещами не занимаемся.

- Ну, не конкретно вы. Но недонесение является соучастием.

Участковый достал из кармана джинсов удостоверение. Раскрыл и положил на стол.

Улыбка не исчезла с губ Светланы, но стала холодней ее взгляда.

- Господин лейтенант, а нам еще донашивать нечего. Мы девочки целомудренные, не целованные.

- Кто такой Костя? И что вы можете доложить по поводу избиения?

- А что я могу доложить? Вам добавки, так принесу. А так? Ничего не видела, ничего не слышала.

Участковый хотел возвратить к гражданской совести девушки, но, глянув в ее глаза, быстро сообразил, что понятие о гражданском долге и совести у них разные. Для нее гражданство – это отметка в паспорте, чтобы иметь возможность съездить в Китай. А совесть? Тут в самом себе не знаешь, где она находится. А у молодой девушки? Как в дамской сумочке – хорошо порыться, и совесть отыщется среди прочих побрякушек-помазушек. Не со-лоно хлебавши, но плотно пообедав, отправился лейтенант в обход вверенного ему участка.

Кто такой Костя, узнал участковый в тот же вечер.

Участковый – без года неделя, вернее, без двух дней месяц, как приступил к исполнению обязанностей, а ЧП за ЧП на его бедную голову. Обворовали киоск, угнали машину, убили почтальона при ограблении почты, избили среди дня владелицу кафе. Почту и убийство областная на себя забрала. Машину нашли на задворках комбината, без колес, да вообще без внутренностей, одна жестянка. Всё, что можно, сняли. По участку не первый случай. А по городу? По городу каждый день бомбят машины. Так на его участке искать или по городу? Вот и вечером вызов. Доставили в травматологию гражданина с черепно-мозговой. Ничего не помнит, ничего не знает. На всё кивает, со всем согласен. Документы в наличии. Константин Викторович Олешко. Тридцати восьми лет от роду. Временно не работающий. Прописан. Женат. Ну, вот и нашелся супруг владелицы кафе. Как и было обещано, обломилось ему хорошо. Врач говорит: «Пусть молится Богу, что ничего не проломили, не сломали, не оторвали. А голова? Так ушам есть на чем держаться, и ладно. А что внутри – то дело темное, не травматологу судить».

Пострадавший писать заявление отказался. Что пил, где был, кто и за что бил, не помнит. И вообще, спасибо врачам, что лежит в больнице, а не в обезьяннике, куда его поначалу хотели отвезти.

Тяжела работа участкового. Информация, связи. Ничего этого у него еще не было. Со временем обзаведется стукачами. Опыта наберется, сам будет знать, где пьют, кто ворует. Со временем. А сейчас?

Обо всех неординарных случаях медики сообщают в полицию по долгу службы, а прочим...? Марина прикармливала немного санитарочек, медсестер. По мелочи. Той шоколадку, той коробку конфет, и с тортиком к ним заглянет – чаек попить. Мелочь, но приятно. Не за взятку, какая там корrupция, по-приятельски они ей то расскажут, то покажут, иной раз и сфотографировать дадут, если у пациента температура ниже комнатной и ему всё равно. Костя с такой физиономией, какая у него была на данный момент, фотографироваться отказался. Но от апельсин и чекушки обезболивающего не отказался. Не для печати, как бывшей соседке пожаловался на судьбу-злодейку.

- Ты, Костя, не жалуйся, а радуйся, что дешево отдался. Катерина в женском отделении лежит. Ты думаешь, участковый за тебя переживает? И нет, и да. Служба. Катерина заявление не пишет, значит, дела не будет. А вот лишнее тело для опознания ему тоже ни к чему. Ты хоть подумал, куда полез? Охранное предприятие «Вепрь» знаешь?

- А кто их, «чушек», не знает?

- Правильно, все знают. И контора у них рядом с кафе, и питаются они у Катерины, и обеды им от нее поставляются. Со скидкой. Вот на таких, как ты, этой скидки и хватает. Ее кафе шантрапа по соседней улице обходит. Так что лежи здесь подольше, а потом беги подальше.

- Так это эти свинтусы меня отделали? А я думал, папаша ее доченьки своих прислал. Тогда еще ничего. Катька — баба не злопамятная. Если покажусь с побитой мордой, еще и пожалеет, авось и приголубит.

- Дурачок ты, Костя. Пожалела бы, да ты ее доченьку затронул. А я ее, бешеную, получше тебя знаю. За Ленку всех порвёт. Но я ей тоже жизнь подпорчу.

- А ты тут причем?

- А! — махнула рукой Марина. — Долго рассказывать. Не делай людям добра. Хотела, как лучше, а в ответ оскорбления и куча неприятностей. А с участковым я поговорю, и он от тебя отстанет. Ну, лечись бедолага. И запомни, что я тебе сказала, Катьку обходи десятой дорогой.

Участковый задержался у дежурного врача, и Марина ждала его в холле. Знакомы были едва-едва. Когда лейтенанта представляли населению при вступлении в должность, она брала у него краткое интервью. Но этого достаточно для продолжения знакомства. Приветливо улыбнулась:

- Здравствуйте, господин лейтенант.

- Здравствуйте... — лейтенант замялся, то ли робея, то ли пытаясь вспомнить имя симпатичной женщины.

- Марина, — пришла она ему на помощь. — Как у вас настроение, угостить даму чашечкой кофе и дать маленькое интервью? Впрочем, вы подписались на нашу газету? Напрасно.

Тараторила Марина, как швейная машинка «Зингер». Взяв участкового под руку, она не давала ему возможности не то что

вставить слово, не давала опомниться и влекла в одну, известную только ей, сторону.

- В нашей газете вы можете печатать объявления, фотографии, обращаться к гражданам. И вообще, у нас очень, очень много интересного, а так как я проживаю на вашем участке, то я в курсе многих событий и многих знаю. Но уговор – и вы со мной делитесь информацией. Будем полезны друг другу.

За чашечкой кофе она поведала участковому подробности семейной жизни Катерины и Кости. Рассказала и о своих подозрениях: кто мог так избить Константина. Очарованный Мариной лейтенант (кофе вечером не пьют без коньяка) в свою очередь рассказывал о трудностях работы на участке, где пятьдесят процентов населения безработные. Жить, есть, пить им хочется. Вот и крутятся. Оба остались довольны проведенным вечером, каждый считал, что заполучил ценного информатора.

Впрочем, этот вечер многим принес успокоение, облегчение. Лена с бабушкой радовались, что с мамой обошлось всё благополучно и ее даже обещали завтра выписать. Катерина уже не помнила, когда последний раз лежала в больнице. Чувствовала себя нормально. Она пила чай с соседками, когда позвонила Лида и сообщила, что Костя тоже в больнице, в мужском отделении. Утешение это было слабым, но принесло надежду на то, что теперь он исчезнет из ее жизни окончательно.

...

Исчез и жил бы спокойно. Русское «кабы» да «абы» – не соломка – не подстелешь. Задним умом все богаты. Хуже всего, когда застит ум злоба и жадность. Костя злобу пестовал, как боль в помятой челюсти. Вроде не болит, а открыл рот, вздохнул, и холодным воздухом по выщербленным зубам, как серпом пониже живота.

За процедурами, бытовыми делами, на людях – летит время, а останешься один – зло берет. Ну, ударил разок бабу-дуру за ее язык дурной, так ей не привыкать, а его чуть инвалидом не сделали. Она, стерва, как сыр в масле катается, на собственной иномарке раскатывает, пальцами щелкнет, перед ней в кафе скатерть-самобранка стелется. А он? Да, что тут говорить. Мало ей дал. Но он свое возьмет, не на того нарвалась.

Отмаялся Костя в больнице дней пять. Свободен. Медицинской страховки нет? За бесплатно, за счет бюджета у нас только похоронить могут, но похороны накладны, так что подлечат. Как только врачи убедились, что сразу за порогом он не упадет, то пожелали ему здоровья и проводили до дверей приемного покоя. Почему приемного? Так одежду выдают там, где принимают. Вышел, вдохнул вольного, леденящего воздуха, как серпом... Сразу скокожился, упрятал лицо в воротник пуховика. Глазам, привыкшим к полумраку больничных коридоров, было больно смотреть на яркий, сверкающий под солнцем снег. Мир радовался. Чему радоваться Косте? В кармане брякала мелочь. Толи на пиво, толи на сигареты? На то и на другое не хватит. Кусок хлеба на улице не попросишь. Закурить? Попробуй не дать, когда просят в темном переулке. Не дашь, так еще и морду набьют. Так что без курева не умрет, чай не в тайге. И выбор у Кости был простой. Чуть-чуть не хватало на «крепкое», такой же бедолага добавил. Или он ему? Без разницы. Познакомились. Выпили. Мелочи еще немного осталось, но опять не хватало, так что вторую «Арсенального» пили втроем. «Потом не помнит, дошел до точки».

Проснулся, очнулся от храпа. Глаза режет свет мощной лампочки без абажура, во рту... Встал, качнуло, заломило затылок, виски. Не промазал, умудрился сесть на расшатанный стул. Стол хранил следы вчерашнего пира. Куски хлеба, окурки в консервных банках, и ни капли. Ни воды, ни водки, ни пива. В углу помещения алел спиралью «козел». Грел, сушил воздух. Старый диван, железная кровать с полосатым матрацем, потерявшим свой цвет. Стол, несколько стульев. Давно не беленные бетонные стены, высоченный потолок теряется во тьме. На диване храпит... Как его? А впрочем, не важно. Пить. О, вспомнил. Под столом. Бетонный пол не прогревался. Ледяная вода из канистры текла по подбородку, за пазуху. Пить.

Глаза привыкли к свету. Язык заворочался во рту. Отпустило виски, и только тупая боль в затылке. Зашевелились губы.

- Эй, ты. Хорош храпеть. Кому говорю.

Костя подошел к дивану и стал тормошить спящего.

- Вставай. Хорош дрыхнуть.

Храп сменился мычанием. Щуря едва приоткравшиеся глаза, незнакомец пытался рассмотреть, кто не дает покоя.

- Ты кто?
- А ты?
- Живу я здесь?
- Где мы?
- Здесь.
- Где здесь?
- А здесь. Пить.
- А нету.

Действительно, кроме холодной воды пить было нечего. Вчера было, о чем свидетельствовали попадающие под ноги бутылки. Впрочем, для вчера их было слишком много. У Серёги, так звали храпуна, нашлась мятая пачка сигарет. Выпили, чокнувшись, воды. Закурили. Серёга не переживал.

- Не май-месяц. Щас кто-нибудь придет. Принесет. Я что, зря эту берлогу оборудовал? Летом нешибко идут. Летом под любым кустом и стол, и дом. А зимой? Не..., зимой ко мне. Тепло, светло и мухи не кусают. Э-э, а туалет на улице.

На улице солнце заставило играть в жмурки. Ослепило. Ошарашило, и без провожатого, после дневного света, в кромешной темноте Костя вряд ли нашел бы обратную дорогу.

- Здесь склады были фабричные. Трансформаторная подстанция. Склады разобрали, а от подстанции гаражные кооперативы запитаны, вот ее и оставили. А я мастером был. Мне кабелек кинуть, что тебе два пальца обсосать. Вот живу. Тепло, светло и мухи не кусают.

- И никто не мешает.
- Во, исключительная благодать.
- И много здесь таких закутков?
- Не. Остальные огромные, не обогреешь. А в тэпушку лучше не лезть. Там десятка. Зашибет по пьяной лавочке. Да и не к чему мне соседи. Переночевать пущу, а жить не. Одному лучше. Больше достанется.

За железной дверью кто-то, охнув, заматерился.

- О, гости идут. Прибирай со стола, праздник продолжается. Нудно-ржаво скрипя, приоткрылась дверь. Не гости. Гость.

- Встали? А я уже с утра, как обещал.
- А чо, обещал?
- Ты что, Костя, ни хрена не помнишь?
- А ты кто?
- Дед Пихто, конь в пальто. Ты себя-то помнишь?
- Я – Костя. А ты?
- Михаил. Архангел.

Был этот архангел крученный, как поросячий хвост. Недоставало только рваных ноздрей и наколок на лбу. На руках, которые вынимали из пакета бутылки с живительной влагой, их хватало с избытком. Принес архангел не благую весть, принес спасение для душ страждущих. Усохли души, измельчали, совсем немного для счастья надо. После первой подобрели лица, разговор завязался. Оказывается, Костя жалился вчера на судьбу злодейку и толи он, толи кто-то надоумил, но предложение вроде от него исходило: Ленку от матери увести и потребовать за нее выкуп. У Катьки денег не богато, так с Ленкиного отца на выкуп возьмет, а может, тот и сам раскошелится.

- А чо? Недельку ее здесь можно продержать. Сколько за это время наскребет, всё наше. И можно будет на юга подаваться.

- Ждут нас там? Там без нас все помойки поделили.
- Так с бабками тебе помойки до фонаря будут.
- По лимону на брата и здесь, как на юге, пожить можно.

После третьей по «лимону» было мало. Стоимость девочки поднималась, как в бутыли с брагой пена. «Архангел» слетал за добавкой, но дальше дележа шкуры неубитого медведя дело в этот день у них не пошло. Дурень думкой богатеет, и они делились мечтаниями о том, как потратят деньги.

Утро не бывает добрым. Эту истину Костя давно постиг. Как оно может быть добрым, если вчера было лучше, чем будет завтра? Так это завтра, а жить хочется сегодня. Волей-неволей пришлось Косте идти домой. После того как Катерина выгнала его, он вернулся к матери. Плакала старушка от непутевого сына, а деваться некуда. Пьет? Так кто по нынешним временам не пьет? Не работает? А где ее взять работу то? Вон соседи тоже не работают. Так и перебивались на ее пенсию вдвоем.

- Ты ешь, сынок. Ешь. В больнице, чай, и чай жидкий. А молочка не жалей. Я пенсию получила, так прикупила.

- Это хорошо, что ты пенсию получила. Мне как раз деньги нужны.

- Костя, я же еще за свет не платила.

Маленькая, худенькая она сутилась вокруг любимого чада, радуясь тому, что может его покормить не только картошкой. Что на столе есть молоко и колбаса. Во всех бедах сына она винила невестку. Стерва – это один из мягких эпитетов, которым она награждала ее, делясь своими бедами с соседками. А Костя? Он хороший. Во хмелю и с похмелья буйный? Так пьяница проспится. Но просыпаться ему часто приходилось в обезьяннике. Не раз соседи, которым надоедали полуночные крики за стеной, ее плач и Костин пьяный рев, вызывали наряд полиции. Костю забирали. А утром она шла выручать своего мальчика. Снимать побои и писать заявление она отказывалась и, уплатив штраф, семенила домой, радуясь, если сын шел впереди, и плача, если сразу от дверей милиции он исчезал в неизвестном направлении. Малую толику своей пенсии она припрятывала для того, чтобы избежать побоев. Немного, сотня, две, и Костя становился нежным и ласковым. Называл ее мамулечкой, прижимал ее к себе,. Целовал в поседевшую голову и исчезал до вечера. Порой возвращался «уставший», едва имел силы добраться до кровати, порой падал прямо у порога, порой исчезал на несколько дней. Хуже, если приходил злой, не утоливший свою неуемную жажду. Вот и сейчас она ушла в комнату, порылась в стопке белья в шкафу. Отложила одну сотенную бумажку, подумала и добавила еще пятьдесят. Тем временем в похмельной голове Кости зарождался план, как использовать матушку в предстоящем деле. Поэтому и был он с ней особо внимательным, как никогда щедрым на добрые слова.

...

Выходной. Маленький праздник. Еще не сделаны уроки, не выполнены мамины наказы, а ощущение свободы с утра не дает покоя детскому сердечку. У Катерины выходных нет. Свой бизнес – это свой бизнес, и как крестьянин не может объяснить скотине, что раз сегодня праздник, то дойка-кормежка отменяются, так и хозяйка не бросит свое дело без присмотра. Наоборот, в выходные хлопот больше. Банкеты, корпоративы, свадьбы, и

надо, чтобы всё было на высшем уровне. Выходной – спи до обеда. Но именно в выходной, едва закрылась дверь за мамой, Ленка выскочила из постели и, не умывшись, начала назанивать Настёне. Ох, эти дела сердечные. Хорошо Насте с Колькой – они друг друга любят. А как ей быть? И Витяка, и Сашка нравятся, и Ванька всё время на глаза попадается. Верке Ванька нравится. Верка задавака. Но Лене с Ваней мама запрещает дружить. От него учителя в школе плачет. Зато он ничего не боится.

- Спишь, сплюшка! – когда после продолжительного времени Настя изволила ответить.

- Не. Телефон в пуховике оставила, вот и не слышала.

- На каток пойдем?

- Коля сказал, что в обед зайдет за мной.

- Так ты ко мне до обеда прибегай. Я одна, мама на работу ушла.

- Тебе хорошо. А моя сказала, что на каток пойду, если приберусь у себя и у брата, а у него в комнате черт ногу сломит.

- Бедненькая, – пожалела Ленка подружку. – А я тогда уроки буду делать.

- Делай, я у тебя спишу.

- Спишешь, ты мне за ту контрольную шоколадку не отдала.

- А еще подружка. Тебе вредно сладкое!

- А тебе, а тебе...

Гудки в телефоне не дали ей договорить. Ленка подошла зеркалу. Покрутилась, посмотрела и, рассмеявшись, убежала на кухню ставить чайник. До обеда успела только позаниматься английским. Когда в дверь мелко и дробно, как это умела делать только она, застучала Настя. В отличие от рыжей и тощей Ленки, Настя была смугленькой и кругленькой и подвижной, как шарик ртути. Там, где Настя пробыла пять минут, черт действительно мог сломать не только ногу, но и рога потерять. Влетев в прихожую, она через секунду оказалась на кухне, прихватила с блюда пирожное, выскочила в подъезд и оттуда поторапливалась Ленку.

- Копуша, чо копаешься? Быстрей, мальчишки на улице заjdались.

С набитым ртом у нее это выходило потешно. Глядя на Настёнку, Ленка не могла удержаться от смеха, замок на сапоге не хотел застегиваться, она села на пол и зашлась от хохота.

- Копуся. Копуся. Масиськи.

Надув щеки, Ленка передразнивала подружку.

Замок подался, застегнулся, Настя проглотила пирожное, и подружки весело застучали каблучками вниз по лестнице. На площадке, с коньками через плечо, с серьезным видом стояли трое друзей. Шалопаи, но сейчас им хотелось быть кавалерами. Хотя вряд ли они понимали смысл этого слова. До катка можно было добраться на троллейбусе с пересадкой, а можно напрямки, через гаражи, комбинат и по льду озера прямо к катку. По времени так на так, но пешком дешевле. До гаражей и по гаражам дорога накатана, а по территории бывшего комбината вились, извивались среди разбитых корпусов протоптанные тропинки. Мальчишки знали их лучше, чем зайцы свои путиki, и скоро ребята оказались на льду озера.

Ярко светило солнце. В дальнем конце озера, у ТЭЦ, чернели фигурки рыбаков. С противоположного берега, из парка доносились музыка. Каток заливали на стадионе, по беговой дорожке. Кругом шла голова, по кругу катилась по льду, веселая, гомонящая молодежь. Музыка, в кругу друзей, в ярком свете фонарей незаметно летит время. Дружно зазвонили телефоны у Нasti, у Ленки, у Вити. Все трое выслушали от родителей практически одно и то же. Домой ехали на троллейбусе. Ванька пытался их развеселить, но девчонки мыслями уже были дома. Не так страшно наказание, как его ожидание, а то, что мамы не в духе и что мало им не будет, они знали точно. Ваньке проще, его родителям чаще всего было безразлично, дома он или нет. Порой он их сам неделями не видел. Ленке попало и не много и не мало, как раз, но воскресенье она просидела дома за фортепиано, для разнообразия пересаживаясь за письменный стол, за учебники. Даже ноутбук и тот Катерина отобрала у нее.

Звонила Настя, звала на улицу. Ей тоже досталось, только у нее мама вспыльчивая, но отходчивая. Вчера наорала, даже полотенцем кухонным прошлась по спине, а сегодня как будто и не было вчера. Конечно, так лучше, получил сразу по полной программе. А Ленкина мама теперь неделю будет дуться и в следующие выходные может на каток не пустить. Хорошо мальчишкам. Вон Ванька с Сашкой посвистели, посвистели и подались куда-то в гаражи.

...

Костя, опохмелившись с утра с друзьями, оставив их, ушел бродить по дворам. Дошел до школы, где царила воскресная тишина. Оттуда вышел дворами к Катерининому дому, снова вернулся к школе, но теперь улицей. Нет, улицей в школу и из школы Ленка не пойдет. Значит, встречать ее надо будет где-то возле ее дома, а там бабки-соседки чужого мужика всегда приметят. Да и не схватишь ее посреди белого дня за шиворот, не поволочешь до развалин комбината. Думай, голова, думай – шапку куплю. Гаражи рядом, так не пойдет она туда сама.

К обеду Костя пришел домой. Снова суетилась вокруг него матушка, радуясь, что сынок дома, что не пьян. Что внимателен и ласков. Костя начал издалека. Про то, что недавно видел Катерину, которая хорошо живет, но к нему охладела. А он по дочке скучает.

- Какая она тебе дочка? Вы сколько с Катериной жили, а Катюха ни разу к бабушке с дочкой не пришла и к себе не звала. Я у вас-то в квартире один раз и была-то. На свадьбе. Девка-то уже, чай, выросла, ни тебя, ни меня не помнит и знать не хочет.

- Вот я и хочу с ней сначала поговорить. Путь к сердцу матери через сердце ребенка лежит. С Ленкой наложу контакт, а она мамку уговорит. Ей папка нужен. Пацаны на улице обижать начинают. Защитой буду. Пора, мама, прибиваться к берегу.

Приятно матери слышать от сына слова здравые. Хочется ей верить, что за ум взялся, остынился. А Костя после обеда подремал на диване под звук работающего телевизора. Попил чайку и, поцеловав мать, ушел к друзьям. Весь вечер оговаривали, что и как кому делать. Костя всячески старался уйти в предстоящем деле от всяческих контактов, оставив себе роль руководителя и организатора.

- Мы же не убивать ее будем. Вас она не знает. А меня? Не, мужики. Я ее в гаражи заманю. Как? Это моя проблема, а там уж вы ее на хату доставите. И звонить ты, Михаил, будешь. Меня Катерина по голосу узнать может. Так что завтра с утра, как стеклышко. Ну, по маленькой и на боковую.

Ночью занепогодило. Низкие тучи придавили дома к земле, ветер нес крупу снежной сечки. Наметал ее под бровки, в углы, начисто вылизывая тротуары. Против ветра люди шли горбясь,

кутаясь в шарфы, пряча лицо в воротники, закрывая варежками и все равно оступались, сталкивались. Ветер больно сек лицо, вышибал из глаз слезу. В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. И люди спешили, спешили спрятаться от непогоды в квартиры, кабинеты, магазины. В любую щель, где не было сквозняка.

Долго уговаривать маму Косте не пришлось.

- Ты Ленку в сторонку отзови. Скажи ей, что с ней папа хочет поговорить. Имени не говори. Она сама догадается. К гаражам ее отведи, а я там встречу.

- Так чо, сам-то не подойдешь?

- Сам, сам. Она не одна со школы пойдет, с подружками. Не захочет говорить. Они же девки строптивые, перед подружками выпендриваются. А так, один на один куда денется. Выслушает. Ты делай, что говорю. И быстрее, а то провороним.

- Ну ладно, ладно. Раскричался. Иду я, иду.

Едва успели. Долго ждали троллейбус, и от остановки двора дома, где жила Катерина с дочерью, мать едва-едва успевала за сыном. Только остановились передохнуть в затишке, как по дорожке от школы показались первые школьники. Минут через пять в гурьбе детворы Костя узнал Елену.

- Вон, видишь, в белой курточке и красной шапочке, – указал он матери. – Я пошел в гаражи. Жду там. А ее доведешь до гаражей, и пусть идет между ними. Сама ее не провожай. Я встречу. На противоположной стороне, там, где начинались гаражи, его ждал Михаил. Закурили.

- Сейчас. Бабулька с девчонкой будут идти. Бабульку не обижай. О, вот и они. Ну, я жду тебя.

Костя поспешил вглубь гаражей, а Михаил притаился в проходе, выходящем на комбинат. Когда-то там была бетонная стена, но в ней с давних времен была проделана дыра, позволявшая попадать на комбинат мимо проходной и выносить с комбината помимо оной.

Бабулька с девочкой перешла улицу. Показала ей на удаляющуюся фигуру, а сама поспешила к автобусной остановке. Вроде и оделась тепло, но ветер пронизывал насквозь, старче-

ское тело стыло, ныло на морозе. А дома печка протоплена, тепло и уютно.

Ленка проводила непонимающим взглядом бабу Лиду, так она представилась девочке, и стала подниматься по дороге в гаражи. Фигура мужчины, на которую показывала старушка, растворилась в снежном мареве. Идти домой, но Ленка так надеялась поговорить с отцом. С настоящим отцом. Баба Лида говорила, что к дому он не может подъехать, будет ждать в машине у гаражей, но никакой машины не видно. Она не успела испугаться, когда мужчина, схватив за плечо, дернул и запихнул ее в узкий, едва разминутся двоим, проход между гаражами. Испугалась потом, когда он показал ей тускло блеснувший нож.

Не голосом, хрипом произнес. Но она поняла:

- Молчи. Удавлю.

И поволок ее к дыре в бетонном заборе, за которым лежало заснеженное поле с развалинами бывшего комбината. Она надеялась вырваться, но он крепко держал ее за куртку. Сам шел по полузаметенной свежим снегом тропинке, а она зачерпывала снег сапожками по целине. На все ее попытки вырваться, пнуть по ноге, Михаил не обращал внимания. Спешил убраться с открытой ветрам и взорам заснеженной целины. И сам не заметил, что из развалин за ним внимательно наблюдают.

Ванька сегодня опять прогулял. Дело привычное, причина важная, вчера они с Сашкой нашли под обломками кучу приборов, блоков и весь день сматывали медную проводку, обжигали провода. Вчера воскресенье, и приемный пункт не работал, а сегодня с утра пораньше он уже сделал одну ходку. Заработал тысячу, и еще осталось. Загрузив на санки, он только собирался вытащить их в ворота, когда увидел мужика, тащившего за шиворот девчонку. Он достаточно насмотрелся по телевизору про всяких маньяков, педофилов, но умишка хватило не лезть одному против здоровенного мужика. Запомнив, в каком месте он скрылся в полуразваленном корпусе, Ванька во всю прыть пустился к отделению.

Полиция не меньше, а может даже больше обычных людей, запугана маньяками. Не приведи Господь, заведется в районе, так и погоны, и шапки полетят. Поэтому и Ваньке дежурный поверил

беспрекословно и, несмотря на обед, быстро нашел участкового и еще двух полицейских. От участка до гаражей бежали бегом. От пролома хотели Ваньку отправить восвояси, но он, знавший катакомбы развалин как свои пять пальцев, стал рассказывать про би-чеубежище, как они с пашанами прозвали нору Серого.

Ленка сидела за столом и пила чай. Снять пуховик она дала. Ей было жарко, но отказываться от чая, капризничать боялась. Тот, с хриплым голосом ушёл, а дядя Сережа не ругался, только налил чаю и сказал: «Пей». Вот она и сидела над остывающим в грязном стакане чаем. Она уже поплакала и теперь только терла саднищие глаза. Дверь взвизгнула, когда её с силой, в три руки рванули милиционеры.

-Сидеть. Руки.

Так Сергей и не обирался вставать. «Влип» «Влип». Больше никаких мыслей у него не было и даже мыслей о других мыслях не закрадывалось.

Лена, увидев полицейских в форме, снова заплакала, захлюпала носом. Из-за спин полицейских к ней подбежал Ванька. Затормощил, стащил со стула.

-Ленка, дура, не реви. Пошли домой.

-Куда домой. Сначала в отделение. Дадите показания.

-Какие с неё показания. Ей к мамке надо.

-И мамку вызовем. Почему плохо за дочкой смотрит.

Гнул свою линию участковый. На Сергея уже надели наручники и, накинув куртку ему на плечи, потащили темными коридорами, подсвечивая под ноги Ванькиным фонариком.

...

Знакомый номер на экране телефона, Катерина поспешила ответить. «Ленка». Умница. Сказала ей звонить каждый час, будет звонить каждые полчаса». Но услышала хриплый мужской голос. «Слушай и не отбивайся, шалава. Если хочешь увидеть свою дочурку живой и здоровой готовь три, нет пять лимонов. Где и как их передашь, сообщу позже. И не вздумай в ментовку стукнуть. Получишь уже не девочку и по частям. Дошло. Ну, жди звонка.»

Сигналы отбоя ужасом наполняли её сердце. Забыв закрыть дверь кабинета, она простоволосая выскочила на улицу. На её

счастье не попалось ни гаишников, ни таких же отчаянных гонщиков как она. Дом встретил её тишиной. Пыталась дозвониться до дочери, но оператор нудно твердил: «Абонент временно недоступен»

Катерина маялась, ходила по квартире из угла в угол. Всё, что у неё было в наличии, она собрала, на счетах копейки. Все деньги в обороте. Если кто-то думает, что частный предприниматель богат, то он глубоко ошибается. Даже если он миллионер, то эти миллионы в работе и рискованной, а в кармане, как у латыша – одна душа и больше ни шиша. Катерина с нетерпением ждала звонка. Господи, что с Леной. Господи, отдашь все, что есть, только верните. И снова: «Абонент временно недоступен» Что постучат в дверь, она совсем не ожидала, как не ожидала увидеть в дверях милиционера. Сердце упало. Чтобы не упасть самой, она прислонилась к стене и вопросительно смотрела на сержанта.

-Что с Леной?

Он скорее не услышал, а по губам прочитал её слова.

-Нормально. Всё нормально. Лена у нас и Вам надо зайти к нам.

-Она здорова? Она... ?

Катерина не знала, что еще спросить. Заторопилась.

-Я сейчас, Сейчас.

Метнулась, заскочила, сама не зная зачем, на кухню. В коридоре, обуввшись, вспомнила, что сумочка с ключами в зале, не разуваясь, оставляя на ковровой дорожке грязные следы, побежала за ними. На лестнице обогнала сержанта и сидя в машине, ждала его с открытой дверцей. И в отделение милиции заскочила впереди сержанта. В кабинете, ни кого не видя, бросилась к Лене. Ощупывала, гладила, целовала.

-Лена. Леночка Доченька.

Выпустив из объятий, отодвинулась, оглядела, еще раз убеждаясь, что с дочерью всё в порядке.

-Доченька, как же ты? Кто?

Стала оглядывать кабинет. Её расспросы прервал участковый.

-Гражданка Болотова?. Екатерина Александровна?.

-Да.

-Девочка ваша дочь?

-Да.

Уже возмущенно подтвердила Катерина.

-Вот и хорошо. Опрашивать я её имею право только в присутствии родителей. Лена? ты можешь отвечать на вопросы.

Правильно составить протокол это больше половины дела, от которой зависит, получишь ты дырку от бублика или дырку в погоне под внеочередную звёздочку. Хорошо всё получилось. И девочку спасли и преступника поймали. Вот только девочка говорит, что в гаражах её схватил совсем другой мужчина, и привела её в гаражи какая-то баба Лида.

-Баба Лида. Худенькая такая, маленькая?

-Да, мама. У неё ещё бородавка на щеке, как у бабы яги волосатая.

-Так это Костина мама. Ты что её не узнала?

-Нет. Ну не помню я её. Маленькая была.

-Какой ещё Костя?

-Да, Костя. Мой бывший муж.

-Муж, муж. Фамилия мужа?

-Так, Олешко. Константин Викторович Олешко.

-Проживает.

-А я адрес не знаю. В частном секторе, на Ильича. Номер дома не помню. Но показать могу.

Оставив Лену на приехавшего детского психолога, Катерина с нарядом поехала в «гости» к бывшей свекрови.

Константин после звонка Михаила отправился домой. Идти в Серегину берлогу ему резона не было. Договорились, что встретятся вечером у дома Катерины. Послушают, посмотрят и скажут ей куда деньги положить. Довольный ходом дела, он с аппетитом пообедал и устроился на диван напротив телевизора. Незаметно задремал. Снились ему пальмы, море, одним словом – рекламный ролик турагенства. Пробуждение оказалось сценой из триллера. Бесцеремонно его сбросили с дивана, заломили руки за спину. Когда он попытался дернуться, сбросить тяжесть навалившегося на плечи, весьма ощутительно пнули под ребра. Старческим, визгливым голосом кричала баба Лида. Расцарапала щеку полицейскому. Потом, поняв от кого угроза, бросилась

на Катерину. С трудом, но мать с сыном погрузили в уазик. На крик - посмотреть на комедию - сбежалось пол-улицы. Сирену включать не надо. Пока доехали до отделения, чуть не оглохли. Развели по разным кабинетам. Допрашивали по одиночке и, несмотря на то, что старушка была виновна только в том, что по просьбе сына, без злого умысла, заманила девочку на территорию гаражей, пришлось ей остаться ночевать в изоляторе временного содержания. По отдельности допрашивали и Костю с Сергеем, потом провели очную ставку, где они дружно все валили на Михаила. Задержать которого не удалось, да и словесный портрет, составленный задержанными подходил к большей половине бичей старше тридцати лет. Здесь и всплыло фамилия Бударина. Дескать, когда по пьяному базару Костя проговорился, что Ленка дочка мэра, Михаил и предложил её похитить, мол, у кого у кого, а у него бабки водятся и на дочку он их не пожалеет. Так в официальном протоколе впервые прозвучало, что Елена дочь Сергея Алексеевича Бударина.

...

Слух о похищении девочки и поимки извращенцев облетел поселок на скорости «формулы один». Выходя с детьми из отделения, Катерина столкнулась с Мариной. Та попыталась подойти к девочке, уже начала говорить слова сочувствия, но Катерина грубо оттолкнула её. Толкнула так, что Марина не успел она схватиться за поручни, то свалилась бы с крыльца.

-Стерва. – прошипела она бывшей подруге в лицо. Хотела плюнуть в глаза, но сдержалась и поспешила за детьми. Лучше всякого психолога восстановить душевное равновесие может верный друг. Катерина смотрела бы и смотрела бы как, идущие впереди Лена и Ванька о чем-то болтали, время от времени оглядываясь на неё. Страхи Лены, по-видимому. Прошли, и она смеялась в ответ на Витькины подковырки, и сама уже со смехом рассказывала, как пыталась пнуть ногой здорового дядьку. Дома Катерина не могла насмотреться на дочку, радуясь, что всё закончилось благополучно. А ночью, дав волю воображению, в волю нарыдалась в подушку.

...

Марина полночи печатала статью, подбирала фотографии и с утра, опередив коллег, успела заскочить на областное телевидение. Вручив редактору статью, попросила его включить телевизор и в одиннадцатичасовом выпуске новостей просмотрели вместе сюжет о похищении девочки. Марине приятно было услышать свою фамилию как корреспондента. Сюжет удался и смекалка мальчика, вовремя сообщившего о похищении, мужество участкового при задержании преступника, его умелые действия при расследовании и поимке соучастника. В передаче фамилия девочки не прозвучала, но в статье Марина сделала акцент на том, чья она дочь. Обвинить её во лжи, привлечь за клевету теперь было трудно, так как фамилия Бударин фигурировала в протоколе. А что написано первом, то не вырубишь топором. Своего она добилась. На время люди забыли про начальника областного ГИБДД, пойманного с поличным и на которого возбудили уголовное дело по ряду статей, этого ряда хватило бы на пятерых простых обывателей. Забыли про размороженные поселки и закрытые учреждения здравоохранения. В этот вечер на всех кухнях перемывали кости мэра. В кой века хвалили полицию, но в основном всё добрые слова прозвучали в адрес Ивана. На кухне досталось и Сергею Алексеевичу. Ирину доброжелательные коллеги завели еще на работе. Такие же доброжелатели и Сергею Алексеевичу доложили о вчерашних событиях, о ходе следствия. И те и другие приготовились наблюдать за последствиями. Ирина высказала Сергею всё, что о нём думает. Тот не отрицал, но просил помилования за давностью лет. Кто не был молод, тот не был глуп. Да и Ирина уже сжилась с мыслью, что у Сергея есть дочь на стороне. И ей оставалось только надеяться, что он не перебежит на ту сторону. Для этого женщине мало быть красивой, надо быть и умной. Если раньше Ирина не задумывалась над семейной жизнью, которая текла спокойной степной рекой, без перекатов и водопадов.. Смотрела на себя только в зеркало и никогда со стороны. Теперь прежде чем тарелки бить и мосты сжигать, десять раз тарелку взвесит, раз пятьдесят мост шагами по кухне измерит. Побранила мужа любя, жалеючи. И посоветовала тоже не спешить, ни с кем события не обсуждать, пусть всё идёт своим ходом. Мы вместе, а это главное. А

ты не в рядах КПСС, когда за аморалку с должностей снимали. Сам президент в разводе и ничего – живет–здравствует, державой правит. Так оно и вышло. Посудачили кумушки и успокоились. Чужие грехи - не свои. Нормальный человек свою личную жизнь в себе хранит. В ней и боль его, и счастье. Чего больше? - он один знает.

К радости за дочку добавились тревоги. Не заметила, как она подросли. Тринадцать на носу. Мальчишки скоро табуниться начнут. Нет, против Ивана она ничего против не имела. Мальчик из неблагополучной семьи. Но честный и неглупый. Лучше уж знать с кем она дружит. Да и с мальчиком позаниматься - из него толк будет. Практичная Катерина побеседовала с ним в отсутствие дочки по душам. Хулиганистый – так это даже неплохо, Лену он не обидит и другим в обиду не даст. Обещал. И, по всей видимости, слово свое держать привык с младых ногтей. А самой себе Катерина дала слово помочь мальчишке встать на ноги. А себе врат – резону нет.

Весна. Снег унесло ветром и солнцем в начале марта. Сушь. Погуляли по округе пожары. С утра захмарило, придавило дым лесных пожарищ к земле, а в обед заморосил дождик. Робко смочил асфальт, словно попробовал его на ощупь и припустил, застучал по жестяным подоконникам. Весна. И пусть ночью капельки замерзая, падали на землю снежинками, но мать земля принимала их и спешила обогреть. На следующий день солнце весело купалась в лужах. Воробыи помочили в них клювы, лапки и вот уже какой-то осмелеевший пострел забрался в середину лужи, где ему по колено, и, разбрызгивая крыльями воду, принял первый весенний душ. Взлетел, весело чирикая, уселся сущиться на солнышке. Сергей Алексеевич давно забыл, что такое выходной дома. Пожары подкатывались к пригородам со всех сторон. Долгожданный дождь дал передышку и природе и людям. Синоптики предсказывают более или менее регулярное выпадение осадков. Дурит природа: то сушь и пожары, то дожди и наводнения. Ни одного года спокойного. Сегодня он выспался. Несспешно позавтракал. И растерялся. Стоял у окна, смотрел на панораму города и не знал чем бы ему заняться. Планов на сегодня никаких не было. Отвык быть днём дома. Ирина возилась на

кухне. У домработницы тоже сегодня выходной. Послонялся по квартире. Взял с полки книгу, полистал, поставил на место. Зашел на кухню, обнял жену.

-Устал? Ты не приболел случайно?

-Нет. Просто что-то не так, не так, что-то не удалось.

-Устал. Отдохнуть тебе надо. В отпуск.

-Не мешало бы.

-Чай будешь?

-Буду.

Ирина смотрела на мужа и понимала, что не только усталость гнет его плечи. В глазах пустота, нет огонька. Это страшно. Значит, теряет человек цель, смысл дела, жизни. Для чего? Для кого? Во имя чье?

Чай пьешь – вроде делом занят. И слово за чаем легче сказать, вроде так, между прочим.

-Сережа, а ты не узнавал, как там девочка.

-Специально не узнавал. Доложили. Нормально. Ни сама, ни психика не пострадали. Живут с матерью. Нормально.

-Плохо.

-Что плохо? Я же говорю: нормально.

-Плохо то, что ты теперь незнанием не прикроешься. Ни от людей, ни от своей совести. Надо тебе встретиться с ней.

-Сейчас. Всё бросил.

-А что, ты сейчас сильно занят? Можешь и бросить.

-Ирина, не сыпь мне соль на рану.

- Вот. Сам говоришь. Рана. А если её запустить, то и до гангрены не далеко. До гангрены души. Вот телефон Катерины. Позвони. Не мне же звонить.

-Ирина?

-Что, Ирина? Она женщина неглупая. Поймет. Я же поняла. Звони.

Нельзя сказать, что разговор дался легко и Сергею и Катерине. Не раз они хотели оборвать его, но проговорили на удивление долго. Вечером позвонила Лена. Уговорила ли её Катерина или она сама хотела, встретиться с отцом, из разговора было не понять. Но договорились, что завтра он заедёт за ней.

Весна. В парке стоял птичий щебет. На озере по синему льду в проталинах расплескалось голубое небо. Мужчина и девочка чинно прогуливались по старым аллеям. Сергей Алексеевич открывал для себя новый мир. Мир грез, мир девичьих мечтаний и дерзаний. Мальчишкой он пролетел мимо него, параллельно его мальчишеского мира, а взрослому, не будучи родителем, откуда знать его. И если болтовня Ирины или её подружек порой утомляли его, то даже глупости от дочки казались увлекательными и интересными. Летело время, уже зажглись фонари, а расставаться не хотелось.

С тревогой смотрела в окно на зажегшиеся фонари Катерина. С облегчением вздохнула, когда у подъезда остановилась машина и из неё вышла Лена. Помахала отцу рукой и вот уже слышен по лестничным маршам стук каблучков. На краю песочницы проводил взглядом удаляющиеся красные огоньки Вания и долго сидел, глядя на Ленкины окна, пока там не погас свет.

Ирина тоже стояла у окна. Смотрела на ночное разноцветье города, на окна домов, на огни проезжающих по улицам автомобилей и прислушивалась, к зарождающейся в ней самой новой жизни. Пора надежд, пора свершений.

P.S.

Марина? Её заметили. Редактор газеты «Вне закона» предложил ей уволиться и перестал с ней здороваться. Нет, никаких последствий со стороны администрации города не было. Но был испуг, которого он ей простить не мог. Непорядочно как-то всё вышло, от всех её статеек запашок - не сильный, но неприятный. Её заметили и взяли в ГТРК. Понравилась им её хватка. Оперативность. Но теперь она боится проспать на работу и не может сказать, куда занесёт её в течении дня. Пути репортера неисповедимы.

Баба Лида? Носит сыну передачи и клянёт на всю округу стерву Катьку. А сын у неё хороший. Сейчас совсем не пьет и и на свиданиях зовет её ласково мамулечкой.

Земляк

Чем больше узнаю людей,
Тем больше я люблю собак.

Русская народная поговорка

Моей жене новый знакомый не понравился сразу. Чего не могу сказать о себе.

О себе?

Мы только переехали в поселок. Друзей не было, с соседями по подъезду здоровались кивком головы, толком не успев запомнить их имена. Сын уехал в институт. Супруга работала. А я? Северный отпуск за два года еще не кончился, чего не скажешь о деньгах. Устроиться на работу раньше записи об увольнении в трудовой книжке – проблематично. А осень баловала.

Осень. Красавица-забайкальочка. Очарованный ею уходил в тайгу. Солдатская манерка, заварка, сахар, кусок хлеба, шмат сала, и больше ничего для счастья не надо. Осенняя палитра забайкальской тайги! Слова? Нет таких слов. Это как описывать вкус утреннего тумана. Запах золота опавших листьев. Звуки музыки улетающих птичьих стай. А щедрость осени? Как любовь зрелой женщины, которая больше отдает, чем получает. Грибы, ягоды. Но больше всего я любил, захватив удочку, осваивать окрестные водоемы. В речушке возле поселка ловились в основном гольяны, изредка мелкий хариус. У дальней деревни, в которую приходилось добираться автобусом, было озеро. Водились в нем караси. Не карасики с ладошку, а караси размером с совковую лопату. Но это летом. А осенью день ото дня их клев становился всё капризнее. Приедешь с утра, продрогнешь в тумане, встретишь солнышко, оттаешь душой, а клева нет. Зато манили в распадок красноголовые подосиновики, по сосняку на гриве рыжики. Марь синела от голубики. Пустым домой не возвращался. В автобусе и познакомился с Александром. На озере я его не видел. Но ясно, что с рыбаки. Разговорились. Познакомились.

- Саня.
- Ваня.
- С условом?

- С утра поймал двух лапотников, а потом гольян задолбал. За грибами ходил. А ты как?

- Да, ничего. Пару кило поймал.

- А где ловил? На озере я тебя что-то ни разу не видел.

- На озере я по весне и в начале лета ловлю. С августа по ключу, что с озера вытекает, рыбачу. Спущусь до речки – оно недалеко – и обратно. Как раз к автобусу успеваю.

- И как?

- Всяк бывает. Да смотри.

Саня развязал удавку солдатского «сидора». Прапорщики стоявшего рядом с поселком стройбата щедро снабжали поселок армейской амуницией.

- Во.

Он вытащил из пакета гольяна сантиметров двадцать в длину. Были в пакете еще такие же харьозки-секачики. Шевелили жабрами переложенные травой караси. А у хариусов брюшко уже вздулось, посинело.

- Ты что, Саня, делаешь? Хариус больше пятнадцати минут без воды, и жабры белеют. Полчаса – мясо от костей. Да и гольяны тварь нежная.

- Так осень, прохладно.

- Это тебе прохладно.

Пятнадцать минут – тридцать километров. Но успели выяснить, что мы еще и земляки. Как прервать такой разговор?

Жена у меня хорошая, любящая. Любящая порядок. А порядок такой. К моим таежным трофеям она подходит со столовыми инструментами только тогда, когда они на столе в готовом виде. Грибы же до утра не отложишь. Устроились мы на кухне с Саней с корзинкой, ведром и тазиком. В четыре руки перебрали, почистили и на сковородку. Нашлась и бутылочка.

Вспоминали Гомель, где я родился, вырос. Где жила его бабушка, правда, не в самом городе, а на противоположном берегу реки. В деревне Якубовка. Даже песню спели.

Ой, красивы над Сожем закаты –

Поплыли Якубовские хаты

Мимо кручи

В Днепр могучий.

Плынут хаты. Плынут хаты.

Выводил он красивым тенором. Оказалось, на все руки он мастер: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Да и не только на дуде. И на гитаре, и на гармошке. Красивый, веселый парень, а жизнь не задалась.

- Вот так она меня, стерва, и кинула. И из квартиры выписала, и с дочками запретила встречаться. А бабка уже померла, а хату половодьем смыло.

Жаловался он на свою жизнь, когда в бутылке осталось на самом донышке.

- Пришлось сюда возвращаться. А на работу не берут. Вот ловлю рыбку, да на пятаке продаю. Тем и живу. Хорошо, мужики в общаге приютили.

Так со слезой в глазах и проводил я его к мужикам. Добавлять с ними не стал, а договорился с Саней дня через два пойти рыбачить с ночевкой по речке. Благо, рыба по ней уже стала спускаться. Рассказал Саня про отличное зимовье и сказочный клев у Шавектинского ключа.

На следующий день заглянул он на огонек. Поговорили о книгах. Взял Саня почитать Задорнова «Амур-батюшку», а на рыбалку не получилось пойти. Нашла меня работа по специальности, устраиваться надо было срочно. Нужен я им был еще вчера. Так что пришлось закатывать рукава и разгребать то, что накопилось. Руки по работе соскучились. Рабочая неделя пролетела – не заметил. Саня заходил по вечерам. Пили чай, ужинали, разговаривали. Дождались субботы.

Автобусом до деревни. Дальше рюкзаки за плечи, и по дороге пешком. Дорога – одно название. Через марь разбегается ручейками. Чтобы не сесть в колею, каждый следующий раз брали водители по целику – кто правее, кто левее. Нет-нет и садился кто-то по самое «не могу», о чем свидетельствовали оставшиеся после трудов тяжких бочажины с вкатанными в грязь ветками, бревнами, камнями. В утреннем тумане всё было волглым и казалось тускло матовым, наверное, от матов, сложенных в бочажины. Пока дошли до опушки, и сами вымокли по пояс.

- Ну вот, вышли. Это старая царская дорога. Она когда-то от села до села по всей тайге бежала. По ней быстро сейчас к увалам выйдем. А там зимовье скотницкое. Речка с плесами рядом. Там и порыбачим. А в зимовье переночуем.

На правах старожила проводил «рекогносцировку» Саня. Это он так сказал. Хотя никакого противника в округе не было и не ожидалось.

Дорога, прямая, как стрела, рассекала тайгу, незаметно поднимаясь всё выше и выше. Морось тумана осела, заискрилась на солнце, капельками-бриллиантами на траве, на пожухлой листве. Пригревало. Вместо обещанных сорока минут мы шли уже второй час. Ох уж эти белорусы, прирожденные Иваны Сусанины. Где с прямой, как стрела, дороги взяли мы влево? Вышли к мари. Обрадовались, но оказалось, что перед нами раскинулась широкая равнина, а увалы синели слева и справа и ощетинились сосновыми хребтами. Дорога убегала туда, куда идти нам не было нужды, влево. Снова, цепляясь за кочки, проваливаясь в колдобины, потянулись мы под заметно пригревающими лучами солнышка к реке.

Продрались через заросли к руслу ключа, перебрались по упавшей валежине через ключ, и вот оно первое улово в устье ключа. Как хорошо снять лишнюю одежду, ополоснуть лицо и хлебнуть живой водицы.

- Вон, видишь в начале увала рощицу. Вот за ней и зимовье.

- Вижу. И дымок, вижу, тянется в небо. Бледный такой. Прозрачный. Но кто-то нас опередил.

- Ну и что? Там человек шесть спокойно на полатях уместятся.

- Ладно. Будем надеяться, нам места хватит. Ловить будем или на зимовье?

Мне не терпелось забросить удочку. Ведь не ради того, чтобы ноги бить, выбрался я в выходные из дома. А зимовье? Не убежит. Так и пошли, спрямляя петли реки, от одного поворота до другого. Благо, заметны они были издалека из-за куп кустов над уловами. Клевало так себе. Причем нельзя было сразу понять кто. Крупный гольян и хариус одинаково жадно хватали мушку по верху воды. Но крупных в каждом улове было один-два, а потом прыгала, не засекаясь, одна мелочь. Пока дошли до увала, в брезентовой сумке было уже с десяток рыбешек. Почистил, выкинув у них кишки, жабры, переложив в пакет, посолил. Усоятся быстро, к чаю, с черным хлебушком. Слюнки потекли. Тем более, что время к обеду.

Зимовье стояло у самой дороги. Добротное. С сенями. Бросились в глаза косы, прислоненные к стене. Кого косить, трава пожухла? Да нет, давно не косили. Камельками крови проявилась на стали ржавица. Поодаль оборудованное кострище, стол с на-весом. Над костром на треноге ведро. За столом трое мужчин.

- Здорово мужики!
- Здорово, коли не шутишь!
И сразу без перехода.
- Куревом не богаты?

На столе мясо навалом. Початая бутылка. А уши, видно, опухли.

- Богаты. Угощайтесь.

Идешь в тайгу на день – бери на три. А курево – такая вещь: весит мало, а без нее курильщику тяжко.

Закурили.

- Присаживайтесь. Да пообедайте.

Кто же откажется от бухлера с добрым куском мяса? Да если еще на дно кружки плеснули не жалея. Русский мужик, когда сыт да пьян, – добрый и разговорчивый. Слово за слово, ложка за ложкой. Подлили еще из ведра горяченького и из бутылки, за упокой коровенки, что ногу сломала. Прирезали. Положено им в колхоз сдать стегна, лопатки, грудину с ребрами, а требуха с обрезками пастухам достается. А когда кони есть, то десяток верст до деревни – не круг. А как свеженина да без ста грамм?

Посидели, поговорили. Договорились, что заночуем с ними на зимовье. Отдал им одну пачку «Беломора» из трех и стал собираться рыбачить дальше. Что там под самыми увалами, к которым прижималась речка? Вот одна и та же речка, а ведет себя по-разному. На мари она петляет, прячется между промытыми берегами, другой раз к воде не доступишься. А доступишься, не обрадуешься. Ухнешь по пояс, ил по колено. Хорошо, если сапоги не утопишь. У увалов веселеет река. Бережок каменистый, дно светлое, и сама вода светлее, говорливее.

С неохотой оторвался от стола Саня. Но было у меня две сетушки, а ставить одному неудобно. В одиночку надо в забродку, а лезть в воду в сентябре без нужды не хотелось. Перетянули одну заводь, другую, и заторопился Саня к столу. То ли живот

заболел, то ли еще что-то, но невмоготу ему ходить, удочкой махать. А я с удовольствием прошелся до второго плеса. Постоял на прижиме, на перекате. Полюбовался закатом. В сумерках, на свет костра, вернулся к зимовью. Такое впечатление, что из-за него никто и не вставал. Только налив себе кружку чая, рассмотрел, что изменения есть. Исчез куда-то юркий, самый разговорчивый, а на его месте сидел кряжистый здоровяк.

- Иван.

- Семён.

Ответил он глубоким, низким голосом. Руку сжал сильно. Но чувствовалось – жалеючи. Проверяя. Руку я не стал ни выдергивать, ни сжимать его лапу, едва поместившуюся в моей ладони. Вернее, это моя ладонь утонула в ней. Мясо мясом, а высыпал в миску просолившуюся рыбу. Малосольный хариус с горячим чаем – пища богов, исчезла в один миг. Поговорили про рыбалку, про охоту. Что в округе из зверя водится. На поскотине за дорогой всхрапнула лошадь. Словно отвечая ей, на увале рявкнул козел. Есть еще зверье, есть.

- Что-то Миньки долго нет. Тут делов на час. Не загулял бы в деревне!

- Загуляет, я ему башку поверну куды надо. Гулена.

- Не, поеду я его встречать. А то еще заблукает. Да коровок гляну, что от стада отбились.

Перекинув через плечо ремень шахтерского фонаря, сидящий с краю кряхтя выбрался из-за стола и, пошатываясь, отправился к поскотине. Вскоре по дороге простучали копыта. Звук, удаляясь, затих, растаял в ночи.

За день притомился. Насытился. Клонит в сон. Сижу за столом, клюю носом. Кто о чем говорит?

- Не спи. Замерзнешь, – толкнул под бок Саня. – Сейчас Миня с деревни вернется, добавки привезет.

Какая добавка? На полати, на полати. В зимовье тепло. На нарах уложены матрацы. В головах подушки. Забрался и провалился. Сквозь сон слышал голоса. Опять кого-то потеряли. То ли коров, то ли того, кто их искать отправился. Дергали за ногу. Звали к столу. Но прерывать сон, в котором, выстроившись в очередь, прыгали на мушку шустрые рыбешки, не хотелось. От-

брыйнулся, отматерился и, натянув на себя найденное в потемках какое-то одеяло, проспал до утра.

Кто-то храл в другом углу. За окном серело. С порога свежий, прохладный воздух ворвался в зимовье. Как не задохнулся в перегаре, не пойму сам. Пару чурок в костре ленивыми язычками пламени разгоняли тьму. Видно, успокоились недавно, раз костер еще горит. Сходил по тропке к реке, набрал и подвесил над костром котелок. Еще раз спустился. Умыл, продрал глаза.

Могут. Могут наши мужики. На столе обгрызенные кости, под столом пустые бутылки. Нельзя пустые на столе оставлять. Вот нельзя и всё. Ага, уйдут мужики от стола, если на столе полная стоит.

Попытался растолкать Саню, но даже не разобрал, что он мне пожелал. А солнышко уже замигало сквозь сосновые ресницы на вершине увалов. Хорошо. Спугнутые чирки низом, со свистом перелетели в дальний конец плеса. Парит вода, туманом расползаясь через кусты на марь. В тени увала свежо. Утро, рано. Рыба клюет со дна. Но клюет. Азарт. А солнце разогнало туман. Время. Поплавки сети посередине утонули. Белеет рыба. Не зря ставил. Не зря. Не зря – говорят и лямки рюкзака, врезавшиеся в плечи.

У зимовья разборки. Ленивые, похмельные. Не злые. С подначками и почесыванием собственных затылков. Обе потери нашлись. Коровы забрались в овес. Деревенские загнали к себе и теперь за потраву магарыч требуют. А давешнего, который отправился искать их, конь довез до первого стога. Миня свалился, в сено зарылся и проспал до утра. Пробудившись, добрался до деревни, нашел коров в чужом загоне.

Еще одна потеря обнаружилась утром. Куда-то запропастилась лопатка телки. А за нее у пастухов вычтут. Если бы зверь, так он или на месте погрыз бы, или всё мясо перетаскал бы. Да и не мог зверь у железной бочки крышку, придавленную блоком от движка, поднять, бочку не опрокинув. А тут всё на месте, а лопатки нет. Вот и вспоминали мужики, что по пьяной голове рубили, варили. Судя по костям на столе и вокруг, не было лопатки – не ели. Подошел Шурик. Оказывается, пастухи отдали,

вернее, показали, куда выкинули брюшину, и он ее на речке вычистил, вымыл.

- Ты что? Выбрасывать такое. Ее отваришь, а потом хоть в пирожки, хоть с луком пожарь, да вилкой ешь. Приготовлю, по-пробуешь, пальчики оближешь.

Скороговоркой говорил он, укладывая в целлофановый пакет брюшину, неприятно склизко блестящую, напоминающую то ли несвежих кальмаров, то ли мокрую, выделанную шкуру.

- Ну, тогда с уловом! Давай собираться домой.

- А я готов, как тот пионер.

- Только не дыши на меня.

Оставив себе десяток папирос, я полпачки отдал пастухам.

- Спасибо, мужики, за ночлег. За угощение. Счастливо оставаться!

- Катитесь, скатертью дорога.

- Спасибо, и вам не хворать.

- Да шутит он. Спасибо за курево.

Семён протянул свою руку. Пожали и остальные, попрощались, разошлись. Доведется ли встретиться? Пути Господни неисповедимы. Тропки-дорожки рыбаков и охотников тоже.

Старая царская дорога малоезженая, но строили предки на совесть. Идешь по ней, и, словно их молитвы, души тебе помогают. Дышится легко, шагается весело. Вдоль дороги выстроились столетние лиственницы. Дорога угадывается далеко вперед по прогалу между верхушками деревьев. Словно ведет, зовет за собой в небо. Мир перевернулся. В обрамлении золотистых берегов несет льдинки-облака синяя-синяя река. Такой синевы кроме Забайкалья не видел нигде.

Отошли недалеко, зимовые едва скрылись из глаз, как Саня свернул в чащу мелкого лиственника.

- Ты куда?

- Иди, я догоню.

Догонишь так догонишь. Мало ли что после халывного мяса? Вышел на марь, к ключу. Вот и брод. Остатки старого моста. Даже не моста, а насыпь и срубы в концах насыпи. Как черные стенки. Сто лет прошло, а держат. Вода, сжатая ими, как живое темное стекло. Внизу растекается струями по озерцу с песча-

ным, золотистым дном. Снует стайкой шустрая рыбья мелочь. Сидел бы и не вставал.

Снизу от реки с треском, ломая кусты, продрался Саня. В руках, прижимая к груди, притащил мясо.

- Во!

С горделивой улыбкой он протянул его в мою сторону. Лопатка? Та, которую потеряли пастухи. Та, из-за пропажи которой они сейчас ломают свои похмельные головы?

- Ты что?

Заклинило. Я не мог понять, что он от меня хочет.

- Так у тебя рюкзак большой. В мой не влезет. Давай, рыбу ко мне, а мясо в твой. По очереди понесем.

- Ты что? Обурел? Отнеси, отдай обратно. Ты же пил, ел с ними. И у них же украл.

- А им куда столько мяса? А мне тоже есть надо. Когда еще на работу устроюсь? А жрать каждый день хочется.

- Саня, причем тут много, мало? Им сдавать надо, с них копейки удержат! Да и сдавать, не сдавать... Ты у них украл. Отнеси.

- Нет.

И по всему его виду, по рукам, вцепившимся в кусок мяса, было видно, что не отдаст. Казалось, что еще мгновение, и он начнет рычать, как собака над костью.

- Поделим. Тебе что, мяса не надо?

- Такое нет, — я закурил, сел на край откоса насыпи. — Такое нет. Воняет. И нести я его не буду. Тащи сам. Крыса.

Я сидел, курил и смотрел, как он пытается впихнуть мясо в солдатский сидор. Сидор короткий, и мясо не вмешалось. Кое-как ему удалось впихнуть лопатку в рюкзак. Но лытка высоко торчала из-за рюкзака, перевешивала.

- Помоги.

Он жестом показал, чтобы я помог ему закинуть рюкзак за плечи.

- Нет.

Покачал я головой.

- Сам как-нибудь. И топай. Вон одна дорога, вон другая. Хочешь верхней, хочешь нижней, по любой, мне с тобой не по пути.

Как ни выворачивал он руки, ему так и не удалось надеть коротковатые лямки на оба плеча. Он сбросил рюкзак на землю.

- Дай закурить.

- Нет, Саша. Не дам. Сходи у мужиков попроси. А себе я оставил как раз, чтобы домой добраться. Пошел я. А ты ... лучше вернись.

И солнце так же светит и рюкзак в меру. Не пустой, но и к земле не гнет. А ноги тяжестью налиты. Без радости шагается. И у лиственниц стволы черные, и чаща мрачная, желна орет не радостно, а скорбно. Как у Высоцкого: «Да и церковь, и кабак, ничего не свято. Нет, ребята, всё не так. Всё не так, как надо». А как надо? Сам не святой. Но от мамы помню – не бери чужого. А в Якутии рассказывали побасенки, что стреляют «крыс» без лицензии, сезон на них всегда открыт.

Я из лесу вышел. За марью деревня. От нее туча черная в мою сторону тянеться. Не успеть. Деревню на глазах скрыла мгла. Как стеной отсекло. Гремит. Пронзают, не в силах пробить белую муть молнии. Ветер волнами пошел по желтому морю осенней травы. Не грех и труса попраздновать. Вернулся назад по дороге. Нашел в чаще мелкого листвяка полянку с березками, что как сестрички сбежались в кучку, переплелись ветвями. Покрытая мхом валежина кстати. На ней и уселся, опервшись спиною о сук. Шумит верхами ветер. Уронил где-то дальше с треском старую лесину. Ждал дождя. А пошел снег. Густой. Сразу стало холодно. Словно кто-то распахнул дверь морозильной камеры. Греет ладонь огонек папиросы. А мысли всё к тому же, всё о том же. Почему у меня даже кот со стола не таскает? Котенком получал тапком. Сейчас ему надо в чашку положить, мелко порезать. А так не его это – есть не будет. Ладно, кот зажрался, всегда сыт. Но мышей же ловит. Не с голодухи. Почему собака понимает команду «Нельзя»? Почему люди это не понимают? Что, как коту, как собаке острастка нужна? С детства тапочком вразумлять: «Не тронь чужого». А без страха, по совести?

Падает снег на золотистый ковер, а ветер срывает с деревьев и бросает на землю новые пригоршни листьев, мелкой хвои. Стих ветер, и снег ложится на ветки, гнет их к земле. Первый

вестник зимы. Полчаса всего шел, а вокруг белым-бело. Выглянуло солнце. Резануло по глазам. Спрымлять через марь не стал. Пошел по дороге, оставляя на ней первые зимние следы.

В автобусе ехали с Александром в разных углах. Дома ничего супруге рассказывать не стал. Высыпал рыбу в тазик. Милая подошла, посмотрела. Брезгливо подняла крупного гольяна.

- Это что за рыба?

- Гольян.

- Мутант это, а не гольян. Таких крупных не бывает.

Я замерил линейкой. Двадцать семь сантиметров с хвостом вместе. Не гольян, сельдь иваси. Ну и что, что мутант? Зато вкусный.

Александр постучал в дверь следующим вечером.

- Что надо?

Спросил я его, не протягивая руку, не пропуская в квартиру.

- Так, я...

Замялся он.

Я вышел в подъезд.

- Извини, Александр, но я тебе вчера сказал: нам с тобой не пути. Не приходи больше.

Больше я его не видел.

Жаль книгу, которую он так и не вернул.

P.S.

Видеть, я его больше не видел. Но поселок у нас маленький, слухами земля полнится. Нет-нет, доносились и до меня слухи о его дальнейшей жизни. Так появилась на свет «Сказка о рыбаке и золотой рыбке».

Золотая рыбка (сказка о рыбаке)

Он приехал первым автобусом. Он – это ..., а впрочем, какая вам разница, как его звали? Так что пусть будет Он, с большой буквы, а может с маленькой, не мне судить.

Он приехал первым автобусом. По едва заметной тропинке обогнул озеро. Ежась от утренней прохлады, снял брюки, завернулся в целлофановый пакет. Прикормка, насадка, сигареты, зажигалка, старое прожженное трико (вместо резинки тесемка) извлеклись из рюкзака, а на их место брюки, кроссовки – и внутрь старого, разросшегося огромным кублом ивового куста, у спины глаз нет. Клетчатая рубашка туга свернута до подмышек, зажата спереди зубами. Держа пакет и снасти над головой, ступил в озеро. Тепло колыхнулась вода, замутилась от поднятого со дна ила. До островка метров восемь, если держать на мысок, то только у его краешка можно пройти, не замочив уши, во всех остальных местах – с головой. Здесь, на переломе глубин, даже самые бесклевые дни не бывали без улова.

Он приехал с первым автобусом, а сейчас уже солнце выше крыши. Клев спал. Поплавок словно во сне медленно плывет навстречу белому облаку. Или это облако плывет по озеру? Рябью налетел ветерок. Сморщил облако, поплавок затерялся среди солнечных бликов-вспышек. Ветерок-сквознячок тихой, грустной мелодией прошумел ивняками, посвистел обломанными камышовыми дудками, тронул душу и улетел, разбудив воспоминания. Когда-то он любил веселые песни. Во всю ширь развернув меха баяна, начинал из-за русской печки и заканчивал высоким полонезом, а как пела в его руках гитара! За эти песни полюбила его черноокая алтаечка, красивая не робкой, блекло-изнеженной красотой журнальных блондиночек, а красотой греческих богинь. Манящей, пугающей. Такую женщину любить, знаете, каким парнем надо быть? Не Он ее выбрал, она.

Опять зарябила озерная гладь, стерев, как кадр, воспоминания. Поплавок приподнялся, лег на воду. Короткая подсечка. Знакомая живая тяжесть на том конце удочки – карась. Сопротивляется, у самого берега высунул голову из воды, закрутил

кульбиты, но хлебнув чистого воздуха, сомлел, и пластом на боку покорно на бережок, на зеленую травку. И здесь – плавники веером, заплясал в бесполезных попытках вернуться в родную стихию. Холодный, живой слиток старой меди, чуть побольше ладони – грамм триста, но живая тяжесть всегда кажется весомее. Опущенный в самодельный садок, присоединился к друзьям по неволе, тыкается в сетку, в которой когда-то хранился лук.

О карасях Он знал всё. Одна, но пламенная страсть. Только стает снег, оживет промороженная до дна речушка, свежими струями разбудит дремавшего под одеялом ила в озере карася, Он уже забрасывает удочку под кромку льда. Клев неверный, робкий. Терпение. Терпение. А когда отцветет черемуха, рыбья свадьба. Прошлогодний камыш ходуном ходит. Подойдешь неосторожно к берегу – табун темных теней в глубину. Забросишь удочку, присядешь, и через короткое время рыба заплещется, закувыркается в экстазе, исходя икряным любовным соком, справа, слева, у самых ног. Свадьба.

Свадьбы. Юбилеи. Смотры-конкурсы. Торжественные мероприятия. Колдовская магия музыки. Как у факира кобра из кувшина, с каждым тостом зеленый змей поднимает голову. Все выше, выше. Причудливо извивается, зачаровывает, гипнотизирует. И вот уже не змей под музыку танцует, а музыкант пляшет под дудку гада.

Сама выбрала. Сама полюбила. Сама собрала девочек и уехала на Алтай. Рябит вода, не дает увидеть на водной глади ее прекрасное лицо. Лицо дочек совсем забылись. Эх, поймать бы золотую рыбку. Мечты?! А ведь золотая рыбка от карася произошла. Ее не в море-океане старику неводом ловить, а удочкой в тихом озере.

Вот там, где ручей, впадая в озеро, намыл желтую песчаную косу, ловятся золотистые, с плавниками, слегка тронутыми краснотой, чудо красивые – и всё-таки караси. С заиленной глубины вытащишь иногда почти черного великана – карась. Ниже озера в ключ заходят бродяги из речки, поджарые, совсем не похожие на собратьев из озера. Вытянутое, быстрыми струями точеное, слегка тронутое чернотой серебро, а в руки возьмешь – карась.

Всё Он знает про насадку и наживку, прикормку и подкормку. Червяк во мху добавкой чеснока выморенный – на раннюю весну и позднюю осень. Перловка с подсолнечным маслом, с анисовыми каплями и даже с дамской губной помадой для цвета и запаха – это летняя насадка. Бродит в летнюю жару карась стайками по озеру, и тогда умел он так забросить легкую снасть, чтобы легла она посередине стайки. Не тонула под весом грузила, а под собственной тяжестью медленно опускалась насадка, плыла по воле волн, не пугая, а маня. Даже на малька, когда уйдет карась на глубину, Он умел его вытянуть в пору листопада. Эх, поймать бы золотую рыбку.

Сама выбрала. Сама бросила. Уехала и увезла счастье. Чужие свадьбы, чужие праздники. Кому играл, с кем пил? Не упомнишь. Уволили. Приняли. Опять уволили. А люди женятся, отмечают юбилеи. Да и просто среди будней захочется праздника. Кому-то среди будней, а если будни – это когда голова болит с похмелья, будней меньше праздных дней. Снова уволили.

«Мне осталась одна забава. Пальцы в рот – да веселый свист». Если нет ничего, то нечего терять. «Эх, с той старинною, да семиструнною вы меня свезете хоронить». Если нет ничего? Если кажется, терять нечего? Извернулся змей зеленый. Соседка этажом выше сжалась. Подогрела банкой браги. Три литра! Радость нежданная. Аж, руки дрожат. Когда парят от счастья – под ноги не глядят. Обо что запнулся, на чем поскользнулся? Но банку из рук не выпустил. О бетонные ступеньки, вдребезги. Полоснуло острым осколком по запястью, по венам, по сухожилиям. Помереть не дали спокойно, выходили. Но свело кисть, как птичью лапу – ширинку не застегнуть. Вот только удочка и ложится в нее удобно. А сыграть? «Собачий вальс» одной рукой на рояле? Собачья жизнь. Кому Он нужен? Эх, поймать бы золотую рыбку.

Шевельнулся поплавок, закивал антенной. Снова застыл, качнулся и словно присел, стал ниже, медленно пошел в сторону, всё глубже погружаясь. Подсечка и без слабинки плавно на себя. Зацеп? Словно уперся в кочку. Оторвал, поднял со дна. Удилище дугой, леска струной режет воду. Ведет карась в заросли камыша. Но и край его мира близок. Взбуровил солнеч-

ную дорожку, разбил ее дребезги, запрыгал по траве. Богатырь. Этого себе. Тяжел садок. С ведро будет. Но – нет золотой рыбки! А свежих карасей на пятаке с руками оторвут.

На столе недопитая бутылка, на тарелке жареные караси, на газете рыбы кости. Засыпая, Он перед глазами видел пляшущий от поклевок поплавок. Во сне (и без золотой рыбки) с ним были его дочки, белокурые смуглышки, ластилась гордая алтаечка. Он играл им на баяне. Все веселы, и песня без слов была ласково-веселой.

Кровать не постелена, скомкана подушка, голова запрокинута, пальцы левой руки шевелятся, словно перебирают басы у баяна. Тяжело вздыхается грудь. Всхрапнул. Испугав свой сон, перевернулся на бок. Снова темная вода, пляшет поплавок. Эх, поймать бы золотую рыбку! Но и во сне караси. Одни караси.

В углу у дверей рюкзак, удочки. Вот и всё, что осталось в Его жизни. Нет, еще мечта о Золотой рыбке. Пьяная, бредовая мечта.

Репка

Родилась Татьяна в районном центре золотоносного края. Родители работали на золоте. Работали, но не озолотились. И не печалились об этом. Не бедствовали, стол не пустовал, голыми не ходили. Главное, в доме было тепло, уютно. В любви жили, в согласии. Танюша радовала, росла крепенькой, не хворала. Ходила в детский садик, школу, закончила здесь же в райцентре техникум. Простая, как три рубля одной бумажкой (были когда-то такие деньги), она не витала в облаках, не мечтала попасть в шоу-бизнес или сделать карьеру фотомодели. Ладненькая, плотненькая, с нежным румянцем, она привлекала к себе не броской красотой, а надежностью. Как каждая русская женщина, что с годами не подурнеет ни лицом, ни характером, которая хозяйкой будет доброй и в доме лад обеспечит. Замуж вышла не за принца, за соседа Сережку, знакомого с детства. Так уж заложено в природе – подобное от подобного. По пути, проторенному предками, неспешно идут дни, быстро летят годы. Вот и своя дочурка пошла в первый класс.

Беда приходит нежданно. Осенним пасмурным днем позвали к телефону и как громом: «Ваш муж погиб». Не в бою, не за правое дело. Виновата ли мокрая, стылая погода, российская ли расхлябанность? На стройке бросают провода где попадя и как попадя. По сырости прошипела смерть змеей-огневкой, ужалила током – и нет человека. Нет у Татьяны мужа, у Машеньки папы. Вдовья доля, знамо дело, не мед, но если боль не убивает сразу, человек учится жить с ней. Время лечит скорбь. Растет дочурка, скоро маму догонит. Снова научилась Татьяна улыбаться, радоваться, смеяться. Спросят: «Как жизнь?» Отшучивалась: «Жизнь идет. Жить хочется, а жить не с кем, вот и приходится – с кем попало». Отшучивалась, но никто про нее плохого сказать не мог. Блюла себя, дочку растила, пестовала. Не брали Татьяну года, усталость, хотя работать приходилось за двоих. Только далеко в светло-карих глазах пряталась тоска-печаль по бабьему счастью.

За окном сумерки. По телевизору бесконечные сериалы, а работа посменная, и кто кому сказал: «Всегда...», кто куда бе-

жит по бесконечной «дороге в пустоту», уследить она не могла. Телевизор работал на себя, чтобы не так чувствовалась тишина пустой квартиры. Машенька придет позже. Занятия в школе по вечерам, факультативы? Да еще избрали в школьное правительство. Не было бабе хлопот, так купила поросся. А, честно говоря, лестно. За дочку не стыдно. Но в школу сходить надо будет. А когда?

Щелкнул замок, скрипнула входная дверь.

- Мамулечка, я такая голодная. Ставь чай!
- Что чай. Ты сначала руки вымой, а потом за стол.
- Мама, да я кроме ручки ничего в руки не брала.
- Ага, а дверные ручки у вас стерильные, хлоркой мытые.
- Мамуля. Хлоркой давно ничего не моют. В бутылках такие жидкости, мазнут, капнут – все микробы за версту мрут.
- Знаю, Машенька, знаю. Тараканы уже вымерли, скоро и до нас очередь дойдет.
- Не дойдет. Мы живучие. Ой, мама, ты ладушек напекла. Всё, пропадай моя диета!

Маша удалась в маму. Невысокого росточка, плотно сбитая, с едва наметившейся женственностью, милая и симпатичная девчушка, которая страшно боялась пополнеть. Бегала на фитнес и любила вкусненькое. За чаем Маша спешила рассказать последние школьные новости. Почти всех ее одноклассников Татьяна знала. Все учились вместе с первого класса, жили по соседству, родители работали на одной фабрике. Все на виду. Рассказывала Маша азартно, в лицах. Вот рыжая дылда Томка ищет Вену в Австралии. (Австрия маленькая, ее саму-то на карте мира искать да искать). А на переменке поколотила Витьку. Сама недосыпала, а он виноват за подсказку. Прошло то время, когда мальчишки дергали одноклассниц за косички. Да и нет сейчас у девчат косичек. Легче встретить лысую с тату, чем с косой.

Спасибо деду с бабкой, Маша одевалась не хуже подружек в классе. Были у нее и сережки, и перстенек золотые. Так что ее не гнобили в школе, не держали за «овцу». А сама она даже маме не скажет, как скучает по мужской, отцовской ласке. Маме и без того тяжело. Когда была Маша маленькой (это

она сама так считает), ходила в третий класс, стал к ним заходить чужой дядя. Свежа была память об умершем отце, и на дух не приняла его девочка. А сейчас? Свыклись. Да и не задумывается Машенька над этим. Свои сердечные переживания, а мама старенькая.

Старенькой маме всего-то тридцать три. Будни пролетают незаметно в делах обыденных. Одно другое не догоняет, а в праздники накатит тоской – выть хочется. На работе поздравили с Женским днем. Мужики сбросились, подарили красивый чайный сервис. Татьяна потеряла им счет, не мужикам – сервисам, так и стоят нераспакованные в нише. Гости бывают редко, а они с Машей пьют каждая из своей любимой чашки. Маша предупредила, что сегодня задержится. Всё правильно. Что ей сидеть с мамой у телевизора – с одноклассниками праздник веселее. Снова коротко звонил телефон. Сыпались поздравительные эсэмэски. Озорные, остроумные и просто душевые. Ох, если бы все пожелания исполнились! Не было бы человека счастливее, да и все вокруг были бы счастливые. А весна свое берет. Утром ждала автобус, озябла, а сейчас не знаешь, как перейти через дорогу. Расквасило лед под чернотой дорожной отсыпки. Вдоль бордюров бегут ручьи, собираясь в мутные лужи.

- С праздником, Танюша!

- С праздником! Пойдем, Светлана, вокруг. Там повыше, у перекрестка посуше.

- Пойдем. Ох, бабья доля. – Руки Светланы были заняты пакетами. – Кому праздник, кому хлопоты.

- Так ведь для себя хлопочешь. Давай помогу.

- Спасибо, соседка. Для себя? Хорошо тебе вдвоем с дочкой, а у меня три архаровца. Они меня поздравляют, а я их кормлю и потом полдня посуду мою.

- Хоть так. А мы с Машей друг друга утром поздравим – и весь праздник. Выросла, хвост задрала и полетела на гульки. Посуду не за кем мыть.

- Так приходи к нам.

- Не ловко. Выходит, напросилась.

- Да что, неловко? И мне веселее, а то мужики опять уткнутся в телевизор. И разговоры у них: то про футбол, то про железяки свои. Приходи.

- Хорошо, Света. Только в порядок себя приведу.
- Ой, Танюша. Ты, по-моему, всегда в порядке. Куда только мужики смотрят?

- На молоденьких. Нужны мы им, старые клячи. Уже дочка целуется.

- И не говори. Боюсь, мой старший приедет на каникулы и скажет: «Знакомься, мама». А что знакомиться, когда у них по обычаю знакомить, когда брюхо на лоб лезет? Фу, добрались. Ставь у порога. Я пока ключи достану. Как ты только до пятого ходишь? – и уже вдогонку. – Мы ждем тебя.

Легко сказать, приду. Голову помыть полдела. Что надеть? За зиму располнела. Тяжело женщине самой себе в зеркале понравиться. Здесь оттопыривается, здесь слишком облегает. Вокруг глаз морщинки, в прическе сединки. Туфельки. Не эти. Где же я те положила? И с пустыми руками не пойдешь. А Светлана уже по трубе стучит.

В дверях встретил Зуфар. Поздравил с праздником. Забрал сумку, пока Татьяна прихорашивалась у зеркала, унес на кухню. Из зала доносился смех, слышалась музыка.

- Хороша, хороша. Проходи, одну тебя ждали.

Мужчины устроились на диване, женщины на стульях вокруг празднично накрытого стола. Накрытого чисто по-русски, так, что свободного места для еще одной даже самой маленькой тарелочки не найдешь. Традиционная курица в белых папильотках, любовно украшенные салаты, аккуратно уложенные по блюдам копчености, соления истомились, как невесты в ожидании, когда порушат их целостность.

- Дорогие наши женщины! Мамы, жены, любовницы – от слова любимые, вы услада наших взоров, вы смысл нашей жизни. Всё, что делается нами, делается во имя вас, для вас! Мир существует благодаря вам и для вас. Так давайте выпьем за самых прекрасных женщин, за женщин, сидящих за нашим столом!

С южным акцентом говорил незнакомый Татьяне мужчина, по виду земляк Зуфара. Он добавил еще что-то красивое, цветистое, но гости уже чокались рюмками, перемежая хрустальный звон короткими репликами: «За тебя. За здоровье. С

праздником. Ой, девочки, с мужчиной последним, чтобы денежки водились».

После первой до второй перерывчик небольшой. После третьей разговор, разбившись по группам, стал громче. Каждый слушал себя, в лучшем случае рядом сидящего. Вскоре мужчины вышли курить на лестничную площадку. А женщины уютно устроились на кухне. Татьяна курить так и не научилась, но к сигаретному дыму относилась терпимо. Можно было сказать, что он ей даже нравился. Напоминал прошлые года, когда в доме были мужчины. В детстве отец, потом Сергей. Правда, курили они папиросы. Папироный дым был синеватый и пах не горелой тряпкой, а как-то по-другому. Как давно это было? Светлана курила длинные, тонкие сигареты с примесью. Угостила и подружек, по кухне плыл пряный аромат, в открытую форточку тянуло струйки дыма.

- А Рафик на тебя глаз положил.

- Больше ничего?

- А чо, смеешься? Не век же тебе одной куковать. Сама говоришь, что дочка вот-вот замуж выскочит.

- Я ей выскочу! Ей еще учиться да учиться. А замуж не настать. Да и нерусский он.

- Так и мой Зуфар не православный. А ничо, живем уже десять лет.

- В том-то дело, что ничо. Замуж-то не зовет?

- А толку в том. Замужем – не замужем, какая разница? Сына от него родила, и к пасынку он нормально относится. Деньги в дом приносит. А замужем? Пожила я за мужем, за Петькой, спасибо, больше не хочу. А что нерусский – так и сало ест и рюмку выпьет.

- Твой Зуфар путейцем, еще до того, как с тобой стал жить, работал. А на путях без сала да водки ноги протянешь. Обрусл он у тебя, загурился.

В зале громко заиграла музыка.

- Танцевать, женщины. Танцевать.

Зуфар, стоя в проходе, склонив голову, прижав правую руку к сердцу, левой сделал приглашающий жест.

- Танцевать, дамы.

Танцевать – это когда, задвинув стулья под стол, на оставшемся пятаке гости либо топчутся в медленном танце, либо дергают конечностями, стараясь попасть в ритм и не зацепить соседа. А Танюша любила вальс. Когда-то любила. Любила до самозабвения, но в заводском саду давно не играет духовой оркестр, а в маломерных квартирах кружиться в вальсе значит сшибать углы, столы и набивать шишкы. Потоптались, размялись, утрясли немного закуску, и к столу. Горячее подали. Как-то само собой вышло, что Рафаэль оказался рядом с ней. Надежда пересела к своему благоверному под бочок, за руку придерживать, чтобы не частил и через край не лил. Рафаэль оказался галантным кавалером, остроумным собеседником. Комплементы его не были пошлыми, ухаживание – не слишком назойливым. И в танце было приятно чувствовать на плече, на талии его сильные руки. Не плыла, не летела в вальсе, на месте перебирала ногами, а голова приятно кружилась. От выпитого? Или от ощущений: рядом с собой мужчины, самой себя женщиной. На столе царил художественный беспорядок, на кухне курили по очереди и мужчины и женщины. Надежда увела своего домой. Засобиралась и Татьяна. От предложения Рафаэля проводить отказалась сразу и решительно. Мол, извини, я не одна. Как же я с чужим мужчиной приду?

Машутки еще не было. Так дело молодое, когда и не продержить до полуночи, как не в девичестве. Дома жарко, да холодна вдовья постель. На улице ветер. Тени ветвей кружат на стене. Или голова кружится. Щелкнул замок входной двери. Маша пришла. Заглянула в комнату матери и осторожно прикрыла дверь. Как обычно включила телевизор. Зажурчала вода в ванной. Зашумел на кухне чайник. Под успокаивающие, такие обыденные, родные звуки Татьяна заснула глубоким, спокойным сном. Всё свое уходит, когда дите рядом, под бочком, когда ты за него спокойна.

Рафаэль у двоюродного брата загостился и, кажется, совсем не собирался возвращаться в свое солнечное Закавказье. Ругал, ежась под пронизывающим хиусом, забайкальские морозы, но не уезжал. Наоборот, занялся торговлей. Толи выкупил, толи взял в аренду магазинчик посреди поселка. Уговорил Зуфара,

который, уволившись с железной дороги, стал возить товары. Ездил по краю, на границу с Китаем, порой пропадал на неделю. Светлана стала чаще бывать у Татьяны. Ругала своего, хотя с деньгами в семье стало свободнее, но заслугу в этом приписывала Рафаэлю, всячески нахваливая его перед подругой.

- Что ты меня все сватаешь! Выходила бы сама за него замуж, если он такой хороший. А почему нельзя? Им по две, по три жены можно? А почему нам нельзя двух мужей?

- Да ты чо, долбанулась? Зуфар меня зарежет.

- Во-во. А меня за такого же сватаешь.

- Ну, Рафаэль спокойнее. Младше, а умнее. Он всей коммерцией заправляет, а мой слишком обруслел. Ни купить, ни продать.

- Зато видать, Рафаэль – купи продай.

- А чем плохо? Привыкли мы к нашим раздолбаям. Лучше пропьют, чем продадут. Я вот тоже уйду с работы. Надоело реагентами дышать. Лучше в магазине буду торговать. И чище, и Рафаэль обещал платить больше, плюс навар. Пацаны подрастают. Наши хотят заежку на трассе откупить или построить. Развернемся. Хули толку от этого государства.

- Интересно ты, Светлана, запела. Давно ли вредный стаж считала, о пенсии мечтала.

- Это ты, в кабинете сидючи, до пенсии доживешь, а я?

- А я меньше твоего по фабрике мотаюсь? Сижу много?..

Слово за слово, поругались. Не в первый и, даст Бог, не в последний раз.

Машутка уехала на каникулы к деду с бабкой. И ноутбук забрала, даже пасьянс не разложишь. Вечера длинные-длинные. За окном сопки в молодой, яркой зелени. Отцветает багульник. Светка стучит по батарее. Пришла из магазина. Жалуется – устает с непривычки больше, чем на флотации.

- Проходи, соседка. Чайку попьем, а то одной аппетита нет.

- А я не одна. С Рафаэлем. Примешь гостей?

- А куда я денусь? Проходите.

В простеньком халате, вся такая домашняя, Татьяна понравилась Рафаэлю еще больше. После Восьмого марта он не раз встречал ее в подъезде, на улице. Отвечал улыбкой на улыбку,

говорил комплименты, но в гостях у нее был впервые. С любопытством осматривал квартиру. Планировка, как и у Светланы, но с женским уютом, которому не хватает мужского беспорядка. Слишком всё аккуратно, стерильно. Счастью тоже нужна питательная среда. Даже цветы умрут, если их поливать только дистиллированной водой.

- Чай? Кофе?

- Чай. Мы вот зачем зашли. Ты что завтра делаешь?

- Не думала еще. Не знаю. Постирушки, приберушки.

- Выдумала. В праздник стирать. Поедем с нами на шашлыки.

Так совпало, что день Поселка совпадал с днем Молодежи. По традиции все его отмечали: и молодежь, и пожилые. Весь поселок превращался в большую праздничную площадку. Дымились мангалы, румянились шашлыки, распространяя аппетитный аромат. На лотках пиво, пострипушки. На сцене, сооружаемой к празднику самодеятельность сменялась приглашенными артистами. Концерт плавно перетекал в дискотеку для всех возрастов. Музыка звучала над поселком до глубокой ночи.

Вчера долго уговаривать Татьяну не пришлось. Сегодня по утренней прохладе порадовались на торжественной части за друзей, которых отметили грамотами и ценными подарками администрация района и комбината. А вот шашлыки, которые и пахнут хорошо, и на вид аппетитны, пробовать не рискнули. Своих ведро. На берегу речки, в тени берез накрыт достархан, старое верблюжье одеяло, на которое постелена пленка. Пиво, водка первыми открыли купальный сезон, окунувшись в воду по самое горлышко. Лето, одуванчики желтеют, а под противоположным высоким берегом белеет наледь. Глянешь на нее, и в миг желание купаться пропадает. А от костра веет жаром. Сухие, собранные по кустам, дрова, нанесенные половодьем, горят жарко. И вот уже мясо, нанизанное на шампур, роняет в угли капли жира. Рафаэль умело поддерживает тонкую грань между алым накалом углей и готовым полыхнуть пламенем. От одного вида на это зрелице «текут слонки». Журчит, играет солнечными зайчиками речка, перешептываются под легким ветерком деревья, не пасутся по синему небу белые барашки. Сочный, пахнущий дымком шашлык тает во рту. Мягкий лаваш, свежая

зелень и забытая в сиротстве колбаса, зачем-то и кем-то нарезанная кружками...

К вечеру осталось несколько шампуров, на которые уже не хватило сил и которые сложили вместе с колбасой в сумку к Татьяне. Еще не доехали до поселка, а из-за сопки вырвалась музыка. На лавочках вокруг импровизированной танцплощадки, на самой площадке было полно народу. Кто танцевал, кто разговаривал, перекрикивая музыку. В тихом уголочке на травке под сенью кустов акции мужики втихушку приканчивали не первый за день пузырек. Вела дискотеку завклубом, умело перемежая попсу танцевальной классикой, и тогда на площадке происходила смена поколений. Молодежь, запыхавшись от брейка, уступала место вальсирующим пенсионерам. Вслед за вальсом под звуки танго танцевали все, кто как умел. Все были в этот вечер звездами, и никто никого не судил. Татьяна отвела свою душеньку, наплясавшись досыта. Веселой гурьбой возвращались домой, смеясь над тем, что веселило всех час, два назад, вспоминая всё доброе, что было за этот праздничный день.

Небо звездное, бездонное. Как давно Татьяна не целовалась под луной. Украдкой, не дай Бог, увидят соседи, знакомые. А утром, разговаривая с Машей по телефону, впервые радовалась, что дочь гостит у деда с бабкой и не скоро собирается назад. Непривычно было то, что с утра пораньше пришлось в ванной наводить марафет: подводить глаза, припухшие от поцелуев губы. Непривычно было видеть мужчину, по-хозяйски расположившегося за кухонным столом в ожидании чая. В джинсах, без рубашки, мускулистый, с густой черной порослью, которая начиналась с выбритой шеи и покрывала всю грудь, спину, сбегала с плеч на руки. Раньше она не представляла, что мужчины могут быть такие волосатые. Но после проведенной ночи ее это не пугало и не смущало. Наверное, настоящий мужчина и должен быть таким зверем, страшным на вид и страстным, ласковым любовником. Закружились дни, ночи. Татьяна не высыпалась. В автобусе, возвращаясь с работы, откровенно зевала, мечтая быстрее добраться домой, до постели, уснуть и спать, спать, видя счастливые сны. Но высыпаться не получалось. Как-то само собой получилось так, что Рафаэль стал ходить в гости не к ней, а

к Зуфару со Светланой, даже его тапочки прижились у порога. Все проблемы, мучившие Татьяну, исчезли, когда неожиданно приехала Маша. На выходные, чтобы забрать диски, взять что-то из одежды. Щелкнул дверной замок, скрипнула входная дверь. Татьяна едва успела прикрыть себя и спящего Рафаэля простыней. Маша заглянула в спальню, прыснула коротким смешком в кулак и ушла к себе в комнату.

- Ты почему не позвонила? – в смущении теребила ворот халата Татьяна, в ее голосе звучали нотки обвинения. Нападение – лучший способ обороны. – Могла бы и позвонить.

- Звонила. Ты была недоступна. Ой, – поняв двусмысленность, покраснела, поправилась, – телефон был вне зоны.

- Есть будешь?

- Буду, буду. Встала рано, и всё равно чуть на «ученик» не опоздала. Здесь пешком от вокзала пробежалась. Голодная, как бобик.

Когда проходили на кухню, бросила любопытный взгляд на закрытую дверь. И теперь Маша шепотом маме на ушко.

- Надеюсь, ты меня не заставишь его папой называть. А он кто?

- Кто, кто? Дед Пихто, – Татьяна всё еще не могла прийти в себя. Справилась. – Брат Зуфара. Знаешь мужа тети Светы, с девятнадцатой. Приехал к ним в гости. Но, наверное, останется жить.

Татьяна, поставив сковородку на конфорку, взбивала яйца для омлета и торопливо говорила, боясь новых вопросов дочери

- Иди, мой руки. Будем завтракать.

- А зовут-то его как?

- Рафаэль.

- А по отчеству?

- Не знаю, – Татьяна снова покраснела под усмешкой дочери, под ее сочувственным взглядом и ироничным покачиванием головы.

- Ой, мама! Ты никак влюбилась!

Маша обняла мать за плечи, прижалось лбом к ее голове. И теперь, обнявшись, они обе тихонько покачивались, словно баюкая друг друга. Порой лучше всяких слов молчаливое участие, легкое, как дуновение ветерка соприкосновение душ. Так

ребенок нежится под ласковой материнской ладонью, гладящей его по голове.

Они пили чай, Маша рассказывала про дедушку и бабушку, про то чем занималась на каникулах, что и сколько посадили на огороде, новости про общих знакомых, когда из спальни вышел Рафаэль. Ничуть не смущаясь, он поздоровался и стал заниматься неизменными утренними делами. Знакомиться стал после ванной. Чисто выбритый, в свежей рубашке и отглаженных светлых брюках, мужчина с обложки глямурного журнала понравился Маше. К тому, что у мамы появился любимый мужчина, она отнеслась спокойно. Сама уже заглядывалась на ребят. Акселерация. Воспитание – странная штука, вещь сама в себе, трудно поддающаяся определению. Внешне воспитанный, культурный человек совершает глупости, поступки, которые могут бросить его на дно, перечеркнуть жизнь. Всего одна прочитанная книжка, ужастик от Стефанович: «Девочка из КВД» оставила неизгладимый след в детской душе. Да, мальчики нравились, нравилось нравиться им, и не было веры им. Слишком наглядны были примеры ровесниц, решивших побыстрее набраться сексуального опыта, и отношение к ним тех же мальчишек. В отверженные записываться Маше не хотелось. Уж лучше к бабушке с дедушкой на грядки.

Она уехала, нашептавшись, наговорившись с мамой, оставив свой ключ от квартиры для Рафаэля. Его вещи незаметно стали перекочевывать со второго этажа на пятый, но сам он стал непредсказуем, как и непредсказуемы и его визиты. Мог по несколько дней пропадать неизвестно где. Отоспавшись, покрутившись в поселке, снова исчезал. Появлялся вместе с новыми вещами. Вместо громилы с кинескопом на стене красовался плазменный домашний кинотеатр, но пришлось убрать полки, а книги сложить в картонные коробки. Старенькую «Бирюсу» с кухни вытеснил двухэтажный холодильник, на верхнюю полку которого Татьяна могла заглянуть только с табуретки. Она не просила их, не выбирала. На их покупку не экономила из своей зарплаты. И поэтому от их появления не было радости. Они оставались чужими. Как вещи, взятые напрокат.

...

Коротали вечер на кухне со Светкой.

- Чем ты недовольна? Мужик в дом тащит, а не из дому.

- Но я в этом доме себя чужой начинаю чувствовать. Что ждет, не знаю. И что-то последнее время уставать стала. Старию, подружка. Давление, что ли? Слабство всех членов. Голова кружится, и тошнота накатывает.

- Девонька, а ты в больнице давно была?

- Да, ну их, медиков. Лет десять не была, кроме флюшки. И то на работе заставляют.

- А зря. О, твой, заявился, – болтать у Светланы сразу пропала охота. – Ну, я побежала.

И кивнув, проскользнула мимо Рафаэля, который с коробкой в руках занял почти весь узкий длинный коридор. На Зуфара она могла порой и прикрикнуть по неистребимой бабьей привычке, а его брата по непонятной причине побаивалась.

Рафаэль опять приехал с обновкой. Поставил в коридоре коробку. Коротко бросил.

- Пылесос. С увлажнением. Разберешься.

Плескался в ванной, пока Татьяна сутилась, накрывая на стол. Вяло поковырялся вилкой в салате и завалился на диван. Когда она присела к нему, пробурчал.

- Отстань. Устал.

Сквозь журчание воды, моя посуду, Татьяна слышала его храп из комнаты. Сумерки вползали на кухню, неясно, сумрачно было на душе. Свет включать не хотелось. Словно включенный свет мог что-то изменить, и неясно, в какую сторону. За окном слышался детский смех. В этом году во дворе поставили качели-карусели, и детвора с утра до вечера под надзором мамаш проверяла их на прочность.

Рафаэль встал. Не включая свет, закурил. Когда Татьяна, включив чайник, стала накрывать стол, остановил ее.

- Не суешься. В заежке поужинаю.

Будь она не ладна эта заежка! Рафаэль приобрел машину, выкупил заежку и теперь городил вокруг нее забор из бетонных плит, брошенных еще в советское время строителями у так и недостроенных домов. Возведенные где до первого, где до вто-

рого этажа они зарастили молодыми березками, лиственницами. Что строит и зачем, Татьяна не знала. Как не знала и на что. Не рада была, когда поинтересовалась, на какие деньги он купил машину, заежку.

- Земляки помогли. Это вы, русские, как трава. Вас много, живете путано, друг друга давите, под ветром валитесь. Мы – как одно дерево, все вместе, один корень. Понятно? И тебе какое дело: как, на что? Мужчина унес, принес – живи, башка не ломай.

Тогда он в первый предложил бросить работу на фабрике. Хочешь со Светланой в магазине торгуй, хочешь дома сиди.

- Хватит на государство работать, на дядю. На себя надо. Пенсия? Живи, башка не ломай, на пенсии ломать будешь, как на нее жить.

Закрылась дверь за Рафаэлем, только полоски дыма выплывали в открытое окно. Татьяна встала, чтобы включить свет и едва не упала от резкой боли в боку, отдавшейся в пах, в ноги. Опираясь о стол, она застыла, боясь пошевельнуться, боясь вздохнуть. Боль застыла, сковала. Она не уходила, притерпелась. Кое-как Татьяна вдоль стенки дошла до спальни, думала, ляжет и станет легче, но только присела на кровать, боль накатила с новой силой. «Господи, как больно? Господи, что это, за что? Господи...»: метались в голове мысли. Татьяна не помнила, когда последний раз болела. Сейчас ей казалось, что рожать и то было легче. Она сидела, баюкала, успокаивая свою боль, но она напоминала о себе, перекатываясь в левом подреберье. Боль, как кошка с мышкой, играла Татьяной. Отпустит, но стоит только той шевельнуться, боль вонзает в нее свои когти, рвет по живому. С третьей попытки Татьяна дозвонилась до скорой помощи. До ее приезда так и сидела с телефоном в руках на краешке кровати. Поселок маленький, от ее дома до больницы пешком пять минут, но время застыло, и минуты были бесконечно долгими. Ей казалось, крикнула – прошептала искусанными губами.

- Открыто.

Очнулась, когда фельдшер привела ее в чувство ваткой, смоченной в нашатыре.

- Ты, Татьяна брось нас пугать. Что с тобой?

Татьяна хотела ответить, но боль накатила, перехватила дыхание, скрючила ее на кровати, и она снова потеряла сознание. Смутно помнила, как ее привезли в больницу, от колов спазмалитиками, увезли в районку.

На следующий день на обходе молодой врач открыл историю болезни, пошуршал бумажками, чуть ли не на свет посмотрел результаты анализов. Потом, помяв жесткими, уверенными пальцами живот, потыкав под ребра, что вызвало отголосок вчерашней боли, уверенно сказал:

- Почечки надо беречь. Глоумерулонефрит.
- Что-что? – испуганно переспросила Татьяна, не рассыпав толком мудреное название.
- Острый нефрит. Вы ангиной, скарлатиной давно болели?
- Давно, не помню, когда на больничном была.
- Не переохлаждались? Да не суть важно. Очагов инфекции нет. А что с вашими почками, после УЗИ скажу точнее. Полежите, посмотрим в динамике. – и уже стоящей рядом медсестре.
- Анализы утром взяли?
- Да.
- Хорошо, как заберете из лаборатории – сразу ко мне, – и снова Татьяне. – Лежите, лечитесь, отдыхайте.

Полежим. Но вчерашние страхи исчезли вместе с болью. Машу, прибежавшую в больницу вместе с бабушкой, она встретила во дворе, на лавочке под тополями. Больница была старая-старая, с провалившимися скрипучими полами, подслеповатыми окнами, стойким запахом. Запахом не больницы, смерти. Сколько умерло на больничных койках за без малого век, никто сказать не мог, но измученные болью и страданиями души, казалось, так и не покинули эти стены. Все, кто мог передвигаться, летние дни проводили во дворе, под старыми, давно не стриженными тополями. Под мамины причитания Татьяна сказала Маше, что ей принести из одежды, чтобы завтра съездить в поликлинику на УЗИ. Прогулялась с родными до автобусной остановки. После прогулки почувствовала себя абсолютно здоровой.

Каша, поданная на ужин, аппетита не вызывала, только и выпила стакан бледного, с характерным запахом общего котла чая. Спустя час еще раз попила чай с соседками по палате, и

почти сразу ей стало плохо. Закружилась голова, стала подкатывать боль в пояснице. Пожилая медсестра поставила укол баралгина, смерила давление, дала таблетки и ласково обматерила.

- Тебе что, доченька, не говорили, водички пей поменьше, за раз – не более полстакана. И перед сном походи, погуляй по свежему воздуху, помоги воде дырочку найти. Водичка уйдет, давление спадет, отекать не будешь. Не бойся. Смотрела я твою историю. На моей памяти от нефрита никто не помер, но больно. Понимаю, больно. Терпи. Бог терпел и нам велел.

Под ее негромкий журчащий, как вода в тихом ручье, голос Татьяна едва не задремала. Кто-то заглянул в палату, позвал медсестру. Встала и Татьяна.

- Погуляй, погуляй доченька. А потом загляни на пост, я еще давление тебе смеряю.

Татьяна с полчаса побродила по больничному двору. Вышла на улицу, посмотрела на строящийся торговый комплекс, снова подивилась России-матушке, жилья не хватает, а магазины растут, как грибы после дождя. В больнице стали гаснуть окна в палатах. Да и сама немного прогрела. Конец августа, ушло солнце, и из темноты сразу тянет холодком.

- Прогулялась? Ну вот, и цвет лица нормальный.

Подкачивая грушей манжет тонометра, продолжала так же негромко говорить.

- А почки? Так беременность в твоем возрасте вызывает изменение реактивности организма, повышает его чувствительность.

- Какая беременность?

- Помолчи.

Медсестра, глядя на электронное табло тонометра, погрозила Татьяне пальцем. Снимая манжету, с улыбкой произнесла.

- Ну вот, и давление немного спало. А беременность – не знаю какая, запланированная или нет. Вот результаты анализов и тест. Завтра в поликлинику, на УЗИ. Там тебе точнее скажут.

Новость огорошила, прогнала сон. Нет, тому, что забеременела Татьяна не удивилась, было с чего. Просто она столько лет не думала об этом. Влетела, как глупая малолетка. Как отнесется к этому Рафаэль? За весь день она в первый раз вспомнила о

нем. И он о себе не напоминал. За три месяца знакомства было много комплиментов, подарков, но ни разу он не произнес слово «люблю». Как он отнесется к новости о своем отцовстве? А Маша? А сама? Рожать? Не рожать? Подушка раскалилась под головой от кутерьмы в голове. Перевернула прохладной стороной, а сон все не шел. Беременна?!?!

Утром, до завтрака, загрузили в таблетку «скорой помощи» и по утренней прохладе повезли больных, нуждающихся в обследовании в поликлинику. В стареньком двухэтажном здании районной больницы места под кабинеты для аппаратуры не было. Новое, первые этажи которого возвели в последние советские годы, стойко вынесшее лихие налеты мародеров в девяностые, было достроено в начале третьего тысячелетия. Прослужило два срока – не проектных, президентских, не вынесло при новой модернизации медицины, лопнуло по всем швам, потекло во всех стыках и теперь ждало вердикта, что дешевле: делать капитальный ремонт или снести и построить новое. Но новые центры строятся в областных, краевых центрах. А периферия? Ездят же олигархи лечиться в Израиль, Германию, а уж рядовые граждане как-нибудь доберутся – автобусом, чай не самолетом. Скорой помощью до поликлиники пять минут, ведомые медсестрой в кабинеты на прием попадали больные, минуя очереди страждущих, сидящих на стульях вдоль стены.

Ничего нового из обследований Татьяна не узнала. Только уточнения и подтверждения. УЗИ – да, воспаление почки. Гинеколог – да, беременна. Семь недель. Все житейское, ничего смертельного.

На лавочке в больничном дворе ждала Маша. У ног стояла сумка с одеждой.

- Мам, привет. Я тебя заждалась. Принесла одежду, а ты уже уехала.

- Не уехала. Нас на машине увезли. Да ничего. Там не перед кем красоваться. Одни больные.

- А ты, мам, и так хорошо выглядишь.

- Спасибо, доченька. Краше в гроб кладут.

- Фигушки. Ты еще внуков должна вынянчить, выучить.

- Ты что? Тоже!

Вырвалось. Подсознательно, даже при разговоре с дочерью, Татьяну, не покидала мысль о беременности.

- Что тоже?

- Ой, Машута. Поговорить мне с тобой надо. Ну, одним словом, – Татьяна набралась духу. – Беременна я, доченька.

- И … кто? – Маша чуть не подавилась на букве «И». – Мальчик. Девочка. Давай мальчика. Будет братик у меня.

- Какое ты у меня еще дитя, Машенька. Срок еще малый, и в центр Материнства надо ехать, там пол определят. Здесь не могут.

Главное было сказано. Татьяна поспешила в палату, чтобы не пропустить обход. Она долго уговаривала Юрия Алексеевича, что бы он отпустил ее в поселок. В своей больнице и стены помогают. Лечиться можно и на дневном стационаре, а дочке в школу. Как она без мамки? Уговорила.

....

В поселок их отвез отец на старенькой, видающей виды неутомимой «шестерке», на ней Машутку привезли из роддома. Когда это было? А ныне Маша уже паспорт получила. Отец поднялся в квартиру, полюбовался на обновы. Порадовался за дочь: «Хорошо живешь, Татьяна», и заторопился обратно. Супруга всегда беспокоилась, когда он уезжал без нее. Обоим ехать – дачу не бросишь. Помогут без хозяев и картошку выкопать, и помидоры собрать. Только Татьяна решила принять ванную, отмыть больничный запах, которым, как ей казалось, она пропиталась нас kvозь, пришла Светлана. Разохалась.

- А я и не поняла, что скорая к тебе. В окошко увидела, когда тебя на носилках загрузили.

- Что ж, подружка, не позвонила, не справилась о здоровье?

- Прости, закрутилась. Телеграмма пришла – отец Зуфара приезжает.

- Готовитесь, как к приему президента?

- Почти, Зуфар всю свинину, водку приказал из дома убрать. Отец у него ханжа какой-то.

- Может, ходжа?

- Может. Я его имя-отчество запомнить не могу.

- Всё, пропала ты, Светка, длинная юбка, на морду сетка.

Чадра называется. Или паранджа? Нет, паранджа, это когда тебя всю в саван закутывают.

- Вот, фигушки им! Пусть сами кутаются, а меня если в солбиную шубку, и то зимой. Но курить придется дома бросать. Да что мы обо мне. Ты-то как?

- Опомнилась. Жить буду и рожать буду. Почка воспалилась, люди и с одной живут. Мужики-то где?

- За бараниной уехали. Куда-то к бурятам. Папашу ихнего кормить. Ну, да Бог с ними. Ты вроде ничего выглядишь, даже посвежела.

- Посвежела? Протухла, провонялась в больнице, сейчас в ванную залезу и буду отмокать.

- Ну, давай, отмокай. А я побежала. Вдруг приедут, а хозяи-ки нет.

- Беги, беги.

Хорошо дома. Раннее солнышко веселит, гуляя по квартире, поднимает настроение. Больничный, когда ничего не болит, как дополнительный отпуск. Сходила в больницу, сдала историю болезни – прописалась, врачу показалась, проглотила утреннею порцию таблеток, съела кашу за диетическим столом и свободна до завтра. Вечернюю дозу забрала с собой. Кашку и дома сварить можно. Дома Маша перебирает обновки к школе. Девятый не первый, но даже в первом девочке хочется быть красивой, модной, выделяться из толпы, несмотря на школьные правила. Здесь заузить, здесь подшить. Машенька крутится у зеркала. Любуется Татьяна дочерью. Но вслух ерничает.

- Хороша куколка черномазая. Ногти накрасила, а под ногтями пол бабушкиного огорода, хоть репу сей. И сама репа репой.

- Мамочка, тебя тоже в детстве Репкой дразнили. Бабушка сказала. Дед Репка, бабуля Репка, дочка за бабкой вслед, а куда же мне, внучке деваться? Репченко иначе как Репками и назовешь.

- Это я в девичестве Репченко была. А ты, доченька, по папе Борзова. Значит, Борзая Репка.

- Мам, ты при чужих не ляпни, потом проходу не дадут.

- Не буду, не буду. Репка, ты моя, сладенькая. Так и съела бы.

Двадцать девятого ночью ударил мороз. На заре цветы стояли, как стеклянные, к обеду обвисли, раскисли, утратили краски. Выдержали одни только астры, и то только у того, у ко-

го росли с южной стороны домов. Дед привез для Маши огромный букет, который она поделила со Светкиным младшим. Как Рустам не отбрыкивался, а пришлось нести в школу цветы. Подростки! Пить пиво, курить не стесняются, а пройти по улице с букетом цветов для них зазорно.

Первое сентября. Радуются родители, отдохнут от отроков, которые, как они думают, займутся уроками, радуются первоклашки, еще не зная, что у них впереди одиннадцать лет «радости». Ученики постарше радуются не началу учебного года, а встрече с друзьями. Дети в школу, а родители готовят праздничный обед. Татьяна купила для Маши торт, ее саму пригласили толи в гости, толи на смотрины. Приехал Ибрагим Темирбекович, отец Зуфара, дядя Рафаэля. Татьяна представляла его в виде старика Хоттабыча, с белой бородой и чалмой на лысом черепе. Борода была, только коротко подстриженная и черная, черная с проседью копна волос на голове, черная плотная шапочка на голове, которую он не снимал и даже спал, наверное, в ней. Высокий, статный, только по морщинам на лице и шее угадывался его почтенный возраст. От всей его фигуры, взора веяло властностью. Разговаривал он не терпящим возражения тоном. Суждения его были резкими и безапелляционными. Светкины сорванцы сразу притихли, не спорили не только с ним, но в его присутствии не смели слова против сказать родителям. Но разговаривал Ибрагим Темирбекович мало. В крайнем случае, с невесткой и Татьяной он не вел задушевных бесед. О чем он говорил с сыном и племянником, оставалось для женщин тайной. Они уезжали на заежку или к землякам по окруже и приезжали к ужину. Рафаэль показывал отцу свое хозяйство, делился планами. Мечтой его было построить на месте заежки кабак с борделем.

- Отец, посмотри, молодежь по подъездам трахается. Нормальному мужику некуда бабу привести. А тут, понимаешь, хочешь со своей приезжай, снимай комнату на час, на два, только плати. Хочешь, комнату с бабой снимай. Главное, плати. А магазин – так, на одной водке держится. Основная прибыль в ночное время. Тогда не смотрят – паленка, не паленка. И травка.

- Ты, Рафаэль, поосторожнее с травой.

- Э-э, отец. Здесь траву школьники курят. А перерабатывать я не собираюсь. Кому надо, тому привезу, оптом отдам. Пусть сами варят. А та мелочевка, что у меня в ходу, так это для себя. Докажи, что на продажу. Попробуй. А за употребление у них срока нет.

- Бараны. Дома тебя палками бы побили.

- Дома? Дома побили бы, а на то, что я здесь делаю, хаджи меня благословил. Чем слабее гяуры здесь, тем легче там. А я здесь не на век.

- Ты, сынок, хаджи деньги отправляй, но себя не забывай, а то и век пробудешь здесь.

Но как ведет сын дело, Ибрагиму Темирбековичу понравилось. Понравилось, как терпеливо сносили его ругань русские. Попробовал бы кто так разговаривать с джигитами, а эти бараны только головы опускают. Поэтому и уезжали они с утра до вечера на заежку, где их ждал накрытый стол, а молоденькие девушки подносили всё, что душа пожелает. Дома не то. Хозяйки вроде молчаливы, но молчаливы, как стена – не сдвинешь, упрешься сильнее – лоб расшибешь. Дома не чувствуешь себя хозяином. Не то что мусульманки.

...

Недели через две Татьяна вышла на работу. Проситься на облегченный труд бессмысленно и бесполезно, нет облегченного труда на вредном производстве. Но отношение к работе у нее изменилось, старалась как можно реже заходить на фабрику, все вопросы, решая, по возможности, в кабинете. В цех реагентов ее теперь и под дулом автомата не заставишь идти, да и под дулом автомата она в лучшем случае прошла бы только полпути. На подходе к цеху от запаха вонючего, едкого запаха начинало мутить. Секрета из своей беременности она не делала. Утаишься на месяц, на два. Потом животик вперед, и величавой утиной походочкой под шепоток за спиной. Нет, уж лучше сразу громко заявить всем: и друзьям, и завистникам – беременна. Посудачат и перестанут.

Самой судачить было некогда, хоть и было, о чем. Плакалась Светлана. Молчал, молчал Ибрагим Темирбекович, перед отъездом и выдал. Все дни был на ты, а здесь, как чужой, на Вы:

- Вы, Светлана, хорошая женщина, и внук Рустам, мой внука. Но у нас свои законы. Зуфар поедет со мной. Я должен женить Зуфара на нашей девушке. Будет у него наследник, захочет, пусть куда глаза глядят едет, а до тех пор на своей земле должен жить, чтобы передать ее своему сыну, моему внуку. Это мое слово. Рустам уже не сможет в горах жить. Пусть здесь живет, с тобой. Помогать будем.

Опесила Светлана. Перехватило в зобу дыхание. Вечером в постели спросила у Зуфара.

- Зуфарушка. Ты что же молчишь, что жениться собираешься? Бросаешь нас. Не от тебя, от твоего отца узнаю.

- У нас со стариками не спорят. Какая разница, от кого ты узнала? Я еду с отцом. Через три дня едем. За делами Рафаэль присмотрит, мою долю тебе отдавать будет.

- И спасть со мной будет? Ты женишься, я тоже замуж выйду. Я еще не старуха.

- Э-э, зачем так говоришь. У него жена есть. Зачем ты ему? И вообще, кому ты нужна. Это ты здесь молодая, а по нашим меркам – старая. Наследника не родишь. Живи, расти что есть, хозяйство веди. Молодые пусть рожают.

- Молодые. А Танька что, молодая?

- Что, Танька?

- Так рожать собирается. Братцу твоему наследника.

- Пусть рожает. У него уже есть, но лишним не будет. Спи. Хватит болтать.

Перевернувшись набок, через минуту Зуфар уже похрапывал.

О чем говорить? Пролетели в молчании три дня. Прощались на вокзале без слез. Рустам провожать отца не поехал. С утра ушел из дома, на звонки по сотовому не отвечал. Зуфар бесполезно нажимал кнопки телефона, играя желваками скул. Когда поезд вкатывался на перрон, сухо поцеловал Светлану. Минутная остановка, и вот она одна. Состав, изгибаясь дугой, скрылся за поворотом. Уехали прибывшие, встречающие, еще раньше провожающие. По пустырю ветер закрутил столбом пыль, поднял мусор и понес в сторону речки, в прибрежные кусты. Так бы с души, но только если на душе муторно крутятся вихри, то уно-

сят они всё хорошее, доброе, оставляя сор и горечь, выбивая слезы из глаз.

...

Запила Светка. С горя? Или от того, что вот она, проклятая, на прилавке стоит? Тому не довесила, тому не додала сдачи – на пол-литра накапало. Сначала на работе рюмку, две, остальное домой унесет. Одной неловко поначалу было, зачастила к Татьяне. Дескать: давай, подружка, за компанию. Но какая напарница с Татьяны? Нельзя. Но всё не одна. А разговоры у пьяной всё одно да потому.

- Рафаэль твой, гад, виноват. Это он отцу писал, чтобы тот Зуфара забрал. Не захотел бизнес делить. Пока начинали, так Зуфар ему нужен был, а когда сказал Зуфар, чтобы наркотой на заежке и не пахло, тот решил от него отделаться. Женить надумал на своей, на чурке усатой. У них все бабы чернявые и усатые, и ноги у них волосатые. И твой Рафаэль такой же. Нет, еще хуже.

- Что ты мне доказываешь. Когда с Зуфаром жила, одно пела, сейчас другое. Сама знаешь, сколько абрека не корми, абреком останется.

Татьяна самой себе не могла объяснить свое отношение к Рафаэлю. Он стал еще более молчаливым. Скрипнула дверь, щелкнул язычок замка – пришел, ушел. Куда, откуда – он не докладывал. Мог заявиться под утро, мог не появляться несколько дней, но холодильник был полон, и он требовал, чтобы обед был готов всегда. Один только раз пришел с земляками. На беду дома была Маша. И вроде бы ничего страшного. Свои братья-славяне скажут, что выросла девка, замуж пора, посмеются, и никто не будет заострять на этом внимания. Но моложавый, его нерусское имя Татьяна не запомнила, сказал это таким тоном, что Татьяну передернуло. Первый раз тогда поругалась с Рафаэлем. Поругалась и призадумалась. Когда сказала, что не нравится, как его друзья на дочку смотрят, и чтобы не было их ноги в доме, он с улыбкой ответил:

- Не твое дело, кого я в дом привожу. А замуж отдавать? Зачем? Вырастет, сам женюсь.

С улыбкой сказал, но почувствовала Татьяна, что в этой шутке немалая доля правды. Недаром он с Машей ласковее, чем

с ней. И пошутит, и обнимет невзначай «по-родственному», и не ругает никогда, в любом конфликте становится на сторону дочери. Поначалу радовалась ладу в семье, а теперь призадумалась. Сидя у зеркала, рассматривала свое подурневшее лицо, да и фигуру животик стройнее не сделал. Конечно, она уже не так привлекательна, поэтому и охладел к ней Рафаэль. А сама? Или это усталость, которая стала уже хронической? Ни на что бы не глядела. Работа? Надоела. План, план, план. И всё на нервах. Наверху считают, что план зависит от их ценных указаний, а не от содержания руды, работы аппаратуры, приборов. Стоит фабрика, вместо запчастей ЦУ и «рацпредложения», как из дерьяма конфетку сделать, и чтобы сладкая была. Снизу отплевываются, отбрехиваются и матерятся со всех сторон. Кто снизу: тихо, про себя, кто выше – во весь голос, на нижестоящих. Надоело. Одно спасение, что поселок маленький, все друг друга знают, почти родня. Зачастила Татьяна в поликлинику. Придет, пожалуется на недомогание, Ирина Ивановна, участковый терапевт внимательно выслушает, послушает, давление померяет и отправит на больничный, от греха подальше. Лекарств лишних не выпишет, а посоветует отдохнуть, упокоиться, чаще бывать на свежем воздухе, и вообще, вести размеренный здоровый образ жизни. Советы Татьяна выполняла старательно, вот только на свежий воздух, когда на дворе за сорок градусов, не очень-то тянуло. По необходимости в магазин за хлебом, молоком. Перед Новым годом уехал на родину Рафаэль, к брату на свадьбу.

Встречали праздник за накрытым у телевизора столом. Машенька выпила глоток шампанского и, несмотря на жгучий мороз, убежала на площадь, к елке. Странное имя для мальчика. А может, не рассыпала. К Лешке? Светлану после фужера шампанского и нескольких рюмочек водки бросило в тоску. Она достала письмо, читать которое при Маше не стала. Зуфар писал, что скучает, жизнь не радует, работы нет и много такого, о чем в письме не напишешь, а политики в газетах про радужную жизнь в Закавказье врут бессовестно. Но против воли стариков не пойдешь, проклянут.

Роняя в рюмку слезы, Светлана то сыпала проклятия на голову Зуфара, то жалела его, бедолагу, порой, подывая, как собака по покойнику.

- Да плюнь ты на него. Что, мужики в поселке перевелись?
- Плюнула. И всё равно хреново. Люблю его, козла. Он пишет, что приедет.

- Так чего ревешь?

- Так женится.

- Женится. Не умирает? Знаешь, подружка, что я тебе скажу. Не живи с вдовцом – одну в гроб загнал и тебя загонит. Не живи с разведенным – с одной развелся и с тобой разведется. Живи с женатым! С одной живет – и с тобой жить будет. Давай за нас, красивых.

Татьяна плеснула себе на донышко фужера шампанского, Светлане – в рюмку на палец водки.

- С Новым годом!

- С Новым! За нас.

Уложив Светлану на диване, укрыв пледом, Татьяна прибрала на столе, когда на глаза попалось скомканное, уроненное на пол письмо. Читать чужие письма нехорошо, но нет силы, сумевшей преодолеть женское любопытство.

Зуфар писал про безденежье. Когда отец приезжал за ним, у власти стоял человек из их тейпа (что такое тейп Татьяна не поняла – банда что ли?). Но власть на югах меняется быстро, и теперь они оказались не у дел и в стороне от кормушки. Прокормиться с земли трудно: вырастить полдела, сбыть – проблема, и еще с каждым делиться надо. Без бакшиша ни одно дело не делается. Тем, кто бакшиш берет, хорошо, но слишком их много, и тем, кто его дает, себе остается не на жизнь, на существование. Что плюнет, возьмет молодую жену и уедет обратно. Пусть на Северном Кавказе теплее, чем в Южной Якутии, но холод для здоровья полезнее жары. В письме Зуфар просил прощения у Рустама и советовал ему держаться подальше от дядьки. И не просто держаться подальше от общины, а жить по заветам вечно живого Ильича: «Учиться, учиться и учиться. Учиться должным образом». Больше про Рафаэля в письме ничего сказано не было. Но мелькнуло в мыслях у Татьяны, где же ты, соседушка, был раньше, почему ей не посоветовал держаться от Рафаэля подальше? Нет, о том, что забеременела, она не жалела, только отца своему ребенку она хотела бы другого. Это дети – родите-

лей не выбирают, право матери: толи выбрать себе игрушку для сексуальных утех, толи надежду и опору в жизни для себя и своего чада.

...

После праздников Татьяна на работу не вышла, ушла в предродовой отпуск. Белыми дообеденными туманами неспешно прошли крещенские морозы. Татьяне было жалко Машу, которая каждое утро, укутавшись по уши, убегала в школу. А дочка радовала: на зональной олимпиаде по экологии культуры заняла первое место. Что такое культурология, какое отношение она имеет к экологии, Маша ей пыталась объяснить, а Татьяна делала вид, что внимательно ее слушает. Запомнила одно: для Маши самое святое – это любовь к ней, к деду с бабкой. Память об отце, о детстве, которое он успел ей подарить. Его добрые руки, на которых он ее носил, сказки, которые рассказывал ей на ночь, и те песни, что пел, убаюкивая перед сном. Со сказок всё и началось. Дети не знают, кто такой Микула Селянинович. Про Алёшу и Добриню мультики посмотрели, так этих героев знают, а спроси, кто такой Гагарин, глаза вылупят и хлопают зенками. Трансформеры, а не дети.

Татьяна улыбалась, слушая воркотню дочки – вылитая баба Люба, а воспитание дедово. Маша рассказывала о школьных делах. Правительство решило объявить войну коммерсантам. Возмущалась тем, что вагончик в центре поселка, который выкупил Рафаэль, разрастается и теперь напоминает сарай с пристройкой, тетя Света и другие продавщицы торгуют спиртным днем и ночью. Сигареты продадут даже детсадовцам, школьники бегают пить пиво на большой переменке, прячась от учительского взора в железной будке за магазином, там же можно и травку приобрести. В других магазинах подросткам тоже могут продать пиво с сигаретами, но те магазины в стороне, а этот рядом и торгует круглосуточно. Обо всем этом Татьяна зала не понаслыше. Накануне поругалась со Светланой. Та пришла выяснить отношения. И с кем?

- Это твоя Машка меня подставила, – выпившая Светлана была настроена агрессивно. – Рейды они, видите ли, устраивают. Залетели компашкой, и твоя там, ну и продала я им бутылку. Не жалко. Тут же менты, протокол, штраф. А я и так на бобах.

- Так не продавай, штрафовать не будут. Не пей, и копейка заведется.

- А я с радости пью? Не пить, так удавиться. Не торговать? План на чем делать? За продуктами к нам народ не идет. Да и продукты дрянь, всё просроченное. Берут по дешевке на базе, а цена, как за первый сорт. Народ не обманешь. Он не за жратвой идет к нам, за пойлом. И пойло дрянь, паленка, зато дешевая.

- Так, что ты от нас хочешь? Ты, Светка, Машу не трогай, не скреби на свой хребет.

- А я чо? Это эти, хозяева. Были бы Зуфар или Рафаэль, с ними бы я договорилась. А эти... Давай, подружка, мировую.

Светлана достала из сумки початую бутылку.

Гнать ее Татьяна не стала. Дура, но жалко. Наложила ей картошки с мясом, достала из банки помидоры.

- Ты хоть закусывай. Пацаны-то как?

- А чо пацаны? Картошка есть. Старший готовит сам. Ну, ты Машке скажи. Хоть бы подмигнула тете Свете. Были бы му-жики, они с ментами бы договорились. А я чо?

Приезд Рафаэля Татьяна на удивление для себя встретила безразлично. Волновали ее другие мысли. Договорился ли Рафаэль с полицией, Татьяна не знала. А вот Светлане с ним договориться не удалось. Приехал он неожиданно. Устраивать скандал в магазине пьяной Светлане не стал, а просто сообщил ей, что она уволена. А так как никаких договоров они не заключали, записей не делали, то просто приказал работникам в магазин ее не пускать. Когда застал Светлану в гостях у Татьяны, которая попыталась заступиться за подругу, «надавить на жалость, на совесть», грубо выразился, и когда Светлана ушла, сердито хлопнув дверью, добавил.

- Чтобы я эту шалаву в доме больше не видел.

- Как ты можешь, Рафаэль. Она же твоя родня. У нее дети.

- Э-э, дорогая, такой родни до Москвы раком не переставить. Мало кто с кем спит, что сразу родня?

- Так и я такая же родня. Козел.

Татьяна стала заводиться. Давно она дома не ругалась, с тех пор, как Маша чуть не сожгла дом.

- Уматывай, хоть до Москвы раком, – она прошла в коридор и, указывая рукой на дверь, успокаивая себя, и как-то устало добавила. – Уходи из моей квартиры, уходи.

- Твоей квартиры? Да от твоей квартиры здесь одни стены. Овца.

Он неспешно встал, подошел, неуловимым движением схватил за горло. Заставил встать на цыпочки и так довел до спальни. Рванул халатик, толкнул на кровать. Брезгливо осмотрел ее располневшую фигуру. Наклонился и прошептал так, что оборвалось под сердцем.

- Овца. Будешь блеять, и дочку обрюхачу. Живи пока.

Татьяна слышала, как за ним закрылась дверь. Легче от этого не стало. Страх не уходил. Страх не за себя. Плакать она тоже не могла. Лежала. Смотрела сухими глазами в потолок. Пришедшая Маша, глянув на маму, встревожилась. Стала хлопотать вокруг нее. И здесь Татьяну прорвало. Наплакавшись, умывшись холодной водой, она рассказала дочери о разговоре с Рафаэлем.

- Мам, ну и чего бояться? Мы дома. Это наш дом. И вообще, я в милицию пойду. Ты тетю Свету позови, побудь с ней. А я схожу.

Дежурный по опорному пункту полиции заявление брать отказался. Целый час разыскивал участкового. Маша не раз видела дородного капитана в поселке, но знать не знала, что это их участковый. От него веяло непробиваемым спокойствием, он никогда и никуда не спешил. Вот и сейчас, терпеливо выслушав девочку, сказал, чтобы она шла домой, а он через полчасика зайдет к ним. Зашел не через полчасика, через час, когда на дворе наступили глубокие сумерки.

Капитан внимательно выслушал Татьяну, прочитал заявление, которое она написала под диктовку дочери, положил его в черную папку.

- Татьяна Алексеевна, я понимаю Вас. В Вашем положении женщины эмоциональны, возбудимы. Из вашего заявления следует, что вы поругались со своим гражданским мужем. Он вас бил? Нет. Порвал халатик. Порвал – новый купит. Я не вижу повода даже для административного наказания Хаймурадова.

Он трезв. Факт, что вы поругались, не отрицает, но мер физического насилия к вам не применял. Вот вы говорите, что он угрожал, а он это отрицает. Заявление я оставлю у себя, а вы постарайтесь помириться. Чего в семье не бывает. Поругались – помирились.

Говорил капитан спокойно, от его слов веяло уверенностью, что так оно и будет. Вот только Татьяна в этом уверена не была.

- Убедилась? От патологоанатома толку больше, чем от нашей полиции, – сказала она Маше, закрыв за капитаном дверь.

- Я парней на него натравлю. Спалим к чертовой матери и сарай, и заежку.

- Не вздумайте. И их посадят, и тебя, дуру, как организатора.

Мало ли что говорит мама, дети всегда остаются при своем мнении. Но и парни подтвердили слова матери, когда она их попросила устроить абрекам Варфоломеевскую ночь.

- Нашла, к кому обращаться с жалобой. Мы последний раз, когда делали рейд, закатились на заежку, а там наш участковый с Рафиком гуляют по высшему разряду. Мы даже контрольную закупку делать не стали, поняли, нам же и аукнется. Спалить? Подумать надо. Так и сами спалимся

Серёгу Виктор поддержал.

- У него магазин каменный, снаружи не поджечь. А изнутри? Круглосуточно работает. Заежку? На ночь во двор собак выпускает. Со стороны кафешки? Та же история. До полуночи гулька и охранник с буфетчицей всю ночь в кафе. Нет, Маша, ты нас на это не подписывай. По теплу, может быть от случайного окурка, что и загорится. А сейчас, по зиме, если только от электропроводки? Думать надо.

...

Неожиданно приехал Зуфар. Приехал не один, а с молодой женой. Девчушкой чуть постарше Маши. Татьяна опешила, открыв им двери. Рафаэля дома не было. Указать им поворот от ворот? Да больно жалостливо выглядела девчушка в куртке-дутыше, более подходящей для Европы, чем для Сибири, и в сапожках на высоком каблучке. Из-под платка были видны черные глаза со слезинкой, выбитой морозом.

- От вокзала пешком шли?

- Да. Как назло, ни одной машины.

- А что не позвонил Рафаэлю?

- Э-э. Ему без меня позвонили.

- Ну, грейтесь. Сейчас чаю сгоношу.

Сбросив куртку, теплую шапку, девушка стала выглядеть еще младше Маши.

- Знакомьтесь. Зейнаб. Зина по-русски, – представил ее Зуфар.

- Татьяна, – через плечо улыбнулась хозяйка, нарезая на кухонном столе закуску.

- А ты че в платке? Снимай, пусть голова отдохнет.

Зейнаб посмотрела на Зуфара.

- Снимай, – кивнул согласно мужчина.

- Ну вот, почаюем.

Ставя тарелки на стол и наливая в кружки с пакетиками чая, по привычке Татьяна гостеприимно улыбалась. Больше всего ее разбирало любопытство, как и где собирается жить Зуфар.

Зейнаб грела ладошки о кружку. Испуганно поглядывала на нарезанные сало, колбасу, на тарелку с холодцом с застывшей белой пленкой жира.

- Ешь, Зина. Ой, я еще варенье забыла.

- Ешь, Зейнаб. Привыкай. Это Сибирь, здесь и евреи и мусульмане свинину едят. Холод – не дядька, голод – не тетка. Ешь.

Зуфар ласково, успокаивающе погладил жену по плечу.

С дороги гости ели с аппетитом. Разговора не получалось. Зейнаб с робким любопытством осматривала кухню, погладывала на хозяйку. Встречаясь с ней взглядом, сразу опускала глаза. Зуфар пил чай сосредоточенно, думая о чем-то своем. Допив чай, видимо, решившись, поблагодарил и перешел к своему главному вопросу.

- Татьяна, можно Зейнаб побудет у тебя? До вечера. Я крутусь туда-сюда.

- Да хоть до утра. Зина, или Зейнаб, как лучше? Ты проходи в зал. Телевизор посмотри. Хочешь, приляг с дороги.

- Зейнаб, – девушка послушно встала вслед за хозяйкой.

- А ты курить – в подъезд.

Татьяна ласково обняла Зейнаб за плечи.

- Пойдем, дочка. Отогрелась?

- Угу.

Татьяна положила на диван подушку, легкое покрывало. Включила телевизор.

- Отдыхай. А я обед приготовлю, скоро моя пигалица со школы прилетит.

Зуфар зашел на кухню, еще раз поблагодарил за чай и вроде как мимоходом невзначай спросил.

- Как там Светлана?

- А ты зайди, узнай. Хреново ей одной. Вы же только обещать горазды, а чуть что – в кусты.

- Зайду. Ты-то хоть не шпиняй. До вечера. И еще раз, спасибо тебе.

...

Поужинав, женщины, устроившись вокруг журнального столика, лузгали семечки, смотрели телевизор. Не сказать, чтобы девчата подружились, но Зейнаб освоилась, стала улыбаться и, сказав или сделав что-то, посматривала на Машу, ища ее одобрения. На кухне Зуфар разговаривал с Рафаэлем. Вначале разговаривали тихо, потом все громче. Но ругались они на своем языке, и только по виду Зейнаб Татьяна пыталась определить, о чем идет речь. А Рафаэль всё больше горячился.

- Ты зачем сюда приехал? Ты там нужен.

- Кому? Когда я пацаном сюда уехал, никому не был нужен. Сейчас понадобился. Баранов пасти?

- А ты не паси. Я заработал.

- То-то и сбежал оттуда. А я не хочу по схронам прятаться. И мстить мне некому. Я двадцать лет с русскими живу. Меня кто обидел? Нет. Так что вы из себя обиженных строите? Что русские в наши сакли лезут? Указывают какому Богу молиться?

- Э-э. Русские никакому не молятся. Бараны. Я хочу, чтобы все аллаху молились, а кто ему не молится, моих баранов пас. И будут пасти. А ты зачем приехал?

- Не понял? Ты меня спрашиваешь? Я домой приехал. Здесь мой дом. А вот тебя я не звал. Ты, когда приехал, я тебя как гостя дорогоого, как брата встретил. А ты? Ты жену мою, ребенка без хлеба оставил.

- Я оставил? Эта овца сама себя оставила.

- А ты на что, брат?
- У меня забот без этой дуры полно. У меня дело движется.
- Да, наслышан про твои дела. Смотри, здесь долго терпят, да больно бывают.
- Кто? Во они у меня где все, – Рафаэль сжал в кулак заросшую до самых пальцев кисть.
- Смотри, меня предупредили. Я тебя. А из дела я выхожу. Так что мою долю верни.
- Долю? Твоя доля на калым ушла. На твою долю свадьбу делали. Нет никакой твоей доли.

- Нет, так нет. Но техника на мне, земля на меня записана, магазин на Светлану. Это ты бабу, дуру, запугал. А меня не испугаешь. Сам придешь, в зубах принесешь.

Рафаэль едва сдерживал себя, понимая, что, как ни крути, а Зуфар прав. Когда начинали дело, всё оформляли на них. Надо вопрос с пропиской решать. Пусть капитан отрабатывает. Довольно жить на птичьих правах: без прописки. Эта дура беременная никуда не денется, без нее пропишут, а потом пусть кудахчет, крыльями машет. Понимая бесполезность спора, решил выйти из него, не роняя своей чести.

- Я на заежку, там заночую. Ты со мной?
- Нет. Мне с тобой не по пути. Здесь в поселке дела есть. Сына надо увидеть, друзей.

- Бараны твои друзья и ты баран.
- Заткнись.

Всё могло бы закончиться дракой, но зашла на кухню Татьяна. Открыла шире форточку.

- Накурили. Всё, хватит, выметайтесь оба.
- Был бы Рафаэль один, он задал бы дурной бабе трепку. Но капитан предупредил его, чтобы разборки устраивал без свидетелей и членовредительства. Сердито глянув на Татьяну, вышел, хлопнув дверью.

- Танюша, пусть Зейнаб переночует у тебя. Ты не против?
- Пусть ночует. А ты что, за Рафаэлем?
- На фиг. К Светлане зайду, хочу с сыном повидаться. Поговорить. Авось, не выгонит.
- Птица-говорун, – рассмеялась Татьяна. – Лети, лети. Светка тебе перышки пообщиплет.

- Да видел я ее. Живой. Сама не возражала, чтобы я вечером к сыну зашел. Пацан уже заждался, наверное.

- Иди, только бутылку не бери. За Зейнаб не беспокойся, не обидим.

О чем и как говорили Светлана с Зуфаром – осталось между ними. Утром, солнышко в окошко, зашел Зуфар и увел Зейнаб. Светка пришла часа через полтора. Вся какая-то, слов не подобрать, да и сама Светлана не могла разобраться, что с ней творится.

- Да пусть живут. Рустаму отец нужен. А тут я еще... – Светка устало махнула рукой. – Спасибо, тебе Татьяна, хоть ты меня понимала. Зейнаб? Она мне в рот смотрит, только в ноги не кланяется. Дите еще.

- Ой, Светка, будешь ты старшей женой. Плачет по тебе паранджа.

- Во, фиг им, а не паранджа. Женой буду. Старшей, первой, второй? У нашего козла порой одна жена и три любовницы. Что лучше?

- Не знаю. На мой характер – или я или никого.

- А Рафаэль? Он же женат.

- А что Рафаэль? Я за него замуж не собираюсь. Ребенка сама выращу. Старики еще крепкие, помогут. Я ему и фамилию дедову дам, и отчество.

- Молодец ты, Танька. Отчаянная. А я так не смогла бы. Побегу, а то потеряют.

- Беги, беги. Со свечкой постой, чтобы всё путем было.

- Язва ты, Танька.

- Да не обижайся. Я же шутя, любя, – приобняла Татьяна подружку. – Я рада, что у вас мир. А как вы поладите, мое ли дело. Иди, а я прилягу. Устала что-то.

...

На Восьмое марта Татьяна сделала себе подарок. Родила легко, хлопот акушерке почти не доставила.

- Шустрый он у тебя. Едва успела поймать, – шутила та, показывая ребенка утомленной, но счастливой матери. – Белобрызгий. Назвали-то как?

- Да в честь деда и мужа покойного – Сергеем. Сергей Сергеевич будет.

За окном прыгала, кричала Маша.

- Мама, мама!

Рядом с ней стояли Зуфар и Светлана. Увидев стоящую у окна Татьяну, приветственно замахали руками. Спрашивали, как она себя чувствует, как ребенок, что принести. По ее губам пытались угадать ответы. Татьяна улыбалась им, хотя стоять было тяжело. Показала жестом, что напишет записку, и поспешила лечь, не хотелось портить хорошее настроение нагоняя от дежурной медсестры. Няня принесла передачу. Больше всего Татьяна обрадовалась трехлитровой банке брусличного морса. Рафаэль появился только на следующий день. Вставать, подходить к окну она не стала. Написала записку, что всё есть, ничего не надо, спасибо за заботу. Даже подписываться не стала. Маша решила по совету матери пожить эти дни у деда с бабкой. Каникулы, и не из поселка же каждый день к маме в роддом ездить. В записках Маша писала, что уже мечтает поносить маленького на руках, понянчить. Забирали ее из роддома веселой компанией на двух машинах. В старенькие Жигули уселись: бабушка, Светлана, Зейнаб и Рустам. Татьяну с Серёжей на руках, Машу и Рустама вез его друг на новенькой Хонде. Машина шла мягко. Ребенок спал, Маша тоже прикорнула, прижавшись к плечу матери. С другой стороны ее щеку грело ласковое мартовское солнышко, ее розовеющую щеку, ее улыбку Татьяна видела в зеркале. На сердце матери спокойно, когда дети улыбаются во сне.

...

В это же время, Рафаэль ехал разбитой проселочной дорогой. Его, сына гор, бескрайняя заснеженная Даурская степь раздражала. Не за что глазу зацепиться. Серая полоса дороги, убегающая за горизонт, белый сверкающий снег, синее небо с сияющим солнцем. Глаза резало от такой красоты. Рафаэль щурился. Ругал себя, что не догадался прихватить солнцезащитные очки. Убаюкивающе гудел движок. Поездка удалась. Конфискат удалось купить за копейки, не подвели и поставщики сена. Пока дороги развезет, можно успеть еще пару раз обернуться. Каждая поездка приносила хорошую прибыль. Плохо одно – ездить приходится самому. Никому другому ни спирт, ни травку не отдаут. Осторожничают люди. А кто не рискует, тот пряники не ест. Проселок выскочил на трассу. Встречные с тусклой горящей

ми в свете солнца фарами, изредка обгонит легковая иномарка. И только черная лента на белоснежном поле. На горизонте стелется над степью дым. Зачернели постройки. У заправки небольшая очередь. Отъехал автобус, кашлянув черным клубом солярки. Заправлять полный бак Рафаэль не стал, плеснул литров пять, чтобы доехать до райцентра с запасом. Здешняя заправка не славилась качественным топливом, а куда денешься.

Столики в кафе были все заняты пассажирами автобуса, Как завсегдатай Рафаэль прошел направо, где отделенные от общего зала занавеской стояли два столика для шоферов. Кафе держали буряты. Славилось оно мантами и позами. Мясо хозяева не жалели, лепили их по-домашнему, с душой. Звучала негромкая музыка, легкие шторы на окнах, уют тянули отдохнуть.

- Мне, как всегда, себе шоколадку.

Улыбчивая буряточка, принявшая заказ у сидящих за столиком, согласно кивнула ему головой. Этот черноглазый усатый, носатый джигит всегда дарил ей шоколадку. Она уже привыкла к нему и к шоколадке как к чему-то должностному.

Повесив на вешалку куртку, Рафаэль по-хозяйски уселся на единственный свободный стул у столика.

- Шляпу сними.

Рыжий, ожидавший заказа водитель автобуса, положив обе руки на стол и откинувшись на спинку стула, спокойно смотрел на Рафаэля.

- Что?

- Шапку сними, когда за стол садишься.

- Мы не снимаем. Мы в шапке везде, и за столом, и в мечети.

- Ты в свою мечеть можешь и лапти снять, и портки скинуть. А у нас в храме и за столом с непокрытой головой должно быть. Ты за мой стол садишься – шапку долой. Я за твой буду садиться, ты хозяин, как скажешь, так и сяду, хоть по-бурятски, ноги кренделем. А здесь я хозяин. Шапку снимай.

- Баран ты, а не хозяин!

Злость, что копилась в Рафаэле после приезда Зуфара, спутавшего его планы. Злость на Татьяну, которая заявила, что он к рождению ребенка никакого отношения не имеет. Ребенок, как ему сказали, действительно родился белобрысым и светлогла-

zym, совсем не похожим на джигита. Капитан сказал, что с пропиской в Татьяниной квартире ничего не выйдет, так как от нее поступило заявление на имя начальника райотдела, и тот отдал приказание участковому разобраться и выселить оккупанта из квартиры истца.

- Бараны!

Больше сказать он ничего не успел. Сидевший справа сдернул шапку с его головы и бросил ее под вешалку, в угол, где стояла мусорная корзина.

- Собака!

Рафаэль вскочил и резко, без замаха ударил в висок сорвавшего с него шапку. Но рука провалилась в пустоту. И в туже минуту он пропустил удар в подреберье. Блокировав следующий удар, он попал ногой в пах нападающему, но и сам получил хороший хук, сбивший его с ног. Сверху упала сорванная занавеска.

- Достаточно?

Рыжий, заслоняя свет из окна, смотрел на него так же спокойно, как и давеча за столом. Рука сама нащупал нож. Поднимаясь, он скомкал занавеску и неожиданно бросил ее в лицо рыжему и сразу же нанес удар ножом. Но тот, кого он решил зарезать, как барана, видимо, прошел ту же школу, только по другую сторону «зеленки», нож встретил пустоту. Рафаэль успел отскочить от захвата в глубь зала. Молоденький курсант милицейской школы решил вмешаться. Молниеносный секущий удар рассек на его груди тужурку, брызнула кровь. Рафаэль ушел в сторону и не успел. Кто-то ударил его сзади по голове пивной бутылкой, он повернулся, но рука уже попала в клещи рыжего. Резкая боль заставила кисть разжаться, нож зазвенел по кафельной плитке пола. А удары посыпались с нескольких сторон. Били Рафаэля старательно. Накопилось у народа.

К приезду ДПС Рафаэль лежал у стеночки и не пытался подняться. Кафе опустело. Перевязанный курсант, которому только рассекло мясо на груди, матерясь сквозь зубы, курил сидя за столиком. Хозяин кафе сам принес ему пепельницу. Приехавшие одновременно занялись каждый своим делом. Фельдшер осмотрела курсанта, а старший лейтенант занялся составлением протокола. А что его составлять? Пострадавший больше всех, больше

всех и виновен. Не хватался бы за нож, выбили бы зуб, кровянку из носа пустили бы, на том и успокоились бы. Кабы во рту росли грибы... А здесь вооруженное сопротивление представителю власти. Пакуй его, ребята! При осмотре «Газели» был обнаружен контрабандный китайский спирт в целлофановых пакетах и мешок сухой травы, по виду конопли. Пакуй по полной!

Вечером в новостях сообщили об инциденте без подробностей. Следствие ведется. Обыски были проведены на следующий день в квартире Татьяны, заejкке и магазине. К конопле и спирту добавилась литература вахабитского содержания. Зуфар отдался легко благодаря тому, что сохранил проездные билеты, и после приезда его никто ни в магазине, ни на заejкке не видел. Потрепали следователи нервы и Татьяне. Да Бог с ними, такая у них работа. Плохо одно, ребенок после допросов как призывал, молоко горчило. Да ничего, от горчинки репка крепка, не на золоте, в земле растет. Земля любит пот. Без горчинки да без соли, что не вырасти, вкус не тот.

Татьяна с Серёжкой на руках стоит у окна, смотрит, как, перепрыгивая через ручьи, спешит домой со школы Маша. Выросла. На днях, будучи со Светланой у нее в гостях, поцеловав кончики пальцев, Зуфар, причмокнув, сказал: «Персик девочка растет!» Ох, и разозлилась тогда Татьяна. Хлестанула по спине полотенцем, была бы в руках сковородка, ей бы ему прическу поправила.

- Я тебе дам персик. Ишь, привыкли, абрикосы-персики. Репченко она. Репка. И не по вашим зубам. За бульбаша, за буряка замуж выдам, пусть картошку с мясом ест, но урюк в доме не потерплю.

- Да ты чо, ты чо, – прикрыв руками, втянул в плечи голову Зуфар. – Я же так. По-свойски. Прости.

Машутка, увидев в окне маму с братиком, приветственно помахала рукой.

- Вот и нянька твоя бежит. Пойдем, суп поставим греть. Чай голодная. А ты полежи.

Сережка зачмокал губами. Загугукал во сне, соглашаясь с мамой. Репка.

Гордость

Загуляла весна. Загуляла, как непутевая мамаша, забыв про чад своих, про свои обязанности. Словно сдуло ее северным ветром, что гремит жестяным подоконником за окном. Но солнце берет свое, блестит – глазам больно – стылым настом. Заглядывает в окна. На улице холодно, в палате жарко. Высокий, сохранивший осанку пожилой человек смотрит на больничный двор. Ярится солнце на просторном пустом больничном дворе, от пронзительного холодного ветра, раскачивающего верхушки лиственниц, даже воробы попрятались по затишкам.

Болеть Виталий Алексеевич не умел и не любил. Всю жизнь был здоровым, но годы берут свое. Он не сдается, не сутулился. Не горбится под грузом лет, не плачет на болячки. Шутит: «Если после семидесяти утром проснулся – ничего не болит, значит – ты умер». Не болел, не болел, а ныне свалился. В прямом смысле этого слова. Вышел утром во двор взять несколько полешек, чтобы протопить остывшую за ночь избу. Взял в охапку, уронил, с ними рядом и лег. На счастье, соседка увидела. Вызвала «скорую помощь», а сам Виталий Александрович пришел в себя только на вторые сутки на больничной койке. За без малого месяц палата стала казаться ему тюремной камерой.

Нет, его не обижали. Наоборот, относились, как к родному. А как же иначе? Ведь даже санитарка баба Маша и та была его ученицей. Отличными оценками по физике она не блистала, сидела на уроках затаившись, как мышка. И сейчас робела перед Виталием Алексеевичем. Врач Юрий Кириллович, наоборот, был отличником. Старого учителя любил и уважал. Впрочем, любил он всех больных, называя их, независимо от возраста, «батюшками» или «матушками». Только к учителю обращался по старой привычке по имени-отчеству.

- Не приехали? Не переживайте, Виталий Алексеевич. Приедут.

- Сегодня нет. Не приедут. Дочь отозвонилась. Комиссия у них. Весенний осмотр.

Дочерью Виталий Алексеевич гордился. Умница. Закончила институт. Сейчас начальник узловой станции. Работа ответственная. Расстояние между поселком и райцентром сорок километров, но станционное хозяйство – не корова с курами, тех не бросишь без приглядя, а уж станцию и подавно. Редко, очень редко бывает она у отца. Раньше хоть внучку Оленьку привозила на лето, а ноне внучка сама мамой стала. Правнука Виталий Алексеевич еще не видел, да Бог даст, по лету съездит, проведает.

- Не расстраивайтесь. Пойдемте в палату, посмотрю вас. Давление поменяю.

- А что его, Юрий, мерить? Нормальное. Я не расстраиваюсь. Загостился у вас, домой хочется.

- Лишнее не будет. Вот выписал вас, а сердце у меня не на месте. Еще бы недельку полежали, понаблюдались.

- Нет, Юрий Кириллович, увольте. А понаблюдаться, я уж лучше с палочкой, в назначенный час, в назначенное время сам к вам пожалую.

- Уговорили, уговорили, Виталий Алексеевич. Но извините, одного я вас при всем уважении не отпущу. Не положено.

- А я и не спорю. Поэтому и болеть не люблю. Только попади в лапы к эскулапам – живым не выпустите. Шучу, шучу Юрий Кириллович.

- Понимаю.

...

Галина Витальевна привыкла все вопросы решать по телефону. Голос у нее был командирский, хорошо поставленный, напористости хватало, а главное, не надо собеседнику в глаза смотреть.

- Вы думаете что-нибудь для пожилого человека делать? Заслуженный учитель, а вы видели, в каких условиях он живет?

- Представьтесь. И о каком пожилом человеке идет речь?

Глава совета тоже была закаленным воином на ниве телефонных сражений с инстанциями разных уровней: от прокуратуры до обычных телефонных террористов.

- Я Вас слушаю, – вежливость, даже если не ведут запись разговора, еще никому не навредила. – Внимательно слушаю.

- Я, Бядищева, – сбавила тон Галина Витальевна. – Начальник станции. А речь о моем отце. Иванове Виталии Алексеевиче. Вам он известен.

- Известен, я училась у него. Так что с ним?

- В больнице он.

- Хорошо. Хотя что тут хорошего? Что от нас требуется?

Его не лечат? Или нужны какие-то особые лекарства?

- Нет. Его уже выписывают. Спасибо врачам.

- Хорошо. Тогда в чем дело?

- В чем? – в возмущенном голосе Галины Витальевны зазвучали нотки справедливого гнева. – Вы видели, в каких условиях он живет? Человек так жить не может.

- Извините, Галина Витальевна, – перебила ее глава совета.

– Вы напомните мне, пожалуйста, когда вы обращались в поссовет, в администрацию по этому поводу?

- Я сейчас обращаюсь. И вообще, есть программа ветхого жилья. На нее тратятся государственные деньги. А старики живут хуже скотины. Вы...

- Мы... Лично я разберусь с этим вопросом. Вы не могли бы перезвонить завтра. Где-то после обеда.

- Завтра. Вы всегда завтраками кормите. А сейчас куда прикажете его девать?

- Приказывать вам не могу. Это как совесть велит. А я могу его к себе взять. Думаю, муж возражать не будет.

- Издеваетесь. Это несерьезно.

Что-то еще неразборчивое оборвали телефонные гудки.

Не прошло десяти минут, как руководитель администрации Сомова зашла в ее кабинет.

- Татьяна, тебе Бядищева звонила?

- Звонила.

О-о-х, – перевела дух Сомова. – Душу вымотала.

- Так что она от тебя хотела?

- Что, что? Вот выложи квартиру старику. Хоть свою отдавай!

Сомова была приезжая. Училась в городе. А так как Иванов не числился в числе ветеранов – участников Великой Отечественной, жил скромно, то о нем она слыхом не слыхивала.

- Ирина, у тебя машина свободная? Берем зама и поехали, посмотрим, что там за дом такой.

Дом на первый взгляд производил хорошее впечатление. Сложенный из лиственницы, казалось, простоял еще сто лет. Конечно, летом в окружении кустов черемухи он бы выглядел веселее. Но и сейчас посреди аккуратно убранного двора не выглядел дряхлым. Ключи нашлись у соседки. С трудом открыли дверь, дом гуляет, и ее заклинило в колоде. Прохладно. Что в доме, что на улице одинаково.

- Я топила дня два назад. Каждый день не набегаешься. Чай не девочка, – оправдывалась соседка, хотя никто ее ни в чем не обвинял. В доме чисто. Обстановка: мебель, старенький ламповый телевизор, радиола «Урал», электропечь «Лысьва», всё напоминало забытые годы. Всё стоит строго, на раз и навсегда отведенных местах. Всё аккуратно, и только в дальней выбеленной комнате темнел сырость угол. Большая трещина с осыпавшейся штукатуркой пролегла между потолком и стеной, в ее глуби поблескивал лед. Обойдя дом, увидели, что его нижние венцы изгнили, стена просела, наклонилась, еще немного, и упадет часть крыши. Довели дом. Впрочем, заменить венцы, перекрыть крышу, и прослужит он еще не один десяток лет.

Дом на балансе не числился. Давно, еще при ликвидации поселка геологов перешел в частную собственность. Решение простого вопроса не было таким уж простым. Из мизерного бюджета поселка денег не выкроишь, а выкроишь, достанется за нецелевое расходование средств. Однако помочь уважаемому человеку надо. Как? Посовещались, посовещались и отложили до завтра. Утро вечера мудренее.

Ирина отправилась домой, вернее, в садик за ребенком. Татьяна, зайдя в «Лакомку», прикупив пострипушек к чаю, пошла в больницу. Юрий Кириллович сам сходил за учителем. Накрыли столик в ординаторской. Воспоминаний хватило на вечер. Юрий Кириллович и Татьяна Владимировна учились в параллельных классах и были благодарны за возможность хотя бы в памяти вернуться в юность. В то время, когда он был вихрастым Юркой, а она голенастой Танькой. Глядя

на них, помолодел, повеселел и старый учитель. Исподволь, чтобы не обидеть, Татьяна Владимировна расспрашивала его про нынешнее житие-бытие, о бедах и нуждах. На жизнь Виталий Алексеевич не жаловался. Пролетела она – не заметил, три года, как овдовел. Радость в детях. С гордостью рассказывал про внучку, которая по стопам мамы окончила железнодорожный институт, вышла замуж удачно. Молодые, а в райцентре трехкомнатную квартиру купили, сына, его правнука, нянчит. В честь прадеда Виталием назвала. Про своих детей рассказали и Юрий Кириллович, и Татьяна Владимировна. Посетовали, что молодежь ныне не та, школа, учителя не те. Сошлись на том, что всё равно дети хорошие – время другое. Под конец Татьяна завела речь о доме:

- Виталий Алексеевич, ездили сегодня по поселку, заехали к вам. Дом-то ваш скоро набок упадет. Вам надо написать заявление, чтобы его поставили на учет как аварийное жилье. Проведем комиссию, а там решим. Толи отремонтировать его, или вас поставят в очередь на получение жилья.

- Спасибо, Татьяна, да куда уж мне выделять жилье? Скоро постоянную прописку на выселках получу. Молодым жилье выделяйте. А дом крепкий, не завалится. Сколько там мне осталось, на мой век его хватит. Порядок такой.

- Заявление вы всё равно напишите.

- Хорошо, хорошо. Напишу, – Виталий Алексеевич сразу засобирался, встал. – Вы уж, молодежь, сидите. А я пойду. Не буду, Юрий Кириллович, нарушать больничный режим. Сестричка потеряет.

- Не потеряет. Я вам ничего не прописывал. Числитесь вы среди здоровых.

- Нет, нет. Пойду я. Вроде не дрова колол, чай пил, а приустал. Пойду. Прилягу.

- Я вас провожу.

- Спасибо, Юрий Кириллович, палату уж как-нибудь сам найду. До свиданья, Танечка.

- Как он? – обратилась Татьяна к врачу, когда в коридоре стихли шаги Виталия Алексеевича.

- Как? От старости лекарств нет. Для своего возраста нормально. Восемьдесят – это не мало.

- А с чем его положили в больницу?
- Обычная простуда. Дала осложнение на сердце. Вовремя доставили.
- Когда выписываете?
- Я его и сегодня выписал бы, да никто из родных не приехал. А он хотя бы на время нуждается в уходе. Тяжелого нельзя. Да и вообще многоного нельзя.
- Ну ясно, Юра. Пойду и я, а то мой меня из дому выгонит.
- Спасибо, Татьяна. Хорошо посидели. Я сам приберу, – остановил он Татьяну, когда она стала собирать со стола чашки. – У меня вся ночь впереди. Пойдем, провожу, да покурю на свежем воздухе.
- Ты куришь?
- И курю, и выпиваю, и за девушками ухаживаю. Но не на работе. В заведениях здравоохранения курение строжайше запрещено. А я добрый, но строгий.
- Знаю. Девчата жалуются друг другу.
- Я не требую от медперсонала больше, чем положено.
- Ох, Юра, как с тобой Лариска живет?
- Вот так и мучается. Ты лучше скажи, зачем заходила. Ты же и в девках ничего просто так не делала. Неужели забота о старице одолела или решила больницу проверить?
- Угадал. Дочка его звонила. Бядищева. Говорит, что совсем старика заморили, залечили. Сгустив, перевела стрелки Татьяна.
- Юрий, поперхнувшись дымом, промычал что-то неразборчивое.
- Что, что? – переспросила Татьяна.
- Ууу, в зобу дыханье сперло. Дочку его я смутно помню. Постарше она была, а с мужем ее знаком. Проверку у нас проводил по липовым больничным.
- Ну и что?
- Что, что? Козел. Одной буквы в фамилии не хватает.
- Какой?
- Не скажу. Не гоже материться у храма здоровья. Всё компромат вынюхивал на главного. Мишин как раз с районкой поругался, так Б'ядищев... – пропустив одну букву, запнувшись, Юрий Кириллович закончил. – Выслуживался перед начальством.

- Ну и что, накопал?

- Кого там. Был один засланец от него, больничный клянчил. Пообещали аппендицит без наркоза вырезать, отстал. У нас всё в рамках закона. Но ты поосторожнее с ним. Законник хренов. Не укусит, но обгадить может.

- Ясно. Благодарю за информацию. Ну, спокойной ночи!

Пошла я.

- К черту.

- Спасибо. Не сглажу, я добрая.

По дороге домой, дома, с утра на работе Татьяну не оставляла мысль, как помочь Виталию Алексеевичу. Прокрутила в уме все возможные варианты. Галина Витальевна позвонила как раз в тот момент, когда Татьяна накинула пальто, собираясь на обед. У самой он, видать, закончился. Талант у человека – делать пакости. Хотя она, как и прошлый раз, не представилась, гадать, кто звонит, не приходилось.

- И что вы решили?

- Что решили? И с кем я говорю? – овечкой прикинулась Татьяна Владимировна.

- Бядищева. Что решили по Иванову?

- А Б... – запнулась после первой буквы, как и вчера Юрий Кириллович, Татьяна. – ядищева. Ничего не решили. Варианты есть. Надо обсудить.

- Какие варианты?! Вы обязаны предоставить ему жилье.

- На каком основании? И вообще, это не телефонный разговор. Приезжайте, обсудим.

- Некогда мне ездить и обсуждать. В отличие от вас...

Татьяна положила трубку городского телефона и поспешила выйти из кабинета. Она успела свернуть на лестницу, когда телефон снова зашелся в пронзительном звоне. «Фигушки, обедаю я» – позлорадствовала Татьяна, хотя аппетит уже был испорчен.

Спустя час она позвонила в больницу и попросила Юрия Кирилловича предупредить ее, когда будут выписывать учителя.

- Юрочка, солнышко, обязательно. По сотовому, по любому. Только найди меня.

- Найду. А то самому от тебя прятаться придется.

Позвонил он только на следующий день.

- Б`ядищевы сегодня прибудут за отцом. После обеда, точнее сказать не могу, но я его уже выписал.

- Спасибо, Юрий Кириллович. Я договорюсь с сестричками.

От больницы до поссовета пешком три минуты, но Татьяна Владимировна взяла машину, чтобы сразу съездить домой к Виталию Алексеевичу. С больничного двора так и выехали на двух машинах. Хотели или нет, ее пригласили в дом. Составили акт о аварийном состоянии дома.

- Рассмотрим возможность ремонта, но в этом году не обещаю. Бюджет уже распределен, и вряд ли с него хотя бы тысячу возьмешь.

- Но вы же видите, жить здесь невозможно!

- Так возьмите его на время к себе, тем более, за ним требуется уход.

- Куда? Вы видели в пятаках двухкомнатные квартиры. Хрущевки. У вас туалет больше, чем у нас кухня.

- Но у вас, у дочери трехкомнатная квартира улучшенной планировки.

- Куда? Там грудной ребенок!

- Ну, насколько я знаю, Виталий Алексеевич младенцами не питается.

- Вы обязаны предоставить ему жилье.

- На каком основании? Он даже в очереди на улучшение жилищных условий не стоял. Решим с депутатами. Поставим его в очередь, но строительства жилья у нас нет.

- Это ваши проблемы. Стройте.

Галина Витальевна – худощавая, хорошо ухоженная женщина стояла, возвышаясь над столом, положив на столешницу руку с избыtkом кольца, что несколько не вязалось со строгой железнодорожной формой. Муж, сидевший с торца стола, в разговоре участия не принимал, но по тому, как поглядывала на него жена, чувствовалось, что всё у них было обговорено заранее, и пока благоверная из роли не выходила.

- Построим, предоставим. Сейчас поможем материалами для ремонта дома.

- Кто его будет делать? У нас с мужем ответственная работа.

- Хорошо. Пока как вариант – во временно пустующую квартиру. Есть у нас в фонде закрепленная за детдомовцем. Он только через год ее займет.

- А документы какие на нее? – вмешался Бядищев. Такого варианта они не предвидели.

- Вам – никаких. Во временное пользование, даже без прописки. Под ответственность администрации.

- Нам такой вариант не подходит.

- Других нет. Пока закрепим за Виталием Алексеевичем социального работника. Только надо будет оплатить четыреста рублей в месяц.

- Не надо мне никакого работника. Сам справляюсь.

Виталий Алексеевич сразу соизмерил сумму со своей пенсий. Четыреста рублей. Да он на них неделю жить будет.

- Не надо, Татьяна. Спасибо, – постарался смягчить первоначальный отказ.

- Не надо, так не надо. До свидания. Социальная комиссия у нас через неделю. Результаты я вам сообщу. Но варианты вам известны. До свидания!

Проводить ее вышел только хозяин. У калитки еще раз поблагодарил и стоял, пока она не свернула в проулок.

Бядищев, заложив большие пальцы рук за брючной ремень, поддерживающий живот, расхаживал по кухне.

- Всё равно я с них квартиру выдавлю. Сейчас новая программа вступает в действие – «Дети войны». Подведу под нее, но выбью. А этой устрою проверки. Мало не покажется.

Галина Витальевна, сердито поджав губы, накрывала на стол.

Поедят – долго не сидят. Еще засветло, сославшись на дела, уехали дочка с зятем. Виталий Алексеевич сидел за столом. Гудела печка, опять ветер на дворе. Но из комнаты, в которой когда-то стояла детская кроватка Галины, из которой она, кажется, совсем недавно вылетела в свою взрослую жизнь, не тянуло холодом. Заботливый зять забил дверной проем старым ковром, надежно прихватив его к косякам. Главное, чтобы не дуло. Виталий Алексеевич сидел за столом. Перед ним была фотография, которую так любила покойная супруга. Она выносила ее к подругам, сидящим на лавочке у дома. В который раз рассказывала,

что зять у нее работает в прокуратуре, а на дочке форма железнодорожника, а вот это чудо с синими бантиками и голубыми глазами – ее внучка Олеся. Любил, гордился этой фотографией и Валентин Алексеевич. Любил смотреть на нее зимними вечерами. А вот фотографии правнука нет.

От печки веяло теплом. На дворе разгулялась метель. Заметала следы уехавших машин. Он скоро растает, пусть начало апреля – не май месяц, но весна витает неосязаемо, как предчувствие любви. Но в отличие от нее, весна придет в свой срок. Ручьи смоют следы. Растают, исчезнут со временем и наши следы, наша влюбленность, наша Любовь. Что останется? Фотографии? Кто будет гордиться ими? Согреют они чью-либо душу или пойдут в печь на растопку, где сгорят в пепел разноцветным пламенем?

Предзимье

Вжик... Вжик... Вжик... Мерно шоркает метла по асфальту. Веники Семёныч вязал лично. Те, что привозили из ЖКХ, годились только на растопку, а в центре города, в благоустроенной квартире топить нечего. Куда девало свои метлы ЖКХ, Семёныча не интересовало. С заготовки метел для него наступала весна. Березовая, отполированная до блеска руками палка удобно лежала в отполировавших ее ладонях. Весенний ерник веника не ломался, не крошился по асфальту. Мягко. Вжик... Вжик... Сметается к бордюру сор. Сколько лет он уже машет летом метлой, зимой лопатой? Почитай двадцать. Нет, двадцать один. Двадцать сегодня Светлане. Светланка. Мысль о ней солнечным лучиком собрала морщинки на лице Семёныча в улыбку. Эти морщинки не старили, а наоборот, делали его моложе. Светланка.

Вжик... Вжик... Вжик... Солнце во двор. Заглянуло в окна верхнего, третьего этажа. Скакнуло зайчиками по черному, влажному от росы асфальту. Нырнуло, затаилось в верхушках деревьев. Ждет, когда проснутся люди, выйдут на улицу, и тогда солнце обрушится на них полуденным июльским зноем. А пока оно по-матерински ласково. Светлое утро. Светлым обещает быть и день. Светланка.

Мысли прервал вышедший из подъезда мужчина.

- Доброе утро, Иван Семёнович!

- Доброе утро, Юра. Доброе!

- Трудитесь?

- А як же. А ты спозаранку куда?

- В субботу одна дорога – на дачу. По холодку, да пока ГАИ спит.

Тихо заработал мотор машины. Чувствуется, что хозяин любит и холит ее. Из салона едва слышно доносится песня: «Одинокий мужичок за пятьдесят, неухоженный...»

- Доброе утро, Иван Семёнович!

- И тебе доброе, Танюша!

Татьяну, жену Юрия, он тоже учил, учил и их старшего сына Александра. Младший у них в пятый класс перешел как раз тогда, когда Иван Семёнович ушел на пенсию. Ученики его выросли,

кто-то как был, так и остался лоботрясом, кто-то выбился в люди, но он, как и прежде, ко всем своим ученикам обращался на «ты».

Вжик... Вжик... Вдоль бордюра. Вжик.., Вжик... – и мусор в кучке. Последняя кучка загружена в тачку. Не так уж и много собралось со всего двора. Полтачки.

Семёныч любил и дорожил этими минутами. Работа закончена, можно спокойно посидеть на заветной лавочке в глубине двора под старым дубом. Покурить. Дома не столько жена, сколько Светланка за каждую сигарету шею мылит. Так он и не злоупотребляет. Три-четыре сигареты в день. С утра, после обеда, перед сном.

Играет солнышко. Роса высохла. Посветлел асфальт. В небе ни облачка. А Семёныч вспомнил ту далекую осень.

Бывает такая пора, которой и звери не радуются. Осень кончилась, а зима не наступила. Предзимье. Иван Семёнович ушел на пенсию. И застыл, как тот дуб в преддверии зимы. Листва похлестала, а облетьать не хочет. А лета не вернешь. Ни лета, ни лета. Овдовел Иван Семёнович годков пять назад. Младший только школу закончил. А ныне отцом стал. Засиделся дед у внука на крестинах. Виктор порывался проводить отца, но Иван Семёнович, видя, как мечутся в глазах невестки тихие, неявные блики беспокойства, от сопровождения и от такси отказался.

- Не барин, на троллейбусе доберусь. И сам не шикарничай. «Наши люди на такси в булочную не ездят».

От остановки до дома пять минут ходу. Вот только ночь промозглая. Сеет сито дождя свет фонарей. По широкому бульвару гуляет ветер, качая голые ветви деревьев, покрывая рябью лужи. Ярко светятся витрины магазинов, сверкают, не радуя, радуги вывесок, черны окна квартир, только кое-где мерцает голубым, люди в тепле и уюте смотрят телевизор. На перекрестке светофор мигает желтым глазом. На лавочке полу-скрытой голыми прутьями развесистой ивы съеженная фигурка. Летом ива давала укромный уголок в центре города влюбленным парам, прятала их счастье от завистливых глаз, а сейчас она не в силах спрятать чужую беду, горе. Чужая беда, а мимо не пройдешь. Девчушка. В короткой юбочке, легкой курточке ветровке, волосы мокрыми прядями, на плечи, на руки,

закрывающие лицо. Иван Семёнович присел перед ней на корточки, Тронул за рукав.

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Попытался заглянуть в лицо. Но девушка согнулась еще больше, почти уткнулась головой в колени. И только пробегающая изредка дрожь по напряженной спине, да редкие всхлипы говорили сами за себя. Здесь уж не до шуток.

- Вставай. Вставай, милая. Эк, что удумала. Вставай. Пойдем.

На миг приподняла голову. Оторвала руки от лица. Ответила зло и в тоже время как-то растерянно:

- Куда? Мне некуда. Некуда идти.

- Куда-нибудь и пойдем. Вокзал рядом, правда, ко мне ближе. Обогреешься. А утро вечера мудренее, в крайнем случае, ночи теплее. Вставай.

Взял за локти, легко поставил на ноги.

- Пойдем.

Она покорно шла рядом с ним. Безразлично ступая в легких, отнюдь не осенних туфельках в лужи, вся сжавшись от ветра, гнавшего стылую предзимнюю морось, которая к утру может стать порошою на первом, тонком ледке.

Придя домой, ни расспрашивать, ни знакомиться Иван Семёнович с девушкой не стал. Молча напоил на кухне горячим чаем. Проводил в комнату сыновей.

- Устраивайся. Белье в шкафу, плед на кресле. Туалет, ванная по коридору на кухню. Спокойной ночи!

Из своей комнаты слышал, как шумела вода в бачке унитаза, потом в раковине в ванной. Но передвигалась девушка бесшумно. Не скрипнула ни одна половица старого деревянного пола. Не слышно было, как открывались и закрывались двери. А он ведь толком даже не рассмотрел девчушку и имя не спросил. Неудобно было пялиться, и сейчас он даже не мог вспомнить черты ее лица. А впрочем, утром мудренее.

Утром девушка встретила его сидящей на кухне.

- Спасибо, вам. Я пойду.

- Пойдешь, пойдешь. Держать силком никто не будет. Но, во-первых, доброе утро! А во-вторых, надо бы и позавтракать. Ставь чайник, а я пока умоюсь. В холодильнике колбаса, яйца. Можешь приготовить яичницу.

Наверное, любая женщина осваивается в незнакомой обстановке быстрее всего на кухне. Впрочем, как и любой человек, который занимается хорошо известным ему делом. Иван Семёнович вышел из ванной чисто выбритый, в свежей рубашке и в хорошем настроении. За окном стояла серая муть и, несмотря на то что уже наступил по всем понятиям день (одиннадцать часов никак не утро), свет на кухне горел. На столе в сковородке вздрагивала краешками белка, дозревая, глазунья, в ней румянились кусочки колбасы. Выглядело вполне аппетитно.

- Наверное, познакомимся. Ты извини, что на «ты». Иван Семёнович. Вчера говорил, но не знаю, запомнила или нет. Учитель. Бывший. Сейчас на пенсии.

- Елена, – потом поправилась. – Лена. Можно Алёна. Была студентка, – пожала плечами. – А сейчас не знаю кто.

- Так не бывает. Хотя в жизни всё возможно. Ты ешь и по-тихоньку рассказывай.

От вчерашней прдорогшой и насквозь пропитанной дождем и бедой девушки мало что осталось. Невысокого роста? Да. Но не хрупкая барыняка. Хорошо скроена, ладно сшита. И говорок деревенский, не бойкий, а немного протяжный, с непривычным городскому уху аканьем.

Дело по нынешним временам житейское. Хочешь учиться. Пожалуйста. Подал документы, заплатил в кассу за подготовительные курсы, за первый семестр, А собеседование вместо экзаменов заключается в том, что тебе объяснят расценки за сдачу, пересдачу, проживание в общежитие и прочие сборы и платежи. Первый курс Алёна закончила успешно, обещали перевести на бюджетную основу. На это и понадеялась. Летом подработала, но не ходить же в колледж в фуфайке. Отца нет, а мать пьет. Оттого отца и нет. Вернее, слишком много их, всех и не упомнишь. Четверо детей в семье, а отчества у всех разные. Братья в отцов пошли, живут своей жизнью. Только ей такой жизни не надо. Поэтому и учиться поступила. И училась бы, а тут ей заявили, что бюджетные места сократили, и она теперь обучаться будет на платной основе. Вот только сократили как-то странно, не в начале учебного года, а через два месяца, за которые ей даже стипендию выплатили. Так этой стипендии, чтобы платить за обучение, и на две недели не хватит. Отчислили и из общежития

выселили. Собралась домой, а вчера на вокзале сумку украли. А там всё: и документы, и остатки стипендии.

- Хоть вешайся.

- Ну, с этим делом не торопись. Да и грех это великий. Билет тебе, чай, не до Москвы. Надо будет, одолжу. Но это не выход для тебя. Уедешь – как потом документы восстановишь? В деревне-то и отделения милиции наверняка нет.

- Нет. Участковый из райцентра раз в месяц появляется.

- Вот и я об этом. Допивай чай и пойдем мы с тобой, доченька, в милицию – заявление писать.

- Какая я вам доченька. Вы же...

- Не обижайся, – не дал ей договорить Иван Семёнович. – К слову пришлось. Собирайтесь, Елена... Как вас там по батюшке?

- Сергеевна. Но лучше без отчества. Не привычна.

- Как будет угодно.

Заявление в отделении милиции приняли, но обещать возврата украденных вещей и документов не стали. Раньше документы подбрасывали, а ныне каждая бумажка в цене.

- У вас что, совсем ничего не осталось? Всё в одну корзинку сложили?

- Какую корзинку, сумка у меня была.

- Да это к тому, что все яйца в одну корзинку не кладут.

- А я и не клала. Еще большая сумка в камере хранения. Но квитанцию украли, а без паспорта со мной даже разговаривать не стали.

- Это и хорошо. А то ведь любой может сказать, что это его вещи.

При помощи дежурного старлея произвели изъятие из камеры хранения сумки Елены. Как она носила ее одна, для Ивана Семёновича так и осталось тайной. Но в необъятном бауле, вроде тех, с которыми ездят членки, было всё. От подушки и тапочек до двухлитровой эмалированной кружки и чугунной сковородки. Отдельно был завернут в целлофан фотоальбом. В нем были не только фотографии, но в отдельном пакете студенческая книжка с зачеткой и какие-то квитанции.

- Ну вот, гражданка Савченко Елена Сергеевна, у вас на руках есть документ, удостоверяющий вашу личность. Укажем в вашем заявлении номер вашего студенческого билета и резуль-

таты следствия сообщим по месту учебы. А пока извините, больше ничем помочь не можем.

Помогать и дальше пришлось Ивану Семёновичу. Автобус в еленину деревню ходил два раза в неделю, и то если повезет. Перестраивалась вся страна. Переходила к рыночной экономике, автобаза тоже, и если количество пассажиров было слишком маленьким, то рейс отменяли. Жалуйтесь. Кому? Да хоть президенту. Жаловаться Иван Семёнович как-то не привык, да и не на что. За несколько дней гостья его не объест, да и веселее вдвоем, чем одному в пустой квартире. Долго объяснять Елене это не пришлось, тем более, что другого выхода у нее и не было.

Заинтересовала Ивана Семёновича история с отчислением Елены из колледжа. Когда-то кооперативный техникум, ныне колледж предпринимательства, и в советское время был весьма престижным учебным заведением, а теперь, когда просочились сведения о присвоении ему статуса высшего учебного заведения, по рейтингу стал обгонять университет и институт транспорта.

В зачетке Елены преобладала оценка «отлично», одна или две четверки общей картины не портили. И самое интересное то, что в студенческом билете отсутствовала отметка об отчислении. Савченко Елена Сергеевна всё еще являлась студенткой второго курса.

- Елена, а ты в приказе расписывалась? Сам приказ в глаза видела?

- Нет, мне куратор сказала, что раз я не оплатила обучение, то меня отчислили, и комендант сказала, чтобы я освободила место в комнате в общежитии.

- Да. Интересное кино. Но это подождет до понедельника. А пока отдыхай. Смотри телевизор. В такую погоду умный пес хозяина на прогулку не потянет. Отдыхай.

Иван Семёнович ушел в магазин. Хлеб, молоко он никогда не брал про запас. Ежедневные походы в магазин вошли в привычку. Иначе можно закиснуть в четырех стенах. И сегодня, несмотря на отвратительную морось, он отправился на рынок. Далековато, но хлеб в фирменном магазине совхоза «Комсомолец» вкуснее, чем с городского хлебзавода. Совхозный хлеб замешивался руками, пекся на дровах, продавался на вес. Он и на сле-

дующий день оставался пышным, не крошился под ножом опилками. А главное, пах хлебом. Несспешно, согреваясь после уличной сырости, Семёныч побродил по рядам. В павильоне висел гул от сотен голосов. Как всегда, в выходной на рынке людно. Но не было ощущения тесноты. Даже сутолока несла в себе оттенки доброжелательности, так бывало когда-то в праздничных колонах в дни первомайских или октябрьских праздников.

Елена в это время затеяла дома уборку. Пропылесосила, протерла пыль с мебели. Когда пришел Иван Семёнович, она заканчивала мыть пол на кухне.

- Молодец, Елена!

- Не молодец, а молодка.

Елена выпрямилась, смахнула со лба непокорную челку. Но похвала была ей приятна, хоть как-то оправдывала ее присутствие в этой квартире.

- Молодка так молодка. Заканчиваешь? Тогда мой руки и будем лепить вареники, я творог на рынке купил.

В понедельник с утра пораньше Иван Семёнович, взяв документы Елены, отправился в городской отдел образования. Более тридцати лет упорного труда на ниве воспитания подрастающего поколения не прошли даром. Его прекрасно знали, уважали не только в области. Иван Семёнович не тряс своими наградами, но орденом «Знак почета» награждено не так уж много учителей. Заведующей была его однокурсница. А друзей юности начинаешь по-особому ценить, открывая счет первым потерям, когда на встречах выпускников называют имена и пьют за них, не чокаясь. Воспоминаниям предаваться не стали. Ирина спешила. Быстро просмотрела документы и вызвав зама перепоручила ей Ивана Семёновича.

- Светлана Викторовна, вы, пожалуйста, разберитесь, когда и по какой причине произошло сокращение бюджетных мест по колледжу предпринимательства? Я что-то не помню такого. И по какой причине отчислили студентку Савченко? Кем и как обсуждалась кандидатура на отчисление? А я в администрацию, когда буду, не знаю. Я на вас надеюсь.

Несмотря на молодость, Светлана Викторовна надежды оправдала. Разговаривала с ректором колледжа даже излишне жестковато. Но слишком явно было нарушение закона. О сокраще-

нии бюджетных мест и речи не было. Такие вещи обговариваются при составлении бюджета в начале календарного года на сессии депутатов горсовета и обычно не подлежат изменению до следующего года.

Ректор, сославшись на отсутствие информации, обещал перезвонить в кратчайшее время. И действительно, через час он сообщил, что произошла ошибка. Должна была быть отчислена студентка Савинкова, и не по сокращению, а за хроническую неуспеваемость. С куратором, допустившим ошибку, проведена работа, и на нее наложено административное взыскание. Студентка Савченко может приступить к занятиям хоть с сегодняшнего дня.

Елена от этой новости подпрыгнула с дивана и повисла на шее у Ивана Семёновича.

- Иван Семёнович, миленький, спасибо! Вы волшебник. Я по век жизни буду вам благодарна. Хотите, я по выходным буду приходить и убирать у вас в квартире. Хотите, я что угодно для вас сделаю.

- Делать ничего не нужно. Ну, а если заглянете проведать старика, буду весьма рад.

- Конечно, конечно! Я в колледж побежала. Можно, я потом за вещами зайду?

- Можно, можно. Беги, егоза.

Всё ладно не бывает. В колледже перед ней даже не извились, вроде как ничего и не было. А место в общежитии уже было занято. Поделать с этим ничего было нельзя. Так и осталась Елена у Ивана Семёновича. Денег он с нее брать не стал, и она в оплату взяла на себя хлопоты по хозяйству. Иван Семёнович быстро привык к тому, что в квартире царит чистота и порядок, а обед готовится с вечера. Хлопот Елена не доставляла. После того как ее выселили из общежития, она почти перестала общаться с однокурсниками, которые смотрели на нее, как на белую ворону. Дура деревенская в бизнес полезла, леди хочет стать. Так из нее бизнеследи, как из коровы скаковая лошадь. Комплексовать по этому поводу Елена себе не позволяла и компенсировала всё отличной учебой.

Зима не торопилась. Дед Мороз забросил валенки на печку и ходил на детские утренники в сапогах. Редко, когда выгляды-

вало солнышко. Опротивевшая морось портила все представления о новогодних праздниках. Иван Семёнович принес и поставил дома елку. Последний раз он наряжал ее перед уходом младшего в армию. А сейчас захотелось праздника. Елена не поехала на каникулы в деревню. Там на весь январь пьянка. Новый год, Рождество, Старый новый, Крещение. Лучше бы и не было этих зимних праздников. И всё же Новый год не прошел стороной. Первого числа с обеда пришли сыновья поздравить отца, посидеть мужской компанией. Принесли полные сумки чашек, баночек с салатами и закусками.

- Да успокойся, батя. Наготовили столько, что за неделю не съедим. А самое главное батя – повод собраться. – Басил старший.

- Не говори, Александр. Живем в одном городе, а месяцами не видимся. Всё по телефону, как бабы. – Поддержал младший.

- А тут теща прикатила. Дома Содом и Гоморра. Не так купаем, не тем кормим, пеленки не такие, как надо. Спасибо, Александр позвонил. Выдернул. О, да ты не один!

- Знакомьтесь, Елена, – Иван Семёнович замялся. – Одним словом, выселили человека из общежития, вот и приютил. Живет в вашей комнате.

И обращаясь уже к Елене:

- А это мои сыновья. Старший Александр, средний – Андрей, младший – Виктор.

- Лена.

Когда тебя пристально рассматривают трое мужчин, то неволе засмущаешься, и девушка поспешила укрыться в комнате. Мужчины сами хозяйничали на кухне. Быстро почистили и поставили вариться картошку, разложили салаты, нарезали хлеб, наполнили рюмки.

- С Новым годом!

- С новым счастьем!

- Здоровья тебе, батя!

- А почему мы девушку забыли? Неудобно как-то. Как ее? Алёна? Папа, пригласи ее к столу.

- Вот ты, Андрей, сходи и пригласи.

Посидели славно. Андрей и Иван Семёнович по очереди играли на гитаре. У Елены оказался на диво прекрасный голос.

Хорошо поставленный, своеобразный. Такой услышишь один раз и никогда не забудешь, не перепутаешь. Будешь хранить в уголке души, в памяти как что-то очень дорогое, ставшее родным, ставшее частицею тебя, твоего мира.

Сыновья одевались, толпились в коридоре. На прощание Андрей поцеловал Елену в щечку.

- Оставляем отца на тебя. Смотри, не обижай его.

- Угу. Обидишь Ивана Семёновича. Как бы он сам кого не обидел.

- Ну всё. Разговорились. Никто, никого обижать не будет. А вы отца не забывайте. Заходите почаше. А не раз в год.

Сыновья ушли, Алёна прибиралась на кухне. Потом плескалась в ванной. Иван Семёнович в темноте кухни курил у открытой форточки, когда она подошла, обняла. Прижалась к его спине. Они стояли молча. Когда он, выкинув сигарету, хотел расцепить ее руки, она только сильнее прижалась к нему.

- Нет, нет. Я сама так решила. Не прогоняй.

Судить. Не нам судить. Кто без греха – тот пусть бросит камень.

Прогнать пришедшую любовь. Первая любовь – приходит, когда человек не знает ей цену, поэтому порой уходит, оставляя после себя сладостную боль и раны, которые человек бережет и лелеет в себе. Последняя? Она не уйдет и от нее не уйти. На то она и последняя. После нее ничего не будет. У Ивана Семёновича ничего и не было. Дети, внуки? У них своя жизнь, в которую он допускался по выходным с правом совещательного голоса. С Еленой он ощущал себя снова живым, нужным. Дни наполнились смыслом, ожиданием. Он ждал Елену из колледжа. Ждал выходных, чтобы сходить с ней в театр или, если позволяла погода, прогуляться по аллеям старого парка. Это здорово, когда есть, что ждать от жизни.

Гlamурным девицам, страждущим богатого мужа и атлета-бойфренда, Елену не понять. А она впервые встретила мужчину, которого не надо было бояться. Мужчину, не напивавшегося до поросячего визга, заботливого и внимательного, на которого можно было опереться в трудную минуту. Мужчину! Ну и что с того, что разница в сорок лет? Она искала не игрушку для удов-

летьврения сексуальных утех, а отца для будущего ребенка. Чтобы родился здоровым, желанным, любимым, а не случай-ным, нежеланным плодом пьяной похоти.

Зима так и не наступила. Просто однажды утром солнечные лучи пробили тучи, нудная морось вспыхнула, засверкала и раскинулась в небе радугой. Весна!

Иван Семёнович курил в открытую форточку, когда Елена подошла, обняла, прижалась к его спине. Потерлась щекой о плечо. Постояла, слушая, как стучит его сердце.

- Иван, Иван Семёнович, у нас ребенок будет.

Она ни о чем не просила, ни на чем не настаивала. Иван Семёнович сам перестал курить в квартире. Собрал документы и чуть ли не на руках отнес ее в ЗАГС.

Старший, Александр, известие о женитьбе отца встретил в дыбки, говорил про светлую память матери, о старческом ма-разме и еще что-то такое, после чего Иван Семёнович выставил его за порог и попросил вернуться, когда тот успокоится. Несерьезный Андрей посмеивался и намекал отцу, чтобы батя освободил в прихожей место для рогов.

- Андрюша, в моем возрасте рога – не диво и не позор. А вот когда они у молодых на диво ветвистые, это зазорно.

Сказал, как сглазил. Через год у Андрея жена скоропостижно влюбилась и уехала со своим новым хахалем в первопре-стольную. Страшная это сила – любовь, даже детей оставила на отца. На время. Пока устроится.

Елена после рождения дочери брать академический в кол-ледже не стала. Вернее, не позволил Иван Семёнович.

- Учись, учись. Как говорил великий Ленин. Учись надле-жащим образом. Светлане не нужна мама-недоучка.

Сам Иван Семёнович нянчился с дочкой и заодно воспиты-вал двух внуков от Андрея. Андрей устроился работать вахто-вым методом. Заработки неплохие. Месяц на вахте, месяц дома. Слава Богу, не запил. Не пустился в загулы, чего больше всего, зная несерьезность сына, опасался Иван Семёнович. Но с рож-дением Светланы и они с Еленой ощутили недостаток средств. Его пенсии и ее стипендии стало не хватать. Возвращаться в школу Иван Семёнович, несмотря на приглашения, не собирал-

ся. Той истории, которую он преподавал и которую любил, не стало. А врать он не умел и не хотел. Попался ему в руки как-то учебник истории СССР. Полистал и ужаснулся. И не удивился. Издана в США. Написана белогвардейцем, бежавшим от красных через Крым. Белые и красные воевали за Россию. Каждый за свою, но за Россию. А этот недобиток через Крым бежал в Германию, где сотрудничал с фашистами, потом спрятался под крыльышко американского орла. И он учит нас истории? Какой? Какой истории выродок может научить народ, создавший Советский Союз, победивший голод и разруху, разгромивший фашизм. Ведь не одна Германия напала на нас. Просвещенная Европа желала уничтожить варваров славян, как племя, как нацию. Сейчас мягко стелют. Но с такими друзьями – врагов не надо.

Школа отпадала. Репетиторство? Так после его уроков вряд ли ученик получит положительную оценку в «демократическом» государстве. Выручил старый знакомый. Когда живешь в одном доме сорок лет, то, даже не зная фамилии, имени, отчества, можешь смело относить человека к своим знакомым, потому что каждое утро вежливо здороваясь с ним. Начальник ЖКХ удивился его просьбе. Предложил должность коменданта, техника-смотрителя или подобрать подобное, соответствующее опыту и образованию. Но Иван Семёнович настоял на своем, сославшись на рекомендации врачей, что ему нужна посильная работа на свежем воздухе.

Вставал теперь Иван Семёнович рано и до ухода Елены в колледж, впоследствии в институт предпринимательства, успевал сделать основную работу. Что-то доделывал, пока Светлана спала в коляске на свежем воздухе, что-то после прихода Елены. Нареканий на его работу не было. Наоборот, со временем он и жильцов двух домов подключил к субботникам по уборке двора, посадке деревьев. А ребенок, сам посадивший дерево, никогда его не сломает, и наоборот, будет в кровь драться с тем, кто пожелает тронуть на нем хотя бы веточку.

Росла Светлана, маленькой с удовольствием помогала отцу, а когда заневестилась, стала стесняться. Шла с подружками со школы, Иван Семёнович окликнул ее. О чём был разговор, и не упомнишь, а когд а она догнала девчят, кто-то спросил ее.

- Это твой дедушка?
- Ты что? Это ее отец! – с садистским удовольствием поделилась своей осведомленностью соседка и задушевная подружка Ирка.
- Такой старый?
- Никакой он не старый! – обиделась Светлана.
- Старый, старый! Старше моей бабушки!

Между Ириной и Светланой легли эти слова ледяной стеною. Прозрачной, холодной, твердой.

Сама Светлана не замечала возраста отца. Сухопарый или по-юношески стройный – это как посмотреть. Высокий. Седой. Но он всё умел. Он был сильным. Он подбрасывал ее под потолок и ловил. Он плавал и нырял, как мальчишка. Она уставала в лесу, когда собирали грибы, а он, казалось, мог идти и идти без отдыха. Она не помнит, чтобы отец болел. Какой же он старый? И тогда назло Ирке она в воскресенье вышла и забрала у отца лопату.

- Я тоже буду чистить снег. Я хочу быть сильной.
- А ты уже стала ей. Сила не в мышцах. Сила в душе. И слабость в душе. И болезни начинаются в душе. Лечить и закалять, воспитывать надо, доченька, сначала душу, а потом уж тело.

А вечером они всей семьей сидели в зале. Андрей играл на гитаре, Светлана на фортепьяно, Елена и Иван Семёнович, сидя на диване, подпевали. Внучата слушали. Сколько таких вечеров согревало их сердца длинными, зимними вечерами. Да и были ли зимы? Был снег, был мороз, но никто не замерз в одиночестве.

Ласковые ладони закрыли его глаза. Спиной он ощущал тепло любимой женщины.

- Елена.
  - Опять куришь?!
- И эти слова, эта забота о нем теплом отзывались в его сердце.
- Заждались мы тебя. Пойдем завтракать, а то остынет.

Не остынет. Июль. До зимы еще далеко. Да и будет ли она? Синоптики грозят всемирным потеплением. Будет не зима, а одно предзимье.

А седина в голову – не радикулит в спину. Переживем и предзимье!

Болото

Ручьями жива тайга.

Угрюма, таинственна чаща в сивере. Тянут к небу корявые лапы-ветви старые лиственницы, забредшие и увязшие в гуще из ольшаника и ерника. В душном полумраке дурманит запах «чушатника» – болотного багульника. Поет едва слышную песню ключ. Журчит, прячется в камнях. Спешит. Спешит вырваться на волю. Расступилась падь. Засверкали, заиграли струи, радуясь солнышку.

На той стороне мари, на которую вырвался ключ, увал. Словно диковинные животные, улеглись на солнцепеке по его склонам валуны. Трава побурела, и только узкая ложбинка укрыта изумрудной дорожкой да несколько березок перешептываются с шаловливым ветерком, доверяя ему свои девичьи тайны. Невольный их свидетель ручеек, притаившийся у самых корней, спешит поделиться подслушанными секретами со всем светом. Ученые говорят, что в мировом океане хранится информация со дня сотворения мира. Велика животворная сила воды. Бежит маленький светлый ключик, струи переплетаются в русле замысловатым узором, вязью языка непонятного людям. Соль земли впитав в себя, щедро вбирает в себя он солнечный свет и шепот звезд. Оттого родниковая вода и обладает волшебной силой. Недаром живет в народе вера в живую воду.

Встретились ключи с увала и распадка со своим собратом, бегущим по мари с третьей, дальней стороны, и уже не ручеек, а речушка промыла себе русло. Бежит, журчит, играет. Выскочив на чистое место, испуганно примолкла и нырнула на дно озера. Но и в озере живая вода. Живут в нем шустрые гольяны и вальяжные караси. Прячутся в прибрежных зарослях утиные выводки. Поперек озера гонит волну ондатра. Застыл в ожидании поклевки рыбак. В стороне песчаный пляж. Плеск воды, ребячий гомон. Из дачного поселка долетает музыка. Живет озеро. Живут комары, рыбы, птицы, звери. И люди! Живя сам – дай жить другим. Ведь все мы связаны одной цепью. Порви звено – не заметишь, как тебя самого источит ржа, превратив в труху.

Спилили лиственницы, завалили падь мусором – умер багульник, засохли кусты. Пропал ключ, исчез, словно и не бы-

ло, только после большого дождя катятся распадком вниз верховые, грязные мутные воды, неся с собой сор и грязь.

В верховьях мари нашли золото. Сколько нарыли – тайна великая, коммерческая, но пожелтела, забурела марь.

Вдоль увала отсыпали дорогу. Малый ключик, уткнувшись в насыпь, заблудился. Поплутал, растекаясь мелкими лужицами, и исчез. Высох от горя. А без притока живой воды задохнулось озеро. Умирало мучительно медленно. Вода, застаиваясь, стала тяжелой. Всяческий мусор в мутной жиже не тонул, сгонялся ветром к берегу, сбиваясь с водной растительностью в плавучие острова. Сначала в мелкие, но их становилось всё больше, и вскоре только редкие бочажины поблескивали маслянистой, рабдужной пленкой. Но до них было не дойти. Кочковатая поверхность проваливается под поступью человека, чавкает с противным звуком и запахом. Болото!

Города рождаются, растут, умирают. На ударную комсомольскую стройку стекались люди со всего необъятного Советского Союза. Разной национальности, профессий, разных характеров, судеб. За туманом, за деньгами. Стройка принимала всех. Обкатывала, шлифовала, притирала другу к другу. Построили комбинат. Казалось, так будет вечно. Но грязнула перестройка. Ручьями живет тайга. А города живут работой. Купились люди на сладкое слово «свобода». Отменили статью о тунеядстве. Не хочешь – не работай. Хочешь? А работы нет. Свободен. Как дерево сохнет без воды, так без работы усыхает душа человека. Не живет – существует. А город, населенный не людьми, а существами, превращается в болото.

...

Ключ никак не вставал в разбитой скважине на свое место и не желал проворачиваться. Ханурик злился. Нервно дергал ключом. Вперед, назад, чуть вверх, чуть вниз. В подъезде царил полумрак. За спиной, наклонившись над перилами, дышал Дёма. Тихо, пятый этаж, если кто и зайдет в подъезд, сразу услышишь – так какого черта смотреть вниз? Лучше бы взял и сам попробовал открыть. Но Дёма меланхолично сплевывал, стараясь попасть плевком между перилами так, чтобы тот долетел до первого этажа. Дебил. Ключ дернулся, попал зубцами в пазы и проворнулся. Второй замок открылся легче. Ханурик первым про-

не искал. На прощание капитан пообещал приложить все свои усилия к поиску похищенного, и величаво удалился.

Свое следствие провел дома отец. Когда узнал о том, что в прошлые выходные Юля потеряла ключи, то досталось и дочке, и матери, и зашедшей посочувствовать дочкиному горю ее матери, в обиходе теще.

Юлька плакала в три ручья. Обида на ругань отца? Задело? Так ведь за дело! Участковый сказал, что квартиру ключом открыли. По двери видно – не ломали. Деньги, которые откладывала мать на зимние обновки? Жаль, но Юлька согласна еще две зимы пробегать в прошлогоднем пуховике, лишь бы нашелся ноутбук. То, что было в нем – для нее бесценно. Альбом был уже почти готов, она убирала последние огрехи. А теперь? Сколько времени она потратила, работая со звуковым редактором, и всё прахом.

Отец перестал ругаться. Мама прибралась в квартире, и сидя с отцом на кухне, они перекраивали семейный бюджет. С чего его кроить? Хорошо, отец не снял с карточки зарплату. На питание хватит, но все планы полетели к черту на кулички. Надежды на полицию не было. Их квартира – не первая обворованная в поселке, и пока никто ничего пострадавшим не вернул. Заглянула соседка, начав охать и соболезновать еще с порога, словно кто-то в доме умер. От чая не отказалась. И задавала такие же тупые вопросы, как и капитан полиции. Что и почем? Тошно. Олег Степанович ушел в зал, демонстративно хлопнув дверью. Громко включил звук телевизора, чтобы не слышать бабы пересуды.

...

В гараже на раскаленной буржуйке поплевывал через носик кипятком чайник. В тусклом свете единственной лампочки плыл к потолку сизый дымок со специфическим запахом травки. Панцы, как они говорили сами про себя, оттягивались по полной. На выбор – пиво, водка, травка. Перекрикивая звучавший из плеера шансон, они веселились, сами не зная чему. Сколько степеней и градаций имеет опьянение, точно неизвестно, но одна из них та, когда покажи пьяному, окумаренному пальчик, и тот начинает хохотать. Смех заразителен. Только если долго хохотать,

от такого смеха сначала начинает болеть затылок, потом боль переходит на виски, и если вовремя не остановиться, то от истеричного смеха начинают глаза из орбит вылезать.

Боль есть боль, и уже не до смеха, и веселье переходит в зло-бу. На себя, на соседа. И показанный пальчик вызывает не смех, а агрессию. Что не поделили Дёма с Жекой, никто так и не понял. Только мелкий, юркий Дёма подскочил, как ужаленный, с чурки, схватил прислоненную к стенке доску и со всего маха огrel сидящего Жеку по спине. На счастье пострадавшего, не той стороной доски, с которой торчали гвозди. Но и этого хватило, чтобы Жека свалился на пол. Дёме еще раз дали махнуть доской вокруг себя, потом дружными кулаками свалили на пол рядом с Жекой. Несколько раз, успокаивая, пнули ногами и снова устроились на чурках вокруг импровизированного стола около печки.

Из темных углов гаража, от ворот тянуло холдом. Запивая водку пивом, снова хохотали. Теперь смеялись над пострадавшими. Над скособочившимся Жекой, который не мог правой рукой стакан донести до рта. Над синяком, наливающимся под глазом задиры. Ханурик разливал, провозглашал тосты: «За фарт». «За тех, кто на зоне». За что-то еще. Впрочем, всем было абсолютно всё равно, за что. Первым с чурки свалился Дёма. Причем было непонятно, то ли он сначала заснул, потом свалился, то ли свалился и сразу заснул. Вышел из гаража по нужде и не вернулся Витёк. У храбрившегося Жеки всё ниже опускалось плечо, он морщился, пытаясь глубоко вздохнуть, перевести дыхание.

- На посошок.

Ханурик налил в пластиковые стаканчики на два пальца. Причем налил в три. Когда подняли, глянув на оставшийся, потом на лежавшего на полу Дёму. Накрыл стаканчик куском хлеба.

- Этот готов. Ну, за нас.

- За нас.

Жека выпил. Закусил куском колбасы, с трудом проглотив его. Внутри что-то болезненно отозвалось.

- Пошли. Завтра продолжим.

- А...? – кивнул в сторону Дёмы.

- Пусть спит. Замерзнет, проснется. Я бы еще с ним не возился. Задохлик. Ты то, сам домой дойдешь?

- Я? Я, как огурчик. Я...

Жека поднялся с чурки. Его качнуло, он в попытке удержать равновесие взмахнул руками и, охнув от боли, упал бы, не поддержи его Ханурик.

- Э, да ты тоже уже хорош. Может, рядом приляжешь?

- Не. Домой. А...? – снова вспомнил друга-обидчика.

- Сдался он тебе? Пусть лежит. Утром приду, разбуджу. Или сам проснется, домой утопает.

- Нет. А водка?

- И водка пусть остается. Утром придем. Пива возьми, хватит на вечер.

Они прикрыли ворота гаража. Ярко-белая луна, чуть тронутая синевой, висела над самой головой. Подпрыгни – дотронешься. Тени чернели глубокими провалами. Запнись, упади и будешь лететь неведомо куда, до самой Америки. Падать не падали, шли, покачиваясь, поддерживая друг друга. Иногда поскользывались, и тогда Жека вскрикивал, в остальное время только шипел сквозь зубы от боли в бочине. За гаражами, на окраине поселка здание больницы. На первом этаже светилось несколько окон.

- Зайдем на скорую, – сердобольно предложил Ханурик.

- Само пройдет. Отлежусь, не впервой.

Что не впервой, то не впервой. Редкая совместная пьянка Жеки и Дёмы обходилась без инцидента. Мелкий, но пакостный Дёма вечно наскакивал на Жеку. Здоровяку было лень связываться, он отмахивался от него, как собака от мух. Иногда мелкий попадал под замах. Потом ходил с синяком или ушибом. Бил Жека один раз, но основательно. Иногда бывало, как ныне, тогда Жека светил подбитым глазом, хлюпал разбитым носом. В остальное время они были неразлучными друзьями.

К себе в гости Жека приглашать не любил. Жил он один в двухкомнатной квартире (мама вышла замуж и жила у нового мужа), и вроде никто не мешал веселому времяпрепровождению. Мешала природная лень. Ведь мыть посуду и убирать квартиру гости не будут. И к женщинам он предпочитал ходить сам, а не водить их к себе. Он рас прощался с Хануриком у подъезда, даже не сказав традиционное «заходи». На сон грядущий пиво было. Думать о завтра было и лень, и больно.

Постояв у подъезда, Ханурик закурил. Невидящим безразличным взглядом обвел небо с дрожащими от мороза звездами, застывшей луной, передернулся, сгоняя дрожь с себя и, покачиваясь, побрел по ночному поселку. Есть еще квартиры, где ни днем, ни ночью не гаснет свет, где тебя всегда примут с гостеприимным равнодушием, где есть куда прислонить голову. Пусть там не очень чисто, но зато тепло.

Печка прогорела. Холод из дальних, темных углов гаража выбрался на середину к свету, забрался к Дёме под куртку – разбудил. Холодно. Одиноко и неуютно в пустом гараже. На столе объедки веселья. Морщась, Дёма выпил налитую в стакан водку. Загрыз куском хлеба, которым был накрыт стаканчик. Заглянул в печку. Бордово перемигивались редкие угольки. Обойдя отцовскую «Волгу», Дёма принес охапку дров. Набил топку и сел греться. Железо еще хранило память тепла. Только разгораться печка никак не хотела. Он стал собирать сумку. Вспомнил, что обещал Ольге подарить компьютер, положил в сумку один из ноутбуков, туда же добавил бутылку водки, полторашку пива.

Печь не разгоралась. Найдя в дальнем углу канистру с остатками, он выщедил из нее немного бензина на тряпку. Уложив ветошь между поленьями, чиркнул спичкой. Едва успел прикрыть дверцу, пламя чуть не выскочило наружу. Загудело в трубе. Сразу стало веселее, и вроде как лампочка стала светить ярче. Налив из стоящей на столе бутылки еще пару глотков водки, Жека с удовольствием выпил и, выключив свет, стал выбираться из гаража. «Волга» мешала. Вечно приходилось протискиваться. Загремела канистра под ногами. Чертыхаясь, Дёма навесил замок и проторенной тропкой побрел в поселок. Идти домой и выслушивать упреки Ритки ему не хотелось, и он, минуя свой дом, пошел к родителям. Мама, конечно, тоже не сахар, но, в отличие от жены, она не упрекает, а жалеет. Так и вышло. Мама напоила горячим чаем, поохала, поохала над свежим синяком и отправила спать. Совсем не то, что дома, никаких упреков, ни дурных вопросов: «где был?», «с кем пил?»

Суббота. Если пятница – это предвкушение праздника. То суббота – истинный праздник. Не дураки евреи, не дураки. Вы-

ходной. Можно понежиться в постели. Можно расслабиться днем. Можно ничего не делать, откладывая всё по русской привычке на завтра, на воскресенье. У Бартаевых суббота была днем Константина Анатольевича. С утра он ждал открытия магазина. Благо, окна квартиры выходили на его крыльцо. Взяв пакет, даже в лютый мороз или в проливной дождь он в пластиковых тапках на босу ногу чинно шествовал в магазин. Хлеб, молоко, что еще скажет взять Катерина, и один или два оттопыренных пальца показывали, сколько бутылок положить в сумку. Причем их стоимость в общую сумму не учитывались, а записывалась в отдельную тетрадку – для должников. Долги Анатольевич возвращал исправно – каждую получку.

Уйдя в свою комнату, Константин Анатольевич включил телевизор, пододвинул к дивану журнальный столик. Надорвал пачку и высыпал на блюдо «Кириешки». Пиво было его страсть, его любовь. Крепкое пиво – мужской напиток. «Охота», «Арсенальное», любое – лишь бы крепкое. Включив спортивный канал, он яростно болел за наших. Футбол, хоккей, биатлон, волейбол, баскетбол. После открытия второй бутылки его комментарии становились всё громче и громче, на третьем литре ему начинало казаться, что и ударил бы он сильнее и стрелял бы более метко. Заканчивалось пиво обычно к обеду. Дальнейшее зависело от Катерины. Если она была в этот день в духе, то рюмочка к салату, рюмочка к борщу.

На кухне забрякали ложками. Обед.

Аппетит был испорчен. За столом сидел Дёма. Синяк растекся на оба глаза, с перекосом влево. Левый заплыл, а правый зло поглядывал на отца, которого Дёма винил во всех своих бедах.

- Подкармливаешь сыночка? – упреком бросил Катерине Константин Анатольевич и переключился на сына.

- А тебя что, жена дома не кормит? Бездельник. Ишь, красавец. Ритка приласкала или еще где-то выклянчил. Ты это умеешь.

- Я бездельник? Тебе спасибо, батя. Твою медь выносил.

- А у тебя что, своей башки на плечах нет? Напихал полную сумку и через проходную в наглую. Так охранники за премию сами готовы тебе меди напихать.

- А куда ее было девать, когда ты мне на улице отдал. За пазуху?

- Всё. Хватит. Достали. Хоть вешайся!

Повеситься Катерина грозилась уже не первый раз. Каждый раз, когда заводилась свара между отцом и сыном. Она поняла, что лучше всего гасят пожар бабы слезы. Боятся, ведь баба в истерике избу подпалит и у коня на скаку копыта оторвет. Страшная это сила – бабья истерика, а слезы еще страшнее. Вода камень точит.

- Ну... Ладно, ладно, Катенька. Я же так. В порядке воспитания.

- Воспитатель. Чему доброму бы сына научил. А то... Садись за стол.

Почесывая затылок, Константин Анатольевич уселся на хозяйственное место.

- Что, мать? К обеду рюмочка найдётся?

- Найдётся, батя, найдется.

Дёма обрадовался возможности опохмелиться легально. Если бы он сел выпивать в одиночку, то нотаций от мамы хватило бы не только на обед, но и на ужин. Ни соли, ни перца не надо. Он чуть ли не бегом отправился в комнату за гостинцем.

После пары рюмок отец подобрел. Как Дёма женился, вся семья редко собиралась за столом. Ольгу братец уже успел порадовать подарком, шепнув на ушко, чтобы матери не говорила, что ноутбук от него. Скажи, дескать, у подружки взяла на время. Все были довольны: Ольга подарку, батя хмелю на сырый желудок, Дёма их радости. А мать всему сразу. Для хозяйки счастье – накормить семью. Она, как наседка, окружает свое гнездышко, согревает своих близких этим счастьем.

...

Девичьи слезы, как роса. Утро вечера мудренее. На все случаи жизни есть у русского народа поговорки-прибаутки. Занятия на ум в этот день не шли, но и учителя понимали ее состояние. Весть об очередной краже быстро облетела поселок. Новость жадно обсуждали, приписывая такое количество украденных сокровищ, которых в семье Юли отродясь не было. Отношение к событию было разное. Все сочувствовали. Кто-то искренне, а

у кого-то получалось фальшиво, было видно, что, расспрашивая, они тешили свое любопытство, чтобы было о чем посплетничать. Только Андрею она пожаловалась на кражу ноутбука и пошедшую прахом работу. Андрей ведь и снимал песни на видеокамеру. Мало того, он еще и аккомпанировал ей на гитаре. Юля неплохо играла сама на фоне, Андрей, не умея на клавишных, с гитарой был на ты. Дуэт звучали красиво.

Созвонившись, они встретились в музыкальной школе. Зинаида Викторовна, директор музыкальной школы, всячески поддерживала молодых людей и закрывала глаза на то, что порой, прерывая свои занятия, они украдкой целовались в музыкальной комнате. Пятнадцать лет. Школьной возраст. Хорошо, еще если шалый ветер не выдувает из головы разум.

Андрей принес свою флэшку с записями. Сырую. Дома он часто прослушивал их. По его мнению, и так было хорошо, что там улучшать. Но Юля собирала по кусочкам. Выбирая из каждого дубля лучшие, на ее слух, моменты. Иная песня была записана раз пять. Андрей отличия не слышал, а Юля, прослушав, недовольно морщила носик.

- Работаете? Молодцы. Я в курсе, Юля.

Зинаида Викторовна, подошла, обняла за плечи вставшую из-за фортепьяно Юлю.

- Ты девочка упорная. Успеешь. До краевого конкурса еще полгода, а на районном уровне у тебя конкурентов нет. Если что-то будет нужно, я с удовольствием помогу.

- Зинаида Викторовна, я хотела попросить у вас поработать на вашем компьютере.

- Конечно, Юленька. О чем речь. Работайте. Только проверяйте, чтобы вирусов не было.

- Ну, это вряд ли. У меня Авира постоянно обновляется, а больше я эту флэшку нигде и никому.

Андрей был откровенно рад, что теперь они с Юлей будут больше времени проводить вместе. Занятия занятиями. Любовь любовью, а обед по расписанию. Договорившись встретиться через два часа, они разбежались по домам. По лестнице музыкальной школы их провожал звук аккордеона. Чьи-то несмелые, слабые, детские руки робко наигрывали гаммы.

...

Полыхнуло так, что Ханурик отлетел от ворот гаража метров на пять. Испугался, думал – глаза выжег. Горело лицо, руки. Еще когда начал открывать гараж, ему показалось, что металл ворот теплый. Но он списал это на солнышко. Нагрело. Оказалось, нагрело изнутри. Всю ночь в закрытом гараже шаяло всё мало-мальски способное гореть. Ждало своего часа. Ждало свежего воздуха.

Ханурик спал до солнышка. Квартира, где ночевал, жила в привычном режиме вампиров. Ночью веселье, днем мертвая тишина. Он встал с дивана, на котором спал, не раздеваясь. Рядом с ним, по-другому не скажешь, валялось еще несколько тел. Кто-то хрюпал в углу на матрасе, брошенном прямо на пол. Попшарил на кухне. Кроме холодной воды из крана ничего не было. Выкурив пару бычков из консервной банки, Ханурик через магазин отправился в Дёмин гараж. Ключ от него уже давно ему выточили китайцы. Дёма знал о втором ключе, но молчал. Зимой в гараж не ходил батя, а летом они.

Да, похмелился! Густой черный дым клубился, рассекаемый языками пламени, над открытой половиной ворот. Бушевало внутри гаража. Подбежало несколько человек. Соседи бесполково крутились вокруг гаражей. Звонили по сотовым телефонам. Уже слышны были сигналы пожарной машины. Благо, пожарная команда вот она – рядом. Открылись ворота соседнего гаража. В дым рванулся хозяин. Выскочил. Внутри гаража полно дыма, но пламени не было. Дым понемногу рассеивался, за стенкой гудело пламя. Усилиями соседей вытолкали машину из гаража и перекрыли ею дорогу пожарке. В гаражах и в обычное время за лексикой никто не следил, а в этой ситуации даже флотскому боцману было чему поучиться. Ханурик под шумок посчитал за лучшее скрыться с глаз. Он уже был в конце гаражей, когда в гараже рвануло. Пламя с жирной копотью штопором закружило над покореженной металлической крышей. Пожарники размотали рукав. Пенная струя била внутрь гаража. Шипело раскаленное железо, пар смешивался с дымом, черные хлопья кружились, оседали на снег, на людей. Даже у тех, кто просто наблюдал, лица были перемазаны копотью.

Константин Анатольевич с Дёной прибежали уже к шапочному разбору. Пожарники проливали всё, что хоть немного дымило. Черные, как черти, они лазили в черноте гаража, протискиваясь между оставом «Волги» и закопченными стенками. Сквозь редкие остатки крыши косыми столбами света врывалось яркое солнышко. Остро, вонюче пахло гарью. Гарью резины, краски, металла и еще черт знает чего.

- Это что? Что это? Мужики? Как?

Константин Анатольевич не мог поверить в происшедшее. Он заглядывал в ворота гаража, отходил, возвращался. Вошел, потрогал рукой останки своей ласточки. Обвел взглядом черные, лоснящиеся стены. Вместе с пожарниками вышел наружу.

- Твой, Анатолич?

- Угу.

- Ты посматривай. Пролили вроде хорошо, но чем черт не шутит. Где-нибудь осталось под крышей и у соседей полыхнет.

- У соседей. Да … мне на соседей, Валера, загорелось-то от чего?

- От чего хочешь? Вон канистра у печки. В машине могла быть проводка, в гараже. Да хрен его знает от чего. Хочешь, вызывай следователя. Мы поехали.

- Загорелось от чего? Еще спрашиваешь.

Со злостью подошел сосед по гаражу.

- Костя, твой идиот и поджег. Они постоянно здесь околачивались. И травку курили и химку варили. Вчера вечером тоже сидели до полуночи. Я машину ставил, у них гудеж стоял.

- Ты?

Константин Анатольевич повернулся к сыну.

- Ты, вчера был в гараже?

- Был. Ну и чо? Вчера был. Загорелось-то сег…

Договорить Дёма не успел. Отцовский кулак впечатался ему под еще видящий белый свет глаз.

Не везло Константину Анатольевичу с машинами.

Первой купил подержанную шестерку. Стал учиться на ней. Научился. Чуть-чуть научился. Лихачить начал. Улетел в кювет. Машина загорелась. Как сами живы остались? Ему ничего – одни ушибы. А Катерина руку сломала. Пока до больницы добра-

лись, перелом опух. Загипсовали. Пока суть да дело, хватились – рука не работает. До локтя нормальная, а кисть неживая. Операции делали. Одну, вторую. Бесполезно. Усохла. Не хотела Катерина новую машину брать. Первое время ездить с ним боялась. Но Константин Анатольевич перестал лихачить, а у пьяного она ключи отбирала. Теперь вот эта сгорела. Ссуду еще не успели выплатить.

Если бы не подскочили соседи по гаражам, то прибил бы он Дёму, как Тарас своего сынку. А может, и не прибил бы. Знал, удержат, не допустят смертоубийства. Перепуганный Дёма (воистину, как побитая собака) побрел, куда глаза глядят. В голове ни капли мысли, выпитое взболталось от удара, застило ум. Так и шел бессмысленно – ноги сами несли домой.

Ольга закрылась в своей комнате и тешилась с ноутбуком. Прекрасно понимая, каким образом он попал к брату и от кого, она быстро удаляла из его памяти всё, что могло напомнить о бывших хозяевах. Ведь это она взяла у Юли ключи и отдала их Дёме. Это она сказала ему, когда Юлькины родители поедут в райцентр в поликлинику. Удаляла всё, оставляла только музыку, фильмы и игры. Из-за игр она и просила у Дёмы компьютер. Интернета сейчас в редком доме нет. Был и у них. Но мама? Она, казалось, сидела у компьютера круглыми сутками и играла, играла, играла, чем выводила Ольгу из себя. Ольге ни в «Одноклассники», ни музыку послушать, ни фильм посмотреть. Теперь всё. Сетевой адаптер маме ни к чему. Она в интернете, как корова в музыке, – только глазами хлопает.

Пасьянсы, шарики, стрелялки, мультики, фильмы. Ольга включила музыку и вошла в «Одноклассники». Сидеть в них Ольга была готова круглыми сутками. Просмотрела сообщения, нашла подружку из колледжа. Осенью, поддавшись уговорам родителей, она поступила в горный. Не заладилось с самого начала. Поступление устроила мама. А как иначе, если договор на оплату обучения заключают с родителями. На собеседовании Ольга только головой кивала. Радовалась, вырвалась из-под опеки. Ехала на учебу. На вокзале села в троллейбус и, оставив тяжелую сумку на задней площадке, пошла к водителю за проездным билетом. Водитель молодой, симпатичный – поболтала.

Вернулась – сумка на какой-то остановке без нее сошла. А там теплая одежда, кружка, ложка и всё-всё, собранное заботливой мамой. Тяжелая. Была.

Учеба шла не шатко не валко. Нареканий не было. А выгнали из-за Николая. Старшекурсника. Сидели, целовались на подоконнике в коридоре. Колька закурил, а тут комендатша. Он сигарету за себя спрятал. Раньше подоконники бетонные были, а сейчас пластиковые, в пластике дырка. Скандал. Выгнали из общежития. А из колледжа она сама ушла. Жить не на что, надеть нечего. Кажется Ольге, все в нее пальцем тыкают, за спиной хихикают. Дома не лучше, отец, кроме как дурой бестолковой, никак не называет. Вернулась и пошла в десятый класс. Худо-бедно в тепле, сыта, а за два года с профессией определится.

За компьютером время летит незаметно. За окном стало темнеть. Включила свет, потому что искать буквы в темноте на клавиатуре не умела. В поисках, что бы еще удалить, нашла папку с названием «Мое». Подобные есть у каждого. Женское любопытство не имеет границ. Оказалась музыка. Включила. Под перебор гитары в ритме вальса зазвучал девичий голос:

Осень-невеста
Фатой белоснежной
Злато волос, грустя, покрывает.
Осень невеста,
Тебе неизвестно,
Кто твой жених? Что тебя ожидает?

Грустная песня понравилась Ольге. Было в ней столько русского, не наигранно балаганного, а чистого, нежного. В меню проигрывателя высвечивало «неизвестный автор». Песни понравились. Она взяла и понравившиеся ей песни поставила в статус в «Одноклассниках». Обозначив их – Марина Девятова. И пусть потом Юлька доказывает, что это ее песни. Про plagiat Ольга была наслышана.

В детском садике, в младших классах Юля и Оля дружили. Взрослели, менялись. Юльке, с ее легким характером всё давалось легко. Она, казалось, летит по жизни. Правда, как неопытный длинноногий аистенок, спотыкаясь на бегу, ошибаясь на

лету, шлепаясь о жесткую действительность. Ушибалась, но, отряхнувшись, снова и снова взлетала, с каждым разом всё выше и выше. На районном конкурсе вокалистов заняла первое место. На краевом попала в число лауреатов. Успешно участвовала в олимпиадах. Последней каплей стал Андрей. Андрей...

Кто-то позвонил в дверь. Пьяный голос отца и вслед за этим крик матери. Плач, как по мертвому. Так бурно на пьянки отца мамаша раньше не реагировала. И если обычно Ольга выпившему отцу, начинавшему сразу ее воспитывать, старалась на глаза не попадаться, то сейчас в испуге выскочила в коридор. Отец, прислонившись к стене, пытался снять с ноги сапог, но это у него плохо получалось. Мать за кухонным столом ревела белугой.

- Что случилось, мама? Мамочка успокойся! Ну что ты, мама? Мамочка!

Ольга обнимала маму. Держала ее по-птичью скрученную усохшую ладошку.

- Мама!

Но та не реагировала ни на вопросы, ни на попытки дочери ее успокоить.

Снять сапоги в стоячем положении у Константина Анатольевича не удалось, и он с шумом опустился на пол, попутно сдернув с вешалки всю одежду. Сидя в углу, он продолжил стаскивать неподатливый сапог, тихо сам с собою ведя беседу.

Бросив пустое дело – успокаивать зашедшуюся в реве мать, Ольга переключилась на отца. Встав перед ним, она гневно спросила.

- Что случилось, папа? Совсем мозги пропил? Что с мамой сделал?

- Я с мамой? Это она вырастила сыночка. Урод. Не трогайте его... Он маленький... Маленький урод. Убью!

Бросив снимать упрямый сапог, отец стал надевать другой, который ему удалось снять ранее.

-Что с Дёмой?

- С Дёмой. С ним ни... – грязно выругался отец.

- Папа!

Зло отбросив сапог, отец передразнил ее.

- Папа, папа! Машину жалко. А этот дурак... Хрен с ним. Появится, прибью!

Мать на кухне пуще прежнего зашлась в плаче. Плакать плачет, а всё слышит.

После обеда, усевшись за свои пасьянсы, она не слышала, как отец с сыном выскочили из дома, так и не сказав, что горит их гараж. До прихода мужа она была в счастливом неведении. Происшедшее оглушило ее. Ни денег, ни машины.

Ольга сняла у отца сапог, помогла подняться и, успокаивая, повела в его комнату. Пьяный отец спал отдельно от жены на своем диванчике.

Без зрителей Катерина перестала заходиться в реве и теперь тихо всхлипывала. Беды. Маленькие детки – маленькие бедки, большие дети – большие беды. За какие грехи? Чем перед Богом провинилась? Деньги, деньги! Только наладилась жизнь. «Волгу» купили. Сына женили. Так невестка дура набитая. Лентяйка. Хамка. Жить в одной квартире с ней Катерина не смогла. Сын взял ссуду, а тут его уволили. У самих еще за машину не выплаченная, так теперь и ему помогать. Всё наперекосяк. Может быть, и выкрутились бы. Так ГОК закрывают. Катерина уже получила уведомление об увольнении. И куда она? Кто ее с инвалидностью возьмет? Быть может, и не воровал бы Костя медь. А как жить? Вон, Ольга разутая ходит, растет – пуховик прошлогодний на груди не сходится. А всё невестка – стерва. Окрутила пацана и пользуется. И квартира ей нужна, и зарплата, чтоб высокая была. А сама даже обед дома не готовит. Мальчик вечно голодный. Всё это Катерина выкладывала пришедшей на кухню дочке. Плакать она перестала. Слезы вылились в бессильную злобу. На мужа, который всегда был недоволен детьми, считая их бездельниками, пустодомцами, как он выражался. На невестку, доведшую сына до пьянства, которому было лучше с друзьями, чем с молодой женой. Это что же за баба? Приворожила. Точно, приворожила, иначе бы сынок никогда на ней не женился. Убогая уборщица. Ни ума, ни рожи, одна задница необъятная, скоро в дверь не пройдёт. На правительство. Пенсия по третьей группе минимальная, зарплата чуть выше, и ту отобрать норовят. Закроют ГОК – как жить? Доуправлялись. Только цены растут, растут. В магазин зайти страшно.

- И ты? Нет, чтобы учиться! За братцем поспешаешь. В по-доле принесешь – прокляну, – села Катерина на своего любимого конька.

Ольга была копия мама. Невысокая, вся кругленькая. Этакая сдобная булочка. Румяная и аппетитная. Мама – тоже булочка, только тронутая временем. Поблек румянец, подсохшая кожа в морщинках. Раздобревшее тело в складках. Пора стать бабушкой, да злоба не дает.

Ольга не собиралась объяснять маме, что с братом, с Дёмиными друзьями ей интереснее. Там она взрослая, а одноклассники – шелупонь, которая только пыжится, а сами оглядываются на учителей и родителей. Что ей надоело жить с оглядкой и прятаться с сигаретой или баночкой пива за углом. Послушав еще минут пять мамины причитания с нравоучениями, переходящие в ругань всего мира, как «пай-девочка» пожелала спокойной ночи ушла к себе в комнату.

...

Юля поняла, что работа над альбомом вместе с Андреем – пустая трата времени. Ему всё хорошо. А сам вечно пристает со своими мальчишескими глупостями. Всё бы ему целоваться. Целоваться с Андреем Юле тоже нравится. Но не всё же время. Сегодня за вечер так толком ничего и не успели.

Родители перекроили домашний бюджет и поставили ее перед фактом изменения планов. Александр Сергеевич был ярым противником займов, кредитов, ссуд. Объяснял это тем, что не желает ни себя, ни свою семью продавать в рабство банкирам. Зарабатывал он по местным меркам неплохо. На машину откладывали деньги два года. Купил российский УАЗик, но на свои. В машине он ценил надежность. Предыдущий отъездил у него по тайге, по ухабистым дорогам края двадцать лет. Еще столько же пробегает, его у Александра Сергеевича чуть ли не с руками оторвали, уехал вездеход в глухую таежную деревню. Планы этого года унесло ворье.

- Как-нибудь перебьемся, девчонки?

Отец старался казаться веселым. Этот его легкий, ветреный характер достался и дочери, чем была крайне недовольна мама.

- Вводим антикризисную программу. Используем внутренние ресурсы из погреба и в режиме жесткой экономии к следующей зиме соберем деньги вам на шубки.

- Папа, а компьютер? В «Электронике» без предоплаты, с рассрочкой на год. Папа?

- А вот здесь ты, Юля, права. Это мы с мамой упустили. Но не мечтай, что он будет у тебя в безраздельном пользовании. Мне он тоже по работе нужен.

- Папка! – обрадованная Юлька повисла на шее у отца.

- Тише, оглашенная, задушишь.

Усадив дочку на стул, приняв серьезный вид, добавил:

- Так, думайте, что мы еще пропустили. Примем бюджет – всё! Изменения через мой труп.

- Доченька, давай его сразу задушишь. – Светлана обняла мужа за шею.

- Ведь не удержимся. Тебе и мне на весну сапожки надо. И платьице на лето. Ты как-никак растешь, я полнею. Нет, легче сразу.

- Мамочка, это ты уж без меня! Мне папка пока живой нужен.

- Что за комиссия, создатель, быть в этом доме мужем и отцом. Ходишь всё время под домокловым мечом. Всё – или я на вахту бессменную, или вас на дачу, чтобы не полнели.

Там, где ищут виноватых, беды множатся по числу виноватых. Когда неприятности не перекладываются на чужие плечи, а делятся на всех, они становятся, меньше, мельче. Мелочи жизни, а без них не прожить. Главное, самим душой не измельчать. Да и разве это проблемы? По телевизору «Вести» показывали прямой репортаж из Донецка. Разрушенные дома. Убитые на остановке люди. Госпиталь – раненые дети, женщины. Мужчина с ампутированной по самый пах ногой. За более чем полгода эти картины так и не стали привычными. Отец закурил. Ругал, прогнил бандеровцев, ругал американцев и Меркель.

Юля ушла в комнату и, взяв гитару, стала напевать свою новую песню, которую хотела подарить Андрею. Писалась она для мужского голоса. Да слова, в чем-то наивные, требовали совсем другого исполнения, чем у Юли.

Диким полем. Полем, диким полем,

Разгулялась Диким полем смерть.

Нам не жить, как жили прежде, боле.
Дай нам Бог со славой помереть...
– низко рокотали басовые струны.

Забайкалье. Далекий край, где жизнь идет своей чередой. И где порой местные новости напоминают сводки с места боевых действий. В сорокоградусные морозы долго обходятся ошибки руководителей. Сэкономили на ремонте теплотрассы, не закупили вовремя уголь. Поленились, надеясь на русский «авось», не выслали бригаду на повреждение, и мороз в одну ночь оставляет без воды, без тепла поселок. Было, было. Два года поселок напоминал блокадный Ленинград. Это когда всё заморозили. И комбинат, и поселок. Из окон дымили трубы буржуек. Питались подножным кормом. Всё в прошлом, а страх у людей остался. А вдруг опять?

Да, опять кризис! Всё у нас приходит неожиданно. Зима рано пришла – уголь не успели заготовить. Весну не ждали, а половодьем мосты смыло. Мокрое лето – наводнение, сухое лето – пожары. И всё неожиданно. Кризис, как гром среди ясного неба. Не ждали. Малое количество заводов, фабрик под умелым руководством нуваришей обанкротились, закрылись. Пустые корпуса зияют провалами разбитых стен. Работы нет.

Александр сидел на кухне с соседом, заглянувшим на кружку чаю. А точнее, посидеть и вспасть покурить. Супруга Виктора, чистюля и капризуля, курить ему в квартире не разрешала, выгоняла в подъезд. А что за удовольствие, стоя у консервной банки, пускать в одиночку дым в стылом полумраке? Никакого удовольствия. А если есть сосед, то почему бы не проводить его?

- Виктор, тебе двадцать лет на уши лапшу вешали, мозги пудрили. Обхаять Советскую власть было надо, вот они и пели песни о кухаркиных детях, которые до власти дорвались. А что получили? Кризис за кризисом.

Русские революции берут свое начало на кухне. Чай не баре, чтобы пить кофе в гостиной. На кухне привычней, уютнее. В гостиной присутствует дух официальности, а просто, подружески – на кухне. Пошли на кухню.

- Причем тут лапша? Ты что, плохо живешь? В Китай ездишь отдохнуть. Машина, квартира. У тебя это было при Советах?

- Китай?! А на Украину не могу съездить. Сочи – это хорошо, но отдохать дороже, чем в Турции. У меня машина? А десяток человек в райцентр съездить не могут. Электрички не ходят. Я сегодня с женой в больницу за сорок верст, ко мне две соседки в попутчики. А помнишь, ФГС, УЗИ в своей поликлинике проходили. Реструктуризация здравоохранения, мать их ит.ти.

- Ну, всё же лучше, чем на Украине. Была Чечня, успокоили. И остальное переживем.

- А на Украине, можно подумать, мы не причем? Двадцать лет смотрели, как там бандеровцы подрастаали. У нас ни МИД не работает, ни контрразведка? Не видели и не слышали, что там готовится. Либералы, едрил их в корень. В поддавки играют с Европой, США. А у проигравших только предатели получают. Вот и думай, кто предал, продал украинский народ. Думаешь, один Порошенко, Яйценюх? А у нас их сколько сидит? Они Украину предали, продали и Россию продадут.

- Ну, всё равно. Получше стали жить, чем при Ельцине.

- Вот в том то и дело, что не «хорошо», а получше. Да и не это страшно. Сломали людей. Сломали каждого по отдельности, семьи, отношения в обществе и само общество. Раньше кого уважали? Работягу. Мастера. А сейчас?

- А я чо? Я работаю.

- Работаешь. Как? Так же, как и живешь. Я не спрашиваю уже, любишь ли ты Горького. Помнишь «На дне»?

- Ну, ты загнул. Я больше горькую люблю. И не на дне, а по полной.

- Во, во. В этом то и дело! Слепому не объяснишь, что молоко белое. А у него как сказано: «Когда труд удовольствие, жизнь – хороша». А ты когда в удовольствие последний раз работал?

- Ну, за ту зарплату, что сейчас платят, достаточно, что я на работу хожу.

- Если оценивать свою работу только заработком, так всегда мало будет. Всегда будешь думать: мало заплатили, обманули.

- А ты? Ты сам-то первый рванул на заработки.

- Я, милый мой, рванул, когда заработки еще были неплохие. Но за что? За то, что рудник гробили. Хищничали. Брали

богатую руду. Вскрышу запороли. Я сам, думаешь, ушел? Ушили, «по собственному желанию». Я уже тогда предвидел закрытие комбината. О чем и говорил и писал. Без толку. Всё куплено, всё схвачено. А тут как раз предложили работу в Якутии. Далекова-то. Так работа не только за деньги, хотя и деньги неплохие, результат есть. Я его вижу. А я русский. Это европеец может из пустого в порожнее переливать – лишь бы деньги платили. А я русский, для меня труд в радость.

- Плевать мне, что плоское катать, что круглое таскать. Лишь бы платили.

- Так тебе гроши и платят. Гордости в тебе не осталось. Рабочей.

Спорили так, что в открытую форточку дым тянулся коромыслом. Они еще долго могли сидеть под чай с сигаретами. Вошедшая Светлана разогнала дым ладошкой и прекратила думское заседание.

- Всё! Господа заседатели, караул устал. Прения переносятся на завтра.

...

В «Топольке» разборки только начались. Ханурик был не сам по себе. Общак платят все. Не все с него кормятся. «Тополёк» – магазин непрезентабельный. Если бы не вывеска, то его можно было бы принять за гараж, амбар, сарай. Тем более, что гараж был к нему пристроен. С обитой штукатуркой, косорукими мастерами крытый, перекошенный и обшарпанный он не привлекал покупателей. В него шли те, у кого на водку денег не хватало. Настойка боярки, китайские жидкости широкого применения можно было совершенно свободно получить в любое время дня и ночи, хоть за наличные, хоть под запись. Не вернуть долг в «Тополёк» было равносильно прощанию с собственными почками. Нет, никто не вырезал их из живого на трансплантаты, но любой ханыга знал – будут бить, пока не отвалится. Те, кого хозяева привечали, могли через подсобку пройти в гараж. Это снаружи гараж. Изнутри широченных ворот словно не было. На их месте стоял бар. Посреди просторного помещения билльярдный стол. В одном углу боксерская груша, в другом штанга и тренажеры. Небольшой столик, диванчик и пара кресел завер-

шали обстановку. Эта смесь спортзала и питейного заведения. Ни Джухар, ни его брат Анвар сами не пили. Были ли они правоверными мусульманами? Не ясно. В крайнем случае, сами они это не афишировали и никого в свою веру не склоняли. Наоборот, поощряли всех алчущих. Аллах запрещает потреблять мусульманам, а иметь свой барыш с неверных – дело даже богоугодное.

Ханурик сидел в кресле и восстанавливал пошатнувшееся здоровье «Вертолетом». Младший Анвар без Джухара ничего не решал. Он следил за порядком. В магазине, вокруг магазина, в «спортзале». Принять, записать. Сказать где взять тому, кто расплатился. Выдать то, что старший сказал или записал за кем-то. Записано за Хануриком было немало. Право сидеть в кресле он отрабатывал тем, что хранил у себя всё, с чем Джухар официально никаких дел иметь не хотел. По мере надобности приносил и делал закладки в укромных местах вокруг магазина. Таких «хованок» каждый вечер он делал с десяток. В этот раз ни одной закладки не сделал. Сгорело всё синим пламенем в гараже. Настроение у Ханурика было ниже плинтуса. Что с него спросит за товар Джухар, он даже думать не смел. Одна была надежда – отговориться. Анвар колотил в углу грушу, Ханурик знал – его он, прикажи Джухар, будет бить так же деловито и спокойно.

- Джухар. Здравствуй, Джухар!

Он вскочил с кресла и не знал, то ли броситься навстречу, то ли подождать возле бара.

- Сиди. Что вскочил? Как наши дела Анвар? Как торговля? Как дома?

Анвар бросил грушу. Подошел, обнялся с братом.

- Здравствуй, Джухар. Дома хорошо. Дела не очень. Сегодня одной «бояркой» торгуем. Народ идет, а «нэту».

- Как «нэту»?

- У него спроси, «как нэту».

- Джухар, я же тебе сразу хотел сказать, а ты не слушаешь.

Сгорело всё. Сгорело.

- Что, менты спалили?

- Нет, всё в гараже сгорело. С гаражом сгорело. Идиот Дёма гараж поджег ночью. Всё и сгорело.

- Ханурик, меня не интересует Дёма. Мне безразлично, чей гараж сгорел. Товар я тебе давал. Я за хранение тебе щедро платил. Ты должен товар вернуть.

- Джуфар, побойся Бога, где я его возьму? Ты же его привозишь.

- Нет, дорогой, я ничего не привозил и не привожу. Анвар скажет тебе, сколько ты должен. С завтрашнего дня пойдут проценты. Надо бы с сегодняшнего, ты нас сегодня кинул. Но я добрый. Чтобы завтра к вечеру или товар, или деньги. Пошёл вон.

Повторять дважды Ханурику не потребовалось. Выскочил из «Тополька» с облегчением. Завтра будет завтра, а сегодня шкура цела – и ладно. Но деньги где-то брать надо. Не все сразу, частями. Но надо начать отдавать, чтобы счетчик не включился. «Где взять? Где взять?» – вертолетом крутилась, пенилась в голове мысль. Дома, у мамки – нечего и думать. Она за квартиру два года не платит. Свет отключили, так и живет в темноте. Когда-то спиртом торговала. Проторговалась, вернее, пропилась. У друзей посшибать? У них если только курева и сшибешь.

Ноги несли его к Дёме. Деньги, взятые в последний раз, они разделили. И если вещи, компьютеры сгорели в гараже, то деньги он наверняка с собой носит. А гараж его. И счетчик надо на него переводить.

Дверь открыла Ритка. Она была немного подшофе. Халатик, из которого она еще до замужества выросла, только подчеркивал ее прелести.

- Какие люди! И на свободе? Чо надо? И чо у тебя морда красная?

- Тебя.

Ханурик по привычке легонько ущипнул Ритку за сосок, который был готов порвать ткань халатика.

- Много, хочешь. Свой – такой же. Только с синей мордой, на кровати. Будешь лезть, и тебя разукрашу

Ханурик понял не высказанное. «Не лезь. Дома» Дома так дома. Это даже хорошо.

- Здорово, погорелец. О-ooo!

Этим долгим «о» Ханурик высказал всё, что относилось к Дёминому виду.

На столе стояла початая бутылка. Банка с консервированными огурчиками. На блюдце порезанная колбаса.

- Гуляем?

- Нет, лечимся.

- Риточка, тебе лечиться? Любая болячка, завидев тебя, рвет когти, как мышь от бешеной кошки.

- Это я бешеная? – Рита встала руки в боки.

- Да что ты, что ты? Ты у нас кошечка, кисочка, лапочка.

Ханурик был рад, вроде как в шутку, обнять хозяйку за талию, прижаться к ее бедру. А было, к чему прижаться и за что подержаться.

- Наливай, Ритуля. За тебя, красавица ты наша!

Сказать это он имел полное право. С недавних пор, сам того не ведая, Дёма делился с другом не только добычей, но и женой.

Выпили, похрустели огурчиками. Ханурик достал сигареты.

- Чо, Дём, пойдём покурим?

- Курите здесь. С его мордой только в коридоре светиться. Перепугает кого-нибудь, заикой сделает. Курите.

- Рита, ты бы соседку позвала. Помнишь, у тебя такая рыженькая была. Всё бы веселей.

- Ну, ты воистину Ханурик. Мало тебе рюмку на халюву, так еще и бабу.

В отличие от мужа Рита делиться ничем не любила. Что ее, то это уже ее. И муж, и любовник – ее! Так какие тут, нафиг, подруги?

- Рита, не как бабу, а как собеседницу. Мне с Дёмой поговорить надо, а ты бы с рыженькой поболтала.

- Чо с ней болтать, с вами интереснее. Выкладывай, о чем там с Демой секретничать хотел.

- Да я ему деньги вчера давал на сохранение. Не хотел с собой тащить в тридцатый. Сама знаешь, там сонного общманают, и не узнаешь кто. Там всё общее.

Дёма попытался засмеяться и застонал от боли. С его лицом можно было только чуть-чуть улыбаться.

- Там общее. А здесь? Я пока спал, эта лярва все карманы проверила. Ты думаешь, водка откуда? Она на свои купила? Фиг. У меня ни рубля. У нее теперь спрашивай.

- У меня? У меня зарплата через неделю. Под запись в магазине взяла. Сам же просил полечиться. А по карманам я у тебя не шмонала. Сам где-то поселял или пропил. Вчера, где гулял, там и ищи.

- Рита, вчера мы вместе гуляли. Деньги у него были.

- Во. А ночевал я дома.

- Вот, вот. Мамочка твоя и вытащила. Всё ей мало.

- Ты маму не трожь.

К ругани своих друзей Ханурик давно привык. Милые бранятся – только тешатся. Доходило у них и до потасовок. Ритка ни в чем Дёме не уступала, если она с синяком, то и Дёме перепало. Но сейчас Дёма был отнюдь не в спортивной форме, только мог, что языком молоть.

- Рита, слушай шутки в сторону. Гараж сгорел – это полделя. Вот то, что в гараже сгорело, дорогого стоит.

- Машина? Так мне по барабану их машина. Свекор всё равно ее Дёме не давал. Пешком ходили. А сдохнет – всё Олечке достанется.

«Свекор», «Олечка» она произнесла тоном, не вызывающим сомнения в ее чувствах к родственникам.

Чувства чувствами, но своя шкура дороже. Ханурику никак не хотелось проверять крепость кулаков Анвара.

- Машина мне тоже по барабану. В гараже товар лежал Джуфара, и он просит его вернуть. А так как сгорел он в Дёмином гараже, то с Дёмы он и будет требовать. И я потребую свою долю от вчерашней добычи. Так что думайте.

- А я тут каким боком? Дёмин гараж. Я в нем отроду не бывала.

- Боком, раком. Муж и жена – одна сатана. Джуфар с вас семь шкур сдерет.

- Э, ты чо, Ханурик, обурел? Я у Джуфара ничего не брал и ничего не должен. С тобой? Следующий раз пойдем – всё твое. Нечем мне сейчас отдавать.

- Нечем. Не брал. Это ты Джуфару скажешь. Может, брал? Поэтому и гараж поджег.

- Ты чо, совсем дурной?

Дёма плохо соображал. Какой товар? И почему друг вдруг стал требовать с него половину добычи, когда знает, что она

сгорела? Друг? А ведь сам всегда учил: Бог дал, Бог взял. Всё общее. А деньги – зло. Друг?

Ритка рассвирепела. Деньги у Дёмы она, конечно, приватизировала. Но это их домашнее дело.

- Ханурик, а не пошел бы ты! На халяву выпил и еще пугаешь. Что думаешь, управу на абреков не найдем? Двоюродных, троюродных по округе кликну – перестреляют. «Тополёк» их вонючий на дрова пустят. Такой пионерский костер посреди поселка устроят. Залюбуешься!

Ханурик еще пытался объясниться. Но хозяйка вытолкала его взашей в коридор и там, прижимаясь к нему тёплым боком, нашёптывала.

- Иди, иди. Деньги? Поишу, куда он их заныкал. Найду, отдам. Но обещать не буду. Он только к обеду домой сыскался. Черт знает, где его носило. А по голове хорошо досталось, он и сейчас с ней не дружит. Заговаривается.

- Ладно. Встретимся.

Его попытку приласкать она благосклонно отвергла и так, чтобы слышал Дёма, уже в открытые двери бросила:

- Давай, давай! И не пугай. Пуганные.

...

Ольга проснулась от грохота. Испуганно вскочила с постели и, накинув халат, выбежала на кухню. Скандалили родители. Величина ущерба только сегодня дошла до матери. Вчера из пьяного бреда отца мало что можно было понять. И только сегодня, когда он с большой головы стал валить всё на здоровую, она поняла. Нет гаража. Нет, словно не было, машины. Нет припасов, которые хранились в погребе. Погреб не сгорел. Когда заливали, его залили водой, которая сейчас замерзла, и даже банки с заготовками из него ломом не выдолбишь. Отец валил всё на мать.

- Вырастила урода. Один вред от него. Ни головой, ни руками работать не привык. Жрать, спать, да... Чтобы ноги его в доме не было!

- Вырастила. А ты где был? Тебе бутылка и друзья дороже сына. Я его учила пить? Это ты должен был его учить работать.

- А ты? Ты давала учить? На дачу утром. Кто говорил: «Не буди. Пусть поспит. Он еще маленький». Приехали с дачи, а у

этого маленького девка в постели. Водка на столе. Кто кричал: «Ой, не трогай его, нельзя детей бить!» Вырастила ребенка – убить мало.

- Тебя убить надо.

- На, на, убей! – рванул на груди рубашку Константин Анатольевич.

Катерина ушла в глухую оборону. Упала на стул, уронила голову на руки и зашлась в бабьем вое. Выдержать его нормальный человек не может, и Константин Анатольевич, накинув пуховик, голоуший, в комнатных тапочках, отправился в магазин. Обычная норма – две полторашки «крепкого».

Оля нырнула в свою комнату. Плотнее прикрыла дверь и надела наушники. Концерты дома были периодическими, она к ним привыкла. Участвовать в них не хотела. Чью бы сторону не приняла – всё равно виноватой будешь. Вскоре в квартире наступила тишина. Отец, выпив свое пиво, подобрел. Мать, повыв и видя, что никто на ее переживания внимания не обращает, успокоилась. Занялась приготовлением обеда. К обеду достала давно припрятанную бутылку водки. За обедом все трое отмалчивались. Мать за компанию с мужем выпила пару рюмок и легла спать. Пить она никогда не умела. Пятьдесят грамм были для нее сноторвной дозой. Отец еще несколько раз выходил из квартиры. К вечеру о том, что он жив, напоминал только могучий храп.

...

Юля с утра до позднего вечера просидела за рефератом по молекулярной физике. Всё, как в жизни. Броуновское движение – это хаотическое движение сообщества людей. В силу этой хаотичности человек в любой момент времени испытывает воздействие и в свою очередь оказывает влияние на других. Чем более значим человек, тем больше радиус его взаимодействия с окружающим миром. Чем напряженнее окружающая обстановка, тем жестче взаимодействие людей. Под воздействием внешних факторов движение приобретает целенаправленность. Переходит в борьбу за жизнь под солнцем. Строение вещества нельзя уподобить строению человеческого общества. Это всё-таки не живая материя, но и называть ее мертвой у Юли язык не пово-

рачивался. Поэтому и законы существуют только для идеальных состояний материи, как и законы пишутся для идеального общества, а в действительности – не работают. Был бы компьютер, Юля всё напечатала бы в два раза быстрее, а так приходилось все выписывать аккуратным почерком. Вычерчивать изобары, изохоры. Можно подумать, что в этом мире есть что-то постоянное. Закончив и скрепив листы степлером, отнесла отцу. Так было заведено. С гитарой и музыкой к маме, с уроками к папе.

- Ошибок нет. Весьма наглядно. Главное, нет воды.

Отец – геолог. Романтик и авторитет для дочери во всем. Любил, но не баловал. Учил, не заставляя. Хочешь – сделай. Таков был его девиз. Этому учил и Юлю. Под его влиянием Юля разрывалась на две половинки. В минувшем году она на краевом конкурсе детской песни стала лауреатом. Ей пророчили большое будущее. Но отношение отца к богеме, к попсе невольно передалось и ей. Впиталось до отвращения к царящим в их среде нравам. Хотелось петь, хотелось славы, и в то же время она понимала, какую цену придется за это платить. С волками жить – по-волчьи выть. Отец привил ей любовь к хорошей литературе, к поэзии. Он открыл ей красоту Серебряного века. От него она первого услышала стихи Есенина, Ахматовой, Северянина и Цветаевой. От него узнала, что Маяковский – совсем не тот, которого учат в школе. Под его влиянием начала и сама писать. Но пробиться со стихами, когда сейчас их пишут все, кому не лень, очень трудно. Напечатали несколько опусов в районке, пару добрых слов было от краевой. Но газетам выгоднее печатать рекламу, чем стихи начинающих поэтов. А в больших литературных журналах большие поэты в очередь стоят. Если выпустить альбом своих песен, то это позволит убить двух, трех зайцев одновременно.

Вечером, взяв гитару, Юля позвала родителей в свою комнату. Голос ей достался от матери, дед с бабкой которой были с Украины. Мать знала много их песен и пела так, как когда-то пели они. Голос у отца тоже был, а вот со слухом? Ну что ты хочешь от взрывника. «Оглоушенный на оба уха», – шутил он. Но слушать, как поют жена с дочкой, любил. Порой подпевал, себе под нос, так, чтобы не мешать им. А дочь с матерью под аккомпанемент гитары напевали в два голоса:

Осень – девица,
Что ж мне не спится?
Сон мой короче осеннего дня.
Осень – жар-птица,
Ты озорница
Вальсом осенним кружишь меня.

Давным-давно, в пору детства Светланы, Нани Брегвадзе просила снегопад не торопить ее бабье лето. И вот уже об осени поет дочка, и Светлане самой хочется, чтобы время не бежало, остановилось.

Милая осень –
Волосы в проседь.
Тонкий ледок, не тая, лежит.
Милая осень.
Прошу тебя очень,
Ты не спеши, не спеши, не спеши.
Наивные слова с нежной мелодией, их так приятно повторять:
Милая осень.
Ты не спеши. Не спеши.
Последним затухающим аккордом, полу值得一стю:
Не спеши.
- Спасибо, дочка, утешила!
- Утешила. Аж слеза покатилась. Всё, милая. Хватит песен.

Смотрим «Спокойной ночи», и спать.

Понедельник – день тяжелый. «Хмурое утро» – третья часть «Хождения по мукам». В транспортном цехе сумрачно, холодно, дымно. Водители прогревают машины. В раскомандировке дым коромыслом. Медосмотр пройден, можно расслабиться. Кто-то пьет горячий чай, кто-то уже принял на грудь питье покрепче. Гаишники из райцентра бывают редко, об их приезде становится известно всему поселку через десять минут после того, как они остановят для проверки первую машину. Механик Константин Анатольевич с водителями не пил. Стоически переносил внутреннюю засуху и, сдерживая дрожь в руках, подписывал путевки. Начальник колонны, с утра выдав задания, убежал на планерку. На планерке обсуждались мероприятия по ликвидации предприятия. Людей увольняли по графику. ГОК был в состоя-

нии комы. Фабрику остановили. В Руднике разбирали последнее экскаваторы. Оборудование, техника вывозились. Директора никто иначе как Ликвидатором не называл. Поставленную московскими владельцами задачу он выполнял успешно, даже с опережением графика.

Машин осталось всего ничего, и все в основном были задействованы на вывозе оборудования. Загрузился – семь километров до железнодорожной станции – разгрузился – обратно – загрузился. И так по кольцу. Заскочит водитель домой, пообедает (столовая закрыта – поварих уволили) и снова на кольцо. Дышали машины на ладан. Запчасти со склада исчезали, а новых не закупали. Константин Анатольевич давно махнул на всё рукой и надеялся на то, что водитель на неисправной машине не выедет. Выедет – его проблемы. А водителям надо было заработать. И водители, и машины трудились на износ.

Семёныч стал жаловаться на то, что у трайлера не работают тормоза, а ему сегодня «Комацу» на погрузку везти.

- Но у тягача работают? Потихоньку. Тебя же не на ралли отправляют.

- КрАЗ тоже на ладан дышит. Какое ралли? Едва ползает.

- Так становись на ремонт. В чем дело? Никто тебя не неволит. Заявку на запчасти я начальнику автоколонны передал. Жди.

Семёныч готов стать на ремонт, но заработка не будет. Средний падает. А компенсация от него зависит. Семёныч и рад был бы, если бы его даже завтра уволили. Если бы, да кабы? Не увольняли. На весь ГОК он один остался, кто мог справиться с этим мастодонтом. Мастодонтом и по возрасту, и по габаритам.

Одна за другой выезжали машины из гаража, впуская через ворота клубы морозного воздуха. Гараж опустел. Прихватив свою сумку, Анатольевич отправился в свою кондёйку. По дороге на работу он заскочил в «Тополёк» – затарился. Теперь, покончив с утренней рутиной, спешил принять лекарство. Сваренная из металлических листов, кондёйка сливалась с серыми, прокопченными выхлопными газами, стенами гаража, в глаза не бросалась, никому не мешала. Внутри старый диван, стол с телевизором, чайником. Пара стульев. Главное, внутренний замок не позволял определить, закрыта ли дверь изнутри или снаружи.

Гараж огромный, разделенный на секции. В случае необходимости всегда можно отговориться, что был в противоположном от начальства конце.

Семёныч, прицепив трайлер, ждал погрузки. Загнать огромный бульдозер на трайлер требуется искусство. КрАЗ чадил сизым дымом. Резкий запах сгоревшей солярки проникал в кабину. На востоке небо только-только начало светлеть. Холодно. Вздрогнула машина, по опущенным трапам забирался бульдозер. Закрепили растяжками шпалы под гусеницы. Тронулись. Пашка бульдозерист остался в бульдозере, к нему забрался Валерка – стропальщик. Семёныч курящих не любил. В КрАЗе от солярки дышать нечем, а тут еще надымят – глаза ест. В кабине бульдозера свободно. Редко кому удается прокатиться на такой высоте. За просторными окнами проплывает тайга, словно летиши. Летиши, как советовала старушка, низенько и тихенько, но если отвлечься от мелочей, то – летиши! Ускорение не заметили. Почувствовали, когда стали подскакивать на неровностях дороги.

Сразу за поворотом дорога пошла под уклон. Вначале плавно, но метров через пятьсот спуск становился круче. Семёныч от поворота стал притормаживать. Двигатель молотил на самых малых. Его ли это ошибка, или неисправность? Но тормозная педаль провалилась. Компрессор не успевал подкачивать воздух в тормозную систему. Сзади напирал многотонным грузом трайлер. Тормозить двигателем было бесполезно. Всё быстрее и быстрее катился вниз по дороге КрАЗ, подталкиваемый трайлером. Катится долго, до самого поселка, и единственное, о чем думал Семёныч, лишь бы никто не встретился на перекрестке. Побелели пальцы, вцепившиеся в баранку, побели лица у сидящих рядом Грини и Артёма. В кабине бульдозера вольно разгулялась паника. Скорость нарастала. За поселком дорога круто сворачивала к мосту, и впишется ли на скорости машина с трайлером в поворот, было неизвестно. Не впишется, и тогда всем хана.

- Прыгаем!

Валерка открыл дверь бульдозера. Цепляясь за поручни, спустился на широкую гусеницу, но и с нее было высоко. Кое-как слез на трайлер. Мимо пробегали дома поселка, школа, стадион. Еще метров семьсот, и поворот. Оттолкнувшись по дви-

жению, Валерка прыгнул. Земля приняла жестко и сразу ушла из-под ног. Он кубарем покатился, на счастье прочь от дороги. Мимо, всего в полуметре, пронеслись, поднимая снежный туман, колеса трайлера. Живой. И только когда попытался встать, пронзила боль. Боль от головы до пяток.

Паша только высунул голову из дверей бульдозера. Его желание прыгать остудил ледяной ветер, бивший в лицо. Он спрятался обратно в кабину – будь что будет.

Двигатель набирал обороты. Наступил момент, когда раскрученный им компрессор нагнал давление в тормозной системе. Осторожно, еще не веря в чудо, Семёныч стал притормаживать. КрАЗ остановился метрах в пятидесяти от поворота, за которым был обрыв речки. Если бы ушли туда?

Скорая помощь только увезла в больницу Валерку, как ей пришлось возвращаться за Семёнычом. Валера сломал ключицу, ушиб тазобедренный сустав, содрал кожу с головы. У Семёныча предынфарктное состояние.

В таком же состоянии или почти в таком же оказался и начальник автоколонны, когда ему сообщил о происшествии технический директор. Шум пошел по полупустым коридорам управления. Инженер по безопасности уехала, улетела на место события. Технический директор, начальник автоколонны ломали голову над объяснительными, не зная, как и что произошло и кто виноват.

Слава Богу, никто не погиб. Слава Богу, цела техника. А виновные найдутся. В дверь кондайки стучали долго и настойчиво. Кулаками, ногами, обрезком трубы. Константин Анатольевич, поняв, что отсидеться не удастся, был вынужден открыть дверь.

- Обед. Чо ломитеся?

- Я тебе дам обед. Гад! Глаза залил, время не видишь. Ни хрена ты не видишь, что у тебя творится!

- А, что творится? Машины в рейсе. Люди заняты.

- Заняты? В больнице у тебя люди. Трайлер чуть под обрыв не ушел. Тормоза неисправны. Под суд пойдешь. Чтобы через полчаса объяснительная на столе у директора лежала. А этот кельдым сломать. Сегодня же разобрать. К ... чертовой матери! На металломолом!

Разговаривать с механиком дальше начальник автоколонны посчитал бесполезным. Незачем. Виновный найден. Конечно, виновен подчиненный, и за него достанется, но судить будут не его, а этого подчиненного козла отпущения.

Писать? Что писать? Причем тут он? Его вообще не было. Он спал. Кто сдал? Не нашел бы его начальник автоколонны сейчас. Потом. Потом был бы другой разговор.

- Ты, хохол, на меня настучал. Ты сдал, что я сплю. Ну, выпил немного. А тебе какое дело? ... Наприезжали! Ты сразу под меня копать начал. Перед начальством гнешься.

Тарас был единственным человеком, кого приняли на работу за последние полгода. Приняли временно, автослесарем. Куда-то надо было пристраивать семью беженцев с Украины. Жену приняли оператором в котельную, а его в ГОК. Работали они добросовестно. Были искренне благодарны людям за заботу, России за работу, за квартиру. Богу – за то, что живут под мирным небом.

Константин Анатольевич с грохотом захлопнул дверь кондеки. Напишет он объяснительную. Напишет к концу дня. Не первая и, дай Бог, не последняя. Напишет. Только голову поправит.

Реферат прошел без сучка и задоринка. Прочитала его Юля на одном дыхании. Четко ответила на несколько вопросов. Антонина Михайловна с удовольствием поставила ей пятерку. На перемену Юля вышла с хорошим настроением, и здесь ей его постарались подпортить. Она услышала свою песню. Откуда? У окна толпились девчонки из параллельного класса. У одной из них, у Лидки, из телефона звучала до боли знакомая, родная мелодия. Она подошла ближе, еще не веря своим ушам. Ошиблась? Нет. Это действительно пела она.

- Лида, ты где взяла эту песню?

- Где, где? В ..., в Караганде. Тебе-то что?

Лидка – девчонка конфликтная. Рано повзрослевшая, она привыкла верховодить и любое покушение на свое первенство готова была отстаивать с кулаками. Почувствовав, что со стороны Юльки – это не простое любопытство, решила покуражиться над отличницей-активисткой.

- Учись, как петь. Это Девятова.

Юлька ошалело смотрела на Лидку.

- И где нашла такую фигню.

- Сама ты фигня. В «Одноклассники» кто-то выкинул. А с какого концерта, не знаю.

Лидка жадно следила за новостями из жизни звёзд. Знала все сплетни про певцов, артистов и отирающейся около их публики. От Пугачёвой до мало кому известной Ксюши Лапиной. Рассуждала о них так, словно была с ними лично знакома.

Юлька пользовалась простым телефоном. Даже без фотоаппарата. Мыльница – если потеряешь, не жалко. В конце коридора мелькнула знакомая фигура.

- Андрей, выручай! Кто-то в «Одноклассники» выкинул мои песни.

Зазвенел звонок на урок, но они самозабвенно лазили в интернете. Учителя разогнали по классам, но любимый урок литературы превратился в пытку. Время тянулось как никогда медленно. И со звонком, не дождавшись разрешения учительницы, Юля выскочила из класса. За время урока Андрей нашел пять оценок, выставленных ее песням. Нашел и того, кто поместил песни на сайт. Кто – не сказал, а уговорил отпроситься с уроков.

- Придумай, что-нибудь. Отпустят. Ты же у нас круглая отличница.

На улице, когда она стала тормошить его, что да почему, он извинился, оговорился в школе.

- Ты не круглая отличница, круглая дура. Кто поместил песни на сайт, у того и твой компьютер. Надо в полицию идти и быстро производить обыск!

- Мог бы и раньше сказать. А то устроил тайны мадридского двора. Я бы не выдумывала для Марьюшки про головную боль и что мне к врачу надо.

- Молодец! А если бы я тебе сказал, то ты по всей школе раззвонила бы, кто взял и куда ты пошла.

- А кто?

- В полиции узнаешь.

Дежурный сержант и разговаривать не хотел. Следователи в бегах, участкового он сегодня не видел. Понедельник.

- По тебе видно, что понедельник. А мы не уйдем. Будем сидеть здесь в коридоре, пока кто-то из офицеров не придет.

Сержант – сосед по подъезду. Уже после того, как поступил в полицию, заработал от Юлинного отца хорошую трепку. Но так как был тогда в изрядном подпитии, ограничился угрозами. А в памяти осталось, что с этим мужиком лучше не связываться и с дочкой его тоже. Не обращая внимания на подростков, он уткнулся в экран смартфона.

Дождались они прихода начальника полиции. Нового. Третьего за последний год. Не задерживались начальники в поселке, не имеющими никакой перспективы. Майор – холостяк, произвел переполох в женской половине. Высокий, с выпрямкой кадрового военного – ну, настоящий майор. Впрочем, на жизни поселка его приход пока никак не отразился. Месяц – не срок.

- Товарищ майор, разрешите обратиться.

По уставу (сказывались уроки ОБЖД и военной подготовки) вытянувшись в струнку, Андрей преградил майору дорогу.

- Обращайтесь.

- Товарищ майор, мы по поводу кражи в пятницу. Мы нашли, кто украл.

- Какой кражи? Точнее, боец.

- Квартирной. Ну, в пятницу квартиру обворовали. Вот, у Юли.

- Фамилия-то у Юли есть? Адрес?

- Есть, есть!

- Ну, проходите, боец с Юлей.

- Быстрее надо. Товарищ майор, мы серьезно. Надо обыск делать.

- Интересно. Мы не нашли, а вы нашли. За что только следователи свой хлеб едят? Пройдёмте в кабинет. Не в коридоре же разговаривать.

И уже дежурному:

- Участкового ко мне и следователя, у которого дело.

Дело, оказалось, еще даже не возбудили. Участковый по сотовому был недоступен, по-городскому не отвечал. Следователю дело не передавалось.

Майор внимательно выслушал все доводы Андрея. Пролистал закаченные в «Одноклассники» песни.

- Так это ты поешь и песни твои? Не знал, что в поселке такие таланты. Молодец. Грех большой тебе не помочь. Но как бы это всё законно сделать?

- Товарищ майор, быстро надо. Ведь сбудут с рук. А тут ясно, что пока она в школе, ноутбук у нее дома?

- Андрей, не тяни. У кого, у нее?

- Так у подружки у твоей. Ольги Барунтаевой. Вот видишь, это она поместила твои песни в «Одноклассники».

- Товарищ майор...

- Я уже год майор и пятнадцать лет товарищ. Так, я пока звоню, ты рассказывай. Что за Ольга, где живет, почему думаешь, что она может взять компьютер?

Он внимательно слушал, делал короткие записи в блокноте. Потом попросил их подождать в коридоре.

- Андрюша, какой ты молодец!

И из озорства, а может, и назло сержанту на глазах у того расцеловала мальчишку.

Каким образом договорился майор с прокуратурой, неизвестно. Но с ордером на руках, вместе с инспектором по делам несовершеннолетних они отправились на квартиру Барунтаевых. На стук в дверь никто не отвечал.

- Никого?

- Так, Ольга в школе, а родители у нее на работе.

- И до которого часа у вас занятия в школе?

- До половины второго.

- Хм, – ухмыльнулся майор. – Я так без обеда останусь. Лейтенант, сходите за девушкой. Только не пугая. Приведите. Пригласите. Короче доставьте ее.

Инспектор, по внешнему виду не старше Юли, отправилась в школу за Ольгой. Ждать долго не пришлось. Вернулась она вместе с психологом школы и понурой, идущей, как на казнь, Ольгой.

В маленькой прихожей стало тесно от незваных гостей. Майор положил руку на плечо Андрею и вежливо, но убедительно попросил:

- Подождите здесь. – И уже Ольге. – А с вами пройдем на кухню.

Без приглашения сел за стол и, глядя на нее как на провинившегося ребенка, долгие-долгие мгновения молчал.

- Ольга...?

- Константиновна, – подсказал психолог.

- Ольга Константиновна, предлагаю вам добровольно выдать похищенные вещи.

- Я ничего не похищала.

Поспешно ответив, Ольга капризно тряхнула головой. Еще по пути из школы она решила ни в чем не признаваться.

- А вас никто не обвиняет, что вы совершили кражу. Но если в квартире будут найдены похищенные вещи, то вы будете являться соучастницей преступления, со всеми вытекающими последствиями. Вашим арестом, арестом родителей.

- Она несовершеннолетняя, – вмешалась психолог.

- Но шестнадцать лет ей есть? Есть. Я допускаю, что она не знает, что в доме находятся похищенные вещи. Тогда будем вынуждены доставить родителей. А пока, лейтенант, пригласите понятых. Кого-нибудь из соседей.

Ольга, представила, как будет, поджав ехидно губы, шарить глазами по квартире соседка баба Вера, а потом разнесет по всему поселку, что Барунтаевы воры и..., и что она еще приплетёт к этому.

Чуть ли не бегом она принесла из комнаты ноутбук.

- Вот.

- Это всё?

- Да.

Майор позвал Юлю.

- Вы признаете эту вещь?

Юля повертела ноутбук в руках. Узнала знакомые потертости, отколотый уголок.

- Да!

И не выпускшая его, хотела уже бежать домой, счастливая, как ребенок, нашедший любимую игрушку.

- Оставьте. Это пока вещественное доказательство. А вам необходимо будет принести документы на него. Паспорт, копию чека.

Глядя на огорченную Юлю, добавил:

- Заберете по окончанию следствия. Не уходите, вам надо будет расписаться в протоколе.

Ольга, отдав ноутбук, с облегчением вздохнула. Но, оказывается, самое страшное было впереди. Надо было объяснить, как он попал к ней в руки. Сказать, что нашла, – никто не поверит. А сдавать брата...

- Мы всё равно найдем, кто из ваших знакомых отдал вам ноутбук. Это дело времени.

Майор спешил дождаться девчонку. Ясно, что в квартиру она не лазила. Кто-то из ее компании. Даже если ее задержать, то в школе уже все знают, что ее забрала милиция. Куй железо – пока горячее.

- Так кто? Поймите и вам, и тем, кто обворовал квартиру, будет лучше, если мы не будем поднимать много шума. Суд учитывает сотрудничество со следствием. Подумайте.

...

Вчерашний день вспоминался смутно. Обрывками. Утро началось нормально. Похмелились, полечились. Ритка еще согняла за добавкой. Хорошо сидели, пока не пришла ее мать. Нет, чтобы посочувствовать больному зятю, она над ним еще издеваться стала. Но от рюмки не отказалась. Жрала, карга, в три горла. В эту бочку сколько не влей, всё мало. Но не это его разозлило. Думали, если глаза у него заплыли, так он совсем ослеп. Теща с Риткой на кухню вышли, и он вслед за ними. Смотрит, доченька маме деньги передает. Тут дошло. Денег дома давно нет. До зарплаты еще жить да жить. На что гуляли, не задумывался. А тут дошло. Эта крыса у него пьяного карманы обчистила. Подскочил, выхватил. Половину. Порвалась пятитысячная. Ну и озверели бабы. Вдвоем на одного. Оторванную половину отобрали и ушли. Он, допив остатки, завалился спать. Вечером Ритка пришла, собрала вещи и ушла к маме. Насовсем. Так она, насовсем, раз в месяц в месяц уходила. Но перед уходом сказала, что его Джухар ищет. Обещал голову оторвать. И ушла, хлопнув дверью.

Послонявшись по пустой квартире, Дёма завалился на кровать. Ночь мучили кошмары. Жарко. Горит квартира. Пламя обжигает руки, лицо, глаза. Вскочив с постели, он бросился к дверям, но вместо коридора выскочил на балкон. Остыл. Ото-

драл засохшую коросту с век. Холодной водой утолил жажду. Лег и снова провалился в кошмары. Отец, страшный и грозный, грозит кулаком. Исчез, но его волокут на расправу Джухар с Анваром. Он вырвается. Вырвался и падает куда-то в пустоту. Ударился головой. Очнулся на полу. Утро не принесло облегчения. В холодильнике пусто, на столе ни крошки. Скомкана пустая пачка из-под сигарет. Идти некуда. К родителям страшно. Ждать некого. Был друг, и тот деньги требует. Жена? Женился, была стройная, нежная. Сейчас маму догоняет и такая же стерва. Голова раскалывалась. Оторвать и выкинуть. Не думать ни о чем.

Ольга призналась, что ноутбук подарил брат. Махнув рукой на обед, майор с лейтенантом отправились ковать железо дальше. Поселок маленький, до бывшего малосемейного общежития, переделанного под дешевые квартиры, дошли за пять минут. На стук никто не ответил, дверь сама под рукой полицейского приоткрылась.

- Хозяева. Есть кто дома? Можно войти?

Тишина – знак согласия.

Хозяин встретил в коридоре. На полу валялась перевернутая табуретка. Дёма повесился на электрическом шнуре переноски.

Майор, чертыхнулся. Почти раскрытое преступление стало снежным комом, который рос на глазах. Теперь надо вызывать из района судмедэксперта, следователя, и неизвестно как дело повернется.

...

Катерина работала нормировщицей. А так как работающих с каждой неделей становилось меньше, то и работы у нее было – кот наплакал. Собрать талончики медицинского осмотра, записать в журнал ежедневного инструктажа, и всё. Хотели вменить ей обязанности кладовщика, но с ее рукой только и таскать тяжести или перебирать мелочевку. В тишине кабинета Катерина то раскладывала пасьянсы, то гадала на картах, или, достав квитанции, высчитывала, сколько месяцев ей еще выплачивать ссуды. Как не пересчитывала, всё время выходило не менее 15 месяцев. А теперь еще и неизвестно, за что. Машины нет. Раньше

на работе хоть были подруги, которым можно было пожаловаться на злую долю, а сейчас не с кем даже чай попить. Закрыли столовую. Сидела и прихлебывала в одиночку, когда зазвонил телефон. Ольга. Сквозь всхлипы, заикания едва разобрала, что Дёма повесился. Смысл услышанного дошел не сразу. Ольга всхлипывала, повторяла:

- Мама, мама... Дёма, Дёма. Дёма повесился. Мама, приезжай!

В панике. Бегом пустыми коридорами. В расстегнутой шубейке она прибежала в гараж. Нашла мужа. Вернее, нашли. Он пришел из кондеги злой. Злой на жену, которая не вовремя приперлась со своими бабьими глупостями, злой на слесаря, опять нашедшего его, на ненаписанную объяснительную. Злой на весь мир.

До него тоже не сразу дошло, что повесился сын. Из машин только директорский «Патриот». К директору просить машину он отправил Катерину.

Горе матери, потерявшей ребенка. Нет таких слов, чтобы передать его. Катерина не верила, не узнавала. Серое, опухшее лицо в буро-зеленых разводах синяков было чужим. Только руки, которые она взяла в свои, были его. Холодные, мертвые. Но она узнавала каждый пальчик, перецелованный в детстве. Она грела его руки, словно надеясь оживить своим теплом. Константин Анатольевич молча стоял рядом. Когда вошедшие санитары хотели переложить тело на носилки, Ольга судорожно всхлипнула и закатилась в истерику. Горе прорвалось наружу. Она вцепилась в тело сына, упала на него, словно закрывая, защищая от чего-то, что могло быть страшнее смерти.

Чужие люди, полицейские, подняли ее. Санитары перенесли покойника на носилки, и она, не отпуская руки сына, засеменила с ними рядом. Константин Анатольевич пошел вслед за ней. Начальник милиции хотел остановить их, потом махнул рукой. Пусть проводят до машины. Тело надо везти в райцентр на вскрытие.

Опрашивать родителей в таком состоянии – дело бесполезное. Надо было начинать с жены, соседей, знакомых. Самоубийство? Убийство? Доведение до самоубийства? Вид покойника

позволял делать разные предположения. Впрочем, как шутят патологоанатомы: «Вскрытие покажет». Труп криминальный, отрабатывать нужно все версии.

- Это ты! Это ты! Ты виноват!

Зашлась в крике Катерина, когда тело сына загрузили в машину. Она не могла дотянуться до лица мужа, рвала на нем пуховик. Замок разошелся, шапка упала на снег, а она набрасывалась, наскакивала на него. Он не защищался, а только закинул голову назад, чтобы она не вцепилась в лицо.

- Это ты! Ты, ты!

И устало опустилась на снег. Зарыла лицо руками. Сквозь плач можно было разобрать.

- За что, Господи? За что мне это, Господи?

О Боге чаще всего вспоминают, когда Бог не может исправить случившееся. Когда ищут и не находят виноватых. Тогда во всем обвиняют Его. Клянут свою судьбу, которую сами и сформировали. Константин Анатольевич поднял на ноги супругу. Поддерживая под руку, повел домой. Лицо сына стояло у него перед глазами. Это он сделал его таким. Это он ударил сына. Но его ли в том вина? Или виноват не в том, что ударил его кулаком, а в том, что, идя на поводу жены, не был его маленького ремнем? Что, потакая жене, позволял ему растя лентяем? Что не наказал его за первую рюмку, за первую выкуренную сигарету? Виноват в том, что пил вместе с сыном. Курил, принесенную сыном коноплю. А кто не пьет, не курит? Виноват. А как наказывать, если его руки сковывала любящая мама?

Ольга была дома. Она молча открыла дверь и стояла у порога, пока родители раздевались. Тягостная тишина висела в квартире. Каждый боялся первым сказать слово. Словно беда еще там, за дверями, она еще не вошла в дом, но с первым звуком ворвется, перевернет этот мир. Зимнее закатное солнце врывалось в окна. Отражалась в трюмо. И Катерина, тяжело вздохнув, сказала Ольге.

- Закрой зеркала.

Когда Ольга накинула на трюмо белую простыню, словно совершив какой-то обряд – мать обмякла. Не подхвати ее Кон-

стантин Анатольевич, она упала бы на пол. Взял на руки, муж отнес Катерину в комнату. Положил на диван.

- Что стоишь столбом, дура? В скорую звони!

Сам быстро прошел в ванную. Намочив полотенце, стал протирать жене лицо, лоб, виски. Что еще там при обмороке?

- Найди нашатырь.

К приезду скорой помощи Катерина пришла в себя. Фельдшер смерила давление, проверил пульс. Дала успокоительное и посоветовала больной покой. Ничего страшного. Нервное расстройство. Надо успокоиться.

- Сейчас она уснет. Если проснется, дадите ей еще одну таблетку на ночь. Но не раньше, чем через два часа. Вы меня поняли? Еще одну утром.

Фельдшер дала Константину Анатольевичу две таблетки в целлофановой обертке.

- До свидания.

Хотела еще что-то добавить. Но сдержалась. Только сочувствующе покачала головой.

- До свидания.

...

Скорость распространения новостей, слухов, сплетен превышает скорость света. Науке неизвестно, какие трансформации происходят с веществом за границей этой скорости. Слухи в процессе распространения также приобретают самые фантастические формы.

Жека выходные отлеживался. У русских две болезни: первая – это ерунда, она сама пройдет, вторая – это кранты, лечить бесполезно. В понедельник утром Жека почувствовал, что подходят ему кранты. Ни кашлянуть, ни... высыпаться. Кое-как, с трудом переодевшись в чистое, отправился на прием. Хирург принимал с обеда. Ждать? Бывало так, что уедет хирург, он же главный врач, в район, и прием откладывается на следующий день. Жека потерпел бы, поскрипел бы еще зубами. А больничный? Задним числом не дадут. Пришлось идти в скорую помощь. Сняв с него рубашку, Светлана, знакомая медсестричка, ахнула. Правый бок, от лопатки до поясницы, был сплошная синюшная опухоль, которую пересекал рубец.

- Где же тебя так угораздило?

- Шел, упал. На бордюрину.

- Повезло тебе. Если бы позвоночником, мог бы и не встать.

А сейчас шагай на снимок. Не нравится мне твоя спина. А точнее хирург скажет. Или вскрытие покажет.

- Умеешь ты, Светочка, больного утешить. Ласковая ты моя.

- Ласковая, да не твоя. Топай, топай. Ходить можешь.

Хорошо, хоть тапочки дала. Не по улице, а напрямик, больничными коридорами провела к рентгеновскому кабинету. Там не бросила, а провела без очереди как больного.

Жека сидел в ожидании снимка, когда привели Валеру. Поддерживали его с двух сторон. Тот постанывал, осторожно ступая на правую ногу. Но людей узнавал, здоровался легким кивком и старался держаться молодцом, подшучивая над собой.

Жека надеялся, что поговорит с ним после рентгена, но Валеру сразу увезли в операционный кабинет. А пациенты уже во всю обсуждали аварию. Жалели погибшего водителя. Кляли руководство комбината, заставляющее людей работать за гроши на неисправной технике.

...

Не разведешь беду руками. Ни свою, ни чужую. Пришла беда – отворяй ворота. Версию самоубийства из района подтвердили. Одним делом меньше. А вот с квартирными кражами надо разбираться. Следователь объединил их в одно. С Барунтаевыми разговора не получилось. Понимая их состояние, следователь не давил. Сообщил, что могут забрать тело для захоронения. Спросил о друзьях их сына.

- Весь поселок. Общительный он был.

Ольга находилась в школе. А для родителей следователь являлся помехой. Мысли их были заняты похоронами. В вечной мерзлоте выкопать могилу – надо искать людей. Гроб, венки, материя. Никто ведь не готовился. И денег, как назло, ни копейки.

Выходя из квартиры, следователь столкнулся с Ритой, пропустил ее в дверях. Стал закуривать, когда в квартире разгорелся скандал.

- Будь ты проклята! Шалава! Ты его довела до петли. Опоили его с мамашей. Споили. Ты всё дружков его привечала. Теперь рада. Его нет – дружки остались. Чтоб вы передохли, ведьмы!

Ритка выскочила из квартиры и наткнулась на следователя.

- А я вас искал. Хотел уже повесткой вызывать.

- А зачем меня искать?

- Вопросы у меня к вам есть. Да что мы здесь говорим?

Вопросы у меня под протокол будут. К вам пойдем или в отделение?

Идти в отделение с капитаном? Так уже через час по всей деревне шум пойдет, что арестовали. Такого напоют, вовек не отмоешься. В пустую квартиру? Страшно. После ухода от мужа она еще не заходила туда. Чувство вины? Нет. Чувство какого-то страха. Было, было. И зелье мама у бабки брала – Дёму пить. И поила, как мама сказала. Вдруг свекровины проклятия сбудутся? Ноги сами несли к матери. В родном доме и стены помогают.

Мать на работе и Рита как хлебосольная хозяйка стала накрывать стол.

- Потом. Не суетитесь.

Капитан достал из папки бланк допроса.

- Скажите, вы знали, что ваш муж занимается кражами квартир?

- Нет. Ничего не знаю.

- А на что вы существовали? Только не говорите, что зарплата в семь тысяч вам позволила купить золотые сережки, три кольца на руках – неплохо для уборщицы?

- А это... Мы ссуду брали.

- А, ссуду безвозмездную. Под сколько процентов и сколько в месяц обходится?

- Так мама помогает.

- Мама тоже, кажется, уборщица?

- А что уборщица – не человек?

- Человек. Я это и не отрицаю. А вот пригласить соседей в понятые и произвести обыск у вас я обязан. Или вы добровольно возвратите украденное.

Никакого обыска проводить он не собирался. Просто не имел права. Но видел, что глупа Рита. Глупа. И где ей знать законы и свои права.

- Кстати, какие из этих украшений вам подарены мужем?

Думать от страха Ритка перестала. В голове испуганно мешались обрывки мыслей. Ага, подарит он украшения, а вот это колечко ей Ханурик подарил, которое явно не покупал. А в шкафу четыре телефона, что она из дома забрала, не успел Дёма их столкнуть. Да причём тут Дёма? Надо всё на Ханурика валить. Кольцо отдать, а телефоны потом выкинуть. Лишь бы обыска не было. Привела на свою голову!

Скороговоркой она выпалила всё, что знала про мужа и про Ханурика.

- А здесь ничего нет. Они всё в гараже хранили. А он сгорел. Мне одно колечко всего подарил, и то давно. Прошлый год на день рождения.

...

Понедельник – день тяжелый. Как день начался, так и кончится. Ханурик, узнав о самоубийстве Дёмы, не знал, то ли радоваться, то ли расстроиться. Друг? Друг. Но теперь на этого друга можно многое списать. Джухар поймет, что товар был у Дёмы, что у Ханурика горе – друг умер.

Его иллюзии братья развеяли быстро.

- Деньги вчера принес – хорошо. А сегодня юлить начал. Друг помер – горе. Это твое горе. А долг твой – это твой долг. Друг помер, а не ты. Ты мужчина – мужчина долги отдает. Помрешь – простим. Не вернешь – поможем помереть. Понял?

И чтобы ему стало понятнее, что его ждет, Анвар лениво, без размаха, саданул ему железным кулаком в грудь.

- Понял?

Выговорить ни слова Ханурик не мог. И жадно ловя открытым ртом воздух, закивал головой.

- Ууу-гу... – выдавил в конце концов из себя.

- Тогда иди, дорогой. Иди.

Пинок под зад – не больно, но доходчиво, указал ему направление движения. Бесцельно пошатавшись по поселку, искать деньги Ханурик и не пытался, по привычке вышел к

«пятаку». Вокруг импровизированного рынка крутилась мелкооптовая жизнь поселка. От молока и мяса до вязаных шапочек с варежками. И даже обрадовался, когда его окликнул участковый.

Доставленный к следователю отпираться не стал. Брал на себя с Дёной все кражи в поселке, валя инициативу на подельника. Срок его не пугал. За кражи: от двух до шести лет. Учитывая первую судимость, добровольную явку, сотрудничество со следствием – максимум два года. Два года? И на зоне живут. А отсидев, он не шпана будет. Вором «в законе» станет, и посмотрим, как Джухарик с ним тогда разговаривать будет! Братва своих в обиду не дает, – тешил он себя новыми иллюзиями. Следователь, в отличие от братьев, развеять мечты Ханурика не собирался.

- Гражданин Гурьянов, прочитайте протокол и распишитесь.
- Что, читать? Я верю.
- Положено. Вдруг я вам убийство припишу. Или еще что-нибудь.
- Не. Не припишите. Не было у нас поселке убийств. А гражданин следователь, суд скоро?
- Скоро, скоро. Вот оформлю все документы и передам дело в суд.
- Побыстрее бы.
- Торопишься. Успеешь еще.
- Так сидеть в обезьяннике плохо. Плятся, как на мартышку. Да и шамовка хреновая.
- А всё, дружок. Я с тобой работу закончил. Завтра в район, в ИВЦ. А там как положено: камера, шконка, пайка, параша. Так что до свидания, гражданин Гурьянов.

...

Похоронили Дёму. Увезли Ханурика – Гурьянова. Сплетни, разговоры переключились на новые животрепещущие темы. Как болото – где-то внутри невидимо гниет, копится, потом вздуется пузырем, чавкая, прорвется наружу вонючими газами и снова затаится, поедая само себя.

Семёныч, выйдя с больничного, вместе с объяснительной подал заявление об увольнении в связи с уходом на пенсию.

Злополучный КрАЗ загнали в бокс, похоже на вечную стоянку или быструю разборку, как получится. Константина Анатольевича, объявив выговор, сняли с занимаемой должности. Не уволили. Старейший работник. В семье горе. До пенсии год. Не стали добивать.

Ничего не осталось от его гордой осанки, Беды согнули его. Дом гнул его еще больше. Скорбный, обвиняющий взгляд жены. Всхлипы за стеной. От тоски домашней уходил в гаражи. Кто-то сочувствовал его горю, кто-то радовался поводу выпить и поговорить «за жизнь».

- Судьба, Костя. Упокой Господи его душу.

- Земля ему пухом.

- Да, знал бы где...?

- С гаражом-то что будешь? Восстановливать али как?

Алексей кряжистый, вечно набыченный вопрос задавал не зря. Здоровье имел он крепкое и знал, что, перекупив за копейки, за лето сможет отремонтировать погорелье и продать по осени с выгодой.

- Не знаю. Там сейчас одни головешки в лед вмерзшие. До тепла погожу. Наливай. Да и на что восстанавливать? Подсидел меня хохол. Теперь перед пенсией в слесаря, на копейки сел.

Выпили. Опять помянули. Слово за слово, кто-то помянул покойника недобрым словом. Грехил Дёма не только квартирами, но и гаражами не брезговал. Угонять машины не угоняли, а раскурочили с дружками не одну. Электронику сдернут, колеса снимут, инструмент приберут.

Обиделся Константин Анатольевич. Вразнос пошел. Стал за грудки собутыльников хватать. Подвернулся ему Алексей, на него и попер буром.

- Это вы всё, приезжие, из-за вас жизни нет. Всё норовите подсидеть. Может, ты и гараж поджег. Вам не привыкать, хохлы.

А хотя Алексей и был брянский волк, кличка «Хохол», за его трудолюбие и крестьянскую хитринку прилипла к нему на мертвое. Имел он две ходки по малолетке и характер в трезвом состоянии сроками обузданный. Но водка в голове играет. Сцепились. Высокий Константин, жилистый и бычковатый Алек-

сей. Пока расцепили, успели они друг другу ребра намять и морды поправить. Потом пили мировую.

А так как превратились эти мордобытия с пьянками для примирения в еженедельную традицию, взвыла Катерина. А тут еще иголку нашла, в дверь воткнутую. Свет белый невзвидела.

- Сглазили нас, доченька. Порчу навели. Это всё Римка со сватьей, чтобы им пусто было, чтобы им сквозь землю провалиться!

В один прекрасный день, прихватив дочурку и мужа, не успевшего по субботнему утру приложиться к бутылке, отправилась в соседнюю деревню. Жила там бабка-шепотуха. Слава про нее по всему району ползла.

Взяла бабка «по таксе». Ворожбу Катерина вспоминает, как в тумане. В избе царил полумрак, который не в силах были разогнать толстые самодельные парафиновые свечи. Пахло не-просушенной баней. Висели вдоль стен по гвоздикам, на веревочках через всю избу метелки трав. На печи побулькивало в кастрюльках варево. Не понять, что для еды, что для приворотов. Старушка скороговоркой шепелявила, и чтобы понять ее, приходилось больше слушаться ее жестов. Бог ведает, что она там шептала, но, по словам бабки, отвела она от них сглаз, сняла порчу, и жить они будут от сего дня и до кончины в благоденствии.

В самом деле Константин пить стал меньше. Резко постарел, смотрел на мир трезвыми, потухшими глазами. Бросил курить. Не по карману стали сигареты, и в квартире остался только запах сердечных капель. Тяжелый, унылый. Катерина больше не закатывалась в истерику, а сидела вечерами за картами, ничего не загадывая, ничего не ожидая.

...

Весна брала свое. Дни становились длиннее. Накануне Восьмого марта Юля выпустила свой первый диск. Под фотографией золотой вязью букв «Юлия». Презентацию диска провел в центре досуга. Спасибо, помогла Зинаида Викторовна. Концерт прошел прекрасно. Пела сама, пела дуэтом с Андреем, ну куда без него. Пела Зинаида Викторовна, а подпевала добрая половина зала. Оказывается, с подачи Ольги, ее песни в поселке

уже знали. А еще тайком Юля отправила свой диск на телешоу «Хит». Петь на московских сценах не рассчитывала, а вот что б кто-то выбрал ее песню, очень хотелось. Сегодня получила уведомление, что все песни приняты к рассмотрению. Душа пела.

Они шли со школы. Взявшись за руки. Счастливые. Не обращающие внимания на окружающих. Окружающий мир свелся к радости. Весна. Возрождение мира.

Весна свое возьмет.

На краю болота стоит тонкая березка. Она тоже с нетерпением ждет весны.

Болота не вечны, и они умирают. Вернее, их побеждает жизнь. В весенние паводки ручьи промывают новые русла. Тайга медленно, но уверенно наступает на трясину. Затягивает сверху дерном, который скрепляет корни трав, деревьев. Пройдет изрядный срок, и никто не скажет, что здесь было болото. Главное, не погубить, помочь первым, робким росткам жизни преодолеть смертельную рутину.

Иванкин крест

Человек не помнит миг своего рождения.

Хоть убей и по новой роди – не вспомнит. Свой первый всхлип-вдох, свой первый крик-плач не вспомнит!

Что в этом вскрике? Жальба о покинутом материнском лоне или радость встречи с миром? А что несет мир младенцу? Что ждет его в нем кроме бесконечной материнской любви? Что даст ему этот мир и что возьмет взамен? Ничего дитя еще не знает. Ничего потом не вспомнит.

Первый крик младенца слился с ревом сирены «Воздушной тревоги». Сергей Михайлович, которого выгнали из избы, где проходило извечное женское таинство, курил на ступеньках крыльца. По черному, усыпанному звездами августовскому небу заметались лучи прожекторов. Затягивали зенитки. В перекрестьи лучей ярким крестиком, ярче звезд засиял вражеский самолет. Всего несколько мгновений. Его обволокла алая вспышка, и багровый факел устремился к земле. В стороне вокзала, в центре города в сполохах пожаров гремели взрывы.

Утих плач ребенка, но встревоженному Сергею Михайловичу войти в избу не дали.

- Сын! Сын у тебя, Михалыч. Да не лезь ты! Приберемся и тебя покличем.

Евдокия по-деревенски, в хорошем смысле этого слова, женщина здоровая, роды перенесла легко. Так, чай не первые. Вон, семилетняя Раечка помогала соседке. Грела воду в печи, подавала мягкую чистую ветошь. Ясные глаза Евдокии, еще затуманенные болью, светились любовью к дочке, к сыну – маленькому существу, притулившемуся у нее под боком.

Когда Михалыча впустили в избу, он, поцеловав супругу, первым делом потребовал распеленать ребенка. У Насти, соседки, даже мысли не возникло возразить. Причина у отца новорожденного была уважительная. Он внимательно осматривал маленькое тельце. Погладил ладошки, нежно взял и пощупал каждый пальчик пухленьких ножек. Всё было нормально, всё, что и как положено младенцу.

Дитя, еще несмыщенное, смотрело сразу на весь мир. На свет керосиновой лампы, на отца, словно пыталось запомнить этот свет, черты отцовского лица, ласковые прикосновения жестких мужских рук, не отделяя одно от другого. Этот мир был для него новым. Звуки, образы. А что это? Такого вопроса перед ним не стояло. Он еще не умел задавать вопросы. Только и умел, что отличать свет от тьмы, тепло от холода.

Угомонились далеко за полночь. Стихла бомбежка. С темного августовского неба беззвучно сыпались, гасли звезды. Где-то там, высоко-высоко, загорелась еще одна маленькая, новая звездочка. Ребенок в коляске, подвязанной к крюку с кольцом, вбитому в матицу, причмокивал губами. Дуся чутко дремала на краю кровати. Михалыч, вопреки обычай, спал у стенки. Не-привычно, но пока дитя не оторвется от материнской груди, это будет его постоянное место. Сквозь сон он слышал, как жена несколько раз вставала к ребенку, счастливо гугукала с ним, покачивая коляску.

Утром Михалыч, позавтракав стаканом воды с краюхой хлеба, ушел на завод. Перед уходом поцеловал жену, дочку, наказал Раисе быть на хозяйстве. Она теперь и за няньку, и за ляльку – взрослая.

До войны завод работал на колхозы. Плуги-бороны, косилки-селялки, одно слово – Сельмаш. С началом войны стал ремонтировать разбитую технику. Но ее поступало мало. Разбитая она так и оставалась на территории, захваченной фашистами. Рабочих призывали в армию, тех, кто по разным причинам не подлежал призыву, ушли в ополчение. Оставшиеся – старики да инвалиды – снимали станки, разбирали оборудование, отправляли на восток. В вагон грузили новенький токарный станок. «ДиП» – красовалось на его станине – «Догнать и перегнать». Догнали и перегнали, станок по классу точности ничем не уступал знаменитым немецким.

Завыла сирена воздушной тревоги, ее подхватила «Кукушка» на заводском дворе. Машинист маневрового паровозика, высунувшись из кабины, тревожно взглядывался в небо. Не убежишь, не бросишь. Рабочие при помоши ломов и какой-то матери закатывали по сходням станок. Отпусти, машина по каткам полетит назад. И... начинай всё сначала?

Бомбардировщики надрывно гудели высоко в небе. Они стремились к центру города, к реке, к мостам. Между самолетами белесыми безобидными одуванчиками распускались разрывы зенитных снарядов. С востока навстречу армаде выскочило звено юрких истребителей. Они завились мошкой между грузными бомбовозами. Стой распался. Один задымив, сбросил бомбы на окраины города и повернул на запад, еще один, оставляя черный шлейф, устремился к земле. Истребитель, влетев в белый одуванчик, развалился в воздухе. Несколько парашютов ветром уносило за реку. Досмотреть воздушный бой Михалычу не удалось. На удивление еще работала телефонная связь.

- Скрипаченко. Слушаю.

- Сергей Семёнович, прости, Михайлович. Узнаешь? Это Добрыдзень. Всё. Шабаш вашей работе. Директор объяснил. Железнодорожного моста нет. Рухнули два пролета. Но к тебе есть дело. Не уходи, жди. Вместе с минерами к вам отправился инструктор обкома. Он тебе всё объяснил. Обязательно дождись. Я с тобой не прощаюсь. Но когда встретимся – не знаю. Помни давешний разговор.

- Да, помню. Только обстоятельства изменились. Сын у меня.

- Понял. Поздравляю, – перебил его секретарь обкома. – Обстоятельства такие. Думали, будет трохи поболе времени, а фашисты нам его не оставили. Но мы еще повоюем! Каждый день, каждый час, каждый убитый фашист – это помощь Москве. Не прощаюсь. Верю, увидимся!

«Кукушка» весело, легко убежала с полупустыми вагонами. Бежать ей было недалеко. До разрушенного моста – и в реку. Старики – рабочие обменявшись рукопожатиями, раскланявшись с директором, разбрелись по заводу. Собирали в сумки всякую мелочь. Кто напильник, кто плоскогубцы, кто молоток – в спешке демонтажа оборудования забытых, оброненных, брошенных за ненадобностью, но годных в хозяйстве мелочей. Всё пригодится. Еще час назад это называлось хищением социалистической собственности, а теперь стало патриотическим поступком – ни одного годного гвоздя оккупантам.

В распахнутые ворота вкатила полуторка с бойцами в кузове. Из кабины вылез старый знакомый Сергея Михайловича инструктор обкома Дзюба.

- Здравствуй, Сергей, - поздоровался, не глядя в глаза, за руку. - Командуйте, лейтенант, разгружаться. Объекты укажет директор завода. Вы в его полном распоряжении. Машину я вам верну.

Вот уж кого Сергей Михайлович не хотел видеть, так это Дзюбу. Со времен рабфака. Правдолюбец хренов. Докопался, что был товарищ Скрипаченко во время польского похода ездовым у врага народа Тухачевского, что жена товарища Скрипаченко кулацкого происхождения и сам он родом из бандитской Тамбовской губернии. По этой причине не приняли Сергея Михайловича в партию, сняли с должности мастера. А то, что ранили Скрипаченко под Минском, и Дуся, бывшая в Первой Конной санитаркой, выходила его, увезла на Полесье, никто не учитывал. Как не учитывали и того, что брат ее, председатель ревкома убит белобандитами. Хорошо, хоть не заставили отвечать за второго, ушедшего к этим же бандитам Булач-Балаховича. Впрочем, кто-то, что-то учитывал. Врагом народа не объявили, в правах не ограничили.

Дзюба и сам был не рад этому заданию. Пересиливая неловкость, поспешил объясниться.

- Ты, - наткнувшись на холодный взгляд, замялся. - Вы, Сергей Михайлович, на меня зла не держите.

Это «Вы» лишило фразу искренности, простоты. Дальнейшие объяснения были лишними, ненужными ни одному, ни другому.

- К делу!

- А по делу с вами буду разговаривать не я. Мне приказано вас доставить. А дальше не мое дело. Садитесь.

- Я в кузове. Привычнее.

- Садитесь, - Дзюба зачем-то похлопал по кобуре нагана.

- Что ж, покачусь напоследок с удобствами. Когда еще придется?

- Нескоро, - мрачно бросил Дзюба.

Ехали недолго. Ближе к центру города баррикада за баррикадой перегораживали улицу, оставляя только узенькие проез-

ды, быстро перекрываемые заготовленными ежами. У неприметного, одноэтажного домика с разбитой вывеской машина развернулась и, как только они высадились, сразу уехала.

- Проходи. Тебя ждут.

Сам Дзюба проходит в полутемный длинный коридор, охраняемый красноармейцем, не стал. Только крикнул в полумрак.

- Доложите. Скрипаченко Сергей Михайлович доставлен.

И исчез вместе с ярким, жарким летним солнцем.

Тусклый свет падал из окон над дверями кабинетов, от этого коридор казался еще длиннее. Мрачные коричневые двери, синие побеленные стены, мрачный, застывший истуканом часовой. Развернуться и уйти? А вдруг пальнет в спину? Идти вперед? Здесь открылась за спиной часового дверь. На фоне светлого проема массивная фигура.

- Кто?

- Скрипаченко Сергей Михайлович.

- Последняя дверь налево. Проходите, – и уже часовому. – Пропустить!

Глухо звучат шаги. Полумрак, тишина. Словно в здании ни одной живой души, или все онемели, как часовой красноармеец. На стук дверь неожиданно открылась, больно ударив по руке.

- Извините, не хотел. Заждался. Присаживайтесь. Разговор долгий.

Военный с двумя шпалами в петлицах мало походил на кадрового офицера. Круглое румяное лицо украшали очки с толстыми линзами, от этого глаза казались большими и круглыми. Пухлая фигура с заметным животиком, туго перетянутая портупеей, не имела ни морщинки и даже сжатый кулак, спокойно лежащий на столе, был словно осеннее яблоко, тугой и круглый.

- Сергей Михайлович, вас мне рекомендовал лично товарищ Добрыдзень. Мы оставляем город. Но в городе остается подполье. Остаются наши люди. Вы вправе отказаться.

- А разве мне доверяют? Я же не партийный, да и...

- Да и это хорошо, – перебил его майор. – И то, что не партийный, и то... Главное, у вас есть причина, по которой вы не

эвакуировались. Есть причина обижаться на советскую власть. А по поводу доверия? Поверьте, проверяли вас основательно. Знаем, что и именной маузер от Реввоенсовета вы не сдавали.

- А?

- Вот и хорошо, что о нем кроме вас никто не знает. Надеемся, он вам не пригодится. Так вот, пока я вас не посвятил в суть дела, вы вправе отказаться.

- Как откажешься? Вот только одна загвоздка, сын у меня родился. Жену с детьми бы пристроить.

- Это уж вам самим надо решать. Отправляясь с младенцем в создавшейся ситуации я бы не советовал. Пристроите здесь. В городе. Задание на долгий срок. Вы же как-то рассчитывали жить в оккупации. Так и живите.

- Согласен.

- Тогда к делу. Вы остаетесь связным нашего резидента. Сапожничать вы не разучились? Возле рынка будка сапожника. Знаете? Теперь она ваша. В ней в сундуке кожа, дратва, инструмент. Сегодня заберете домой – от греха подальше. Теперь о самом задании. Связь будете держать с отцом Мефодием Троицкой церкви. Придется стать верующим. Пароль – вот этот псалтырь. Вернее, часть пароля. Запомните: «Батюшка, каюсь, велик мой грех. «Отче наш забыл», и страница из молитвенника выпала». Подадите отцу Мефодию псалтырь. Ответ: «Не велик грех, не знаешь «Отче наш», читай «Богородица, дева радуйся», а страницу твою изыщем». Покажет тебе страницу. Велит переписать. Страница и будет паролем между вами, если возникнет необходимость. Связи с подпольем не ищи. В авантюры не ввязывайся. У них другие задачи. Вы работаете на армейскую разведку. Наши люди сами на вас выйдут. Вам сорок лет?

- Да.

- Хорошо, что помните. Не забудьте, как «Отче наш». Сорок – это пароль для связи с нашими курьерами. Пришедший, к примеру, попросит вас продать десяток металлических гвоздей, предложите десяток деревянных, тогда он скажет, что деревянных требуется двадцать. Его десять, ваши десять, плюс двадцать в сумме сорок. Подтвердите ответ, попросив оплату в сорок копеек. Сложно, но сорок – ваше число. И позывной ваш будет –

Сороковой. Сообщение будете передавать отцу Мефодию и, вообще, поступаете в полное его распоряжение. Его слово для вас – глас Божий.

- А он что наш?

- Наш, наш. Еще в девятьсот пятом наш был. Товарищ проверенный. И еще раз напоминаю. Никакой самодеятельности. Ни в какие группы, ни в какие разговоры, ни в какие игры в подпольщиков. Ваше дело молотком стучать. Как стук – так копейка. Как стук – так копейка.

Улыбнулся майор.

- Сегодня вечером к вам домой доставят рацию. Надеюсь, найдете, где спрятать. Нет, нет, – отвечая на удивленный взгляд Михалыча, поспешил его успокоить майор. – Вам на ней работать не придется. Рация резервная. Радист сам на вас выйдет или кто-то, кому она будет нужна.

- И совет. В церковь сходите окрестить ребенка. Заодно и с батюшкой познакомитесь, не вызывая подозрений.

Убедившись, что Сергей Михайлович твердо заучил пароли, майор, так и не назвавший ни своей фамилии, ни имени, попрощался, причем рукопожатие этого сдбного на вид человека оказалось сильным и твердым.

Полумрак коридора, скрип двери. Свет.

Право отказаться? От чего отказаться? От этого августовского дня с солнцем, пробивающимся сквозь дым пожарищ. Остаться навсегда в сумрачной тишине этого домика с разбитой вывеской и не слышать приближающейся канонады. Отказаться? От сына, дочери, жены? От жизни?

Михалыч спешил домой. Будка сапожника подождет. Не его вина, что не взяли его в армию. От рождения колченогий – ступни вывернуты носками вовнутрь так, что при быстрой ходьбе казалось, словно он не идет, а катится, как цирковой артист на одном колесе. В гражданскую не призывали – сам пошел. Был годен, а сейчас – не годен к строевой. А что, в Красной Армии кавалерии нет? Или нет другой службы, где не пехом воюют? Да что говорить. И так не ладно, и так не доброе. Война!

Война у порога. За порогом. А в доме хлопоты, заботы. Между раскидистых яблонь на веревке сушится белье. В избе

пахнет щами и младенцем. В чем заключается запах дитяти, не разберешь, но и ни с чем не перепутаешь. В доме пахнет счастьем, а за порогом война.

...

Город сдали без боя. Танковые клинья фашистов охватывали его с юга и севера. Август – не июнь, чему-то научились. Что город? Кутузов Москву сдал, но сохранил армию. На третий месяц войны стали ценить солдата. Не везде. Оборона Киева обошлась дорого. Так там политика. Небольшие городки сдавали. Сберегая бойцов, избегая окружения. Сдавали те командиры, кто не боялся риска, кто не боялся гнева Верховного. Кто знал, что он на своем месте, и его задача – защищать Родину. Заводские окраины не разбирались ни в тактике, ни в стратегии. Со слезами на глазах провожали они отступающую Красную Армию.

Город наши войска покинули ночью, взорвав за собой автомобильный мост, а немцы еще до обеда продолжали бомбардировки. Только к вечеру прорещали по опустевшим улицам города мотоциклисты, за ними танки, грузовики. На следующий день город был полон немецких солдат. Основная масса сгруппировалась у разрушенных мостов. В центре города все уцелевшие здания были заняты под штабы батальонов, полков и просто под жилье офицеров. На окраинах жизнь шла своим чередом. Днем так же, как и при советах, копошились жители в своих огородах, по утрам бабы судачили у колодца. Ночи стали темнее, глушше. Ни огонька, ни звука. Даже собаки притихли.

Немецкие передовые части надолго в городе не задержались. Наладив понтонные переправы, найдя обходные пути, они устремились за отступающими. В город вошел второй эшелон. В отличие от тех, кто видел не только колоны пленных, а столкнулся с мужеством красноармейцев в бою и научился уважать противника, тех, кто уже понял, что увеселительной прогулки не получилось, эти относились к местному населению как к варварам, как к зулусам, бедуинам и прочим аборигенам. Фашизм зародился отнюдь не в Германии. Красивые голубые мундиры итальянцев скрывали всю мерзость нацизма. Это один из них

застрелил ребенка, скорчившего ему рожицу. Горе было смазливой девчонке, встретившейся им на улице. Если в вермахте царила дисциплина, то макаронники напоминали больше шайку благообразных разбойников. Жители научились днем прятаться. Ночи стали еще глупее, а по утрам находили трупы неосторожных искателей приключений. На голубых мундирах запекшаяся кровь казалась черной. Война уже не за порогом. Она вошла в каждый дом.

Когда Сергей предложил Дусе окрестить ребенка, та посмотрела на него удивленно, но спорить не стала. Крестной попросили быть Настю. Кому, как не ей?

Лето красное прошло. Сентябрь добавил в запыленную, пожухлую зелень красноты. Тяжелыми кровавыми каплями висела на деревьях поздняя вишня, словно кровью обрызганы кусты барбариса, умирала в траве паданка – краснобокие, перезрелые яблоки, которые некому было убирать. В церковном саду было тихо, только пирюя, гудели осы.

Батюшка задал обычные вопросы. Крещены ли родители, крещена ли будущая крестная мать? Давно ли причащались и исповедовались. Пронзительные светлые глаза из-под седых бровей словно в душу заглянули к Сергею Михайловичу, когда он признался, что забыл «Отче наш».

- Не велик грех, не знаешь «Отче наш», читай «Богородица, дева радуйся».

В святыцах посмотрел имена святых, выпадавших на этот день, и посоветовал назвать младенца Иваном.

Священник трижды погрузил младенца в воду, произнося: «Крещается раб Божий Иоанн. Во имя Отца, аминь: и Сына, аминь: и Святого духа, аминь. Совершая миропомазание со словами: «Печать дара Духа Святого», батюшка не сильно отклонялся от правил службы, объясняя новым прихожанам смысл таинства.

- Чело помазывается миром для освящения ума, глаза, ноздри, уста, уши – для освящения чувств, грудь – для освящения сердца, руки и ноги – для освящения дел и всего поведения.

Возложив младенца на белую пеленку, священник с новокрещенным и крестной мать трижды обошли вокруг купели.

По совершению таинства женщины с младенцем вышли на улицу, а отца ребенка батюшка попросил задержаться. Оставшись наедине, отец Мефодий условился с Сергеем Михайловичем, что тот будет каждое воскресенье приходить к заутрене. Станет примерным прихожанином, не фанатичным, но добросовестным, не только при посещении храма, но и в быту нести свой крест. Тогда его общение с отцом Мефодием будет выглядеть вполне естественным. Самое главное, не играть в героя-разведчика, а вести вполне нормальный образ жизни, не вызывающий подозрения у окружающих. Пусть осуждают, что сломался, что не противится власти оккупантов. Неси свой крест.

Казалось, дым и пыль от бомбежек так и не улеглись. Запах гарни не выветрился, висел в воздухе в тусклых, желтых лучах солнца. Жара не спадала. Хотелось дождя. Верилось, что он смоет накопленное зло. Верилось, что грянет гром, и что-то переменится. В природе, в жизни.

Анастасия с Евдокией шли впереди. С серьезным видом перешептывались. Сергей Михайлович нес на руках ребенка, поглядывая на женщин. Попробуй быть примерным христианином, да еще после долгого воздержания, когда перед тобой идут две женщины, одна другой краше. Одна своя – любимая, и вторая нравится. Ох, грехи наши тяжкие! Вот и повод сходить к батюшке. Покаяться.

Евдокия, почувствовав его взгляд, оглянулась. Словно прочитала мысли благоверного, шутливо погрозила ему за спиной кулаком.

- Ишь, кобелина! Размечтался. Так у Насти муж вернулся! – выложила она дома мужу рассказанное подругой по секрету.

Возвращались в город многие. Кто не успел отойти с нашими войсками – фронт обогнал их. И они шли обратной, разбитойвойной дорогой. Невольно останавливаясь у безымянных могил, поминали тех, кто погиб от бомб и пулеметных очередей, охотившихся на беженцев, как за зверьем, немецких летчиков. Кто специально отстал, дезертировал. Пойди, разберись. В суматохе разбитого города, где в центре одни развалины, кто жил и кто ныне живет в этих развалинах – пойди, разберись. Висели при-

казы новой власти об обязательной регистрации. Но до хвалено-го немецкого порядка еще было далеко.

Порядок наводили. С истинно немецкой педантичностью вешали и расстреливали в назидание населению. Появились и помощники – первые полицейские. Откуда они брались? Так мало ли было обиженных советской властью? У кого-то она отобрала землю, у кого-то фабрики и заводы, у кого-то власть с привилегиями. Ведь чтобы дать, у кого-то надо отобрать. За свою власть трудовой народ пролил немало крови. И своей, и тех, кто эту власть не хотел отдавать. Но классовые враги не все шли на предательство Родины. Были предатели постраш-нее, те, кто вчера громче всех кричал на собраниях. Дрянь, нелюдь, готовая нажиться на людской беде. Эти были страш-нее. Слишком многое и многих знали из той советской, дово-енной жизни.

Есть порядки выше власти. Это обычай. Рождение ребенка, крестины положено отмечать.

Обед от обычного отличался только наличием бутылки водки на столе. Михалыч не был трезвенником, выпить любил и умел, но выпивка обязательно должна была сопровождаться «гутеркой». Гутарить – беседовать под рюмочку, вспоминая бы-лое и рассуждая о грядущем, он мог часами. А с Евдокией шиб-ко не порассуждаешь. Она женщина – и абы-кабы да что коли так – не любила.

- Ядреная у тебя, Михалыч, махорочка.

- Сам ростил, сам сушил-крошил, смешивал. Для себя, что-бы душу до печенок продирало.

- Ты бы корешков поболее добавлял бы. А то и душа, и пе-ченки выскочат.

Прокашлялся, отдышился Степан.

- Отвык ты, Стёпа, на казенных харчах. В армии, чай, папи-росками баловался.

- Угу. Харчи? Тебе бы таких харчей. Пока до дому добрал-ся, думал, с голодухи ноги протяну. В лесу да в болоте не зажи-руешь.

- А что по оврагам, что не с армией? Ты всё же сержант, командр.

- А ты где армию видел? Нет ее. Нет могучей и непобедимой.

- Непобедимой нет, бывают нас. Так за битых двух небитых дают. А армия есть, была и будет. Велика Россия. За день из Сибири не добежишь.

- А до Сибири?

- И до Сибири тоже. Видел, как наши город оставляли. Бабы ревели, а у солдат... Да не словами это говорить. Сказали бы им отцы командиры: «Стоять!» Стояли бы. Умерли бы, но стояли. А ты... Армия!

- Тебе, Сергей, с твоими ногами хорошо рассуждать. Инвалид хрюнов. Ни красным, ни немцам не нужен. А я жить хочу. Пусть комиссары стоят – умирают. Может, без них еще лучше будет. Немцы большевиков перевешают и в свою неметчину уберутся, а мы здесь жить останемся. Жить, слышишь, жить! Вот и знамя немцы над радой повесили наше «Бело-краснобелое». И школу белорусскую открыли. Так что я за Белоруссию без жидов и комиссаров.

Не получилось гутарки. А может, и хорошо, что не получилось. Понял Сергей Михайлович, что не все, с кем до войны в друзьях был, ими и остались. Поэтому не удивился, когда зашедшая по какой-то надобности Настя оправдывала мужа: «Пошел мой на регистрацию, а там ему и говорят: либо в полицию, либо в лагерь. Их, вон, сколько нагородили вокруг города. На одной Трудовой тысячи бедолаг за колючей проволокой. Что им еще одного туда кинуть? А мой и так по лесам и болотам настрадался. Бросили их комиссары. Сами сбежали, а их в окопы. Под бомбы, под танки. Может, хоть сейчас заживем по-людски. У немцев порядок». Заговорила она Степановыми словами. Верила ли она сама в это? А куда ей деваться? Приходится одну с мужем песню петь, в одну дуду гудеть.

Облетели с деревьев листья. Опавшие, собранные в кучи они дымили в садах. Но это был мирный дым. Отголосок прежней жизни. Жизнь идет. Так и хочется сказать, что рос Иванко не по дням, а по часам. Но рос ребенок, как и положено ему. Стал узнавать маму и радоваться, когда она брала его на руки, довольно гугукал. Ел, спал. Рос.

Михалыч каждый день, перекинув через плечо сидор, отправлялся в свою будку. Заработка был мизерный. Да какой там заработка. Деньги? Советские. А на что они? Марки. Так откуда они у народа? А те, у кого они были, за чистку сапог не платили. И всё же он каждый день ходил, как когда-то на завод. Без прогулов и опозданий. Сам говорил мало, больше слушал. Давалось ему это нелегко. С каждым днем всё больше мрачнел. Даже дома оставался угрюмым молчуном, и только взяв на руки сына, улыбался и гукал с ним на детском тарабарском языке. Радовало Михалыча то, что Ваня не унаследовал его уродство. Что ручки и ножки у него, как у всех людей, и никто не назовет его инвалидом.

Отдымили, сгорели опавшие листья. В ноябре ударили ранние морозы. Курились дымком печные трубы. Белым, черным, порой непонятно какого цвета и с запахом дров, угля, тряпок, мазута. Дрова экономили к зиме, сжигая всё, что накопилось на подворье. С приходом зимы работы добавилось. По снегу босиком не побегаешь. Несли старую обувь: подлатать, подшить, подбить. Несмотря на печурку, в которую Михалыч скучно подбрасывал дровишки, зябли руки, ноги.

День выдался на удивление погожий. Ярко светило солнце. С открытой дверью в будке было теплее. Или это только казалось? Потрескивали в печурке дрова, но чудилось, что это греет солнышко.

По улице, вдоль рынка, понуро двигалась колона людей с желтыми шестиконечными звездами на груди и на спине. Молодые. Пожилые. Матери с детьми. Все с одинаковым выражением безысходности на лице. Сергей Михайлович никогда не думал, что в городе так много евреев. На заводе их работало мало. На прилегающих к заводу улицах они тоже не селились. Портные, парикмахеры, маляры, мелкие служащие в учреждениях – ненавязчиво, незаметно делали свою работу. Вот и в этой будке до войны сидел Фима. Михайлович не задумывался до этого о его судьбе. Думал, что эвакуировался. А колонна текла медленной, нескончаемой рекой, молча, только шарканье ног по булыжной мостовой. Текла в сторону кирпичного завода. О его карьерах ходили жуткие слухи. Слухи? Потому и слухи, что никто оттуда

не возвращался. И новое для слуха слово – гетто. Знали ли идущие свой путь? Задавали ли себе вопрос: «Кому грядеши?» Или с покорностью стада шли на убой. Охраны не видно. Но когда маленький, худенький подросток, улучив момент, оторвался от колонны и попытался скрыться в сутолоке базара, его тут же выволок за шиворот из-за прилавков полицейский и пинком нащупенного до блеска сапога отправил обратно в колонну. Только одна торговка – старая, крикливая Лявониха набросилась на Степана.

- Что ж ты, ирод,творишь? Дите же. А ты? Ирод!

- Заткнись, старая. Зараз и тебя за космы седые и к ним. А вы что зенки вылупили? Облавы захотели. Так я и без немцев здесь порядок наведу. Мне ни коммуняк, ни жиденят не жалко.

- Ирод. Тыфу на тебя!

Лявониху понесло. Не боялась она советской милиции, а уж немецкой полиции и сам Бог велел. Да и чем испугаешь старую, которая сама свою смерть кличет. Дескать, зажилась я, матушка.

- Порядок наведешь. Молодок щупать – это твой порядок? Так ты у меня старой мослы пощупай. Оброк собирать да самогонку жрать дармовую. Порядок? Детей сапогами пинать? Ну пни меня, а что? Подумаешь, я твоей матке крестной была. Тебя сизмальства знаю. Не удавила тебя матка маленького. Ирод!

Был бы кто-то другой, изведал бы Степановых кулаков, посидел бы в кутузке при полицейском участке, а вот на Лявониху не хватило у старшего полицейского духу. Может, и хватило бы, да при всем честном народе не осмелился. Заплюют потом бабы. Чертыхнувшись, отошел в сторону. Встал в воротах базара у сапожной будки.

Не удержался Сергей Михайлович, в свою очередь попрекнул Степана.

- Зря, ох, зря ты, Степан, пацаненка обидел. Сделал бы вид, что не видел. А так на свою совесть жизнь его принял.

- Ты меня не совести. Хорошо тебе – как стук, так копейка, как стук, так копейка. А с меня службу спрашивают. Ведут их в гетто, там будут отдельно от людей жить. И нечего мне здесь антимонии разводить. Порядок должен быть. И не жидовский, комиссарский, а наш, православный. Ты вон тоже в церковь за-

частил, а давно ли святой троице на плакатах молился, Курлу мурлу поклоны бил, Ленину и Сталину в верности клялся? Быстро веру поменял.

- Моя вера при мне осталась. Кому хочу поклоны бью. Людей сапогами не пинаю и немецкие сапоги не лижу. Гвозди забиваю – как стук, так копейка. Завидно? Садись рядом. Вдвоем веселее мерзнут.

- Поговори мне. За пропаганду в гестапо не помилуют.

- Э, нужен я гестапо. Им и без меня партизан хватает. А с меня какой вояка? Сижу здесь у всех на виду, гвозди забиваю. У тебя, вон, тоже каблуки скосились. Давай, по-соседски подобью железными подковами. Возьму не дорого, вдвойне против бедных – за стук две копейки. У народа ныне платить нечем, так хоть с полицейских серебряников наживусь.

Сергей Михайлович и рад был бы закрыть будку на амбарный замок, но чтобы уйти домой, пришлось бы пересекать эту черную, по краю в людском горе реку. Он смотрел на нее и пытался запомнить лица проходящих мимо. И не мог. Черные тени и глаза, полные смертной тоски.

Оттеснив колонну к краю дороги, подъехал черный автомобиль. «Опель-капитан», а может, и какой другой, Семён Михайлович не очень разбирался в марках немецких автомобилей. Господин в черном пальто, черной шляпе, выйдя из машины, что-то коротко сказал водителю и остановился на тротуаре, с безразличием взирая на колонну. Степан вытянулся в струнку, когда господин в черном повернулся лицом к базару.

- Хайль Гитлер!

Господин в черном, с безразличием минуя Степана, таким же безразличным взглядом окинул базар и отправился в противоположную от движения колонны сторону.

- Гестапо, – доверительно бросил Степан Михалычу. – А если бы жиденок спрятался под прилавками, все бы там были. А ты? Пойду, погреюсь. Ох, и добрый самогон у Павлины.

Едва Степан скрылся за рыночными рядами, как в дверном проеме возник господин в черном.

- День добрый! Впрочем, какой он добрый? Каблук оторвался. Сможете прибить?

- Так этим и кормимся. Присаживайтесь к печке и скидывайте ботинок.

В тесной будке двоим только-только повернуться. Но для таких случаев и был предусмотрен табурет в углу.

Ботинок новый – каблук не сам отлетел. Вот и след от ножа на подошве, которым его подковырнули. Всё это Михалыч отметил глазом мастера. Тем более, лучше помолчать. Вставив сапожную лапу в ботинок, Михалыч приладил каблук на место и стал ловкими ударами загонять гвоздики.

- Пять марок с вас.

- Могу предложить советскими. Тридцать пять рублей вас устроит? Ну, максимум сорок?

- На эту сумму так и гвоздей надо сорок забить. Нет, всё же лучше марками.

- Хорошо. Посмотрите заодно и второй ботинок. Как бы и с ним такой же казус не получился.

Когда Михалыч стал в руках вертеть ботинок, сгибая и разгибая подошву, господин в черном добавил:

- Под стелькой записка. Кому, вы знаете. На словах передадите: «Грач приступил к работе».

- Да, да. А вот ботиночки у вас, господин хороший, не по сезону. Я вам стельки из войлока сделаю. На рыбьем меху обувка-то ваша. Но если подошва не мерзнет, да шерстяной носок, то, может, и не застынете. Приходите завтра.

- Гут.

- Гут, гут.

Михалыч, убирая заработок в карман, достал газетную полоску, сложенную гармошкой для самокруток, спрятал между складками тонкий листок папиросной бумаги с рядами цифр. Закурил.

- Ты еще на свободе?

По раскрасневшемуся лицу Степана, по расстегнутой на груди шинели было видно, что он хорошо погрелся у Павлины.

- На свободе, на свободе и на хлеб заработал. И на будущее контракт заключил. А вот тобой он интересовался. Это что, говорит, полицейский, как увидел черную машину, так юркнул в подворотню. Только след прости. Интересовался. Что за народ на рынке? Чем торгуют?

- А ты?

- А что я? Моя будка с краю, я ничего не знаю. Народ разный, торгуют кто чем. А полицейские мне не докладываются.

- Ох, смотри Сергей. Не посмотрю, что сосед. Будешь под меня копать.

- Я? Под тебя? Да ты сам себе яму копаешь. Немца обманешь. А народ? На два стула хочешь ляжки пристроить. Сам смотри, как бы задница не разорвалась. А моя будка с краю.

Черной завистью завидовал Степан соседу. Смешной, несуразный человечек на кривых ногах катился по жизни весело, с прибауткой. И вот никто уже не замечал его уродства. Мужики уважали, девки любили. От того и не пустила его Дуняша после рабфака дальше учиться. А сама закончила медицинские курсы. Смотрел одно время Степан на Михалыча свысока, когда тот во дворе сгоревшей амбулатории поставил времянку. Победовали молодые пару зим. Там и дочка у них родилась, но на высоком фундаменте сгоревшего дома построил Михалыч домик. Небольшой, но ладный, а главное, в доме всегда сухо. Осенью заряжат дожди. Улица – река, дворы озера, в подполье у соседей вода плещется, а у него в бетонном погребе хоть бы сырость по стенкам простила. Да и в саду всё ладом. Гусеница яблони не бьет, скворцы вишню не склевывают. И на работе Михалычем сразу стали звать, а он так, видать, до смерти Стёпкой останется.

Прилипла к Сергею уличная кличка Скрипка. Но и та с доброй улыбкой, с любовью к человеку веселому и гармонисту хорошему. Без гармони какой праздник? Да и сейчас. Война? А ему хоть бы что. Инвалиду. Ни красные, ни немцы не тревожат. Такой и с немцами найдет общий язык. У них тоже сапоги снашиваются. А немцы – народ рачительный, они людьми для себя полезными не разбрасываются. Хорошо Михалычу, стук-постук, и ты полезен. А здесь из шкуры вон лезешь и всё нехорош. То кто-то листовки на участке расклеил, то убили кого-то бандиты. А немцы за каждого своего требуют десять заложников уничтожить. Облавы, патрули, да еще в соседние деревни с акциями выезжать приходится. И не откажешься. Эх, жизнь рачья, служба собачья!

Михалыч впервые за последние месяцы почувствовал себя нужным. Семье – жене, дочкам – без него не обойтись. А вот по большому счету только с той минуты, когда тоненькая бумажка оказалась у него в кармане, он ощутил себя. Кем? Не было этому еще названия. Не знали люди ни про Рихарда Зорге, ни про Штирлица. Не было названия и не было в еще истории подобного подвига, совершенного не одним человеком, а всем народом. Вот этим народом, его частицей чувствовал себя Сергей Михайлович, когда нес тоненькую бумажку отцу Мефодию.

Народ. На заборах появлялись листовки. Гремели взрывы. Летели под откос поезда. Фашисты пытались запугать жестокостью, но ответом на зверства была лютая ненависть к врагам. И стар и млад поднимались на борьбу. Многие погибли от неумения, по неопытности. Но в борьбе закалялись, учились. Учились тому, что хитрость – это тоже оружие.

Немецкий блицкриг терпел крах. С фронта всё больше поступало раненых, обмороженных завоевателей жизненного пространства. В больнице развернулся госпиталь. Приглянулся немцам домик, отделенный от больничной проходной узеньким проулком. Не требуется знания чужого языка, когда тебе предлагают убраться из собственного дома. Благодари Бога, что позволили одеться, а не выкинули на мороз, в чем мать родила, как выкинули вслед хозяевам детскую колыбель и бачок с замоченными детскими пеленками. Выручила времянка в глубине двора. Не сломал ее Михалыч, не пустил на дрова, превратил в мастерскую, куда порой убегал от докук жены.

Немец, вселившийся в дом вместе с денщиком, мало напоминал врача. В черной шинели с молниями в петлицах, в фуражке с эмблемой мертвой головы он напоминал черную хищную птицу, спокойно высматривающую добычу, и уверенную в том, что добыча никуда не денется. Каждое утро он, выйдя из дома, пересекал переулок, исчезал за дверями проходной. Обедал дома, в одиночестве, а по вечерам уезжал в город. Роль шофера выполнял все тот же денщик, который, в отличие от хозяина, улыбался при встрече во дворе. Здоровался: «Гутен морген!»

- Гутен, гутен! – отвечал Михалыч. И однажды в отсутствие офицера жестами, знаками, но сумел объяснить немцу, что надо слазить в погреб. При свете керосиновой лампы тот деловито оглядел бочки с солеными огурцами, квашеной капустой, сусек с картошкой.

- Гут, гут, – похлопывал он одобрительно Михайловича по плечу. Позволил наполнить корзину продуктами.

А назавтра подъехала машина, и немецкие солдаты загрузили в нее всё из погреба.

Вот тебе и «Гут, гут». За тайник, устроенный за, казалось бы, нерушимой кирпичной кладкой Михалыч был спокоен, не найдут, но и он теперь не имел к нему доступа. А главное – как пережить зиму? На его скучный заработок четырех человек не прокормишь. Да и времянка? Это молодым – рай в шалаше, когда под тонким одеялом двоих от собственного жара в пот бросает. А с детьми не выручала даже никогда не угасающая буржуйка. Холодно, голодно. А немец всё так же каждое утро улыбается.

- Гутен морген!

- Гутен, гутен, – но уже без улыбки, сквозь зубы отвечал Михалыч. И даже ежедневные подачки не смогли изменить его отношение к этому толстенькому, добродушному на вид человеку. А денщик ежедневно, словно подкарауливая маленькую Раису, иногда постучав по забору, чтобы привлечь ее внимание, бросал в заросли крыжовника то шоколадку в яркой обертке, то банку тушеники.

Холодно. Голодно.

- Дусенька, не выживем мы здесь. Надо тебе с детьми к родне в деревню уходить.

- А ты?

- Не могу я, Дуняша, уйти. Да и вряд ли твои родственники еще одному лишнему рту обрадуются. Собирайтесь, а я на рынке селян поспрашиваю, может, кто из Денисовки или Дубков будет. На санях – не пеши. Доедете. А здесь пропадем. Обустроитесь, а там, глядишь, и я по теплу загляну к вам.

Евдокия сама понимала, что нет другого выхода, как идти на поклон в родную деревню. До войны родственники по осени,

бывало, неделями жили у них. Жили, пока не продадут, выданное на трудодни.

В канун Нового года прокатились по городу аресты. Облавы следовали одна за другой. Фашисты уже не сгоняли народ на демонстративно устраиваемые казни. Виселицы не пустовали, но большая часть арестованных сгинула в карьерах кирпичного завода. А листовки продолжали появляться, по-прежнему гремели взрывы, летели под откос поезда. Попытались подпольщики выйти и на Михалыча, и опять через так нелюбимого им Дзюбу. Объявился тот среди белого дня, как черт из табакерки. Одет поскромнее, чем в бытность инструктором обкома, на этом вся его маскировка кончалась. С ходу попытался взять коня под уздцы.

- Сергей Михайлович, все советские люди в этот трудный для Родины час, обязаны...

- Да, пошел ты! – оборвал его Михалыч. – Обязан. Я обязан жену кормить да деток растить. А если они сгинут, то какой прок от этого Родине? С меня вояка, как из самоварной трубы пулемет. А ты иди, иди. А то на рынке полицаям медом намазано. Ненароком узнает тебя кто. И меня под монастырь подвешешь, и сам не на грош сгинешь. Иди. Не мешай работать.

Как в воду глядел Михалыч. Опознал Степан Дзюбу. Не стал поднимать тревогу, решил сам выследить. Пока шел за бывшим инструктором обкома, а ныне одним из руководителей подполья, в голове зрел план. Ну, схватишь или убьешь его, получишь тысячу марок, и жди, пока партизаны самого подкараулят. Нет, Степан не дурак. Дзюба не простой человек. Он сам не будет листовки клеить да мины подкладывать. Найдет для этого молокососов, готовых за идею жизнь положить. Вот этих молокососов и надо вылавливать. А с Дзюбой надо подружиться. Обещали немцы Москву до зимы взять. Взяли? А как не врут большевички? А что если в самом деле турнули фрицев? Хитер Михалыч, но и мы не дурнее. Вернуться большевички, вот тут Дзюба и пригодится.

Когда возникала необходимость, мог Степан быть рисковым и смелым. Понимая, что может нарваться на пулю, но проводив Дзюбу до неказистого домика, он, маленько выждав, уве-

ренно застучал в дверь. В избу вошел, как к себе. Поставил карабин в угол у двери и только после этого поздоровался с хозяином и громко, зная, что его услышат, добавил:

- Владимир Константинович, Степан – это Тищенко. Поговорить бы нам. Да не бойтесь вы. Один я. И хвоста не привел.

Пока он говорил. Хозяин, старенький, но шустройший дедок оказался у него за спиной, держа в руках его карабин. Дзюба вышел из-за занавески с наганом в руке.

- Вижу, что Степан. Выследил?

- Выследил. Так, вас, Владимир Константинович, выследить не тяжело. Ходите, как при советах. Без оглядки. Я вас еще у рынка приметил. Зря вы к колченогому заходили. Мутный он. В доме его немец непонятный живет, и в будку к нему немцы заглядывают. Он им валенки достает. Подметки наколачивает, стельки войлочные и сам перед ними стелется.

- Ты об инвалиде не беспокойся. О себе лучше поведай, шкура продажная. Ишь, уже старший полицейский. Выслужился.

- На мне крови нет. Выслужился? В вас на рынке пальнул бы, вот тогда выслужился бы. За вас и медальку бы дали. Мне эта служба поперек горла. А куда денешься? К партизанам – так хоть зараз. А куда? Где их искать? Идти в лес и кричать: «Ау, Ау»?

- Ну, кричать не надо. Считай, что нашел. А дальше что? В лесу и без тебя вояк хватает, а вот в городе да еще в полиции нам свои люди нужны.

Разговор продолжили за столом. Скромно. Картошка, квашеная капуста, но нашлось у хозяина и по чарке самогонки.

Идти в город для восстановления связи с подпольем Дзюба вызвался сам. Там, в партизанском отряде, ему казалось, что в городе безопаснее. Это в лесу приходится скрываться, менять место дислокации отряда, отбиваться от карателей. Ночевать в шалашах, обогреваясь скудненьким костерком, голодать. А в городе родные стены помогают. Люди все свои. Укроют, помогут. И он прав оказался. Степан тому пример. А сколько таких людей? С ними можно горы перевернуть. У фашистов под ногами земля гореть будет. Ни днем, ни ночью не будет им покоя. Хотелось Дзюбе создать такую организацию, чтобы в одну ночь,

подняв восстание, захватить город, освободить его от фашистской нечисти. Но установка обкома была другая. Организовывать маленькие группы: тройки, пятерки, не связанные между собой. Каждой свою задачу. Распространение листовок, диверсии, уничтожение оккупантов и их пособников. И конспирация, конспирация. Много навоюешь с этой конспирацией! Фашисты его не знают, а свои не выдадут.

Выпили за Родину. Выпили за Сталина. За победу. За смерть фашизму. Домой Степан шел «навеселе». Веселиться было от чего. Он теперь правая рука руководителя подполья. Будет восстанавливать то, что осталось после провалов и организовывать новые группы. Он правая рука Дзюбы. Уполномоченный обкома.

...

Михалыч сговорился на рынке с крестьянином, что довезет он Евдокию с детьми до Гороховичей, где жила ее тетка по матери. От Денисовки недалече. Взял крестьянин по-божески. Прощались наскоро, клунки были заранее собраны. Присели на дорожку, и запряженные неказистой лошадкой сани увезли Дуняшу с детьми. Утро стояло серое, с пасмурного неба трусила снежная крупа. Мелкая, холодная. Одиноко стало в сараюшке. Сумрачно и холодно.

Пустынно, холодно и на рынке. В такую погоду добрый хозяин собаку на улицу не выгонит. Да и чем торговать? Что было, то уже продали, выменяли. Реквизицию теплых вещей немцы начали еще в начале декабря. Съестные припасы заканчивались. Торговок, закутанных в ватники и шерстяные платки, сменили сомнительные личности, менявшие из-под полы неизвестно что на что-то, на это же похожее. Что на что – никто не видел. Сговорившиеся уходили и обмен происходил где-то на стороне.

Михалыч добросовестно мерз в своей будке, отогревая руки над печуркой, а нутро кипятком из чайника, пофыркивающего на этой же печурке. Кипяток остро пах листовой смородины. Хозяйственная Евдокия насушила ее целую наволочку. Сущеные ягоды Михалыч берег, как зеницу ока. От простуд, прочих весенних хворей нет лучше средства, чем их отвар. И жар собыет,

и сил добавит. Короток зимний день. Подступают сумерки. Су-
мрачно на душе у Михалыча. Знобит душу непокой.

...

Короток зимний день. Скрипят полозья. Мерно постукива-
ют копыта по мерзлой земле. Дорога пуста. Сколько едут? Час,
два, три? Евдокия потеряла счет времени. Было задремала, но
мороз куснул за щеки, за пальцы ног. Бурки, сшитые Сергеем, –
не валенки, но обувать валенки побоялась – отберут гады. Рас-
тормошила Раису, заставила вылезти из саней и пройтись пеш-
ком. Лошадка в гору едва плетется. Кузьма, жалея ее, садится в
сани только на спусках. Подлесок вдоль дороги в куржаке. Всё
бело, и дорога из белизны в белизну утонула в белизне. Подъем
не крутой, но бесконечный, как окружающая белизна. Не велик
Иванко, но в гору и от малой ноши спина взмокнет. Короток
зимний день. Темнеет небо. Лошадка побежала веселее. Пахну-
ло дымом, жильем. Поворот и село. Не небо темнеет. Черный
дым кружит над догорающими хатами. От села в их сторону
пронеслась, ломая заиндевевшие ветки, пулеметная очередь.
Затарахтел мотоцикл.

- Беги. Беги в лес!

Кузьма, схватив за уздцы, разворачивал лошадь.

- Беги, глупая баба! Каратели!

Продираясь сквозь густые заросли лещины, Евдокия боя-
лась одного – потерять Раиску, но та не отставала от матери.
Где-то там, за белым маревом коротко протакал пулемет. «Та-
та-та, та-та-та» Заржала лошадь. «Та-та-та». И тишина. Короток
зимний день. До темноты Евдокия успела выйти к лугу. Слева
отсвечивало от низких облаков зарево пожара. Вот и нет Дени-
совки. Кузьма говорил: «Переночуем. А утром я вас до Горо-
ховичей довезу». Переночевали.

Там за лугом река. На той стороне Горховичи. Снежная
равнина с редкими купами кустов тонула в наступающих сумер-
ках. Равнина? Если с опушки смотреть, а ногами... А ног Евдо-
кия уже не чувствовала. Снег набился в бурки, подтаял, замерз.
Она брела, ориентируясь по зареву. По проторенной ей тропе,
старая не отстать от матери, падала, поднималась и спешила
спешила Раиса. А от этого еще чаще спотыкалась и падала ли-

цом в снег. Бесконечная тьма, бесконечный луг. Перестал всхлипывать голодный Иванушка. Евдокия прижимала его к груди. И брела, брела, брела. Во тьме скатились с обрыва к реке. До войны на том берегу светились окна изб, лаяли собаки. Темнота. Тишина. Но это лучше того, что осталось за спиной.

Коварны белорусские реки. В ноябре скует их льдом, лед покроет снегом. А вода живая, и подо льдом река течет. Впадают в нее ручьи. Бьют в ней ключи. У самого берега провалилась Евдокия. Благо, неглубоко, по грудь. Успела Иванушку поднять, чтобы не намок, Раиске крикнуть: «Стой! Обходи стороной, стороной обходи!» Вода показалась горячей. В горячке положила Иванушку на лед подальше от себя. Оттолкнула от края полыни.

- Раечка, доченька, возьми Иванушку. Потихоньку подползи и к берегу уползай.

Когда дети вышли на берег, стала обламывать лед. Как забрались на обрыв, сами не поймут. Без дороги, через плетни огородами вышли к избам. Евдокия свалилась в горячке. А Иванушка так больше и не подал голоса. Когда раскутали в избе – синюшный, с закрытыми глазами он еще пытался дышать. Но эти попытки только заставляли его дергать головкой. Легким не хватало воздуха, а вздохнуть полной грудью у него уже не было сил. К утру он угас. Евдокия не приходила в себя, металась в жару. Звала мужа, Раису, искала Иванушку и снова куда-то бежала. Бежала от страшной беды.

...

Фашисты хвастались, что покончили с партизанами. Слухи о карательных акциях прокатились по городу. Говорили, что в округе сожгли все деревни вместе с жителями. Это было похоже на правду. Крестьяне из деревень больше не появлялись в городе. Пропал и Кузьма, обещавший обсказать Михалычу, как добиралась Евдокия. Неизвестность угнетала. Угнетало одиночество. Порой за день словом ни с кем не обмолвится. Сидеть в будке не было резона. Рынок совсем опустел. Продавать было нечего, покупать не на что, меняться нечем. Днем пройдет Михалыч до разрушенной водокачки. Убедится, что в тайнике нет сообщения. Проверит замок на будке и идет в свою сараюшку. Забор с

соседом, разделяющий участки, поделили. Благодаря его остаткам в сараюшке теплилась жизнь. Да разве это жизнь?

Всё чаще стал заглядывать в церковь. В полумраке редких, горящих желтоватым восковым пламенем свечек лики святых казались грозными. Только угроза эта была не прихожанам, слушающим проповедь, а тем, кто творил беззаконие там, за стенами старого храма. В проповедях отца Мефодия не было открытого призыва к борьбе с супостатами, говорил он о смирении и терпении, а выходило, что добро побеждает зло. Божьей волей копится сила, Божьей волей куётся копье Георгия Победоносца. Повержен будет змей. Божье дело – правое.

В храме тоже экономили дрова, но среди людей самый лютый холод не так страшен. За всю службу слова не промолвит Михалыч, а вроде со всеми поделился своей бедой. Отогреется немного душой, телом и снова к себе, где только и света, что от огня в буржуйке. В храме узнал Михалыч от людей, что каратали сожгли Денисовку вместе с жителями. Никого не выпустили. Сожгли еще четыре деревни в округе, от того и нет крестьян, от того и голод в городе, что подвоза нет.

И слово отца Мефодия не несло облегчения. И не грех это. Домик занялся сразу. Не пожалел Михалыч керосина. Весь, что был, вылил на сени, на ставни. Жалел, что гранаты нет. Но застыло глухой полночью до небес. Были бы открыты ставни, может, и выскочили бы денщик с хозяином. Но когда поняли, что горят, вырваться через горящие сени, где шкафчики, сундуки, табуретки полыхали, как порох, не смогли. В открытую дверь рвануло клубом пламя в избу. Крутнулось вихрем, захватив всё, что способно было гореть, и уже не понять было, то ли изнутри огонь пробивается на улицу, то ли с улицы в хату ломится. С больницы прибежали немецкие солдаты. Прибежал и Степан. В одних портках, в фуфайке на голое тело, суетился по двору Михалыч. Плакал о сгоревшем доме. Клял фашистов, которые сделали его бездомным и голым. От чего и как загорелся дом, так и не установили. Бидон из-под керосина успел Михалыч забросить в сортир, стоящий в конце огорода. Никому не пришло в голову, пройти по протоптанной тропинке и заглянуть под доски.

Морозы сдались сразу. В один день. С утра солнце встало в морозной дымке. Дым из печных труб стыл столбом. Не шелохнется. А к обеду закапала с крыш капель. Зачирикали воробы. Живы. Целую вечность не слышал Михалыч птичьего щебетанья. Не обращал внимания, что не слышно птиц. Даже воронья не осталось в городе.

Весна. С каждым днем становилось теплее. Снег покернел, осел. Появился народ на рынке. Михалыч пропадал на нем от темна до темна. Его времянка на погорелье теперь торчала, как прыш на лысине. Сад спили на дрова, от сгоревшего дома осталась только печка с обвалившейся трубой. Улица стала шире. Вернее, улицы уже и не было. Дом Степана углом выпирал к больнице. Полицейский радовался, что после пожара немцы выставили пост у входа в проходную. Ему удалось создать несколько подпольных групп, но были и те, кого он не знал и которым не было известно, что он представитель обкома. Это они, неизвестные, взорвали трансформатор связи на переезде, оставив без связи все районы южнее города. Это они уничтожили цех по ремонту танков. Гауптман Фогель не просто высказал ему свое неудовольствие, а пообещал, что если в ближайшее время не будут установлены группы, действующие в залинейном районе, то он будет вынужден передать всех, кого завербовал Степан, гестапо. И он понимал, что это просто угроза. Свом дал задание искать связи с другими группами, хотя Дзюба строжайше запрещал выходить на всякие контакты, кроме тех, кто придет с паролем от партизан.

Степан Тищенко не дурак, как работает «Айзенгруппа» из СБ он видел. Довелось и в расстреле евреев на Озерецком шоссе участвовать. На девятом километре стреляли их до полного отупения. Немцы отделяли от колонны по двадцать человек, ставили на край рва, и полицейские производили залп. И так с перерывом в минуту целый день. Стреляли не в людей, стреляли, как в частокол на гребне. Уже не целясь. Не убить, свалить выстрелом в ров. Иные трупы оставались на верху, и тогда следующая двадцатка, прежде чем занять их место, сбрасывала покойников в ров. Участвовал с карателями и в селах. Нет, с гестапо Степан иметь дело не хотел. Гру-

бо. О Дзюбе он доложил начальнику отдела контрразведки охранной дивизии гауптману Фогелю. Отдел 1-Ц сотрудничал с «Абвером». Ученики школы и стали первыми руководителями троек, организованных Степаном.

Гремели не приносящие вреда немцам взрывы, время от времени убивали подозрительных служащих или граждан, не забывая положить им на грудь приговор партизанского суда. Но выйти на всё подполье не удавалось. Дзюба почти не выходил из дома. Пьянствовал. После того как его опознал Степан, он, прозрев на утро, испугался. Степан узнал, а вдруг еще кто-то опознает? Нет, лучше пусть работает налаженная сеть, а он руководить и не выходя может. Он в подполье. То, что вся его сеть – это Степановы бойцы, Дзюба не задумывался, как не задумывался, почему провалились первые созданные группы. Не повезло. Не хватило осторожности. Вот он же руководит, и не могут немцы выйти на него. Потому что он опытный подпольщик. Уполномоченный обкома заливал свой страх самогоном, который ему регулярно поставлял хозяин домика.

...

- Скрипка? Если ты Скрипка, то здорово!

- Для кого Скрипка, а для кого Скрипаченко Сергей Михайлович. Здорово, коли не шутишь!

В дверях будки стоял неопределенного вида, неопределенного возраста мужичок. По голосу вроде как молодой. Но весь растрепанный. Облезлый кожушок, треух с клочьями рыжей, лисьей или собачьей шерсти, русо-пегая клочьями борода.

- Здорово, здорово! Не бурчи дед.

- Какой я тебе на хрен дед?! Внучок ты моей бабушки.

- Не серчай, с добром я к тебе. Вернее, с доброй вестью. Жинку-то, потерял, наверное. Так жива твоя Евдокия и дочка жива.

Мужичонка выглянул за двери. Внимательно оглядел улицу.

- Присяду я.

- Садись, садись, дараженьки, – засуетился Михалыч. Вскочил с табуретки. – Садись сюда к печке ближе. Рассказывай, как они там.

Сидор скинутый с плеч, чем-то твёрдым грюкнул по дощатому полу. Сняв шапку и грея озябшие руки над теплой печкой, мужичонка, (Да какой там мужичонка, пацан от того и бородка клочьями, редкая.), стал рассказывать.

- Да сам-то я их не видел. В партизанах они. В госпитале Евдокия работает. Попросила, кто в городе будет, чтобы передали тебе, что живы. А отзываются о ней хорошо. Добрая лекарка.

- А ты? Ты что, партизан?

- Скажешь еще. Какой я партизан? Они в село к нам заглядывают. А я Микола. Хожу, ось, памиж людьми. Весточки передаю тем и кормлюсь.

- Понял. Я-то, дурак, и не сообразил, что ты голодный. У меня и кипяточек есть, и хлеба кус.

- Не надо. Это я к слову. Не голодный. Я вот что, дядечка, котомку у тебя оставил. Не резон мне с ней ходить. Тут бульбы немного, самогонка. Я потом заберу.

- Так пусть лежит. Только когда потом? Скоро комендантский час.

- Успею. Поспешу я, дяденька.

Не успел он выйти, как любопытный Степан заглянул в будку сапожника.

- Что-то не видел ни разу у нас на рынке твоего гостя? И откуда такой лохматый? Не из лесу?

- А кто его знает? Может и лесом шел. Весточку от Евдокии принес да вон гостинец.

- Гостинец – это хорошо. Посмотрим, как селяне живут.

И по-хозяйски стал развязывать мешок.

- О! – это «о» относилось к бутылке с белесым самогоном, лежащей сверху. Рядном в тряпице добрый кусок сала. – О, так ты богач. Ну, угощай, сосед. За жинку твою выпить надо. Ладная она у тебя. Заботливая.

- А это не твоя забота, Степан.

Михалыч взял бутылку и, вытащив деревянную струганную пробку, не жалея плеснул в кружку.

- Держи.

И заткнув на место затычку, уложив бутылку на место, стал завязывать мешок.

- Э, а закуска?

- На, — Михалыч вытащил из кармана кусок серого, пополам с остью хлеба. — А сало Дуняша для меня отправляла, а не для тебя. У тебя и без него морда гладкая.

Степан, осушив кружку, крякнул и вопросительно посмотрел на Михалыча.

- А сам?

- Извини, Степан, Великий пост начался. Я, на тебя глядя, — оскоромился. Да и собираться пора. Это на вас, бобиков, комендантский час не действует, а я человек богобоязненный, законо послушный.

Степан, поняв, что больше не обломится, сразу перестал быть добрым соседом.

- Ну, ну. Давай, крути педали. На своих колесах как раз успеешь!

- Тыфу на тебя. Дерьмо ты всё-таки, Стёпка, дерьмом и помрешь!

- Но, но. Ты у меня...

Не договорив, Степан вышел, пнув со злости хлипкую дверь будки.

Волей не волей, пришлось Михалычу забирать сидор с собой. Как же гостинец оставить в будке? Дома запихал подальше под топчан, только от мышьей подальше сало переложил в металлическую скрынку-коробку.

На следующий день Микола не появился. И на следующий день его не было. Михалычу не терпелось еще порасспросить нового знакомца про жену, про детей, а тот всё не появлялся. Вербное прошло. Страстная неделя началась, когда в будку к нему заглянул пацаненок. На вид лет десятидвенадцати.

- День добрый, дядечка!

- Добрый. Чего тебе?

- Так я, дядечка, от Миколы. Он у вас тут мешочек оставил. Просил забрать.

- А он что сам не пришёл?

- Так занедужил. Не до того ему. А я от него, не сомневайтесь. Он еще вам от жены привет передавал.

- Передавал и оставлял. Только сидор у меня дома и картошка прорастать стала. Скоро садить пора будет.

- Так садите, дяденька, садите. А мне сидор отдайте.

- Ну, хорошо, хлопец. Знаешь, где я живу? Приходи, через часок и я прискребусь. Там и заберешь.

- Хорошо, дяденька.

Пацан исчез за дверями, а там и в толчее базара. Дома Семёныч до его прихода перетряхнул мешок. С картошкой он сгустил краски (под топчаном было довольно-таки прохладно), а несколько буряков подвяли, сморщились. Среди них оказалась пара железных брусков с цифровым регулятором.

- Мать моя ... Прости меня, Господи!

Первой мыслью у Михалыча было забросить их куда по дальше, закопать поглубже. Да не поднялась рука. Ведь нес их в город Микола, рискуя собственной жизнью. И мальчонка, у которого и жизни-то еще не было, не жалеет ее. И Евдокия в отряде. Нет. Как же жить потом? Он замотал мины в старую холстину, специально пошоркав ей перед этим в печке. Насыпав на дно мешка немнога картошки, аккуратно уложил опасный груз, присыпал остатками картошки. Сало разделил на три части. Одну оставил себе, а две, завернув по отдельности, положил сверху. Добавил и остатки самогонки. Едва задвинул мешок снова под топчан, как в дверь осторожно постучали.

- Дяденька.

- Заходи, малец. Дома я, дома.

Не вставая с топчана, выглянул в маленькое окошко. Двор и улица были пусты. Только у проходной в больницу скучал часовой.

- Садись. Ты извини, но сало я съел, а самогонку выпил.

- Дяденька. Вы мне мешок отдайте, а сало жалко, но съели так съели.

- Что же тебя, малый, так в мешке интересует, что и сало тебе не сало? Меда там не было.

- Так раз знаете, что спрашиваете?

- А я, кажется, тебя знаю? Ты на Пятой заводской жил. Я с батькой с твоим работал.

- Так и я вас знаю, дядя Серёжа. Не знал бы, в жисть не пошел бы. Вы мне отдайте...

- Отдам, отдам. И картошку, и самогонку. А то как понесешь? За пазухой что ли? И если прицепятся, то сырая бульба им ни к чему, а сало с самогонкой отдашь. Смотришь, сидор потрошить не будут.

Вытащив мешок, еще раз убедившись, что за окном ничего подозрительного не видно, добавил.

- Ну, беги, малый. Бог тебе в помощь.

- А я пионер. Я в Бога не верю.

- Веришь – не веришь, а Бог с тобой. Будь осторожен. А Миколе передай, ко мне такие гостинцы больше не приносить. Иди, Бог с тобой!

И еще, не привычно для себя, перекрестил его в спину. Долго смотрел ему вслед.

...

Весна выдалась трудная, голодная. Чем только Семёныч не занимался, чтобы хоть как-то прокормиться. Будка сапожника превратилась в мастерскую: ножи точу, лужу, паяю. На все руки мастер, он не гнушался никакой работы, и всё равно приходилось всё туже затягивать ремешок на ватных, стеганых штанах. Единственные брюки он берег. Летом в ватных не походишь. А вот сапоги у него знатные. Господин в черном, еще по зиме, принес их в починку, при этом сказав, чтобы Михалыч оставил сапоги себе. С обувью Михалычу всегда было тяжело. Загребая носками землю, он быстро сшаркивал подошву, перекашивал набок. Густо смазанные дегтем сапоги спасали от весенней слякоти, а ходить ему приходилось всё больше. Взвалив ящик с инструментом на плечи, он ходил по улицам, предлагая свои услуги.

Не во всё его посвящал отец Мефодий, но всё чаще Михалычу приходилось выполнять его поручения. Михалыч привык уже свободное время проводить в церкви. Содержать храм божий – не избу. А он что стекло вставить, крышу подлатать, побелить, покрасить, на всё гож. Порой и не уходил домой, в свой одинокий сарай, а оставался ночевать в сторожке, где обитали сироты. Пригрел их отец Мефодий, а подкармливали все прихожане. Несли в церковь всего понемногу. Это «всё понемногу» поддерживало тех, кто уже был на грани жизни и смерти. Чаще всего приходилось ходить ему в залинейный район. Там за ваго-

норемонтным заводом проживали железнодорожники: машинисты, кочегары, путевые обходчики, сцепщики, кондуктора. Все, без кого дорога мертва. Так и летели дни. Но во вторник и в пятницу сидел он в своей будке обязательно. Если не было заказов, то колол дубовые чурбачки на гвоздики, точил, отшлифовывал их. Сучил дратву, которую приспособился выдирать из старой порванной покрышки. Нашел среди развалин припорощенную снегом, повезло, не сожгли зимой.

Очередная волна облав и арестов прокатилась по городу. С наступлением тепла активизировали свою борьбу партизаны. Поражения на фронте еще больше озлобили оккупантов. Дневные облавы сменялись ночных. Задержанные в застенках гестапо не задерживались. Не пустовали виселицы. По утрам на карьерах гремели залпы. Город затаился.

Беда коснулась и их группы. В облаву попал радиостанция. Фашисты в тот день методично обыскивали дом за домом. Когда стали ломиться в его квартиру, он взорвал связку гранат. Гестаповцы скрупулезно перебрали обломки, но кроме того, что здесь работала подпольная радиостанция, установить больше ничего не смогли. Не смогли установить и лиц, которые поддерживали с радиостанцией отношения. Но отсутствие связи делало работу группы бессмысленной. Точнее, не бессмысленной. Бессмысленной становилась собранная ими оперативная информация.

Исчез куда-то Степан. Исчез странно. Михалыч в этот вечер копался на огороде. Показалась кое-какая зеленушка, за сгоревшим домом, вдоль забора буйно закудрявилась молодая крапива. Отцвели две уцелевшие яблони, усыпали бело-розовыми лепестками грядки. Наполнив кошелку зеленью, Михалыч курил на крылечке домика, когда к соседскому двору подъехала телега с полицаями. С гоготом они вышибли калитку и толпой зашли во двор. Слышался звон разбитого стекла, Настин крик, сначала возмущенный, перешедший в бабий, надрывный рев. Михалыч уже подумывал пойти посмотреть, что там творится, но поостерегся. Прошло всего ничего, как подъехал легковой автомобиль в сопровождении пары мотоциклов. Немцы чуть ли не пинками выгнали со двора полицейских. Стих плач. Что

творилось в доме, можно было только догадываться. От греха подальше Михалыч скрылся в избушке. И оттуда наблюдал в запыленное, не мытое с зимы оконце, как спустя какое-то время гестаповцы сели в машину. А вышедшая вслед за ними, растрепанная, зареванная Настя пыталась пристроить на место выломанную калитку.

- Давай пособлю. Что это Стёпкины дружки вытворили? Или это гестаповцы тебя приласкали?

Синяк в пол-лица опухал, темнел на глазах.

- Бобики.

- А твой-то кто?

- Так за моего и били. Говорят, что освободил бандитов, а своих двоих застрелил. И сбежал с бандитами.

- Куды ж сбежал?

- Так к партизанам должно быть.

- К партизанам? Да они его, гниду, на первом же суку вздернут.

- Ты не лайся, Сергей. Помог и кульгай отсюда. Ты, вон, тоже подметки лижешь.

- Я не лижу. Я подметки приколачиваю, но в душегубстве не повинен.

В сердцах Михалыч швырнул топор в сторону бесхозной собачьей будки.

- Ну, будет, Сергей. В сердцах ляпнула, прости уж бабу глупую.

- То-то, что глупая. Не свою глупость ляпнула, а со слов Степана поешь. А гестаповцы от тебя что хотели?

- Так тоже про Степана пытали.

- Били.

- Не, эти вежливо. Да и не гестаповцы. Без черепов на фуржах. В избе пошарили немного. Приказали, если какие новости будут о Степане, сообщать им. А бить не, не били.

На следующий день на базаре шепотом, а к обеду бабы уже во весь голос обсуждали новость о Степане. Полицейские сами, подвыпив, кляли его во все кости, грозились своими руками порвать. Но Михалыч слишком хорошо знал соседа. Что-то было не так во всей этой истории с освобождением подпольщиков, убийством полицейских.

Вот как раз с убийством полицейских всё было так, как рассказывали. Гауптман Фогель сам рекомендовал выбрать пару полицейских в жертву. А вот подпольщики были из ячеек, созданных Степаном. Прошли школу Абвера, и убрать пару полицейских без шума для них не составило бы труда. Но шум был нужен по сценарию гауптмана. Степан привел дружков на явку, якобы выпить, где их и пристрелили из их же оружия. Эти «дружки» давно не нравились Степану – слишком жалостливые. Службу несли из-под палки. Оставив два трупа, подняв переполох, ушли развалинами к домику, где скрывался Дзюба, которого Степан, сдавший ранее созданные им группы, уже неделю пугал угрозой провала. А сейчас явился со свидетелями и участниками его подвига. Дзюба был готов в ту же минуту бежать из города, но Степан уговорил его дождаться ночи.

Фогель был далеко не дурак. Слежка за Дзюбой ничего не дала. На явку к нему никто не приходил. Проследить за шустрым дедком не удавалось. С кем и как он поддерживал связь, не установили. Схватили пару подозрительных личностей, с которыми он общался, но те или действительно ничего не знали, либо, выдержав все пытки, унесли тайны на тот свет. Гауптман считал, что всё зло сейчас таится в лесу. Уничтожив партийную головку, уничтожив базу поставки оружия и взрывчатки, справиться с подпольем труда не составит. Да и само подполье кроме листовок и пропаганды угрозы представлять не будет. Коридор для ухода предателей и Дзюбы был хорошо продуман и подготовлен. Случайности исключались. Степан несколько раз прошел для тренировки по маршруту. Выходить надо было через карьеры кирпичного завода. После уничтожения гетто жители старательно избегали этих мест. Немцы тоже бросили лагеря. Остались только участки, огороженные колючей проволокой, брошенные сторожевые вышки, глиняные карьеры с проседающей землёй.

Брели ночью, на ощупь, спотыкаясь. Жутью веяло от холодной жижи в карьерах: не ветви цепляли, а руки мертвцевов хватали за полы одежды, спотыкались о камни – или о человеческие кости? Но Степан шагал уверенно, и еще до рассвета они вышли в перелесок, который длинным клином вытянулся к пуще.

С уходом Степана Михалыч вздохнул легче. Исчезло чувство постоянной слежки. Нет, полицейские остались, и немецкие патрули так же ходили по улицам города, заглядывали на рынок, но инвалид сапожник примелькался и был им неинтересен. А он по-прежнему интересовался всем. Снова научился улыбаться, даже было сбрил бороду, но самому не понравился моложавый, хитровато щурящийся мужичок в зеркале, и он снова стал ее отращивать. Седина не красила, она скрывала его возраст и, когда он шел, сутулясь, по улице, то выглядел глубоким стариком.

По-стариковски греясь в вечерних лучах солнца, Михалыч разбирался в церковнославянской вязи Библии. В детстве уроки Закона Божьего вбивали в его голову подзатыльниками, ныне сам пристрастился к чтению Библии. Виной тому были и беседы с отцом Мефодием. Вроде бы самой жизнь потрепала, поколотила, посеребрила волосы, а рядом с ним Михалыч себя чувствовал юнцом. Спокойствие и уверенность, вот что носил в себе батюшка. Мудрость не суэтную – скучную на слова, но проникающую в душу.

От книги его оторвала упавшая перед ним тень. Худенькие ноги, обутые в армейские башмаки, чуть выше ситцевое застриранное до ветхости платьице. Он поднял взгляд еще выше. На худеньком лице глубоко запавшие, уставшие глаза и пристальный устремленный на него взгляд. Вся несуразная, вся из противоречий. Взрослый ребенок.

- Дядя Серёжа, не узнаете?

Михалыч непонимающе пожал плечами.

- Я Лена, племянница ваша.

- Лена? Лена?

- Павлины дочка. Павлины, сестры тети Дуси.

- Так, что мы на крыльце. Заходи. Чай устало!

- Он пропустил девушку внутрь домика. Закрывая дверь, осмотрелся по сторонам, никого и ничего подозрительного.

- Лена, Лена. Садись, «племянница». Рассказывай.

- Так померла мамка. Тридцать первого померла. А как девять дней по ней справили, я в город подалась. Мамка много про вас доброго говорила. Молодая мамка была. Всего сорок лет ей было.

- Вспомнил. Вспомнил я ее, Алёнка. Перед войной, в сороковом, приезжали вы к нам. В больнице мамка лежала. Она и тогда хворала.

Прозвучала условная цифра. И девчушка с облегчением сняла по-бабы повязанный платок. Коротко остриженные темные волосы непокорно торчали на голове. Худенькое, заострившее лицо. Руки с маленькими ладошками на коленях. Вся она напоминала воробышко, забившегося под стреху, нашедшего, как казалось ему, надежное убежище. Она напомнила ему о Раиске. Где она сейчас, горе мыкает? Захотелось погладить девчушку по голове, но он сдержал себя. Заговорил по-деловому, сухо.

- Так, дочка, сначала повечеряем. Потом ты расскажешь, зачем и с чем пришла. Шла, по тебе вижу, долго. Трохи дело потерпит, не волк – в партизаны не сбежит. До утра. В комендантский час рисковать не стоит, так что доложить о тебе смогу только завтра.

Скудный ужин. Крапивный борщ с рыбой. На рынке знакомая, простояв с ней день, непроданную отдала ему даром. Дареному коню в зубы не смотрят. Кипяток с листьями смородины да по куску серого, липкого хлеба. Ела Лена аккуратно, но быстро. Михалыч подлил ей еще юшки. На бумагу, вместо блюдца, выложил пару краснoperок.

- Ешь, милая, ешь. А я покурю.

Чтобы не смущать, вышел на крылечко. Двор без забора был открыт всем ветрам и взорам. Посреди пожарища торчала печная труба. Михалыч не торопился убирать горельник. Так понемногу: оттащил в кучу покореженную жесть с крыши и оставил. Добраться до погреба теперь было легко, а если бы это попытался сделать кто-то чужой, то незамеченным бы это не осталось. Солнце скатилось за крышу соседнего дома. За забором больницы фальшивила губная гармошка. То ли гармошка такая, то ли музыкант.

Осоловев после еды, Лена устало приникла к стенке и боролась с дремотой.

- У, девочка, ты совсем пристала. Лягай на дочкину кровать, а побеседуем утром. Лягай и спи.

Горела у иконы лампадка. Сеялся сквозь маленькое окошко лунный свет.

- Ты бо еси Бог наш, и мы людие Твои, все дела руку Твою, имя Твое призываем. И ныне и присно и во веки веков. Аминь. Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, Надеющеиися на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского. Господи помилуй.

Двенадцать раз он повторил «Господи помилуй». Помилуй, Господи, дочку и сына, Дуняшу и эту девчушку, которая лежала на кровати, тревожно вздрагивая во сне. За всех православных, в городах, в селах, лесах, вставших на борьбу с оккупантами. Матерь Божья, спаси их, даруй им жизнь, даруй победу над супостатом.

С утра Семёныч натаскал с колодца воды, подвесил ведро над костром. Приготовил немудреный завтрак и только после этого стал будить Лену.

- Просыпайся, дочка. Просыпайся.

Умывшись, сидя за столом с кружкой кипятка, Лена отвечала на вопросы Михалыча с толком и рассстановкой.

По легенде она племянница. Да, в самом деле, есть у Евдокии сестра Павлина. Жива ли, померла – сейчас неизвестно, и дети у нее есть. А где они? Село сожгли каратели. Кто спасся, кто погиб, то неведомо. Лена прислана вместо погибшего радиста. Нет, с группой. Но, у них свое задание. Какое, ей и знать не положено. В город добиралась сама, ноги стерла. Лет? Девятнадцать.

- А выглядишь на тринадцать. Четырнадцать. Дите дитем.

- Так это, дядя Серёжа, и хорошо. Ко мне ни немцы, ни полицаи не приставали. Кому я замухрышка нужна?

- Да, замухрышка. Но ты не переживай, были бы кости – мясо нарастет. Бог даст, война закончится...

Тяжело вздохнув, Михалыч вышел во двор, поменял ведра над костром. Внес в домик старую, медную ванную.

- Я пошел на рынок. Сапожника я, а ты на хозяйстве. Вода на костре и ведро горячей рядом. Холодная в бочке. Помойся, постирушечку устрой. Одним словом, хозяйничай. Ты дома. Ес-

ли кто будет расспрашивать, рассказывай всё, как есть: про племянницу, о Павлине. А из села? Вы еще до карателей ушли. И..., в подробности особо не вдавайся. К обеду вернусь.

Отец Мефодий появлению радиостки обрадовался. Связь, связь. Информации накопилось много. Так много, что за один сеанс не передашь. От использования связи партизан отец Мефодий отказался не из-за трусости. Оперативная информация срочная поступала, но более ценной была стратегическая – информация, влияющая не на сиюминутное, не на положение на участке фронта, армии, а имеющая значение даже и на послевоенное время. По этой информации немцы легко могли бы выяснить источник, откуда она поступала. А этого нельзя было допустить. Радист, радиостка? Где ее разместить? Откуда выходить на связь? Так, чтобы не поставить под удар ни ее, ни группу.

- Михалыч, пусть пока у тебя и поживет. Племянница и племянница. Рацию подготовь, пусть проверит, и подумаем, каким образом и откуда ей выходить на связь. Тянуть не будем, но и спешка вредна. Но рад, Михалыч, рад. И осторожность.

- Так, батюшка, куда уж осторожнее? На цыпочках хожу, а сам ведаешь, как мне это неловко.

- Не ерничай, сын мой. Наложу епитимью, заставлю поклоны бить, – не скрывал своего хорошего настроения отец Мефодий.

- А теперь о хлебе насущном. Как с продуктами?

- Жив пока.

- Теперь тебе на двоих надо. А заработка твой ведаю.

- Так, на огороде то-се подрастет, а на сухарь заработаю. Не до жиров.

- Жиров тебе и я не обещаю. Не от щедрот своих, а от людской помощи. Возьми у Глафиры крупы.

Лена рацией осталась довольна. Батареи, залитые воском, тоже практически не разрядились.

Через линию фронта полетели телеграммы. Меняли время выхода на связь, место. Михалыч загрузив радио в тачку, прикрыв инструментом увозил ее в заранее оговоренное место. Прятал ее среди развалин – под груды кирпичей, в карьерах – в

вырытых гротах. Через день, два после сеанса перевозил на новое место.

Летели дни. Пожухли, пожелтели листья. Михалыч усердно молился перед иконой Николая Угодника, когда отец Мефодий, проходя по храму, поправляя свечи в подсвечниках, шепнул.

- Зайди.

Разговор был срочный. В последней шифровке от Грача сообщалось о двух агентах, окончивших школу Абвера и засланных в партизанскую бригаду, их приметы, клички. Всё это надо было срочно передать в партизанский отряд. Через Большую землю – так согласование ведомств займет время. А время – это жизни людей, существование самой бригады.

- Запрещал тебе Семёныч на подполье выходить, теперь просить тебя приходится. Найди. Найди выход на партизан.

- Так, где ж батюшка искать? Не на рынке же кричать: «Ау, партизаны!» После облав да арестов затаились люди.

- Но людей-то ты знаешь. Поспрашай. Осторожно. Только тех, кому сердцем веришь.

- Попробую. Вот только куда бы Ленку на это время пристроить. Не ровен час, оплошаю где, пропадет девка.

- Приводи. С детьми поживет. Скажи, что по деревням пойдешь. Ради заработка.

- Хорошо, отче.

Как не упиралась Елена, мол, и сама побуду, не пропаду, но отвел ее Михалыч в церковь. Сдал Глафири с рук на руки.

Странная штука память, потребовалось, вспомнил даже имя парнишки, приходившего к нему за мешком. Вспомнил и фамилию его отца, хотя работали вместе совсем ничего. А вот в гостях он у него не был. Знал, что где-то у лакокрасочного заводика жил. С них и решил начать свои поиски. Не с отца. А с Сёмки. Осторожен стал народ. Раньше любого спроси: где такой-то, такой-то живет, и покажут, и проводят. Сейчас не то. Даже и не спрашивает: «А зачем он тебе? Или кто он тебе?» Буркнет, не глядя в глаза: «Не знаю» и уйдет, даже не сказав «до свидания». А сквозь щели в заборах следят за тобой пристальные взгляды и уже успели предупредить того, кого ты ищешь, что им интересуются. Осторожен стал народ.

Михалыч настойчивости в розысках не проявлял. Наоборот, встретив подростков, он попросил, чтобы они предали Сёмке, что тот оставил у него сапоги для ремонта. Так пусть забирает срочно, а то на них уже покупатель нашелся. А спустя час, сидя на ступеньках домика, заметил, как парнишка, посматривая по сторонам, прошелся по улице и нырнул в его двор, в кусты малины со стороны больницы.

- Искали, дядя Серёжа? Что случилось?

- Случилось, племянничек, случилось. Везти мне ныне стало на родственников. Ты проходи в домишко. Разговор серьезный, мужской будет.

- Ты, Семён, у меня не спрашивай, что и откуда узнал. Ответь, сможешь командованию партизанскому передать то, что тебе сообщу? Не спрашиваю, как. Но жизни за этим стоят, и надо срочно. Если сможешь, то будем говорить. Нет, подскажи, кто сможет. Парень ты не простой. Я это еще прошлый раз понял. Микола давно к вам заходил? Может, к ним в село заходят?

- Нема Миколы. Погиб. Дядя Серёжа, можно я к вам завтра утром прибегу. А то до комендантского часа не успею. Домой не успею. Матка волноваться будет.

- Беги, – вздохнул Михалыч. – Беги, пострел.

Время, время. А впрочем, Сёмкину осторожность он понимал. Да и не пацану решать. А кому?

На следующий день Сёмка старательно заучивал приметы шпионов, засланных в партизанский лагерь. Рост, цвет волос, глаз, наколки. Привычки. Кто и каким образом всё это добыл, Сергей Михайлович не знал, но читая сообщение, он ясно представлял перед собой этих предателей, как наяву, и смог бы узнать среди сотен людей. На прощание Семёныч сказал Сёмке.

- Обо мне забудь. Нужда будет, я тебя сам найду. И обо мне никому ни слова. Ни здесь, ни в отряде.

Выполнив поручение отца Мефодия, Семёныч не то чтобы расслабился, вздохнул с облегчением. Вроде бы уже привыкнуть пора, получил сообщение, передал. Но получал или от уже известных ему людей, а передавал или батюшке, или прятал в

тайниках-закладках. А вот так. На деревню дедушке, в лес партизанам?

...

С северо-запада поползли тяжелые тучи. Зарядили проливные дожди. Не заметили за грозами, как на востоке загремел приближающийся фронт. В городе появились новые немецкие тыловые части. Он переполнился оккупантами до краев. Выгнали из дома и Настю. Она сидела потеряянная на клунке у забора. Идти некуда. Когда Степан стал полицейским, соседи были вынуждены раскланиваться с ней как с пани, а с его исчезновением отшатнулись от нее, как от прокаженной. Они делили горе с теми, у кого близкие сгинули в застенках, у кого пропали в смертельных вихрях военного лихолетья и не принимали в сердце предателей. И сколько не говорила Настя у колодца, что ее Степан в партизанах, не верили ей люди. Не верили.

Семёныч смотрел сквозь маленькое окошко на сгорбившуюся под мелким дождем бабу и не знал, как поступить. Под топчаном лежала рация. В ящике со столярным инструментом оружие. Кто его знает, что у нее за душой. И жалко, и колко. Кума? Да только не очень-то она кумовалась, когда ее Степан мешками добро таскал, а они с детьми мерзли да голодали. Дождь пропустил, скрывая за своими струями в вечернем сумраке Настю. Сердце не камень. Накинув на плечи мешочную дерюгу, Семёныч выскочил под дождь.

- Эх, горемычна, пошли. А то ведь смоет к утру. Ишь, не-погодь разгулялась.

Мокрый узел остался у порога. Настя робко присела на табуретку. Скинула с головы платок, с которого набегала лужа.

- Дай сюда.

Семёныч вышел под жестяный навес над крылечком. Выжал платок и вернулся в избушку. Настя так и сидела на табуретке, уронив руки на колени. Пряди мокрых волос падали на лицо, мокрая кофточка липла к спине, подчеркивая каждую kostochku, каждую впадину. Так сидят нищенки, побиушки, придавленные жизнью. Кума. Когда-то она в его доме была своей. А теперь сидела, как чужая, и не знала, что сказать, что делать. Семёныч из сундука в углу достал чистую холстину.

- Покурить выйду да дровишек малость занесу. Сыро, – положил холстину на стол. – А ты пока обсушись. Потом покличешь.

Спустя полчаса в печурке потрескивал огонь. Пофыркивал носиком чайник. На веревке, протянутой из угла в угол, сохла одежда, от чего комната стала казаться еще меньше, темнее. Настя переоделась в одежду из клунка. Но и она была волглой. Женщина зябко тулилась к печурке.

- Ты пей. Пей пока горячий. Малина со смородиной хворь гонят потом. Пей да грейся.

Накинул ей на плечи старенькую с вышаркавшимся мехом душегрейку. Сел напротив столика на топчан. Молчал, запивая ароматным кипятком краюху хлеба, чувствовал, как тепло поднимается, обволакивает. Бросило в жар. Парила одежда на веревке.

- Согрелась?

Поторопившись с ответом, Настя поперхнулась, закашлялась. Михалыч не сильно, шутя, несколько раз стукнул ее кулаком по спине.

- Не торопись. Я дверь открою, а то дышать нечем. Душно.

По крыше шуршал мелкий дождь, журчала струйка воды, стекающая в бочку. В домике висела тишина. Чтобы сорвать ее гнетущую, обволакивающую паутину, Михалыч спросил.

- О Степане что? Вестей не подавал?

- Степан? Да чтоб ему пусто было!

Настя намолчалась за день. Сидя под дождем, и Бога молила, и жизнь кляла. О многом думала-передумала. Прорвало. Зло, по-бабьи, с всхлипами.

- Всё в хату тащил. Говорил, заживем. Панами будем. Сам сбег. А куды, хрен его ведает. А я, Серёженка, видишь, как панью. В чужой кацавейке, в чужой хате куску хлеба радуюсь. А перед вами-то – виноваты! Это же Степан, будь он неладен, немца в вашу хату подселил. Сам рассказывал. Он всю жизнь тебе завидовал. Из зависти-то и в полицию пошел. Хотел лучше тебя жить. И с немцем у него шашни были. С карательями по деревням ездили. Цацки золотые привозил, а куды спрятал, не ведаю. Вот – сережки подарил.

Она дернула себя за сережку. Ойкнула. Повернула лицо к Семёнычу. Лицо ее пылало, глаза казались черными от зрачков, заливших былую голубизну. Михалыч коснулся ладонью ее лба.

- О, деванька, так ты не на шутку застыла. Давай-ка, ложись. Сон лучший лекарь.

Настя сопротивлялась, пыталась еще что-то рассказывать.

- Ложись, ложись. Завтра договорим.

Уложив ее на тахту, укрыл ватным стеганым одеялом. Заботливо подоткнул свисающие края. Долго сидел рядом, поглаживая белокурую Настину голову.

Улегся на широкую лавку. Тревожно задремал под шум дождя, вслушиваясь в дыхание Насти, прерываемое изредка всхлипами. Потом, как провалился. День был не из легких. Проснулся от жарких рук, обнимавших, тормошивших его. В не плотно прикрытую дверь тянуло прохладой.

- Иди. Иди ко мне, Сергей, замерзла я.

Настю била дрожь, тело ее пылало. Она прижалась к Сергею. До утра она то зябко куталась, то пыталась сбросить с себя одеяло. Михалычу так больше и не удалось заснуть до утра. Переживал ли он о случившемся? Было ли чувство вины? Всё было. Было.

К утру Настя успокоилась. Спал жар.

Семёныч уже больше по привычке, чем по надобности, стал читать молитву ко Святой Троице.

- От сна востав, благодарю Тя, Святая Троице, яко многие ради Твоей благости и долготерпения не прогневался еси на мя, ленивого и грешного, ниже погубил мя еси со беззаконьими моими...

Было. Было. Столик накрыл.

- Помилуй мя, Боже, по величайшей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. От греха моего очисти мя...

Молясь, он не лукавил ни перед Богом, ни перед собой. Было. Было. Раскаяние – не жалость о том, что случилось. Раскаяние в том, чтобы не допустить более оного.

Как через сито, сеял дождь, и весь мир был виден, словно сквозь сито. Серо и размыто.

Сварилась картошка. Слив воду, Семёныч поставил горшок на стол, накрыл полотенцем. Рядом поставил бутылку с маслом, соль. Будить Настю не стал. Надо идти. Рацию не унесешь, а маузер взял, пристроил подмышкой в специальную петлю. Накинул на плечи старенький, с прорехами дождевик и вышел в сумеречное утро.

...

Грач был профессионал, всегда старался избежать ненужного риска. Его уже неоднократно проверяли, но провидение, или предвидение, спасало. Больше всего он проверял себя сам. Абвер-группа, сотрудником которой он был, занималась подготовкой диверсантов и агентов. Диверсанты – расходный материал, пушечное мясо, годное для выполнения одного-двух заданий. Агенты готовились основательно, с расчетом на их долгое использование, с прицелом на будущее. Участившиеся провалы давно вызывали подозрение у руководства о возможной утечке информации. Тотальная слежка всех за всеми стала правилом, но собранные материалы надо было передать немедленно. Об эвакуации школы слухи ходили давно, но на днях они стали явью. Часть документации уничтожалась, остальная упаковывалась в металлические ящики-контейнеры и складировалась в комнате, у которой постоянно стоял пост из двух солдат. Когда, куда? Инструктору, пусть и старшему, облаченному доверием, об этом знать не полагалось.

Ждать дальше было нельзя, все собранные материалы необходимо срочно передать. Оставлять в «почтовом ящике» рискованно. Нужна стопроцентная гарантия, что они дойдут до адресата. Хотя стопроцентную гарантию на войне никто и никогда дать не может. Микропленки уместились в баночку из-под гуталина. Сапожнику на рынке он неоднократно его продавал. При этом сапожник демонстративно сразу открывал ее и наводил лоск на его ботинках. *Geschaft* – каждый, как мог, так и делал свой маленький бизнес. Хотя о бизнесе в городе, из которого война высосала все соки, не могло быть и речи. По пустынным улицам ходили патрули. На рынке под навесом сбились в кучку

несколько женщин. Они не столько торговали осенними дарами, сколько мололи языками.

Михалыч сучил дратву. Туго скрутив, натирал битумом. Кусочек мыла – большая ценность по нынешнем временам, лежал рядом, ждал своей очереди. Когда дратва равномерно покроется черной смолью, только тогда он пройдется влажной, пропитанной мыльным раствором тряпичкой. А иначе не продержнуть ее сквозь шов. Все пальцы порежешь.

Грач передал металлическую баночку, при этом обменялся незаметным для окружающих рукопожатием. Оба понимали – это последняя встреча. Два человека, за всё время их знакомства сказавшие друг другу не более двух десятков слов, расставались молча. Они не знали друг по имени, не знали, встретятся ли вновь.

Грач не успел отойти далеко от базара, когда впереди его на улице остановились грузовики. Солдаты, выскочив из кузова, рассыпались по ближайшим дворам. Облава методично двор за двором, дом за домом двигалась в сторону рынка. На улицу из калиток, ворот выталкивали жителей. В одном из дворов женский крик прервался выстрелом. Началась эвакуация населения. Крики, женский плач были слышны и в противоположном конце улицы. Ничем помочь товарищу Грач не мог. Вернуться, попытаться, используя документы, вывести из-под облавы? Но проводили облаву под руководством гестапо. Вон и оберштурмфюрер Герхард приветственно поднял руку. Узнал коллегу-конкурента.

- Вальтер, ты всё маскируешься. Не рекомендую. С сегодняшнего дня ни одного штатского в городе не останется. С завтрашнего дня все штатские русские, обнаруженные в городе, будут расстреляны на месте.

- Так, это с завтрашнего. А этих куда?

- На сортировку. Трудоспособных на строительство укрепрайона, а остальных вон из города, и пусть идут на запад. В городе останутся только части, обороняющие его. Все тыловые части с завтрашнего дня тоже подлежат эвакуации.

- О-о!

- Это уже не новость и не секрет. Приказ командующего доведен до вас будет уже сегодня вечером. А для населения вывесили еще вчера.

Встретив вопросительный взгляд Вальтера, добавил.

- О, уходить не спешат, вот и поторапливаем. Посмотришь на последних русских в этом городе?

- Нет, Отто, поспешу к себе. Если ты говоришь правду, то боюсь, что Виттман меня уже потерял.

- Спеши, спеши. Кстати, я твой должник.

- Генрих, – окликнул он сидящего за рулем роттенфюрера. – Доставите обер-лейтенанта и немедленно возвращайтесь.

- Прощаться, Вальтер, не будем. С нами Бог и фюрер!

- Зиг хайль!

...

Закрывать будку Михалыч не стал. Поспешно пробравшись между прилавками рынка, бросил на ходу болтуньям: «Тикайте, бабы. Облава» и ужом скользнул в щель между забором и остатками стены бывшей керосиновой лавки. Через дыры в плетнях, через развалины он спешил к болоту. Болото вклинивалось в город или город наползал на болото – сказать трудно. С давних пор было оно прибежищем всех, кто хотел спрятаться от власти. Осушить у советской власти не дошли руки, и единственное, что предпринимали для снижения преступности, это выбрав в зимнее время пору, когда высыхали камыши, поджигали со всех сторон. Поэтому и прозвали его Горелым болотом. Но в паводок оно переполнялось вешними водами, а к середине лета снова непроглядная чаща подступала к его берегам. Одним концом оно подходило к железной дороге, вдоль которой немцы натянули колючую проволоку, а по краю болота наставили мин. С другой стороны оно подпирало табор осевших цыган. Цыган фашисты уничтожили еще раньше евреев, а лачуги, окружавшие дом барона, сожгли.

Со стороны рынка к болоту вдоль речушки, впадавшей в него, прилегала Рощинская слобода – район, куда и в светлое время дня до войны не всякие осмеливались захаживать. В нем не было улиц в настоящем их понимании. Дома стояли на возвышенных, сухих местах, а низменности густо заросли ивняком,

ольхой, в болотинах камышом. Он постарался держаться по-дальше от невольно сбивающихся в группы беглецов. Опять он не принадлежал самому себе.

Дождь продолжал сеять сквозь серые тучи. Михалыч, прихватив в одном из дворов жердь, проваливаясь в болотной жиже, шагнул в камыши. Они расступились и через несколько мгновений снова застыли мокрой, тяжелой, зеленой стеной.

Сверху льет, снизу мочит. Зуб на зуб не попадает. В грязи по щиколотки, в основном по колени, местами по пояс – он брел и брел. Сзади раздавался лай собак, автоматные очереди. Семёныч стал забирать правее, в сторону сгоревшего цыганского табора. На пустыре, на пожарище остались от халуп одни трубы, спрятаться негде, и вряд ли кто ушедший от облавы рискнет выбрать тот путь, а значит, и немцам там делать нечего. Вот и островок с парой кустов. Отсидеться до темноты. А там будет видно.

Ни зги. А дойти до храма надо. Как слепой, на ощупь, Михалыч шел ухабистой тропой, бывшей когда-то улицей. Стоило немного отклониться в сторону, и под ноги лезли доски от недогоревших заборов, мусор с развалин, колючие кусты малины и крыжовника. Чертыхаясь, порой шипя от ушибов, всё же добрел до ограды кладбища. Добрался.

Рассвета не было. Молоко тумана в темноте разливалось по пойме. Звуки вязли в тишине. Утопая в грязи, передовые части шли к реке. Немцы отступили, бросив затопленные окопы, доты, землянки. Старицы, озера, ложбины сплелись в единую сеть. Вброд, окунаясь порой с головой, не с криками «За родину», а отплевываясь и матерясь, шли освободители. Шли к реке. Оставалось совсем немного, когда гулко, осязаемо колыхнуло тишину. Взрывами рвануло туман, в его прогалах мелькнули взлетевшие в небо обломки настила, оскалились остатки быков. С той стороны, с едва проглядывающей черноты высокого берега с воем пронеслись снаряды, ударили по подступам к взорванному мосту. В белые пряди тумана вплетались черные клочья разрывов.

Взрывы разбудили Михалыча. Ночью, добравшись до церкви, он нашел ворота храма распахнутыми настежь. Храм

был темен и пуст. Не горели свечи у ликов святых. Пусто было и в сторожке, в которой нашли приют дети. Пуст был дом священника, только невидимая кошка испугано шарахнулась из-под ног и скрылась в кладбищенских зарослях. Михалыч устроился в сторожке. Сняв мокрый пиджак и рубашку, укутался в найденное одеяло. Долго не мог согреться. Дремал и мерз сквозь дрему.

Дождь кончился, но солнца не было видно. Не было видно даже неба. Со стороны парка глухо доносились выстрелы тяжелых орудий. Со старых деревьев сорвались и носились над кладбищем испуганные вороны. В утреннем сумраке Михалыч прошел в храм. Выбитые окна, порушенный иконостас. Иконы, с которых были ободраны оклады, валялись на полу. Крестясь и шепча: «Отче наш, иже еси на Небесех!», оглядывал он учиненный погром. Пройдя через сорванные с петель Царские врата, заглянул в святая святых храма. Доска Святого престола валялась отброшенная в сторону, рядом с ней в пыли, затоптанный фашистскими сапогами, когда-то белоснежный символ плащаницы.

«Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Михалыч понял, что нет в храме отца Мефодия – не допустил бы он такого кощунства. А если бы и не в силах был его предотвратить, то уже с утра занимался бы наведением порядка. Михалыч поторопился выйти из храма. Толстые старинные стены не давали былого умиротворения, наоборот, появлялось чувство, словно ты в мышеловке. На кладбище, среди оград и крестов он почувствовал себя спокойнее. Присев на лавочку, задумался. Оставаться в городе, в котором не осталось населения, это как кошке в стае собак оказаться. И клочков не найдут. Уходить надо. К своим? За реку? Нет, нереально. Последнее сообщение Грача. Как его передать? Кому?

Да и вообще, куда податься? Как выжить? Хотелось курить. Стучать кресалом на пустынном кладбище? Михалыч вспомнил про склеп купца Жолобова. Сложенный еще в прошлом веке, вросший в землю он затаился в старой густо заросшей части кладбища. Темный, позеленевший от времени кирпич, тяжелая

железная дверь, маленько забранное чугунной вязью решетки окошко. Нырнул в щель приоткрытой двери, как лис в нору. Отсидеться до ночи. Вытряхнув карманы, Михалыч выложил на каменное надгробие из нагрудного кисета, сложенную гармошкой газетную полоску, из бокового – кресало. Вытащил, осмотрел маузер. Оттянул затвор, выброшенный патрон покатился по полу. Заглянул в ствол. Сухо. Поднял и дослал патрон в патронник. Всего десять, вернее, девять – последний себе.

Трут занимался плохо, с трудом, аж голова закружилась от усердия, Михалыч раздул его. Влажный табак потрескивал, горчил.

К ночи горечь стояла во рту колом. На небе высипали редкие звезды, рогатый месяц. Весте с ночной прохладой вернулся озnob. «Ничего, на ходу согреюсь. С Богом!»: пожелал сам себе Михалыч.

...

Потрескивали дрова в печи. Давно не беленный потолок. Запах деревенской избы. Домашний, уютный. Михалыч с трудом сел, свесил ноги с полатей. Попытался встать, качнуло, закружилась голова от слабости.

- О, бабка, болезный-то наш, ожил. Не спеши, родимый.

Колобком из-за стола выкатился невысокий старичок. Кудловатая борода, всклоченные волосы на голове придавали ему вид домового. Весь он был какой-то лубочный, какой-то не настоящий. А возможно, что от слабости. От головокружения Михалычу мир казался нереальным.

- Не спеши, родимый. До ветру? Так вот валеночки, и овчинку накинь. Э, давай поддержку, а то и до порога не дойдешь.

Действительно, до порога Михалыч не дошел, бросило в пот, присел на табурет. Подождал, пока унялась дрожь. Со второй попытки вышел из избы. Двор припорощен снегом, яркое солнце сквозь голые ветви деревьев. Воздух.

- Э-э, родимый, иди, иди до хаты. Еще надышишься. Раз не вмер, то надышишься.

Слабость накатывала волнами. Как попал к старикам, сам Михалыч не мог вспомнить. По их словам, постучался в окно под утро. Постучал и упал. Ни слова они от него не добились.

Только стонал и пил, пил, пил. Словно вода из него вылетала вместе с тяжелым, хриплым дыханием.

Броньки – это от города верст десять. Как шел, не помнит. Помнит, как выходил из города, как ушел в лес, и всё. Дальше, как в чаще, – тьма и деревья.

Пить и сейчас хотелось. Пить и есть.

- Ты, Сергей, запивай бульбачку. Молока нет, а отколь оно буде, на всё село ни одной коровенки не осталось. А отвар от бульбачки полезный. Завтра грибной супчик сварю, а седни уж на бульбачци.

И так это «бульбачци» ласково выходило у бабы Хадоры, что картошка казалась лакомством, и картофельная юшка, слегка подсоленная, была необычно вкусна, или это только с голодухи так казалось Сергею.

Но самой главной новостью было для Сергея, что немцы ушли. Красная армия штурмовать город в лоб не стала. Южнее, форсировав Днепр, и севернее успешно продвинулись на запад. Немцы, избегая окружения, оставили его сами. Уходили спешно, сплошным потоком по дорогам, а малые деревни уже с приходом наших солдат узнавали, что сбежали фрицы, что их нет. Но и наши бойцы не задерживались, догоняя врага. Догнали, и фронт застыл километрах в двадцати западнее Бронек.

Как не стремился Михалыч и как неловко ему было объедать старииков, перебивающихся с картошки на редьку, отправиться в путь он смог только через неделю. Дорога была разбита. Навстречу ему тяжело месили снег с грязью полуторки, трехтонки, «студебеккеры», в сторону фронта везли боеприпасы. Догоняли пустыми, не останавливаясь, проносились мимо. Вышел на зорьке, навстречу всходящему солнышку, а в город входил, когда тень стала обгонять его. Разбитый, сожженный город жил. Жилой дым поднимался над крышами уцелевших хат, дымились трубы буржуек из полуразваленных домов. И это не был дым пожарищ, это был дым жилищ. Дымила труба и его избушки. Он рад был бы побежать, да к усталым ногам словно пудовые гири подвесили. Он оперся о ствол одинокой груши и смотрел на шевелящиеся тени в маленьком оконце. Кто там, ра-

зобрать было невозможно. Но тень была не одна, в сердце крепла надежда.

Раиска, обняв за шею, сидела на отцовских коленях. Евдокия скомканным платком то ли вытирала слёзы, то ли пыталась приглушить всхлипы. Жив. Живы. Живы.

Ночь промчалась сквозь слезы, рассказы, расспросы. Утром, при дневном свете, он рассмотрел, как изменились любимые им женщины. Раиска ничем не напоминала ту маленькую девочку, которая была в его памяти. Да и Евдокия изменилась, волосы щедро переплетены серебряными нитями, на худом лице жесткие складки у рта и только в глазах прежняя любовь и нежность, едва затуманенная болью потерь.

Сухой кашель надрывал грудь Михалыча. Едва принес пару ведер воды от колодца. Евдокия пыталась уложить его в постель. Он бы улегся и, возможно, после бессонной ночи уснул, но Раиа маленьким котенком льнула, ласкалась к нему. Она тараторила и тараторила, перескакивая с пятого на десятое. Рассказывала про партизанский отряд, про то, что уже ходит в школу, и опять про маму, которая лечила раненых. Потом полезла под топчан и вытащила сундучок и как великое сокровище показала мамину медаль. На одной стороне под серпом и молотом надпись «За нашу советскую Родину», на другой профили Ленина и Сталина, а по кругу «Партизану отечественной войны».

Вспомнил. Теперь Михалыч полез под топчан. Вытащил из угла мешок, в который были завернуты сумки с рацией и батареями питания, смотанный антенный провод. Встретив удивленный взгляд Евдокии, он сразу заторопился.

- Потом, Дуся, потом. Вернусь, всё объясню.

В церкви его встретила Глафира. Обрадовалась.

- А мы уж тебя похоронили. Батюшка, убивался. А Ленка-то, Ленка слезами изошла. Нас аж до Привожбора гнали, а там бросили, словно забыли. А людей в городе постреляли немерено. Всех, кто в городе остался, всех постреляли. Детей не жали. Наши в город вошли, а в нем только мертвые. Думали, и ты здесь остался.

- А я жив. Жив, Глафира. А отец Мефодий где? Мне с ним срочно встретиться нужно.

- Так уехал батюшка наш, уехал.

- Куда?

- Не знаю. Мы как вернулись, так в храме порядок стали на-водить. А на следующий день приехали за ним. Да еще Ленка в машине сидела. Шинелька на ней новая и вся такая ладненькая. Мне пять банок тушеники дала, хлеба. Дети же так и остались при батюшке. Да уже не при батюшке. В сторожке живут. А батюшка как уехал, так больше и не возвращался. Поцеловал, бла-гословил на прощание и боле я его не видела.

- Спасибо тебе, Глафира. Пойду я.

Так куда же ты пойдешь? В сарай свой? Живим в сторожке с хлопцами. Места много и теплее.

- Мои, Глафира, вернулись. Жена с дочерью. Дожидаются.

- Ой, а я, дура, разболталаась, задерживаю тебя. Ступай с Бо-гом. Евдокии поклон от меня передавай.

Этой ночью больше рассказывал Михалыч. Проваливался в небытие сна, выныривал. Слабый огонек лампадки у иконы освещал святой лик. Но этого света хватало, чтобы видеть заботливые, встревоженные глаза Евдокии. И он торопился рассказать, как жил без них, как тревожился за них, а почему отправил их одних. Сбиваясь, повторяясь, он рассказывал про задание, про рацию и связистку, про то, как сжег дом, про то, как уходил из города. Снова проваливался в мучительный сон. Посреди белого, белого поля заснеженный холмик с покосившимся кре-стом. «Иванко. Иванко» Шептали запекшиеся губы. Евдокия поила его взваром, обтирая лоб, лицо влажной холстиной. И слушала, слушала. Что-то отвечала, говорила, не важно, что. Просто понимая – ему нужно слышать ее голос, ему страшно от одиночества. Утром она хотела идти вместе с ним.

- Ты, Дуся, меня еще за ручку возьми, отведи к отцам коман-дирям. Не смеси людей. Не тревожься. Найду, доложусь, как положено.

Чем ближе к центру, тем больше развалин. С помощью пат-руля Михалыч отыскал комендатуру. От бывшего здания школы осталось одно крыло и вестибюль. Часовой у дверей только козырнул, когда Михалыч поздоровался с ним. А вот сержант, де-журивший за столом в вестибюле, дотошно проверил довоенный

паспорт и немецкий аусвайс. Подробно стал расспрашивать, зачем ему комендант. После не вполне ясных ответов поручил вызванному бойцу отвести Михалыча в кабинет уполномоченного НКВД. В свою очередь уполномоченный, выслушав его рассказ, связался со штабом фронта. Вскоре за Михалычом прибыли сотрудники СМЕРШа. Юркий виллис, крутнувшись среди развалин, выскочил к реке. Пропустив колону крытых брезентом машин, перескочили на ту сторону, съехали с большака, покружили по полям, подъехали к шлагбауму, перекрывающему проселочную дорогу, в небольшую березовую рощу.

Капитан в новеньких, еще не измятых погонах внимательно выслушал про майора, не называвшего ни своей фамилии, ни отчества, про отца Мефодия, исчезнувшего после освобождения города. Кто такой «Сороковой», почему Сороковой? Про тайники с шифровками. И никаких свидетелей. Вопросы, вопросы по кругу. Горло пересыхало, кашель накатывал, отпускал после стакана воды и снова подступал к горлу. После нескольких часов допроса капитан сдался. Михалыча поместили под караул, принесли котелок с пшенной кашей, добрый ломоть хлеба, чай. Когда за ним пришли, он мирно похрапывал, склонив голову на руки. В другой избе другой офицер величал его по имени отчеству.

- Сергей Михайлович, я майор Петров. Заместитель начальника фронта полковник Чурсин хочет лично побеседовать с вами. Но в данный момент он в войсках. Прибудет к вечеру. Пропросил вас обождать.

Отвык Михалыч от такого обращения. Ответить по уставу: «Есть»? Так обращались к нему как к сугубо штатскому.

- Я попрошу вас из дома не выходить. Если что-то вам будет нужно, попросите дневального на входе. Договорились?

- Договорились. Только дома меня заждались.

Не договорил, зашелся в кашле.

- А вот это непорядок. Придется вас показать врачу.

- Да у меня жена...

- Жена у вас фельдшер. А осматривать вас будет профессор.

Полковник Чурсин прибыл ночью. Устал, поэтому приказал Михалыча не будить. Хотя вопросов к нему было много, но – потерпят до утра.

- Ну. Здравствуй, здравствуй, дорогой Сергей Михайлович!

Через толстые стекла линз на Михалыча доброжелательно смотрели знакомые глаза. Полковник с тех времен, как был майором, изменился мало. Всё такой же плотный, с виду гладкий, как наливное яблочко. Разве что седины добавилось.

- Постарел, постарел пострел. Что бороду не сбреешь? И не узнал бы тебя.

- Недосуг было, товарищ полковник.

- Иван Владимирович. Без званий. А мы ведь тебя похоронили. Кого не расспрашивали, никто не видел тебя уходящим из города. И у твоей Евдокии были.

- Знаю. Спасибо, что помогли на первых порах продуктами. А ушел я в последний момент, из-под облавы. Отсиделся в ботинке, а ночью ушел. А потом месяц провалялся.

- Доложили уже медики, что крупозное воспаление у тебя было. Тебе сейчас в госпитале полежать. Обследоваться. Признаки плеврита у тебя есть, но без рентгена... Ну, понял, понял. Никто тебя насильно укладывать не будет. Пей чай да рассказывай. Кроме тебя Грача в городе в глаза никто не видел. Да никто и не знал, кто он. А он старый мой знакомый. Еще в Испании вместе воевали.

- Иван Владимирович, так и я с ним не беседовал. Передаст сообщение и исчезнет. Кто? Откуда? В последний день перед уходом передал сообщение. Я его в склепе спрятал.

- Что де ты молчал. Где? В каком склепе?

- Так без меня не найдете.

- Едем. Едем. Чай потом допьем. Будет тебе и чай, и рюмка к чаю.

В трофеином «Бенце» Иван Владимирович направлял разговор в русло о быте, о том, как жил город в оккупации. О ценах на продукты, в марках, рублях, товарный обмен – шило на мыло, мыло на сало. О жизни самого Сергея Михайловича.

Слово за слово, рассказал Михалыч о том, как сжег свой дом.

- Так, значит, доктор Зайлер твоя работа. Палач, садист – эксперименты в госпитале проводил над нашими людьми. Всё больше интересного я от тебя узнаю.

Приняв из рук в руки баночку, Иван Владимирович не стал ее открывать.

- С этим специалисты разберутся. А сейчас заедем к тебе. Супругу успокоим, да и рацию забрать надо. Имущество казенное.

- А я?

- А тебе придется еще у меня погостить. Наш разговор – это беседа двух друзей. А придется тебе всё в письменном виде оформить. Какой протокол? Рапорт, дорогой ты мой. Рапорт! И протокол. Подписку о неразглашении с тебя взять придется. Ты отвоевал, а друзья еще сражаются. И врачи тебя понаблюдают, подлечат. С плевритом не шутят.

Только через неделю вернулся он к семье. И был праздник. Михалыча щедро снабдили продуктами. Пригласить бы соседей, угостить. Но как черная кошка пробежала между ними. Ни Настя, ни Степан, тоже вернувшиеся после освобождения, ни разу не заглянули к Евдокии. Степан ходил в героях. С тросточкой, прихрамывая на раненую ногу. Впрочем, Бог им судья. И всё бы было бы прекрасно. Было бы... Евдокия еще в первый вечер рассказала Сергею о смерти сына. Та зимняя ночь белыми прядями вплелась в ее косы, залегла глубокими морщинами на лице. Михалыч тоже не стал моложе. Бороду сбрил, и от этого еще сильнее стала видна его худоба, запавшие глаза и лихорадочный румянец. Еще не старики. Побитые, поколоченные жизнью,войной. Живы – и это праздник. Праздник поминовения и праздник возрождения. Жить, надо жить. Приглушенно вздыхали басы:

А в саду при долине

Тихо пел соловей,

А я мальчик при чужбине

Позабыл всех друзей.

Плакала, печалилась гармошка. Слова лились с болью. Бывает, что боль лечит. Боль, пережитая не в одиночку, разделенная с близкими.

Как умру я, умру я,

Похоронят меня

И никто не узнает,

Где могилка моя.

К одинокой могилке
Да никто не придет,
Только раннею
Соловей пропоет.

Заснула под негромкую грусть Раиска. Зажала в кулаке карамельку. На щеке блестел след от слезинки. В уголках губ робко пробивалась улыбка. Счастливые сны у детства.

Полковник свое слово сдержал. Командовал строительством плотный, коренастый старшина. Солдаты свое дело знали, приработались, и как Михалыч не старался им помочь, везде оказывался лишним. Скатывали бревна с грузовика, едва успел отскочить. Взялся за топор, пазы выбирать, так и здесь старшина турнул в другую сторону. Относился к нему старшина уважительно (не каждому дом ставят по приказу командующего фронтом), величал по имени-отчеству. Расспросил, каким Сергей Михайлович дом видит, где будет печка стоять, сколько окон во двор, сколько на улицу. А дальше работа закипела.

Нашел и Михалыч себе занятие. Сидел в сторонке, перебирал кирпичи от разобранной печи, очищал, обколачивал старый раствор. Евдокия поставила большой горшок картошки, сбегала на базар, выменяла четверть самогонки. Вторым рейсом ЗИС кроме бревен привез доски, несколько тюков пакли. Бойцы работали с удовольствием. Сколько за войну они возвели блиндажей, дотов, землянок. И если не были они разрушены снарядами или бомбами, всё равно бросались, сначала, когда отступали, потом, когда гнали, догоняли врага. А этот дом строили, словно для себя, не для войны, для жизни. Среди работы находили время и с хозяйкой пошутить, и Раечке доброе слово сказать. Так и тянулись загрубевшие руки погладить ребенка, приласкать. Обедать устроились у костра, во времянке всем при всём желании было не разместиться. Картошка в мундирах, огурцы, капуста квашенная, «второй фронт» в банках и, естественно, фронтовые сто грамм. Засиживаться старшина не дал. Венец на венец, поднимался сруб. Вот уже по пояс, вот уже бревно вчетвером выше плеч закатывается. Глаза боятся – руки делают – дело спорится.

Со злобой смотрел в окно на соседа, на сидящего верхом на верхнем бревне молодого солдата, Степан. В закатном солнце яркой бронзой сверкало лезвие топора, золотистая щепа из-под него падала на снег.

- И... Раз.

Матица легла наверх сруба.

- Нет, я это так не оставлю. Я этого кульгавого выведу на чистую воду. Я кровь проливал, а он немцам подметки прилавивал. Я в горком пойду. Я коммунист, я не буду смотреть, как немецкому прихвостню счастливую жизнь устраивают.

- Уймись, Степан. Ты кровь проливал, а кто как не Дуся твои раны перевязывала? И сына она потеряла.

Зря она это сказала, про сына-то. Незаметная для окружающих беременность давно стала ее радостью и ее болью. Степан и бил, и колотил ее, но она так и не призналась, от кого забеременела. Снасильничали, когда он ушел в партизаны, немцы. И снасильничали и из избы выгнали. А ты где был, что с собой не взял? О том, чтобы идти до бабки, избавиться от ребенка, она и слышать не хотела.

Степана разговоры о детях бесили.

- Потеряла, потеряла. Может, и потеряла. Кто знает, от чего он умер, а может и не умер? Бросила, когда бежала. Сидела бы, дура баба, дома, и дите бы живо было. Вон, кульгавый отсиделся в своей будке. Ему война как мать родна. Нет, я это так не оставлю. А ты лучше молчи. Вдовых сейчас пруд пруди, да и в девках сколько останется. Выкину я тебя с твоим выблядком.

А за окном, через улицу над срубом уже сколачивались шатром стропила, по потолочным доскам звонко стучали каблуки солдатских сапог.

На новоселье соседи шли со своей закуской. Пока строили, солдаты успели перезнакомиться почти со всей улицей. На склоненном столе небогатая снедь, зато тесно на лавках. Жарко не от печки, а от тел, жадно лынущих друг к другу. Жарко от танцев. Заливается, поет гармошка в руках Михалыча. Перепевают, дразнят друг частушками.

Эх, Лявиониха

Да баба хитрая.

Обманула она всех
И даже Гитлера.

Эх, Лявиониха
Не жинка была,
А с войны меня
Любимого ждала.

А в ответ:
А я Лявиониха,
Да баба жаркая,
До милого своего
Я дюже жадная.

Город еще долго будет восстанавливаться после войны. Но этот первый дом, стоящий в начале улицы, по праву будет домом номер один.

...
Злость да зависть лишают человека разума. Степану бытьтише воды, ниже травы, так нет же, давит злоба. Вроде у самого всё в порядке – живи да радуйся, что жив остался. А у соседа лучше. В чужой руке кусок хлеба всегда толще, чужая жизнь слаще.

Не на эту должность рассчитывал Дзюба, второй секретарь горкома. Конечно, призывать приложить все силы для окончательной победы над врагом – это не свои силы прикладывать. Но в то же время идеология – опасная штука. Глаз да глаз нужен. И не только глаз, но и уши, да и вообще, всегда надо нос по ветру держать. Роль горкома, когда в городе разместилось правительство республики, сводилось к точному исполнению входящих, всякая инициатива в партийной работе наказуема. А идея для проявления инициативы у Дзюбы было с избытком. Сейчас, когда вся страна ведет тяжелую, смертельную битву с фашистским агрессором, не может быть никакой речи о восьми часовом рабочем времени. Все, от двенадцатилетних подростков до седых стариков, должны работать на восстановлении разрушенного войной хозяйства. Всё для фронта, всё во имя победы! Продукты выдавать только тем, кто работает и непосредственно на рабочих местах. Отработал – получи. Армейская дисциплина. Трудовая армия. От дальнейших размышлений его прервал приход Степана.

- Заходи, заходи, всегда рад боевому товарищу!

- Здравствуйте, Владимир Иванович. Это что же такое происходит? Я кровь проливал, а тот, кто в оккупации немцам подметки лизал, жиরует. Я что, для того в партию вступал, чтобы любоваться, как этот боголюб жил, как в раю, когда весь народ надрывается?

- Ты не суетись, ты спокойно докладывай, кто да что. А партия разберется.

- Кто, кто? Любезный вам Скрипаченко.

- А что, Скрипаченко? Инвалид. Какой из него вояка?

- Да не о том я. Не воевал, и ладно. А что он Вам сказал, когда вы его о помощи подполью просили? Забыли? В церковь всё ходил. Христосиком прикинулся. А батюшка ведь вместе с немцами исчез. Его ведь после освобождения города никто не видел. Не зря исчез. Не зря. А этот кульгавый, когда все, инвалиды, бабы, дети завод восстанавливают, себе хоромы строит. А на какие шиши? Научал в оккупации. Вот и надо выяснить, на кого он стучал и кому.

- Интересно. Интересно ты рассказываешь. Мне он еще до войны не нравился. Я думал, что его арестовали, сам его отвозил в органы. Видно, упекли, а тюрьму эвакуировать не успели.

Почесав затылок, Дзюба вырвал из середины ученической тетради два листка.

- Пиши. На кого? Да на мое имя. Я сам передам по инстанции. Подпись поразборчивее и дату.

В освобожденном городе работа уполномоченного напоминала жизнь белки в колесе. Крутился, как собака, гоняющаяся за своим хвостом. Областное управление еще только создавалось. Гражданское население прибывало в город со всех четырех сторон. С освобожденной территории, из сожженных деревень, из эвакуации. Комиссированные из госпиталей пытались найти себе пристанище. Город, считавшийся прифронтовым, был переполнен тыловыми частями. Никто не сомневался в том, что в нем работает вражеская агентура. Военным контингентом занимался СМЕРШ. А штатским? Все. А спрос с него.

«Уполномоченным НКВД впредь на территории, освобожденной от войск противника, при проведении чекистских меро-

приятий, обеспечивающих очистку тыла от вражеских элементов, подвергать аресту:

а) шпионско-диверсионную и террористическую агентуру германских разведывательных органов.

б) участников всех организаций и групп, оставленных немецким командованием для подрывной работы в тылу Красной Армии.

в) содержателей нелегальных радиостанций, складов оружия, подпольных типографий.

г) лиц, сотрудничавших с оккупационным режимом, изменников и предателей.

д) членов националистических партий, руководителей молодежных фашистских организаций

е) руководителей областных, городских и районных административных органов, а также редакторов газет, журналов и авторов антисоветских изданий».

ж) уничтожать на месте преступления, в соответствии с приказом НКВД СССР № 0061, лиц, уличенных в совершении террористических и диверсионных актов».

Это не полный список его обязанностей из приказа об уполномоченных НКВД.

Арестовать, уничтожить. Кого? Город для него – муравейник. Люди все, как муравьи, – одинаковые. Опереться. На кого. Милиция и та состоит вся из прикомандированных да демобилизованных. Местных – раз, два и обчелся. Работа всех органов строится на информаторах. Так их надо найти. Да таких, чтобы обладали этой информацией, а не высасывали ее из пальца. Облавами да операциями по уничтожению банд из бывших полицейских пусть занимается СМЕРШ. Это войсковые операции, а ему надо знать, чем дышит, чем живет город. Люди, вот его забота. И старлей не сидел в кабинете. Мотался на трофеином мотоцикле из одного конца города в другой. Знакомился с руководителями восстановляемых предприятий. С трудовыми коллективами, с его партактивом. На одном из собраний его и разыскал Дзюба.

- Я уже второй день ищу вас, товарищ старший лейтенант.

- Извините, товарищ секретарь, служба. Слушаю вас.

- Не здесь. Давайте или к вам заедем или ко мне. Но лучше к вам. По вашему ведомству поступил сигнал. Мне тоже есть чем его дополнить.

Учить говорить идеологически правильно того, кто работал инструктором в обкоме партии, не надо. И о бдительности, и беспощадной борьбе с врагами Родины. А в качестве фактов, неблагонадежность Скрипаченко еще в предвоенный период, о его отказе от участия в борьбе с оккупантами, о подозрительных связях с настоятелем церкви, который, кстати, подозрительно исчез. И о строительстве дома, неизвестно на какие средства, когда весь народ всё до копейки отдает в фонд обороны.

Старлей внимательно выслушал Дзюбу. При нем завел дело, зарегистрировал заявление, показания и, проводив секретаря горкома, почесал затылок. Вспомнил он этого Скрипаченко. Вспомнил, что его забрали СМЕРШовцы, а они работать умеют. И работать с ними лучше в одной связке, а не копать под них. Отсутствие лавров на голове лучше, чем отсутствие самой головы.

О своем решении он не пожалел. Несмотря на поздний час, приехавший майор дотошно расспрашивал его о разговоре с секретарем горкома. Особенно всё, что касалось в заявлении отказа Скрипаченко служить подпольщикам (кто и как пытался вовлечь в подполье), о том, что было известно Дзюбе об отце Мефодии. Напоследок посоветовав крепко-накрепко забыть о Скрипаченко, забрал дело и поблагодарил за службу.

Майору Петрову от полковника досталось. Попенял Иван Владимирович и на себя.

- Расслабились. На своей территории. Вроде бы кто такой Скрипаченко, а ведь связали его с отцом Мефодием. Хорошо еще, что наши товарищи решили перебдить. Кстати, заявление интересное. Ведь тот, кто его писал, тоже в городе находился. Так что наши ли товарищи? Ты, майор, попроси СМЕРШевцев проверить, почему это они такую бурную деятельность развили против инвалида. Чем он им помешал?

- Есть, товарищ полковник.

- Вот, что еще. Подбери корреспондента, и, что можно, о зверствах Зайлера расскажи, пусть напишет о незаметном герое, уничтожившем изверга. В нашей фронтовой газете, в местной прессе –

народ должен знать своих героев. И ни у кого вопросов не будет возникать, за какие заслуги Скрипаченко построен дом.

...

Раечка недолго радовалась своей отдельной комнате. Веселые квартиранты появились рано утром. Представились хозяйке и сообщили, что по разнарядке военкомата определены к ним на постой. Аэрором, на котором дислоцировался полк дальней авиации, располагался в получасе быстрой ходьбы. По ночам самолеты тяжело пролетали над крышами. Но жители научились отличать равномерный гул своих самолетов от подывающего рева вражеских. Да и фашисты после нескольких неудачных попыток бомбардировок давно отказались от налетов на город. Люди перестали пугаться бомбажек, забыли, что такое выскакивать из домов по ночам, прятаться по погребам и щелям.

Квартиранты-летчики, два капитана по ночам уходили на службу, а днем отсыпались. Евдокия работала в госпитале, а Михалыч вернулся на завод. С хозяевами пилоты виделись редко. Но однажды, дождавшись Михалыча с работы, вышли к нему с газетой в руках.

- Извини, Сергей Михайлович, не знали, что ты у нас герой. Выпили бы с тобой, но извини, служба. А магарыч с нас. Так что не побрезгуй, это не только от нас. Это от всего полка. За твой подвиг поклон тебе от всех.

Капитан достал из вешмешка и взболтнул в воздухе фляжку.

- Это от нас, а в придачу от всех.

Водрузил мешок на стол. Рядом положил газету.

- А ты батькой гордись. Такого гада уничтожил.

Едва они вышли, Раиска первой схватила газету. Очерк был большой, почти во всю вторую страницу. Фотография отца, в ватнике с ломом в руках разбирающего завал на заводе. Читала Раиска не быстро, но с выражением, как учили в школе, высоким, чистым голосом. И от того, что о зверствах изверга в белом халате, под которым скрывалась эсэсовская форма, читал ребенок, эти зверства казались еще ужаснее. Сухие цифры, сколько миллилитров крови можно получить с ребенка. Расчеты, что экономически выгоднее, взять всю кровь за раз или многократно, проводя восстановительные мероприятия. Доказательства,

что при обилии людского материала тратиться на его восстановление необходимости нет.

Если бы Зайлер остался жив, то он вывез бы все материалы. Но с его смертью они оказались бесхозными и при эвакуации немцы просто забыли о них. В медицинских карточках описывались опыты Зайлера по лечению обморожений, ампутаций конечностей, методы по замене ампутированных пальцев, кистей. Фамилии отсутствовали, только номера. Зато много фотографий частей тела, ран. Описания операций, где, имитируя осколочное ранение, конечность отрубалась топором, пулевое – кость дробилась стамеской. Методика лечения, процесс заживления колотой и рваной ран. Если бы Зайлер остался жив, он и дальше продолжал бы свои бесчеловечные опыты над советскими людьми – военнопленными, крестьянами и жителями города, схваченными в облавах. По его приказу отбирались физически крепкие, здоровые экземпляры. Сотни людей, от которых остались только номера в карточках.

Всего десять минут разговаривал корреспондент «Красной звезды» с Михалычом, но сумел описать в очерке так, что перед глазами встала студеная ночь, пламя, рванувшее в темноте из сеней, жадно обнявшее политое керосином строение. Фашисты, мечущиеся по двору, и жар, не подпускающий никого близко к дому. Страшна справедливая месть разгневанного народа, страшна была смерть изувера. Но ведь его жизнь была еще страшнее. Для исполнения приговора над палачом не пожалел бы Сергей Михайлович своего дома, как не пожалел бы и своей жизни. Дознайся фашисты о поджоге, не избежать бы ему лютой смерти в застенках гестапо.

Очерк перепечатала и только что начавшая выходить областная газета. Но это ничего не изменило в жизни Михалыча. Он так же каждое утро уходил на завод, где ударно трудилась его бригада. Никто не назначал его бригадиром, сами рабочие сплотились вокруг него. Шуткой, улыбкой он умел приободрить, но умел и приказать, и заставить работать через силу. От темна до темна, на скучном пайке, они поднимали из руин родной завод, свой город. Но совсем недалеко, в сотне километров шла война. В лесах, покинутых партизанами, бродили шайки фашистских

недобитков. Оккупанты оставили после себя не только разрушенные города и сожженные села. Страшнее то, что остались те, кто не успел уйти с фашистами, кто ждал их возвращения. Они нападали на отдельные машины, на военнослужащих, совершали набеги на села.

Хватало работы смершевцам. Вновь образованному областному Управлению НКВД кроме борьбы с шайками приходилось заниматься расследованием преступлений, совершенных в годы оккупации фашистами и их приспешниками. Разгром подполья не мог быть объясним только неопытностью подпольщиков. Здесь чувствовалась работа провокаторов, умело направляемая гестаповцами. Розыск предателей – кропотливая трудоемкая работа. Сотни свидетельских показаний, документов партизанского архива, приказов и распоряжений. Уполномоченный НКВД уже давно не садился на свой мотоцикл. Его мечтой было выбраться из-за стола, оторваться от бумаг. А за окном набирала силу весна. Город готовился к встрече Первомая. На месте гибели тысяч людей был открыт мемориал. Русские, евреи и белорусы, цыгане и украинцы лежали в одной земле. На скорбный митинг собирались почти все жители города. От старого кладбища наплывал плач колоколов. С митинга на поминальный молебен Семёныч пришел вместе с Раей и Евдокией. Всех желающих храм не вместил. Каким-то чудом они оказались внутри храма у самого амвона. Рая ловила каждое слово батюшки. Они звучали непривычно, и поэтому еще большей печалью переполнялось ее детское сердечко.

«Господи. Боже наш, в вере и надежди живота вечнага преставившихся рабов Тваих, невинно убиенных братьев и сестер наших и яко Благ и Человеколюбец ослаби, остави и прости вся вольные их согрешения и невольныя, избави их вечныя муки и огня геенского и даруй им причастие и наслаждения вечных твоих благ».

Пламя свечей радугой плыло в заплаканных глазах. У каждого было свое горе. Но здесь оно становилось общим. Рая вспоминала Иванушку и понять не могла, какие такие грехи у него были перед непонятным ей Богом и перед людьми, окружавшими ее.

«Даруй им благость Твою, уготованную любящим Тя, аще не отступи от тебя, православно даже до последнего издохания исповеда».

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

При этих словах все вокруг стали креститься и бить поклоны. Неумело, робко перекрестилась и Рая. В школе учили, что Бога нет, но здесь в храме всё было таинственным. Запах ладана, восковых свечей. Мудрые лики старцев на иконах и любовь, исходящая от Богородицы с младенцем Иисусом на руках.

...

В свободное время Сергей Михайлович переписывал Библию. Подарок отца Мефодия. Довелось им встретиться. Пригласили Сергея Михайловича в военкомат для вручения ордена. Закончилась Белорусская операция. Город стал глубоким тылом. Войска вышли к границе и снова застыли, подтягивая тылы, пополняя поредевшие части. Полковник Чурсин нашел время, чтобы отвезти награду Скрипаченко. На группу отца Мефодия наградные ушли сразу после освобождения города. В сорок четвертом на награды не скупились. Награждены были все, но даже за короткий срок. Не все их дождались. Погибла Елена. Самолет, на котором она отправлялась с очередным заданием, был подбит над линией фронта. Никому спастись не удалось. Кого-то призывали в армию, и разыскать их пока не удалось. Отец Мефодий, получивший приход в приграничном районе Брестской области, тоже изъявил желание съездить в родной город. Поклониться могиле супруги. Забрать тот невеликий скарб, который остался под присмотром Глафиры.

Что испытал Семёныч, получив в руки коробочку с орденом Красной звезды? Радость, гордость? И то, и другое, что-то еще – чему не нет слов. Еще больше обрадовался встрече с отцом Мефодием, у которого на черной рясе рядом с наперсным крестом был приколот орден Боевого Красного Знамени.

Глафира расстаралась для дорогих гостей. Скромный ужин приготовила со всей душой. Охала и ахала, что не может поехать с батюшкой. Жаль детей бросать, уж очень привязалась старушка к ним. И новый настоятель тоже к ним хорошо относится. Да только грозят их в детский дом отправить. Негоже, дескать, воспитание советского подрастающего поколения доверять церкви.

С этого и начался их разговор, с недоумения Михалыча.

- Как же так? Значит, во время войны спасла их церковь, выходила, а воспитывать недостойна. Вот вы, отец Мефодий, в Бога веруете, а коммунистам служите.

- Не коммунистам я служу. Родине. Народу. Я в революцию осознанно пришел. Думаешь, жизнь батюшки медом намазана была? Приход бедный. Это архиереи за царя-батюшку были, а я с голытьбой жил, за нее Богу молился. Раскол в церкви еще до революции был. Тут война с германцами. Еще та, империалистическая. Затем гражданская. Город и тогда под немцами оказался. Кому служить? Не было у меня такого вопроса. Народу. Так служил и служить буду. Я почему, думаешь, в западные районы попросился? Народ там забитый. Да еще православных за людей не считали. Униаты, католики. Банды в лесах, Бандеровцы. А это наша земля.

- Отец Мефодий. А что католики или униаты, как вы говорите, не тому же Богу молятся, что и мы? Они же тоже христиане.

- Христиане. Только их Христос в Риме живет. И они туда же смотрят. Ты думаешь, война только между фашизмом и коммунизмом идет? Война за души людей еще до рождества Христова была. А продаст человек душу, и нет для него ни Родины, ни его народа. А душа народа в вере. В той вере, которая учит любви. С этой верой народ и на самопожертвование пойдет, не ради искупления своих грехов в лучшем мире, а ради жизни в этом. Сложно всё объяснить. Я лучше подарю тебе книгу книг. Читай, сын мой, Библию. Всё, что было в ней описано, и всему, что произойдет, в ней объяснение найдется.

Библия была написана на старославянском языке. Михалыч не просто переписывал в толстую амбарную книгу, а переводил ее на современный язык. А устав переписывать, читал ее по вечерам родным. Ветхий завет воспринимала Раиса, как сказку. Адам и Ева, Каин и Авель, Давид и Голиаф. Они были для нее – герои сказок. Отец не заставлял ее молиться, но она видела, что нет-нет, и мать перекрестит лоб. Им было за что благодарить Бога.

...

Настя родила мальчика. Родила благополучно. С утра, чувствуя, что время, она перешла дорогу и села на крылечке при-

емного покоя. В больнице разместился госпиталь, но не отказывали в медицинской помощи и гражданскому населению.

Детский первый крик – это не стоны умирающего. Плач младенца вызвал улыбки у выздоравливающих бойцов, греющихся под нежным весенним солнышком. Весна. Возрождение.

- Мальчик.

Весело чирикнула пробегающая мимо них санитарка.

- Мужик! В нашем полку прибыло. Анечка, за здоровье мужичка! Накапала бы нам по...

- А это не ко мне. Это вы к Евдокии Семёновне.

- У-у, – глубокое разочарование отразилось на лицах раненых. – У-у, у этой партизанки наркоза для души не выпросишь.

- Не говори, Иван, она в партизанах, рассказывают, без этого самого наркоза ножовкой могла ногу оттяпать по самое не балуй.

- Она могла. А вы сможете? – заступилась Анечка за старшую медсестру. – И можно подумать, вы не найдете, если приспичит. А вообще это здорово, что дети рождаются. Война кончится, буду только детей лечить!

Степан посмотреть на ребенка не пришел.

Став, не без помощи Дзюбы, партторгом завода, он дневал и ночевал на заводе. К праздникам должна была выйти первая партия сеялок. Дело политически очень важное. Не гранаты и патроны, не минометы, а именно плуги, сеялки. Еще гремит война, еще завод лежит в развалинах, а страна думает о будущем. О предстоящем севе. Об урожае.

Всё идет хорошо у Степана, а нет ему покоя. Гложет, гложет. Не совесть. Гложет, гнетет беспокойство. Не может найти душа себе место. А если человек не на своем месте? И слова говорит правильные, и работает за троих, а не на своем месте. По ночам встают перед глазами и еврейский мальчик, которого он зашвырнул обратно в толпу приговоренных, и пылающая деревня. Бабы и дети на окровавленном снегу. Не веря в расписки и клятвы, кровью повязывали фашисты своих пособников. Вот только расписки предатели подписывали не своей кровью, а кровью невинных жертв. На этом или на том свете, но придется платить.

Не от совести, от своего страха он еще больше озлоблялся на соседа. Жизнь у Кульгавого с шутками-прибаутками, да всё

во благо. Дом сгорел, так еще лучше построил. Войну в будке сапожника просидел – сейчас в героях ходит. Дунька? Ишь, старшина! Медалькой партизанской посверкивает. И летунов к нему подселили. Конечно, чужие в доме... А свой паек они к нему несут. Живет Кульгавый – сыт, пьян и нос в табаке, на гармошке наяривает. Правда, Дзюба сказал, что на Степана тоже подал наградной лист. Смотришь, не медальку, орден дадут. Утрут он нос Кульгавому.

...

СМЕРШ. Страшное слово. Смерть шпионам. Сразу ассоциации: стрельба, засады, погони. Было, было. Но больше – бумаги, бумаги. Допросы преступников, показания свидетелей, характеристики партийных и советских органов. И вот, к примеру, у того же Тищенко П.Д. уж очень они разнятся. Его сослуживцы по полиции описывают его как верного пса фашистов. Принимал активное участие в карательных операциях, лично расстреливал советских граждан, и тут же наградной лист, заверенный комиссаром партизанского отряда, о его работе в подполье. О борьбе с фашистами в партизанском отряде. Вот только никого из членов их подпольной группы в живых не осталось. Одни погибли при проведении операций, другие замучены в гестапо. А двое оказались агентами гестапо и были убиты, оказав сопротивление. Одного из них при задержании убил лично Тищенко. Вопросы. Вопросы.

Гости по-хозяйски расположились на кухне, правда, свет не включали. Свет фонарика, направленный в лицо, ослепил Степана. Попытался он развернуться и выскочить в дверь, но сильный удар сбил с ног. Навалились, выкрутили руки назад. В темноте, пнув несколько раз под ребра, чтобы вел себя спокойно, усадили на табуретку.

- Гражданин Тищенко. Вы арестованы. Советую вам добровольно выдать членов вашей диверсионной группы, хранящееся у вас оружие, средства связи.

По этим вопросам Степан понял, что ничего конкретного у чекистов на него нет. Никакой группы не было, ни с кем он не связан и никаких средств связи у него нет. Оружие? Оружие было. Пара пистолетов и немецкий автомат. Зачем хранил? Так, по неизменной мужицкой привычке: «Хай буде».

Оружие он выдал сразу. Всё равно найдут, только больнее будет. От остального отпирался. Отпирался и в кабинете следователя. Да, был в полиции. По заданию подпольного обкома партии. Да, принимал участие в карательных акциях, но никого не убивал, стоял в оцеплении. А о карательных акциях заранее предупреждал партизан, поэтому и жертв было меньше, чем могло бы быть.

Упорства Степана хватило на три дня. Сейчас он жалел, что не тех полицейских застрелил. Те, кого он убил, не участвовали в расстрелях, не ездили на акции, и вообще не служили, а отбывали повинность и не были бы свидетелями. Ну, сказали бы, что он выслуживался перед немцами. Так это по заданию. А те, кто выжил и не сбежал с немцами, уж очень подробно описывают каждую акцию.

Кроме показаний свидетелей очень убедительными аргументами оказались кулаки следователей. Кулаками с него выбили показания на Дзюбу. И правда Дзюбы, что не он привлек Тищенко к работе, а тот сам пришел со своей группой, и не он рекомендовал Степану устроиться в полицию, а тот уже до этого служил там, уже не казалась правдой.

- Да, не проявил бдительность. Да, виноват. Виноват. Но не сотрудничал я с фашистами.

Доказать этого он не смог и спустя какое-то время перестал отпираться. Теперь следователю приходилось отсеивать всех, кого Дзюба называл, как членов фашистского подполья, оставленного немцами в городе.

Процесс был показательным. Судили полицейских, старост, предателей Родины. Суд был скорым, приговор суровым. Троим участвовавшим в казнях советских граждан приведен в исполнение немедленно.

О казни Степана Настя узнала от следователя. На допрос ее привезли вместе с ребенком. У капитана с медалью «За боевые заслуги» не выдержали нервы. Ребенок кипролизничал, пришлось менять пеленки, успокаивая младенца, она покормила его, а лейтенанту пришлось смотреть в окно на пустой тюремный дворик. Это не допрос, а издевательство. Да, муж этой женщины преступник, враг. Но какой из нее враг? Кому? Родине? Так она мать.

И для ее ребенка Родина – мать! Она что, своему ребенку враг? Всё это лейтенант, несмотря на свою молодость, понимал, как понимал и то, что, прояви он сейчас мягкотелость, и его могут обвинить в пособничестве врагу. Единственный выход был в том, чтобы, не передавая дело в трибунал, обойтись административным наказанием. Ссылка в Сибирь, в Казахстан на поселение, это всё-таки лучше, чем лагеря, о чем он честно сказал Насте. Ее право не соглашаться в обвинении о недобросовестстве, но тогда следствие, тюрьма, суд, приговор. Или же завтра ее этапируют на Восток, причем как добровольную переселенку, то есть без конвоя, только с предписанием.

Весна робкой зеленью пробивалась сквозь развалины. Там нежная травка пробилась сквозь кирпичную труху, здесь покалеченное дерево зазеленело одной уцелевшей веткой. Не до весны, не до улыбающихся людей, попадавшихся ей на встречу, Насте не было никакого дела. Хоть в петлю лезь. В петлю. В петлю.

Придя домой, среди беспорядка, учиненного обыском, она лихорадочно собирала вещи, которые ей понадобятся в дороге, понадобятся там, на новом месте жительства. А что там – на новом месте? Кто ждет ее? Кому она там нужна? И ребенок, что его там ждет? Ребенок. Ребенок. Нет, не такой жизни и доли она для него хотела. Чтобы рос в глухи, в Сибири, как варнак. Чтобы всю жизнь его шпилили тем, что батька предатель, кат, фашистский прислужник? Нет!

У соседей через дорогу, у людей, ближе которых когда-то для нее никого не было, сквозь ставни пробивался свет. Не спят. Она не стала стучать, по-свойски открыла дверь и, не поздоровавшись, не замечая никого, положила сверток с младенцем на кухонный стол. Повернулась и уже в дверях зло выматерилась.

- Забирайте своего вы...ка! Ты, Дуська, не сомневайся, твой, твой нае...л. Вот и ростите. Прощавайте.

Ушла и сгинула.

...

Коротка людская память. Особенно на плохое, тяжелое. А как иначе. Если бы хранил человек в своей памяти всю горечь и

боль потерпеть, то выгорела бы его душа дотла. Верой, надеждой, любовью живет человек. Четыре года. Для кого-то всё – и жизнь, и смерть, а для живых на всю оставшуюся жизнь – четыре года беды. Пасха в сорок пятом году выпала на 6 мая. Страстная неделя. Бойцы Красной Армии в Берлине добивают фашистскую гадину. С верой, с надеждой, с любовью пришла весна. С верой в победу, с надеждой, что живыми вернутся те, чьи письма с фронта читали вчера. С любовью. Весна всегда приходит с любовью.

Накануне Сергей Михайлович установил на углу улицы крест. В свободное время он вытесал его из бревен, оставшихся от постройки дома. Освятили икону Спасителя, повязали вышитый рушник. Кто-то с сомнением смотрел на его затею. Сломают. Власти прикажут убрать.

- Не уберу. Сломают. Снова поставлю. Это... это....

Не договорив, Михалыч махнул рукой и ушел во двор. За калиткой утер непрошеную слезу, присел по своей привычке на ступеньку крыльца. Свернул самокрутку. Что сказать им, людям? О войне? Так они ее пережили. О потерях? Так Марья сама на мужа и сына похоронки получила. У Петровны дочь в гестапо сгинула. Да разве найдется хоть одна семья на их улице, в городе, у которой не было бы своего горя. Горе. Общим оно было, общим. И счастье, редкое, как чудо, становилось общим. Грело, радовало всех.

Было и у Михалыча свое горе, свое счастье. Свое маленькое годовалое чудо. Иванко. Свое горе – Иванушка. В память и на счастье поставил он крест. И никому и никогда он не даст пошатнуть свою веру. Веру в счастливую светлую жизнь.

P.S.

Прошла четверть века. Потемнел от времени крест, но как прежде был бел вышитый рушник и также с любовью смотрел на людей сверху Спаситель.

Содержание

У страха рога велики	3
Ревизор	17
Две встречи	88
Памятный день	102
Срок давности	108
Чемпион	113
Самосуд	129
Стервы	139
Земляк	193
Золотая рыбка (сказка о рыбаке)	204
Репка	208
Гордость	244
Предзимье	254
Болото	267
Иванкин крест	316

Георгий Баль

У страха рога велики

Рассказы

Подписано в печать 12.08.2016 г.

Объем 24,3 уч.-изд. л. Формат 64x90 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ №3789.

Отпечатано в типографии ИП Колмогоров И.А.,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.: (3852) 36-82-51, concept-print@yandex.ru
www.concept-print.ru